ТАКОЙ НЕНАДЕЖНЫЙ МИР

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ
ФАНТАСТИКА

ТАКОЙ НЕНАДЕЖНЫЙ МИР

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ
ФАНТАСТИКА

СБОРНИК
ЗАРУБЕЖНЫХ
ДЕТЕКТИВОВ

ТАКОЙ НЕНАДЕЖНЫЙ МИР

Издательство «НОВГОРОДСКАЯ ПРАВДА»
МОСКВА
1991

ББК 84.7
Т 15 (англ. /франц.)

Серия «Приключения — Детектив — Фантастика»

Коллегия составителей:
А. С. Белоконь, Л. Н. Морозова, А. Н. Хоружин,
Л. Н. Хоружина (отв. секретарь), *О. А. Хоружина*

Составитель сборника *Л. Ф. Корнеева*

Художник *Л. Х. Насыров*

Сборник составлен, оформлен и подготовлен к печати
МП Производственно-творческим объединением «Скит»
(г. Новгород)

Такой ненадежный мир: Сборник зарубежных детективов: Пер. с англ. и франц.—
Т15 Новгород, изд-во «Новгородская правда», 1991.— 445 с.

В сборник включены произведения двух американских мастеров остросюжетного жанра Рэймонда Чандлера и Шарлотты Армстронг, а также прославленного мэтра европейского детектива — Жоржа Сименона. Книга рассчитана на массового читателя.

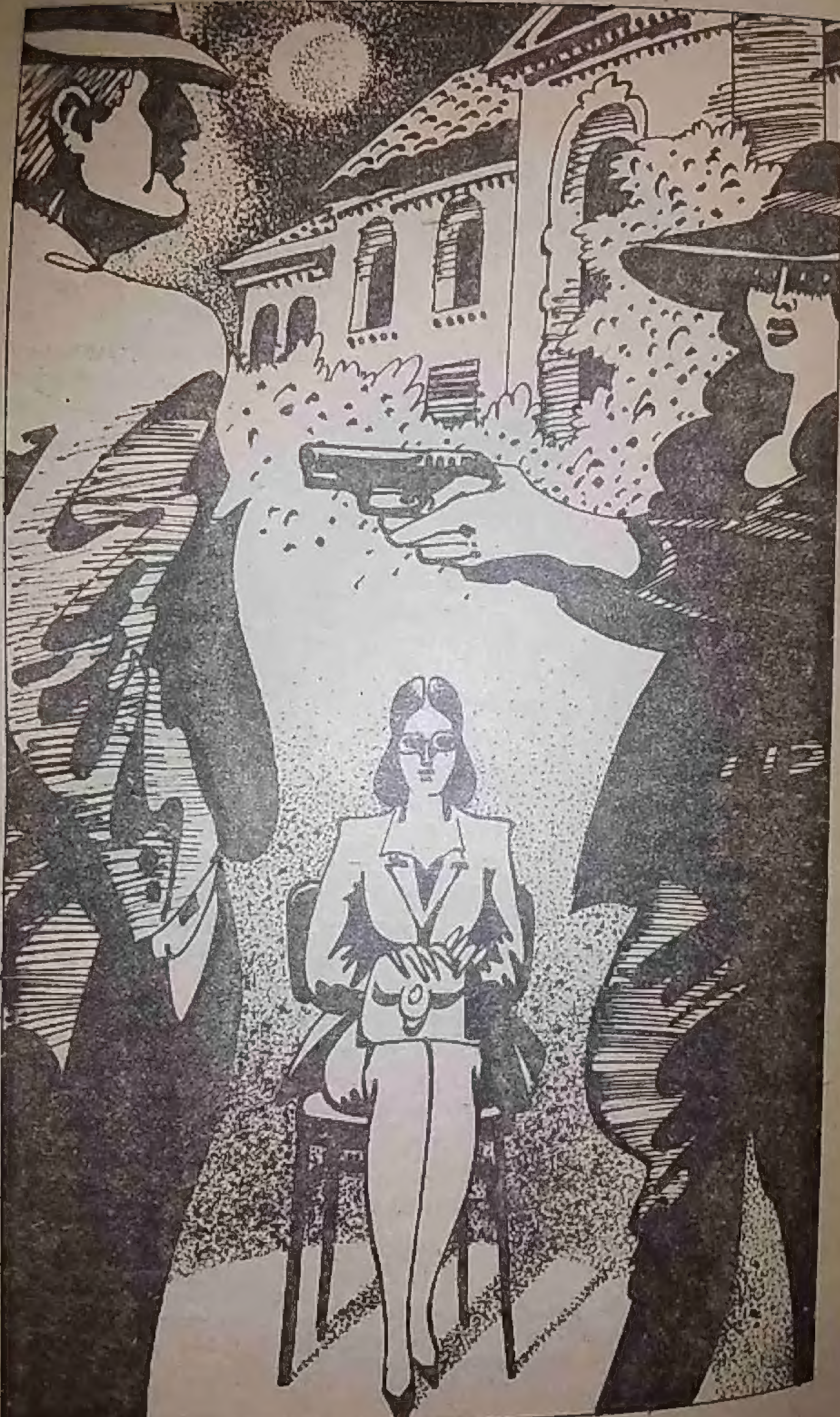
ББК 84.7

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ
ФАНТАСТИКА

Раймонд Чандлер

СЕСТРИЧКА

Перевод *Д. Вознякевича*



СЕСТРИЧКА

1

На матовом дверном стекле надпись потрескавшейся черной краской: «ФИЛИП МАРЛОУ. ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ». Довольно обшарпанная дверь в конце довольно обшарпанного коридора, здание выстроено примерно в те времена, когда отделанные кафелем туалеты стали основой цивилизации. Дверь заперта, но рядом другая — с такой же надписью, она открыта. Входите смело — здесь только я и большая сине-зеленая муха. Но только если вы не из Манхаттена, штат Канзас.

Стояло ясное, солнечное, теплое утро, какие бывают у нас в Калифорнии ранней весной, до начала густых туманов. Дожди прекратились. Холмы зеленеют, а из долины виден снег на высоких вершинах. Меховые магазины рекламируют ежегодную распродажу по сниженным ценам. Владельцы публичных домов, предлагающие шестнадцатилетних девочек, занимаются земельными сделками. И в Беверли-хиллз зацветает джакаранда.

Минут пять я настороженно преследовал зеленую муху, дожидаясь, когда она сядет. Но она садиться не желала. Ей хотелось только совершать фигуры высшего пилотажа, исполняя что-то вроде увертюры к «Паяцам». Потом я встал и замер с занесенной мухобойкой. На углу письменного стола лежало яркое солнечное пятно, и я знал, что рано или поздно муха туда сядет. Но того мига, когда она села, я не уловил. Жужжание прекратилось, и муха оказалась на столе. Тут зазвонил телефон.

По категорическому настоянию Д. В. Вознякевича в тексте сохранены своеобычные словоупотребления, которые, по мнению переводчика, наиболее полно отражают стиль автора *(Примеч. ред.)*.

Я осторожно потянулся к трубке. Медленно поднял ее и негромко сказал: «Минутку, пожалуйста». Тихонечко положил трубку на коричневую тетрадь. Муха сидела на том же месте, блестящая, сине-зеленая и преисполненная греха. Я сделал глубокий вдох и взмахнул мухобойкой. То, что осталось от мухи, шлепнулось на ковер. Подойдя, я взял ее останки за уцелевшее крылышко и бросил в мусорную корзину.

— Извините, что заставил ждать,— сказал я в телефонную трубку.

— Вы мистер Марлоу, детектив?

Негромкий, чуть торопливый девичий голосок. Я подтвердил:

— Да, мистер Марлоу, детектив.

— Сколько вы берете за услуги, мистер Марлоу?

— Какие именно услуги вам требуются?

Голосок стал чуть порезче:

— Мне бы не хотелось говорить по телефону. Дело... дело очень доверительное. Прежде чем тратить время на хождение к вам, мне нужно иметь представление...

— Сорок долларов в день плюс расходы. Если работу нельзя выполнить за определенный гонорар.

— Слишком уж дорого,— произнес голосок.— Да ведь так могут уйти сотни долларов, а у меня только маленькое жалование и...

— Где вы сейчас находитесь?

— Да я в аптеке. Рядом со зданием, где расположена ваша контора.

— Могли бы сэкономить пять центов. Лифт бесплатный.

— Я... я вас не понимаю.

Я повторил:

— Поднимайтесь, покажитесь мне на глаза.— И добавил: — Если дело у вас из тех, какими я занимаюсь, получите ясное представление...

— Мне надо знать о вас кое-что,— очень твердо ответил голосок.— Дело очень деликатное, очень личное. Я не могу разговаривать о нем с кем попало.

— Раз оно столь деликатное,— сказал я,— может, вам обратиться к детективу-женщине?

— Господи, я и не знала, что такие есть.— Пауза.— Нет, пожалуй, женщина-детектив не подойдет. Видите ли, мистер Марлоу, Оррин жил в очень дурном окружении. По крайней мере, мне

так показалось. Управляющий дома с меблированными комнатами противнейший тип. От него несло перегаром. Вы пьете, мистер Марлоу?

— Ну, раз уж вы об этом заговорили...

— Вряд ли я стану нанимать детектива, употребляющего алкоголь в каком бы то ни было виде. Я не одобряю даже курения.

— А если я очистил апельсин, ничего?

На другом конце провода послышался резкий вдох.

— Могли бы, по крайней мере, разговаривать как джентльмен,— сказала она.

— Раз так, обратитесь в университетский клуб,— сказал я.— Ходят слухи, что там сохранилась парочка джентльменов, только вряд ли они пойдут у вас на поводу.

И повесил трубку.

Это был шаг в нужном направлении, но я остановился на полпути. Следовало еще запереть дверь и забиться под стол.

2

Пять минут спустя в смежной комнате, которая служит мне приемной, раздался звонок. Я услышал, как входная дверь приоткрылась и закрылась снова. Потом ничего не было слышно. Внутренняя дверь в смежную комнату была приоткрыта: я прислушался и решил, что кто-то по ошибке заглянул не туда и ушел. Потом послышалось легкое постукивание по дереву — явно чтобы привлечь внимание. Затем покашливание, применяемое с той же целью. Я снял со стола ноги, поднялся и выглянул в приемную. Там находилась она.

Мне это было ясно без слов. Ничто в ней не напоминало леди Макбет. Маленькая, аккуратная, с виду довольно чопорная, в очках без оправы, каштановые волосы аккуратно причесаны. На ней был строгий коричневый костюм, с плеча свисала неуклюжая квадратная сумочка, наводившая на мысль о медсестре, готовой оказать первую помощь раненым. На гладко причесанных каштановых волосах сидела бесформенная шляпка. Ни косметики, ни губной помады, ни украшений. Очки без оправы делали ее похожей на библиотекаршу.

— Так не разговаривают по телефону,— резко сказала она.— Вам должно быть стыдно.

— Гордость не позволяет мне выказывать стыд,— ответил я.— Входите.

Я придержал дверь, пока она входила, потом стул, когда садилась.

Села она на самый краешек.

— Если б я разговаривала подобным образом с кем-нибудь из пациентов доктора Загсмита,— заявила посетительница,— то лишилась бы работы. Доктор обращает особое внимание на то, как я разговариваю с пациентами — даже с трудными.

— Как поживает мой старый друг? Мы не виделись после того, как я упал с крыши гаража.

Она взглянула на меня с удивлением, без тени улыбки.

— Вы никак не можете знать доктора Загсмита.— Кончик ее довольно бледного языка высунулся и стал украдкой искать неизвестно что.

— Я знаю одного доктора Загсмита. Он живет в Санта-Росе.

— Нет, нет. Это доктор Алфред Загсмит из Манхаттена. Манхаттен, штат Канзас, не нью-йоркский.

— Значит, не тот,— сказал я.— А как ваша фамилия?

— Сомневаюсь, стоит ли называть ее вам.

— Зашли просто поглазеть?

— Очевидно, можно сказать и так. Если мне предстоит излагать свои семейные дела совершенно незнакомому человеку, я, по крайней мере, имею право решать, заслуживает ли он доверия или нет.

— Вам никто не говорил, что вы славная девочка?

Глаза за стеклами очков сверкнули.

— Этого еще не хватало.

Я взял трубку и стал набивать ее табаком.

— Вот именно,— сказал я,— не хватало. Сбросьте эту шляпку и наденьте изящные очки в цветной оправе. Знаете, из тех, что сужаются к вискам...

— Доктор Загсмит не позволит ничего подобного,— торопливо перебила она. Потом спросила: — Вы правда так считаете? — и слегка зарделась.

Я поднес зажженную спичку к трубке и выдохнул дым через стол. Она отшатнулась.

— Раз хотите нанять меня,— сказал я,— нани-

майте таким, какой я есть. Если надеетесь отыскать детектива, изъясняющегося слогом рыцарских баллад, вы не в своем уме. Во время разговора я бросил телефонную трубку, однако же вы пришли? Значит, нуждаетесь в помощи. Как ваша фамилия, и в чем ваша проблема?

Она молча таращилась на меня.

— Послушайте,— сказал я.— Вы из Манхаттена, штат Канзас. Когда я последний раз просматривал «Всемирный альманах», это был небольшой городок рядом с Топикой. Население — около двенадцати тысяч. Вы работаете у доктора Загсмита и разыскиваете человека по имени Оррин. Манхаттен небольшой городок. Наверняка. В Канзасе все городки, за вычетом полудюжины, маленькие. У меня уже достаточно сведений о вас, чтобы разузнать всю вашу подноготную.

— Но зачем вам это нужно? — встревоженно спросила она.

— Мне? — ответил я.— Вовсе не нужно. Я по горло сыт людьми, рассказывающими мне истории. Сижу здесь потому, что некуда пойти. И работать мне не нужно. Ничего не нужно.

— Вы слишком много говорите.

— Да,— сказал я.— Слишком много. Одинокие мужчины всегда говорят слишком много. Или вовсе не раскрывают рта. Может, перейдем к делу? Вы не похожи на тех, обращается к частным детективам, тем более незнакомым.

— Я знаю,— спокойно сказала она.— И Оррин очень бы рассердился. Мать тоже вышла бы из себя. Я просто выбрала вашу фамилию из телефонного справочника...

— По какому принципу? — спросил я.— С открытыми глазами или закрытыми?

Она уставилась на меня как на уродца.

— Шесть и одиннадцать,— последовал спокойный ответ.

— То есть?

— В фамилии Марлоу шесть букв,— сказала она,— а в имени и фамилии одиннадцать. Шесть плюс одиннадцать...

— Как *ваши* имя и фамилия? — чуть ли не закричал я.

— Орфамэй Квест.

Она сморщилась, будто собираясь заплакать. Произнесла имя по слогам. И торопливо, словно ей пришлось бы платить за отнятое у меня время, продолжала:

— Я живу вместе с матерью. Отец умер четыре года назад. Он был врачом. Мой брат Оррин тоже собирался стать хирургом, но, проучившись два года в медицинском колледже, решил пойти в инженеры. Потом год назад уехал в Бэй-Сити работать в компании «Кол-Вестерн Эркрафт». Не знаю почему. У него была очень хорошая работа в Уичите. Наверное, ему захотелось пожить в Калифорнии. Этого хочется, почитай, всем.

— *Почти* всем,— заметил я. – Раз уж носите очки без оправы, то старайтесь говорить правильно.

Орфамэй хихикнула и, потупясь, провела по столу кончиком пальца.

— Вы имели в виду раскосые очки, в которых становишься похожей на азиатку?

— Угу. Теперь об Оррине. Он приехал в Калифорнию, в Бэй-Сити. Ну и что же?

Она задумчиво нахмурилась. Затем принялась изучать мое лицо, словно никак не могла решиться. Потом слова хлынули потоком:

— Мы думали, что Оррин будет писать регулярно. Но за полгода он прислал всего два письма матери и три мне. Последнее письмо пришло несколько месяцев назад. Мы с матерью забеспокоились. Поэтому я взяла отпуск и приехала повидать его. До этого он никогда не выезжал из Канзаса.

Орфамэй умолкла. Потом спросила:

— Вы не будете делать никаких записей?

Я хмыкнул.

— Мне казалось, детективы всегда записывают сведения в маленькие блокноты.

— Пометки еще сделаю, – сказал я.— Продолжайте. Вы взяли отпуск и приехали. Что потом?

— Я написала Оррину, что приезжаю, но ответа не получила. Тогда послала ему телеграмму из Солт-Лейк-Сити, но он не ответил и на нее. Так что мне осталось только отправиться туда, где он жил. Путь очень далекий. Я ехала автобусом. Это в Бэй-Сити, Айдахо-стрит, четыреста сорок девять.

Она снова умолкла, потом повторила адрес, и я опять ничего не записал. Я сидел, глядя на очки,

прилизанные каштановые волосы и нелепую шляпку, на бесцветные ногти, губы без помады и кончик языка, то и дело высовывающийся изо рта.

— Может, вы не знаете Бэй-Сити, мистер Марлоу?

— Ха,— ответил я.— О Бэй-Сити я знаю только, что после каждой поездки туда мне нужно покупать новую голову. Хотите, я сам доскажу вашу историю?

— Что-о?

Глаза Орфамэй раскрылись так широко, что за стеклами очков они стали походить на какую-то тварь в цистерне для глубоководных рыб.

— Он переехал,— сказал я.— Неизвестно куда. И вы опасаетесь, что он ведет греховную жизнь в особняке на крыше небоскреба Ридженси-Тауэрс с кем-то в длинном норковом манто и аромате любопытных духов.

— О господи, перестаньте!

— Неужели я выражаюсь грубо?

— Прошу вас, мистер Марлоу,— сказала наконец Орфамэй.— Об Оррине я не думаю ничего подобного. И если б Оррин услышал вас, вы пожалели бы о своих словах. Иногда он бывает очень зловредным. С ним явно что-то стряслось. Этот дом с дешевыми меблирашками очень мне не понравился. Управляющий отвратительный тип. Сказал, что Оррин съехал недели две назад, куда — он не знает и знать не хочет, после чего изъявил желание пропустить хорошую дозу джина. Не представляю, почему Оррин стал жить в таком месте.

— Вы сказали — дозу джина? — переспросил я.

Орфамэй покраснела.

— Это управляющий. Я только передаю его слова.

— Ладно, давайте дальше.

— Потом я позвонила туда, где Оррин работал в компанию «Кол-Вестерн». Мне сказали, что он уволен, как и еще многие, и больше о нем ничего не известно. Тогда я пошла в почтовое отделение и спросила, не оставлял ли Оррин нового адреса. Мне ответили, что не вправе давать никаких сведений. Это запрещено правилами. Я объяснила, в чем дело, и тот человек сказал, что раз я его сестра, он пойдет проверит. Пошел, проверил и сказал, что нового адреса Оррин не оставил. Тут мне стало страшновато. Мало ли что могло случиться.

— Вам не пришло на ум справиться о нем в полиции?

— Я не посмела обращаться в полицию. Оррин никогда не простил бы мне. Он тяжелый человек даже в лучшие минуты. Наша семья...— Орфамэй замялась, в глазах ее возникло что-то такое, чего ей не хотелось. И продолжила, тяжело дыша: — Наша семья не из тех...

— Послушайте,— устало сказал я.— Мне вовсе не приходило в голову, что он украл бумажник. Возможно, его сшибла машина и он потерял память или же слишком плох и не в состоянии говорить.

Орфамэй спокойно поглядела на меня, взгляд ее отнюдь не выражал восхищения.

— Случись с ним такое, мы бы узнали,— сказала она.— У каждого в кармане есть что-то, по чему можно установить личность.

— Иногда остаются только пустые карманы.

— Вы хотите напугать меня, мистер Марлоу?

— Если и так, получается это у меня плохо. Так что же, по-вашему, с ним могло случиться?

Орфамэй поднесла тонкий указательный палец к губам и осторожно коснулась его кончиком языка.

— Если б я знала, что думать, то, наверно, не пришла бы к вам. Сколько вы запросите, чтобы отыскать его?

Я ответил не сразу:

— Имеется в виду, самому, ничего никому не говоря?

— Да. Самому, ничего никому не говоря.

— Угу. Трудно сказать. Я назвал вам свои расценки.

Она сложила руки на краю стола и крепко стиснула. Таких бессмысленных жестов, как у нее, мне почти не приходилось видеть.

— Я думала, раз вы детектив, то сможете найти его сразу же,— сказала она.— Самое большее, что я смогу израсходовать, — это двадцать долларов. Мне ведь нужно питаться, платить за номер в отеле, покупать обратный билет на поезд, а в отелях сами знаете, цены жутко высокие. И питаться в поезде...

— В каком отеле вы остановились?

— Я... я не хотела бы говорить это, если можно.

— Почему?

— Не хотела бы, и всё. Жутко боюсь вспыльчивости Оррина. Да и всегда могу позвонить вам сама, разве не так?

— Угу. Ну, а чего вы боитесь, кроме вспыльчивости Оррина, мисс Квест?

Трубка у меня погасла. Я зажег спичку и поднес к чашечке, не сводя глаз с клиентки.

— Разве курение не очень скверная привычка? — спросила она.

— Может быть,— ответил я.— Но за двадцать долларов я не стану от нее отказываться. И не уклоняйтесь от ответов на мои вопросы.

— Не смейте так разговаривать со мной,— вскипела Орфамэй.— Курение — *скверная* привычка! Мать никогда не позволяла отцу курить в доме, даже последние два года, после того, как с ним случился удар. Иногда он сидел с пустой трубкой во рту. Матери это очень не нравилось. У нас были большие долги, и мать говорила, что не может давать ему деньги на такую бессмысленную вещь, как табак. Церковь нуждалась в этих деньгах гораздо больше, чем он.

— Кажется, начинаю понимать,— протянул я.— В такой семье, как ваша, кто-то непременно должен быть черной овцой.

Орфамэй подскочила, прижав к телу свою нелепую сумочку.

— Вы не нравитесь мне. Видимо, я не стану вас нанимать. А если намекаете, будто Оррин совершил что-то нехорошее, могу уверить вас, что не он черная овца в нашей семье.

Я даже не моргнул глазом. Орфамэй повернулась, промаршировала к двери, взялась за ручку, потом повернулась снова, промаршировала обратно и вдруг расплакалась. Реагировал я на это, как чучело рыбы на блесну. Орфамэй достала платочек и легонько коснулась уголков глаз.

— А теперь вы небось позвоните в п-полицию,— сказала она дрожащим голосом.— И в редакциях манхаттенских г-газет все станет известно, они н-напечатают о нас что-нибудь отвратительное.

— Вы ничего подобного не думаете. Перестаньте бить на жалость. Покажите фотографию брата.

Орфамэй торопливо спрятала платочек, достала

что-то из сумочки и протянула через стол. Оказалось, это конверт. Тонкий, но там вполне могла уместиться парочка фотографий. Заглядывать внутрь я не стал.

— Опишите его,— сказал я.

Орфамэй задумалась. Это дало ей возможность привести в движение брови.

— В марте ему исполнилось двадцать восемь. У него светло-каштановые волосы, гораздо более светлые, чем мои, голубые глаза, тоже посветлее моих, волосы он зачесывает назад. Очень рослый, выше шести футов. Но весит всего сто сорок фунтов. Тощий. Носил светлые усики, но мать заставила сбрить. Сказала...

— Можете не продолжать. Они потребовались священнику для набивки подушечки.

— Не смейте так говорить о моей матери,— взвизгнула Орфамэй, побледнев от ярости.

— Оставьте эти глупости. Я многого не знаю о вас. Но корчить из себя пасхальную лилию не надо. Есть у Оррина какие-нибудь особые приметы, родинки, шрамы или вытатуированный на груди текст двадцать третьего псалма? И краснеть вовсе не обязательно.

— Незачем кричать на меня. Что же вы не смотрите фотографии?

— Снят он, скорее всего, одетым. В конце концов, вы его сестра. Вы должны знать.

— Нету,— выдавила она.— Только маленький шрамик на левой руке, ему удаляли жировик.

— Что можете сказать о его привычках? Каким образом он развлекается — помимо того, что не курит, не пьет и не ухаживает за девушками?

— Как... откуда вы это узнали?

— От вашей матери.

Орфамэй улыбнулась. Я уж было решил, что она не способна улыбаться. Зубы у нее очень ровные, белые, но она не старалась демонстрировать их. Это уже кое-что.

— Вы догадливы,— сказала она.— Оррин много занимается, потом у него есть очень дорогой фотоаппарат, он любит снимать людей, когда те ничего не подозревают. Иногда это их бесит. Но Оррин говорит, что людям надо видеть себя такими, как они есть.

— Будем надеяться, с ним этого никогда не случится,— сказал я.— Что за аппарат у него?

— Маленький, с очень хорошей оптикой. Снимать можно при любом освещении. «Лейка».

Я полез в конверт и достал две небольшие, очень четкие фотографии.

— Снимки сделаны вовсе не «лейкой»,— сказал я.

— Нет, нет. Его снимал Филип. Филип Андерсон. Парень, с которым я одно время встречалась.— Орфамэй вздохнула.— Очевидно, потому-то я и обратилась к вам, мистер Марлоу. Вас тоже зовут Филип.

Я буркнул: «Угу», но был слегка тронут.

— Что же сталось с Филипом Андерсоном?

— Но мы говорили об Оррине...

— Знаю,— перебил я.— Но что сталось с Филипом Андерсоном?

— Живет все там же, в Манхаттене — Орфамэй отвела взгляд.— Матери он очень не нравился. Вы, наверное, знаете, как это бывает

— Да,— ответил я.— Знаю. Можете заплакать, если хотите. Не стану вас упрекать. Я и сам сентиментальный плакса.

Я взглянул на фотографии. На одной Оррин смотрел вниз, и она мне была ни к чему. Другая представляла собой вполне сносный снимок высокого угловатого парня с близко расположенными глазами, тонким прямым ртом и острым подбородком. Выражение лица было таким, как я и ожидал. Если забудете вытереть ноги, этот парень не помнит вам. Отложив снимки, я взглянул на Орфамэй Квест, пытаясь найти в ее лице хотя бы отдаленное сходство с братом, но не смог. Ни малейшего сходства, что, разумеется, ни о чем не говорило. И не могло сказать.

— Ладно,— сказал я. Съезжу туда, полюбопытствую. Но вы, наверное, и сами догадываетесь, что случилось. Ваш брат живет в чужом городе. Какое-то время недурно зарабатывает. Может, побольше, чем когда-либо прежде. Встречает людей, каких до сих пор не встречал. Притом в городе — поверьте, я знаю Бэй-Сити — совершенно непохожем на Манхаттен в штате Канзас. Поэтому он пренебрег всем, что ему внушали, и не хочет, чтобы дома узнали об этом. Хватит с него семейного гнета.

Орфамэй молча поглядела на меня, потом потрясла головой.

— Нет, Оррин не способен на это, мистер Марлоу.

— На это способны все,— сказал я.— Особенно такие, как Оррин. Набожный парень из маленького городка, всю жизнь прожил под каблуком матери и надзором священника. Здесь он предоставлен сам себе. У него завелись деньги. Теперь ему подавай развлечений и света, отнюдь не того, что падает из восточного окна церкви. Не подумайте, что я осуждаю добродетельную жизнь Я хочу сказать, что она ему осточертела. Так ведь?

Орфамэй молча кивнула.

— И он начинает пользоваться благами жизни,— продолжал я,— но не знает, как это делается. Здесь ведь тоже нужен опыт. Сходится с какой-нибудь заурядной девицей, пьет дешевое виски и чувствует себя ужасным грешником. В конце концов, парню двадцать девятый год, хочет поваляться в канаве, пусть себе. Потом он найдет, на кого свалить вину.

— Я не хочу верить вам, мистер Марлоу,— медленно произнесла Орфамэй.— Не хочу, чтобы мать...

— Было что-то сказано о двадцати долларах,— перебил я.

Орфамэй это потрясло

— Платить сейчас?

— А как это принято в Манхаттене, штат Канзас?

— У нас нет частных детективов. Только полиция. То есть, вроде бы нет

Она снова полезла в свою уродливую сумочку, достала красный кошелек, а из него — несколько ассигнаций, аккуратно сложенных по отдельности. Три пятерки и пять долларовых бумажек. Осталось у нее, похоже, немного Подержала кошелек, словно демонстрируя мне, как он пуст Потом разгладила на столе деньги, сложила их стопкой и придвинула ко мне. Очень медленно, очень печально, словно топила любимого котенка.

— Сейчас напишу расписку,— сказал я.

— Мне не нужна расписка, мистер Марлоу.

— Нужна мне. Вы не оставляете визитной карточки, так уж пусть у меня будет какая-то бумажка с вашей фамилией.

— Для чего?
— Показать, что представляю ваши интересы.

Взяв квитанционную книжку, я заполнил бланк и протянул ей, чтобы она подписала дубликат. Помедлив, она неохотно взяла жесткий карандаш и вывела на дубликате аккуратным секретарским почерком: «Орфамэй Квест».

— Адреса так и не указываете? — спросил я.

— Я бы не хотела.

— Тогда звоните в любое время. Номер моего домашнего телефона тоже есть в справочнике. «Бристол апартментс», квартира четыреста двадцать восемь.

— Вряд ли пойду к вам в гости,— холодно сказала Орфамэй.

— Я вас пока и не приглашал. Если хотите, позвоните часа в четыре. Возможно, что-то [illegible]. А может, и нет.

Орфамэй поднялась.

— Надеюсь, мать не сочтет мой поступок дурным,— сказала она, почесывая [illegible] без маникюра. — Я имею в виду [illegible].

— Только не рассказывайте [illegible], чего еще не одобряет ваша мать,— сказал я. — [illegible] опускайте эти подробности.

— Ну, знаете ли!

— И перестаньте повторять: «Ну, знаете ли!»

— Мне кажется, вы очень неприятный человек,— сказала она.

— Нет, вам этого не кажется. Вы находите меня очень симпатичным. А я нахожу вас очаровательной лгунишкой. Неужели вы думаете, что я берусь за это дело ради двадцати долларов?

Орфамэй обратила на меня немигающий, неожиданно холодный взгляд.

— Тогда почему? — Не получив ответа, добавила: — Потому что на дворе весна?

Я снова промолчал. Она слегка покраснела. Потом хихикнула.

У меня не хватило духу сказать, что я устал от безделья. Может, какую-то роль тут сыграла и весна. И кое-что в ее глазах, гораздо более древнее, чем Манхаттен, штат Канзас.

— Я нахожу вас очень славным, право же,— негромко сказала Орфамэй. Потом быстро поверну-

лась и чуть ли не бегом бросилась из кабинета. В коридоре ноги ее издавали легкий, резкий, отрывистый стук, так стучит по столу мать, когда отец тянется за вторым куском пирога. А у отца больше нет денег. Нет ничего. Он сидит в кресле-качалке на веранде в Манхаттене, штат Канзас, держа во рту пустую трубку. Раскачивается легко, спокойно, так как после удара нужно ко всему относиться легко, спокойно. И ждать следующего. С пустой трубкой во рту. Без табака. Ничего не делать и ждать.

Я положил двадцать заработанных тяжким трудом долларов Орфамэй Квест в конверт, написал на нем ее имя с фамилией и бросил в ящик стола. Выходить на улицу с такой большой суммой в кармане не хотелось.

3

Можно долгое время знать Бэй-Сити, не зная Айдахо-стрит. И многое знать об Айдахо-стрит, ничего не зная о доме № 449. Площадка перед ним неравномерно вымощена булыжником. К потрескавшемуся тротуару на другой стороне улицы примыкает покосившийся забор лесосклада. Чуть подальше ржавые рельсы подходят к высоким, скрепленным цепями деревянным воротам, не открывавшимся, похоже, лет двадцать. Ворота и забор мальчишки исписали и разрисовали мелом.

На низкой некрашеной веранде дома праздно стояло в беспорядке пять деревянных и тростниковых кресел-качалок, скрепленных проволокой и влагой морского воздуха. Зеленые потрескавшиеся жалюзи нижних окон были опущены на две трети. У парадной двери красовалось печатное объявление «Свободных мест нет». Висело оно уже долго, потому что выгорело и было засижено мухами. За дверью тянулся длинный коридор, из него вела наверх лестница длиной в треть коридора. Справа от двери находилась узкая полка с подвешенным на цепочке карандашом. Там же была пуговка звонка, над ней приколотая тремя разными кнопками черно-желтая табличка «Управляющий». На противоположной стене — телефон-автомат.

Я нажал пуговку. Звонок раздался где-то побли-

зости, но ничего не последовало. Я позвонил снова. Опять ничего. Тогда я подошел к двери с черно-белой металлической табличкой «Управляющий». Постучал. Потом ударил в дверь ногой. Обратить на это внимание, похоже, было некому.

Я вышел, свернул за угол и пошел по узкой бетонной дорожке к служебному входу. Для квартиры управляющего там, казалось, самое место. Вся остальная часть дома, очевидно, сдавалась жильцам. На маленькой веранде стояли грязное мусорное ведро и деревянный ящик, набитый бутылками из-под спиртного. Сквозь стекла было видно, что дверь на кухню распахнута. В кухне стоял полумрак. Я прижался лицом к застекленной двери веранды и стал вглядываться. В распахнутую дверь виднелись прямой стул с висящим на спинке мужским пиджаком, а на стуле человек в рубашке и шляпе. Замухрышка. Что он делает, не было видно, сидел он, похоже, у встроенного стола в обеденном уголке.

Я постучал по стеклу. Замухрышка не обратил на это внимания. Я постучал снова, посильнее. На сей раз он откинулся назад вместе со стулом, явив мне маленькое бледное лицо с сигаретой во рту.

— Чего тебе? — рявкнул замухрышка.

— Управляющего.

— Его нету, малыш.

— А ты кто?

— Тебе-то что?

— Хочу снять комнату.

— Нету мест, малыш. Читать, что ли, не умеешь?

— У меня есть другие сведения,— сказал я.

— Вот как? — Замухрышка смахнул ногтем пепел с сигареты, не вынимая ее из маленького неприятного рта.— Ну и катись вместе с ними.

Засим он вернул стул в прежнее положение и предался прежнему занятию.

Громко топая, я спустился с крыльца и совершенно бесшумно поднялся снова. Осторожно подергал застекленную дверь. Заперта на крючок. Я поддел его лезвием складного ножа и откинул. Крючок слегка звякнул, но на кухне раздавалось более громкое звяканье.

Я пошел и прокрался на кухню. Там находились газовая плита с тремя конфорками, несколько полок

с грязной посудой, обшарпанный холодильник и обеденный уголок. Столик в уголке был завален деньгами. Главным образом бумажными, но были и серебряные монеты всех достоинств вплоть до доллара. Замухрышка пересчитывал деньги, раскладывал кучками и делал пометки в маленьком блокноте. Карандаш он слюнил, не вынимая сигареты изо рта.

Лежало на столе, должно быть, несколько сотен долларов.

— День платежа? — добродушно осведомился я.

Замухрышка очень резко обернулся. С минуту он молча улыбался. Улыбка была нарочитой. Вынув изо рта окурок, он швырнул его на пол и загасил ногой. Достал из кармана рубашки новую сигарету, сунул в рот и стал искать спички.

— Ловко ты вошел,— весело сказал замухрышка.

Не найдя спичек, он небрежно повернулся и полез в карман пиджака. О стул ударилось что-то тяжелое. Я ухватил его запястье, не давая вытащить эту тяжелую штуку. Замухрышка откинулся назад, и оттопыренный карман пиджака начал подниматься ко мне.

Я выдернул стул из-под замухрышки. Ударясь головой о торец стола, замухрышка грохнулся на пол. Это не помешало ему сделать попытку ударить меня ногой в пах. Я отскочил назад вместе с пиджаком и достал из него пистолет тридцать восьмого калибра.

— Вставай,— сказал я.— Не трону.

Замухрышка медленно поднялся, притворяясь, что ушибся сильнее, чем на самом деле. Запустил руку за ворот, и когда его рука метнулась ко мне, блеснул металл.

Боевой петушок.

Я саданул замухрышку по челюсти его собственным пистолетом, и он снова плюхнулся на пол. Я наступил на руку, державшую нож. Лицо замухрышки скривилось, но он не издал ни звука. Я пинком отшвырнул нож в угол. Лезвие было длинным, тонким и, похоже, очень острым.

— Как не стыдно,— сказал я.— Угрожать пистолетом и ножом людям, которые просто ищут жилье. Даже в наши времена это слишком.

Замухрышка сунул ушибленную руку между колен, стиснул ее и стал насвистывать сквозь зубы. Видимо, удар по челюсти не особенно сказался на нем.

— Ладно,— сказал он.— Ладно. Я не мастер в этих делах. Забирай деньгу и сматывайся. Но только знай, что тебе от нас никуда не деться.

Я поглядел на ассигнации и монеты.

— Судя по твоему оружию, выбирал ты его очень тщательно,— сказал я. Потом подошел к двери, ведущей в дом, и подергал. Она была не заперта. Я обернулся.

— Пистолет оставлю в почтовом ящике. В следующий раз требуй предъявить полицейский значок.

Замухрышка по-прежнему насвистывал сквозь зубы, держа руку между колен. Сощурясь, он задумчиво поглядел на меня, потом смахнул деньги в старый портфель и защелкнул его. Снял шляпу, расправил поля, небрежно нахлобучил ее на затылок и спокойно, уверенно улыбнулся.

— Пушка — черт с ней. В городе полно старых железяк. А вот нож оставь у [illegible]. Я немало потрудился над ним, чтобы придать [illegible] форму.

— А им? — спросил я.

— Все может быть.— Он легонько потыкал в мою сторону пальцем.— Скоро [illegible] встретимся. Когда со мной будет друг.

— Только пусть наденет чистую рубашку — сказал я. — И тебе одолжит.

— Надо же,— проворчал замухрышка.— Какими становимся мы наглыми, какими остроумными, едва нацепим полицейский значок.

Он бесшумно прошел мимо меня и спустился по деревянным ступеням. Его шаги прозвучали по бетонной дорожке и затихли. Они очень напоминали стук каблучков Орфамэй Квест по коридору. И у меня почему-то ни с того ни с сего возникло гнетущее чувство, что я пошел не с той карты. Может, его пробудила твердость этого замухрышки. Ни хныканья, ни крика, только улыбка, свист сквозь зубы, негромкий голос и злопамятный взгляд.

Я нагнулся и поднял нож. Лезвие было длинным, гладким и тонким, словно отшлифованная пилка для ногтей. Рукоять с усиками из легкого пластика, казалось, была сделана [illegible] целиком. Взяв нож за руко-

ять, я бросил его острием в столешницу. Лезвие глубоко вошло в древесину и задрожало.

Я глубоко вздохнул и, опустив рукоять через край стола, высвободил лезвие. Любопытный нож, особой формы, для особой цели, и то и другое не особенно приятно.

Распахнув дверь, ведущую из кухни, я шагнул вперед, держа в одной руке нож и пистолет.

Комната с откидной кроватью. Кровать раздвинута, постель измята. Туго набитое кресло с прожженной на подлокотнике дыркой. У окна — придвинутый к стене высокий дубовый письменный стол с подкосившимися дверцами, похожими на старомодные двери винного погребка. Неподалеку от него — диван-кровать, на ней лежал мужчина, ноги его в серых вязаных носках свисали над полом. От его головы до подушки было дюйма два. Сожалеть об этом, судя по цвету наволочки, не стоило. Торс его облегали неопределенного цвета рубашка и серый заношенный шерстяной свитер. Лицо мужчины лоснилось от пота, дышал он открытым ртом, пыхтя как старый «форд» с неплотной верхней прокладкой. На столике возле лежавшего стояла тарелка, полная окурков, некоторые, похоже, сохранились от самокруток. На полу — слегка початая бутылка джина и кофейная чашка, где, судя по всему, давно уже не бывало кофе. Пахло в комнате главным образом джином и затхлостью, но ощущался и легкий запах марихуаны.

Я открыл окно и, чтобы вдохнуть чистого воздуха и оглядеть улицу, прислонился лбом к противомоскитной сетке. Вдоль забора катались на велосипедах двое мальчишек, время от времени они останавливались и разглядывали непристойные рисунки. Больше никого на улице не было. Даже собак. На углу вилась пыль, словно только что проехала машина.

Я подошел к письменному столу. В ящике оказалась регистрационная книга, я стал ее листать, пока не наткнулся на запись «Оррин П. Квест», сделанную четким, аккуратным почерком, и номер 214, написанный другой рукой, отнюдь не четко и не аккуратно. Я пролистал книгу до конца, но в номере 214 не обнаружил новой регистрации. Номер 215 занимал некий Дж. У. Хикс. Сунув книгу на место, я подошел

к диван-кровати. Лежащий перестал храпеть и положил руку на грудь, словно произнося речь. Я нагнулся, зажал ему пальцами нос и заткнул рот подолом свитера. Мужчина проснулся и резко открыл тусклые, налитые кровью глаза. Стал вырываться. Убедившись, что он полностью проснулся, я отпустил его, взял с пола бутылку и налил немного джина в стакан, валявшийся рядом с бутылкой. Протянул ему.

Он потянулся к стакану, охваченный прекрасным волнением матери, радующейся нашедшемуся ребенку.

Я отдернул стакан и спросил:

— Ты управляющий?

Вяло облизнув губы, мужчина издал. — Гр р-р

Потом попытался выхватить стакан Я поставил его перед ним на столик Мужчина бережно взял стакан двумя руками и вылил джин в рот Потом довольно засмеялся и запустил в меня стаканом Я ухитрился поймать стакан и снова поставил его на столик. Мужчина старательно но скверно притворяясь суровым, оглядел меня

— Чего тебе? — недовольно прохрипел он.

— Управляющий?

Мужчина кивнул и едва не свалился на пол.

— Видать, хватил лишнего,— сказал он.— Самую малость.

— Ничего,— утешил я.— Еще дышишь.

Он опустил ноги на пол и с трудом встал Ни с того ни с сего весело захихикал, сделал три неуверенных шага, опустился на четвереньки и попытался укусить ножку стула.

Я поднял его, усадил в кресло с прожженным подлокотником и налил еще глоток лекарства от похмелья. Он выпил, сильно содрогнулся, и взгляд его сразу же стал осмысленным и хмурым У пьяниц такого типа бывают минуты прояснения Предвидеть, когда оно наступит и как долго продлится, невозможно.

— Кто ты такой, черт возьми? — пробурчал он.

— Я ищу человека по имени Оррин П. Квест.

— Кого?

Я повторил. Управляющий провел ладонью по лицу и кратко ответил:

— Съехал.

— Когда?

Он махнул рукой, чуть не свалившись с кресла, потом махнул в другую сторону, чтобы сохранить равновесие.

— Дай выпить.

Держа стакан так, чтобы он не мог дотянуться, я налил еще дозу джина.

— Дай,— заканючил управляющий.— Мне очень плохо.

— От тебя требуется лишь нынешний адрес Орина П. Квеста.

— Подумать только,— съязвил он и тщетно попытался выхватить у меня стакан.

Поставив стакан на пол, я протянул ему свою визитную карточку.

— Это поможет тебе сосредоточиться.

Он поглядел на карточку в упор, ухмыльнулся, сложил ее пополам, потом еще раз пополам. Держа на ладони, плюнул на нее и бросил через плечо.

Я протянул ему стакан. Он выпил за мое здоровье, торжественно кивнул и отправил стакан вслед за карточкой. Стакан покатился по полу и стукнулся о плинтус. Управляющий с удивительной легкостью встал, поднял большой палец, сжал остальные и языком и губами издал резкий звук.

— Проваливай,— сказал он.— У меня есть друзья.— Посмотрел на телефон, прикрепленный к стене, потом ехидно глянул на меня.— Парочка ребят, способных разделаться с тобой,— фыркнул он.

Я промолчал.

— Что, не веришь? — зарычал он, внезапно рассвирепев.

Я покачал головой.

Управляющий метнулся к телефону, схватил трубку и набрал пятизначный номер. Я следил за набором. Один-три-пять-семь-два.

На этом силы управляющего иссякли. Его пальцы разжались, трубка выпала и ударилась о стену. Затем он сел на пол, приложил трубку к уху и прорычал, обращаясь к стене: «Позови Дока». Я молча слушал. «Винс! Док!» — сердито крикнул управляющий. Потряс трубку и отшвырнул. Потом встал на четвереньки и пополз по кругу. Когда увидел меня, на лице его отразились удивление и недовольство. Он поднялся на нетвердых ногах и протянул руку.

— Дай выпить!

Подняв с пола пустой стакан, я вылил туда все, что оставалось в бутылке. Управляющий принял его с достоинством, словно пьяная вдова титулованной особы, демонстративно выпил до дна, спокойно подошел к диван-кровати и лег, положив под голову стакан вместо подушки, и мгновенно уснул.

Я повесил телефонную трубку, выглянул в кухню, потом обшарил спящего и достал из кармана связку ключей. Среди них была и отмычка. На двери в коридор был пружинный замок, я поставил его на кнопку, чтобы войти снова, и стал подниматься по лестнице. По пути остановился и записал на клочке бумаги: «Док — Винс. 13572». Возможно, это была какая-то нить.

Пока я поднимался, в доме было совершенно тихо.

4

С помощью хорошо отшлифованной отмычки управляющего замок комнаты № 214 открылся бесшумно. Я распахнул дверь. Оказалось, что комната не пуста. Коренастый, крепко сложенный мужчина, стоя спиной к двери, склонялся над лежащим на кровати чемоданом. На покрывале были сложены рубашки, носки, белье, он неторопливо, старательно укладывал их, негромко, монотонно насвистывая сквозь зубы.

Когда скрипнули дверные петли, мужчина замер. Рука его метнулась к подушке.

— Прошу прощенья,— извинился я. — Управляющий сказал, что комната свободна.

Мужчина был лыс, как грейпфрут. На нем были темно-серые фланелевые брюки с прозрачными пластиковыми подтяжками и голубая рубаха. Его руки поднялись от подушки к голове, потом опустились снова. Он обернулся, и теперь на его голове появились волосы.

Гладкие, каштановые, без пробора, они совершенно не походили на парик. Мужчина сверкнул на меня глазами.

— Не мешало бы постучать.

Голос его был низким, широкое настороженное

лицо свидетельствовало, что ему приходилось бывать в переделках.

— С какой стати? Если мне сказали, что здесь никого нет?

Он удовлетворенно кивнул. Блеск в его глазах исчез.

Я без приглашения сделал несколько шагов вперед. На постели возле чемодана лежал вверх обложкой раскрытый порнографический журнал. В зеленой стеклянной пепельнице дымилась сигара. Комната была аккуратно обставленной и для этого дома довольно чистой.

— Он, видно, думает, что ты уже съехал,— сказал я, стараясь выглядеть искренним и добродушным.

— Через полчаса меня не будет,— сказал мужчина.

— Можно осмотреть комнату?

Он невесело усмехнулся.

— Недавно приехал в Бэй-Сити?

— А что?

— И здесь только появился?

— А в чем дело?

— Приглянулись дом и округа?

— Не особенно,— ответил я.— А комната вроде ничего.

Мужчина усмехнулся, обнажив фарфоровую коронку, очень белую по сравнению с другими зубами.

— И долго ты ходишь, смотришь комнаты?

— Только начал,— ответил я.— К чему все эти вопросы?

— Ты меня насмешил,— сказал без смеха мужчина.— В этом городе не до разглядывания комнат. Хватаешь, что подворачивается, не глядя. Сейчас тут столько народу, что за весть о свободной комнате я мог бы получить десять долларов.

— Вот незадача,— сказал я.— Про эту комнату мне поведал человек по имени Оррин П. Квест. Так что десятка тебе не обломится.

— Вот как? — Мой собеседник даже не моргнул глазом. Не шевельнул ни единой мышцей лица. Словно черепаха.

— Ты лучше не хами,— сказал он.— Мне хамить опасно.

Взяв из пепельницы свою сигару, он выпустил тонкую струйку дыма. Неприязненно поглядел на меня сквозь дым серыми глазами. Я достал сигарету и почесал ею подбородок.

— А что случается с теми, кто нахамит тебе? — поинтересовался я.— Заставляешь их подавать парик?

— Оставь мой парик в покое,— злобно ответил мужчина.

— Виноват,— сказал я.

— У входа висит объявление «Мест нет». Почему же ты пришел сюда искать комнату?

— Ты не расслышал имени,— сказал я.— Оррин П. Квест.

Имя и фамилию я произнес отчетливо. Но это не улучшило его настроения. Наступила мертвая тишина.

Мужчина внезапно повернулся и сунул в чемодан стопку носовых платков. Когда обернулся снова, взгляд его был, мягко говоря, настороженным. Да и все лицо дышало настороженностью.

— Друг твой? — спросил он небрежно.

— Вместе росли,— ответил я.

— Тихий парень,— неторопливо сказал мой собеседник.— Я с ним не вожусь. Он вроде работает в компании «Кол-Вестерн»?

— Работал,— сказал я.

— Вот как. Уволился?

— Выперли.

Мы продолжали глядеть друг на друга. Это ни к чему нас не привело. И он и я слишком много глядели на людей, чтобы ждать от этого чуда.

Мой собеседник снова сунул сигару в рот и сел на кровать рядом с чемоданом. Заглянув в чемодан, я увидел прямоугольный торец рукоятки пистолета, выглядывающей из-под небрежно свернутых трусов.

— Квест не живет здесь уже десять дней,— задумчиво произнес мой собеседник.— И думает, что комната до сих пор не занята.

— Судя по регистрационной книге, она свободна,— заметил я.

Собеседник презрительно фыркнул.

— Этот пьянчуга, небось, уже месяц не заглядывал в книгу. Слушай... постой, постой.

Взгляд его стал пристальным, а рука лениво поползла по открытому чемодану и лениво поправила

что-то возле пистолета. Когда он убрал руку, рукоятки уже не было видно.

— Я с утра какой-то рассеянный, вот и не сразу допер,— сказал он.— Ты сыщик. Что вынюхиваешь?

— Совершенно ничего. Просто захотелось узнать, как ты оказался в этой комнате.

— Перебрался из двести пятнадцатой напротив. Эта получше. Вот и все. Ничего загадочного. Удовлетворен?

— Полностью,— сказал я, глядя на руку, которая могла оказаться и возле пистолета.

— Откуда ты? Из городской полиции? Покажи значок.

Я промолчал.

— Не верю, что у тебя нет значка.

— Покажи я его, ты вполне можешь заявить, что это подделка.. Значит, твоя фамилия Хикс?

На его лице отразилось удивление.

— Джордж У. Хикс,— сказал я — Так записано в регистрационной книге. Комната двести пятнадцать. Ты только что сказал, что перебрался оттуда. Будь здесь у тебя классная доска, я записал бы эти слова

— Давай уж не будем играть в прятки,— сказал мой собеседник.— Верно, я Хикс Рад познакомиться. Как твоя фамилия?

Он протянул мне руку. Я пожал ее, но без особого энтузиазма.

— Марлоу. Филип Марлоу

— Знаешь что,— вежливо сказал Хикс,— ты ужасный лгун.

Я засмеялся ему в лицо

— Смешками ничего не добьешься, малыш. Что ты за птица?

Я вынул бумажник и протянул ему визитную карточку. Он внимательно прочел ее и постукал ребром карточки по фарфоровой коронке.

— Может, твой Оррин куда и уехал, только мне не сказался,— съехидничал он.

— Грамматика у тебя такая же скверная, как и парик,— заметил я.

— Лучше оставь парик в покое! — крикнул он.

— Да не съем я его. Не настолько уж голоден

Хикс шагнул вперед, понизив правое плечо. Злобно зарычал, опустив нижнюю губу почти до того же уровня.

— Не бей меня. Я застрахован,— сказал я.

— Тьфу ты, черт. Все шуточки, шуточки.— Он пожал плечами и вернул губу на место.— Что у тебя за дело?

— Ищу Оррина П. Квеста.

— Зачем?

Я не ответил.

Помолчав, Хикс сказал:

— Ладно. Я и сам осторожный человек. Потому и съезжаю отсюда.

— Не нравится дым марихуаны?

— И дым,— спокойно сказал он,— и еще кое-что. Потому-то и Квест убрался отсюда. Человек он приличный. Как и я. Думаю, что несколько крепких парней нагнали на него страху.

— Понятно,— сказал я.— То-то он не оставил нового адреса. А с какой стати было его пугать?

— Ты ведь только что говорил о марихуане. Он же такой тип, что мог донести в полицию.

— В Бэй-Сити? — сказал я.— На кой это ему? Что ж, спасибо, мистер Хикс. Далеко уезжаете?

— Нет,— сказал он.— Не особенно. Не дальше, чем нужно.

— Чем промышляешь? — спросил я.

— Промышляю? — Хикс скорчил обиженную гримасу.

— Ну да. Что изымаешь у людей? Как добываешь деньги?

— Ты заблуждаешься на мой счет, братец. Я оптометрист на пенсии.

— Тогда зачем тебе пистолет? — Я указал на чемодан.

— Нечего тут строить догадки,— кисло ответил Хикс.— Это фамильная ценность.

И снова взглянул на мою визитную карточку.

— Частный детектив, вот как? — сказал он задумчиво.— Какой работой в основном занимаешься?

— Любой относительно честной,— ответил я.

Хикс мотнул головой.

— Относительно — понятие растяжимое. И честность тоже.

Я хмуро покосился на него.

— Ты совершенно прав. Давай в один прекрасный день встретимся и подрастянем их.

Потом вырвал свою карточку из его пальцев и сунул в карман.

— Спасибо, что уделил мне время.

Я вышел, закрыл дверь и постоял около нее, прислушиваясь. Не знаю, что я надеялся услышать. Но ничего не было слышно. У меня создалось впечатление, что Хикс стоит на том же месте, глядя на дверь. Громко топая, я пошел по коридору и остановился у лестницы.

Мимо фасада проехал автомобиль. Где-то закрылась дверь. Я тихо вернулся к комнате № 215, открыл отмычкой замок и вошел. Бесшумно прикрыв и заперев дверь, я стал ждать у косяка.

5

Джордж У. Хикс оставался в комнате не более двух минут. Вышел он так тихо, что я не услышал бы, если б не ждал этого. Легкий металлический щелчок поворачивающейся дверной ручки. Потом неторопливые шаги. Дверь очень осторожно закрылась. Шаги удалились. Вдали еле слышно заскрипели ступени. Потом тишина. Я ждал, когда хлопнет парадная дверь. Но она не хлопала. Я вышел и снова направился к лестнице. Снизу послышалось, как кто-то осторожно дергает дверь. Я глянул вниз и увидел, что Хикс входит в квартиру управляющего. Дверь за ним закрылась. Я ждал, что послышатся голоса. Никаких голосов.

Пожав плечами, я вернулся в № 215.

Комната производила впечатление жилой. На туалетном столике небольшой радиоприемник, под незастланной кроватью обувь, на потрескавшийся зеленый абажур наброшен старый халат, чтобы свет не резал глаза.

Я осмотрел все, словно оно могло что-то означать, потом вышел и запер дверь. Затем совершил еще одно паломничество в № 214. Дверь на сей раз была незаперта. Я торопливо, тщательно обыскал комнату и не нашел никаких следов Оррина П. Квеста. Да и не надеялся найти. Для такой надежды не было оснований. Но произвести осмотр никогда не мешает.

Спустясь по лестнице, я прислушался, у квартиры управляющего ничего не услышал, вошел и положил на письменный стол ключи. Лестер Б. Клозен в бесчувственном состоянии лежал на диван-кровати ли-

цом к стене. Обыскав письменный стол, я обнаружил старую бухгалтерскую книгу, в которой, видимо, отмечалась только квартирная плата и текущие расходы. Бросил взгляд на регистрационную книгу, не заполненную по нынешний день, что вполне объяснялось состоянием лежащего на диван-кровати. Оррин П. Квест съехал. Кто-то другой занял его комнату. А кто-то еще занимал комнату, записанную за Хиксом. Замухрышка, считавший деньги на кухне, прекрасно ладил с жильцами. То, что он не расставался с ножом и пистолетом, было просто проявлением эксцентричности, не требующей на Айдахо-стрит никаких комментариев.

С крючка рядом со столом я снял тонкий телефонный справочник Бэй-Сити. Отыскать человека с прозвищем «Док» или «Винс», обладающего телефонным номером 13572, представлялось не столь уж сложной задачей. Поэтому я стал вновь листать регистрационную книгу. И правильно сделал. Страница, где был записан Оррин П. Квест, оказалась вырванной. Осторожный человек мистер Джордж У. Хикс. Весьма осторожный.

Закрыв регистрационную книгу, я снова посмотрел на Лестера Б. Клозена, поморщился от тошнотворно-сладковатого запаха джина и чего-то еще затхлого и направился к двери. Возле нее у меня впервые мелькнула какая-то мысль. Мертвецки пьяный должен громко храпеть. Вовсю, с перерывами, бульканьем и рычаньем. Но Клозен не издавал ни звука. Затылок его и плечи были прикрыты наброшенным коричневым солдатским одеялом. Вид у него был очень уютный, очень спокойный. Я подошел и склонился над ним. Одеяло на затылке почему-то оттопыривалось. Я сдернул его. Из затылка мистера Лестера Б. Клозена торчала желтая четырехгранная рукоятка. На одной грани было напечатано. «Привет от скобяной компании Крамсена». Торчала рукоятка чуть пониже затылочной кости.

Это была рукоятка кулинарной пешни...

Неторопливо, со скоростью тридцать пять миль в час, я выехал из этого района. На окраине города зашел в телефонную будку рядом с шоссе и позвонил в управление полиции.

— Полиция Бэй-Сити. У телефона Мут,— произнес мягкий голос.

— Айдахо-стрит, четыреста сорок девять,— сказал я.— Квартира управляющего. Фамилия его Клозен.

Да? — произнес тот же голос.— Ну и что же нам делать?

— Не знаю,— ответил я.— Для меня это загадка. Но зовут этого человека Лестер Б. Клозен. Ясно?

— Почему это так важно? — произнес без малейшей подозрительности мягкий голос

— Коронеру нужно будет знать,- сказал я и повесил трубку.

6

Возвратясь в Голливуд, я заперся в конторе с телефонным справочником Бэй-Сити И через четверть часа установил, что телефон 13572 принадлежит некоему доктору Винсенту Лагарди, именующему себя невропатологом Его дом и приемная находятся на Вайоминг стрит, совсем не в лучшем районе, судя по моей карте, но и не совсем за его пределами. Заперев справочник в стол, я отправился в аптеку на углу, съел бутерброд, выпил чашку кофе и позвонил доктору Винсенту Лагарди из автомата Ответила женщина, и мне пришлось проявить настойчивость, чтобы поговорить с самим доктором Голос его звучал нетерпеливо Он заявил, что очень занят, ведет осмотр пациента. Я ни разу не говорил ни с одним врачом, который не вел бы осмотра Знал ли доктор Лестера Б Клозена? Нет, никогда не слышал о нем. А почему меня это интересует?

— Мистер Клозен звонил вам сегодня утром сказал я.— Он был очень пьян, и язык у него заплетался.

— Но я не знаю мистера Клозена, холодно ответил доктор. Теперь он, похоже, совсем не спешил

— Ну, тогда все в порядке сказал я Мне только хотелось удостовериться. Кто-то всадил ему в затылок пешню.

Пауза. Потом доктор спросил вежливым до елейности тоном:

— Полиция об этом извещена?

— Конечно,— ответил я.— Но вас это не должно заботить — если только пешня не ваша.

Это предположение доктор отверг. И вкрадчиво поинтересовался:

— А с кем я говорю?

— Моя фамилия Хикс,— ответил я.— Джордж У. Хикс. Я только что убрался оттуда. Не желаю впутываться в такие дела. Я решил, что это может заинтересовать вас, потому что Клозен пытался дозвониться вам — само собой, еще до убийства

— Мне очень жаль, мистер Хикс, — сказал доктор Лагарди. – Но мистера Клозена я *не знаю*. Никогда *не слышал* о нем и не сталкивался с ним. Память на фамилии у меня прекрасная

— Что ж, отлично,— сказал я — И теперь уже не столкнетесь. Но кое у кого *может* возникнуть вопрос, почему он вам звонил,— если я не забуду об этом сообщить.

Наступила долгая пауза Потом доктор Лагарди произнес:

— По этому поводу мне нечего сказать.

— Мне тоже, – сказал я — Возможно, я вам еще позвоню. Поймите меня правильно, доктор Лагарди. Это не вымогательство Я просто маленький, сбившийся с пути человек, которому нужен друг. Мне кажется, что доктор — как и священник...

— Я полностью к вашим услугам, — сказал доктор Лагарди.— Пожалуйста, приезжайте ко мне на консультацию без церемоний.

— Спасибо, доктор, горячо поблагодарил я. Большое, большое спасибо.

И повесил трубку. Если доктор Винсент Лагарди говорил правду, он позвонит в полицейское управление Бэй-Сити и все расскажет. Если не позвонит, значит, врал. Может, это имело бы смысл узнать, может, и нет.

7

Телефон на моем письменном столе зазвонил ровно в четыре.

— Вы уже нашли Оррина, мистер Марлоу?

— Пока нет. Где вы?

— Да я в аптеке, рядом...

— Поднимайтесь сюда и перестаньте корчить из себя Мату Хари.

2 Заказ № 1828

— Вы хоть с кем-нибудь бываете вежливы? — вспылила Орфамэй.

Я повесил трубку и для поддержания духа перед разговором налил глоток «Старого лесничего». Глотая виски, я услышал шаги Орфамэй по коридору. Подошел к двери и распахнул ее.

— Входите в эту дверь, чтобы не соваться в толпу.

Орфамэй села и со сдержанным видом приготовилась слушать.

— Мне только удалось выяснить,— сказал я,— что в этом притоне на Айдахо-стрит торгуют наркотиками. Сигареты с марихуаной.

— Да что вы,— сказала она,— какая гадость.

— Нужно принимать в жизни и хорошее, и плохое,— заметил я. Оррин, должно быть, узнал и пригрозил донести в полицию

— Вы имеете в виду,— спросила она в своей детской манере,— что с ним за это могли расправиться?

— Скорее всего, для начала просто припугнули.

— Нет, мистер Марлоу. Оррина на испуг не возьмешь,— решительно сказала Орфамэй.— Когда на него давят, он только становится зловредным.

— Не спорю,— сказал я.— Но мы говорим о разных вещах. Напугать можно любого — если взяться за дело умеючи.

— Нет, мистер Марлоу,— упрямо возражала она.— Оррина на испуг не возьмешь

— Ну, ладно,— сказал я.— Не возьмешь, так не возьмешь. А если б ему отрезали ногу и били ею по голове? Как бы он повел себя после этого — стал бы писать в бюро по улучшению деловой практики?

— Вы насмехаетесь надо мной, мистер Марлоу,— вежливо сказала Орфамэй. Голос ее был холоден, как суп в пансионе — Это и все, что вы сделали за целый день? Выяснили, что Оррин съехал и что жил он в дурном окружении? Да я и без вас это знала, мистер Марлоу. Я полагала, что раз уж вы детектив...

Она не договорила, предоставив мне догадываться об остальном самому.

— Нет, не всё,— сказал я.— Еще подпоил джином управляющего, просмотрел регистрационную книгу и побеседовал с человеком по фамилии Хикс

Джордж У. Хикс. Он носит парик. Вы, скорее всего, не встречались с ним. Он занимает, вернее, занимал комнату Оррина. И я подумал, что.— Теперь настал мой черед не договорить.

Орфамэй уставилась на меня бледно-голубыми, увеличенными линзами очков глазами. Маленький рот ее был твердо сжат, руки, лежащие на квадратной сумочке, стискивали край стола, поза была высокомерной, напыщенной, церемонной и осуждающей.

— Вы получили от меня двадцать долларов, мистер Марлоу, – холодно сказала она. - Насколько я поняла, это оплата работы за день. Мне кажется, своей работы вы не выполнили.

— Не выполнил, сказал я — Что правда, то правда. Но день еще не истек. А о двадцати долларах не беспокойтесь Если угодно, можете получить их назад. Они даже не помялись

Открыв ящик стола, я вынул деньги, положил на стол и придвинул к ней Она посмотрела на них, но не притронулась. Медленно подняла взгляд и уставилась мне в глаза.

— Вы не так меня поняли Я знаю, мистер Марлоу, что вы делаете все возможное

— С теми сведениями, какими располагаю.

— Но я сказала вам все, что мне известно.

— Не думаю,— ответил я

— Что вы думаете,- язвительно сказала Орфамэй,— это ваше дело В конце концов, зачем бы я обращалась к вам, если б знала то что мне нужно?

— Я не говорю, что вы знаете все нужное вам. Речь о том, что я не знаю всего нужного мне для выполнения работы И в том что я услышал от вас, меня кое-что смущает

— Что смущает? Я сказала вам правду Оррин мой брат. Мне ли его не знать

Долго он работал в компании «Кол Вестерн»?

- Я говорила вам Оррин приехал в Калифорнию около года назад. И сразу же стал работать, потому что подыскал себе место еще до отъезда.

— Часто он писал домой? До того, как письма перестали приходить?

— Каждую неделю. Иногда чаще. Поочередно то матери, то мне. Само собой, письма писались для нас обеих.

— О чем?
— Вы хотите узнать, о чем он писал?
— А что же еще?
— Не будьте таким резким. Писал о работе, о заводе, о людях, работающих там, иногда о представлении, на котором побывал. Или о Калифорнии. И о церкви тоже.
— А о девушках?
— По-моему, Оррин мало интересовался девушками.
— И все время он жил на одном месте?
Орфамэй недоуменно кивнула
— Когда он перестал писать?
Над этим вопросом пришлось задуматься. Орфамэй поджала губы и подперла нижнюю кончиком пальца.
— Месяца три-четыре назад, сказала наконец Орфамэй.
— Каким числом было датировано последнее письмо?
— Я.. я не могу назвать точную дату Пришло оно, как я сказала, три-четыре ме...
Я прервал ее взмахом руки.
— Было там что-нибудь необычное? В строках или между строк?
— Да нет Вроде бы н[illegible] отличалось от других.
— В Калифорнии у в[illegible] родственников или знакомых?
Орфамэй как-то странно поглядела на меня, хотела что-то сказать, потом резко потрясла головой
— Нет.
— Так. Теперь я скажу, что меня смущает. Не стану касаться того, что вы скрываете, где остановились. Возможно, это просто из страха, как бы я не заявился с бутылкой спиртного и не начал приставать к вам.
— Говорить так — не очень-то деликатно, — заявила Орфамэй.
— Все, что я говорю — неделикатно. Я не деликатен. По вашим меркам деликатным может быть лишь тот, у кого не меньше трех молитвенников под мышкой. Но зато я дотошен. Портит всю эту картину то, что вы не боитесь. Ни вы лично, ни ваша мать. А вам нужно бы очень бояться.
Орфамэй крепко стиснула сумочку тонкими пальцами и прижала к груди.

— Вы хотите сказать, с ним что-то случилось?

Голос ее упал до печального шепота, как у гробовщика, требующего плату вперед.

— Насколько мне известно — ничего. Но я не представляю, как можно, зная, что за человек Оррин, несколько месяцев в ожидании отпуска не наводить никаких справок. Не представляю, как можно не обратиться в полицию, где есть отдел розыска пропавших. И явиться к работающему в одиночку детективу, о котором вы никогда не слышали, с просьбой порыться в мусорной куче. Не представляю, как ваша добрая старая матушка сидит неделю за неделей в Манхаттене, штат Канзас, штопая зимнее белье священнику. От Оррина нет писем, нет никаких вестей. А она лишь вздыхает и принимается за очередные кальсоны.

Орфамэй подскочила и бросилась в наступление.

— Вы гадкий, отвратительный человек,— гневно заявила она.— Вы просто мерзавец. Не смейте говорить, что мы с матерью не волновались. Не смейте.

Я придвинул лежащие на столе деньги еще ближе к ней.

— Вашим волнениям цена двадцать долларов, милочка. Но перейдем к тому, о чем вы умалчиваете. Мне, пожалуй, и ни к чему это знать. Суньте эти деньжищи в свою седельную сумку и забудьте о моем существовании. Завтра можете предложить их взаймы другому детективу.

Орфамэй убрала деньги в сумочку и злобно щелкнула замком.

— Вряд ли мне удастся забыть ваше хамство. Еще никто на свете не разговаривал со мной так.

Я встал и вышел из-за стола.

— Не придавайте ему особого значения. А то, чего доброго, оно вам понравится.

Протянув руку, я снял с нее очки. Орфамэй сделала полшага назад, пошатнулась, и я машинально подхватил ее. Округлив глаза, она уперлась руками мне в грудь и толкнула. Котенок и то мог бы толкнуть сильнее.

— Без очков эти глаза поистине прекрасны,— сказал я благоговейным тоном.

Орфамэй расслабилась, откинула голову назад и чуть приоткрыла губы.

— Небось вы так со всеми клиентками,— негром-

ко сказала она. Руки ее упали вдоль туловища. Сумочка ударилась о мою ногу. Орфамэй повисла всей тяжестью на моей руке. Если она давала понять, что хочет высвободиться, то перепутала способы выражения желаний.

— Нельзя ж было допустить, чтобы вы потеряли равновесие,— сказал я.

— Я знала, что вы предусмотрительны.

Она расслабилась еще больше. Голова ее запрокинулась. Веки опустились и чуть подрагивали, губы приоткрылись еще шире. На них появилась легкая обольстительная улыбка, учиться которой нет нужды.

— Небось, подумали, я нарочно.

— Что нарочно?

— Ну, пошатнулась.

— Уф-ф.

Орфамэй быстро обняла меня за шею и притянула к себе. Я поцеловал ее. В противном случае пришлось бы ударить. Она крепко прижала на долгую минуту свои губы к моим потом спокойно изогнулась в моих объятиях и очень удобно угнездилась. Издала легкий, долгий вздох.

— В Манхаттене, штат Канзас, вас могли бы за это арестовать,— заявила она

— По справедливости, меня нужно было б арестовать лишь за появление там,— ответил я.

Хихикнув, Орфамэй притронулась пальцем к кончику моего носа.

— Вы, небось, предпочитаете легкомысленных девушек,— сказала она, глядя на меня искоса снизу вверх.— Что ж, зато вам, по крайней мере, не придется стирать помаду. Может, в следующий раз я подкрашу губы.

— Может, сядем на пол, предложил я.— Рука у меня начинает уставать.

Она снова хихикнула и грациозно высвободилась.

— Небось, думаете, что я много целовалась

— Как и всякая девушка.

Орфамэй кивнула и, чуть сощурясь, поглядела на меня снизу вверх.

— Девушки целуются даже на церковных собраниях.

— Иначе не было б никаких церковных собраний,— сказал я.

Мы поглядели друг на друга без особого выражения.

— Что ж...— заговорила наконец Орфамэй. Я вернул ей очки. Она их надела, открыла сумочку, погляделась в зеркальце, потом порылась и что-то вынула, зажав в кулак.

— Извините меня за вредность,— сказала она и что-то сунула под журнал записей на столе. Еще раз слегка улыбнулась мне, четким шагом подошла к двери и распахнула ее.

— Я позвоню,— ласково сказала она. Потом вышла и застучала каблучками по коридору.

Я поднял журнал и разгладил лежавшие под ним скомканные купюры. Поцелуй был не бог весть каким, но все же я получил новую возможность заработать двадцать долларов.

Едва я вспомнил о мистере Лестере Б. Клозене, зазвонил телефон. Я рассеянно поднял трубку. Голос был резким, но глухим и нечетким, словно проходил через штору или длинную седую бороду.

— Марлоу?

— Слушаю.

— Сейф у тебя есть, Марлоу?

Мне уже надоело быть вежливым.

— Кончайте спрашивать и начинайте излагать,— ответил я.

— Я задал тебе вопрос, Марлоу.

— А я не ответил. И всё тут.

Протянув руку, я нажал телефонный рычаг и не отпускал, пока закуривал сигарету. Я знал, что этот человек позвонит снова. Люди всегда звонят снова, если считают себя крутыми. Им необходимо произнести заключительную реплику. Когда звонок раздался опять, я снял трубку и заговорил первым.

— Если у вас есть предложение, скажите, в чем оно состоит. И, пока я не получил от вас никаких денег, обращайтесь ко мне «мистер».

— Не надо так горячиться, дружище. Я попал в переделку. Мне нужна помощь. Необходимо спрятать кое-что в надежном месте. На несколько дней. Не больше. А ты быстро заработаешь немного денег.

— Как немного? — спросил я.— И как быстро?

— Сотню. Она здесь, дожидается. Я грею ее к твоему приходу.

— Слышу, как она мурчит,— сказал я.— Где это — «здесь»?

Ответ я выслушал дважды: когда я слушал голос и когда он отдавался эхом у меня в голове.

— Отель «Ван Нуйс», номер триста тридцать два. Два частых стука в дверь и два редких. Не особенно громких. И пошевеливайся. Когда сможешь...

— Что нужно прятать в сейф?

— С этим подождем, пока не приедешь. Я сказал, что спешу.

— Как ваша фамилия?

— Номер триста тридцать два, это все.

— Спасибо, что позвонили,— сказал я.— До свиданья.

— Эй, эй. Погоди, недотепа. Это не краденое, как ты подумал. Не алмаз, не изумрудные подвески. Просто для меня это стоит больших денег — и не стоит ничего для всех остальных.

— Сейф есть в отеле.

— Хочешь умереть бедняком, Марлоу?

— Почему бы нет? Умер же Рокфеллер. Еще раз до свиданья.

Голос изменился. Мягкость его исчезла. Он произнес быстро и резко:

— Как делишки в Бэй-Сити?

Я не ответил. Молча ждал. Послышалось, как в телефон-автомате звякнула монета.

— Думаю, это может заинтересовать тебя, Марлоу. Номер триста тридцать два. Кати сюда, дружище. И побыстрее.

Раздался щелчок. Я повесил трубку. Со стола ни с того ни с сего скатился карандаш и, ударясь о стеклянную подставку под ножкой стола, сломался. Я поднял его и старательно заточил в привинченной к оконной раме точилке. Потом положил в корзинку на столе и отряхнул руки. Мне было некуда девать время. Я глядел в окно. И ничего не видел. Ничего не слышал.

А потом и вовсе ни с того ни с сего мне привиделось лицо Орфамэй Квест, в очках, ухоженное, подкрашенное, с белокурыми волосами, взбитыми высоко над перехваченным лентой лбом. И с альковными глазами. Глаза у всех у них непременно должны быть альковными. Я сделал попытку представить себе крупным планом, как в это лицо впивается

зубами некий самец из пользующегося дурной славой многолюдного бара «Романофф».

Путь до отеля «Ван Нуйс» занял у меня двадцать минут.

8

Когда-то этот отель, несомненно, отличался своеобразной изысканностью. Но все это давно ушло в прошлое. Застарелый запах сигарного дыма стойко сохранялся в вестибюле, как грязная позолота на потолке и продавленная кожа на креслах. Мраморная доска стала от времени желто-коричневой. Однако ковровая дорожка была новой, жесткой с виду, как и портье. Пройдя мимо него, я направился к табачному киоску в углу, выложил двадцать пять центов и попросил пачку «кэмэл». За прилавком стояла соломенная блондинка с усталыми глазами и тонкой шеей. Она положила передо мной сигареты, прибавила к ним спички и бросила сдачу в коробку с прорезью. На коробке было написано: «Спасибо от благотворительного фонда».

— Вам хотелось, чтобы я это сделала, так ведь? — сказала блондинка, терпеливо улыбаясь.— Вам хотелось отдать свою мелочь несчастным приютским детишкам с рахитичными ножками, правда?

— А что если нет? — спросил я.

— Я вытащу оттуда семь центов,— сказала она,— и это будет очень мучительно.

В ее слабом протяжном голосе звучала какая-то влажная нежность, напоминающая сырое банное полотенце. Я опустил вслед за семью центами еще двадцатицентовик. Тут блондинка улыбнулась так широко, что стали видны гланды.

— Вы славный человек,— сказала она.— Я вижу, что славный. Многие приходят сюда, чтобы заигрывать со мной. Подумать только. Из-за семи центов. Заигрывать.

— Кто сейчас детектив в отеле? — спросил я, не желая пользоваться предлагаемой возможностью.

— Их двое.— Блондинка стала неторопливо поправлять что-то на затылке, старательно демонстрируя при этом кроваво-красные ногти.— По ночам дежурит мистер Хэди, а днем мистер Флэк. Сейчас день, значит, смена мистера Флэка.

— Где его мо́жно найти?

Блондинка перегнулась через прилавок и, дав мне вдохнуть запах своих волос, указала длинным ногтем в сторону лифтов.

— В этом коридоре, сразу же за швейцарской. Швейцарскую вы заметите, дверь там из двух половинок, и на верхней надпись золотыми буквами «Швейцар». Только эта половинка откинута, так что, может, надписи вы не увидите.

— Увижу, - пообещал я. – Даже если для этого пришлось бы привинтить к шее дверную петлю. Как выглядит этот Флэк?

— Ну,— сказала блондинка,— такой невысокий, коренастый, с усиками, довольно полный. Сложен крепко, только ростом не вышел.

Пальцы ее поползли по прилавку туда, где я, не двигаясь с места, мог бы их коснуться.

— Неинтересный он. Зачем он вам?

— Дела,— ответил я и поспешил отойти, пока она не вцепилась в меня.

От лифтов я оглянулся на блондинку. Она глядела мне вслед с выражением, которое, видимо, сочла бы задумчивым.

Швейцарская находилась посередине коридора, ведущего к выходу на Спринг стрит. Следующая дверь была приоткрыта. Я заглянул внутрь, потом вошел и прикрыл ее за собой.

За небольшим столом, на котором кроме пыли и большой пепельницы почти ничего не было, сидел человек. Невысокий и крепко сложенный. Под носом у него темнела колючая полоска длиною в дюйм. Я уселся напротив него и положил на стол визитную карточку.

Он лениво потянулся к карточке, прочел написанное, перевернул и так же внимательно прочел все на обороте. Достал из пепельницы недокуренную сигару и, разжигая ее, опалил себе нос.

— На что жалуешься? - пробурчал он.

— Ни на что. Флэк — это ты?

Ответить он не потрудился. Лишь устремил на меня пристальный взгляд, скрывающий его мысли, если только ему было что скрывать.

— Мне хотелось бы узнать кое-что об одном из жильцов,— сказал я.

— Как его фамилия? — спросил Флэк без особого воодушевления.

— Не знаю, под какой фамилией он здесь живет. У него триста тридцать второй номер.

— А под какой фамилией он жил в других местах? — спросил Флэк.

— Не знаю и этого.

— Ну, а как он выглядит? — Флэк проникся подозрительностью, вновь перечел текст моей визитной карточки, однако никаких новых сведений не почерпнул.

— Насколько мне известно, я его ни разу не видел.

— Видно, я переутомился,— сказал Флэк.— Ничего не могу понять.

— Этот человек позвонил мне,— сказал я.— Хотел меня видеть.

— Я тебя не задерживаю.

— Слушай, Флэк. У частного детектива иногда появляются враги. Ты должен это знать. Этот человек чего-то от меня хочет. Приглашает сюда, забывает представиться и вешает трубку. Я решил кое-что разузнать, прежде чем подниматься к нему.

Флэк достал изо рта сигару и терпеливо сказал:

— У меня просто голова кругом идет. Все равно ничего не понимаю. Хоть убей.

Я перегнулся через стол и неторопливо, отчетливо сказал:

— Возможно, это удобный способ заманить меня в отель, убрать и тихо смотаться. Тебе не хочется, чтобы такое случилось в твоем отеле, а, Флэк?

— Допустим,— сказал он.— А ты что, считаешь себя такой уж важной птицей?

— Тебе нравится эта гадость, которую ты куришь, или считаешь, что она придает тебе устрашающий вид?

— Разве я могу курить сигары получше,— сказал Флэк, упорно глядя на меня,— если получаю сорок пять монет в неделю?

— Я еще не получил денег на расходы. Пока ничем не могу помочь.

Флэк огорченно хмыкнул, устало поднялся и вышел. Я закурил сигарету и стал ждать. Вскоре он вернулся и положил на стол регистрационную карточку. На ней твердым округлым почерком было выведено: «Доктор Дж. У. Хэмблтон. Калифорния,

Эль-Сентро». Администратор написал на ней и другие сведения, включая номер комнаты и суточную стоимость проживания. Флэк ткнул в карточку пальцем, нуждавшимся в маникюре или по крайней мере в щетке для ногтей.

— Занял номер в два сорок семь,— сказал он.— То бишь сегодня. В счет ему ничего не занесено. Только плата за день проживания. Ни телефонных звонков, ни прочего. Тебе это нужно?

— Как он выглядит? — спросил я.

— Я его не видел. Думаешь, я стою и фотографирую постояльцев, пока они регистрируются?

— Спасибо,— сказал я.— Доктор Дж. У. Хэмблтон, Эль-Сентро. Весьма признателен,— и вернул регистрационную карточку.

— Всегда рад поделиться тем, что знаю,— сказал Флэк, когда я выходил.— Не забывай, где я живу. Если только это можно назвать жизнью...

Я кивнул и вышел. Бывают такие дни. Встречаешься с одними недотепами. Начинаешь смотреть на себя в зеркало и удивляться.

9

Комната № 332 находилась в глубине здания, неподалеку от выхода на пожарную лестницу. В коридоре пахло старыми коврами, мебельным лаком и однообразной безликостью тысячи неудавшихся жизней. Ведро для песка на полке под пожарным шлангом было полно сигарными и сигаретными окурками, скопившимися за несколько дней. Через открытую фрамугу из приемника неслась духовая музыка. Через другую доносился неудержимый смех. В конце коридора, у комнаты № 332, было потише.

Как было условлено, я постучал с одним долгим и одним коротким промежутками. Никакого ответа. Я почувствовал себя так, словно всю жизнь стучался в двери номеров дешевых отелей, и никто не потрудился мне открыть. Изнуренным и старым. Постучал еще раз. Потом повернул ручку и вошел. Ключ с красной картонной биркой был вставлен в замок изнутри.

За дверью находилась небольшая прихожая

с ванной по правую сторону. Из прихожей была видна кровать и лежащий на ней человек в рубашке и брюках.

— Доктор Хэмблтон? — спросил я.

Лежащий не ответил. Я пошел к нему. Возле ванной ощутил запах духов, повернулся, но недостаточно быстро. В дверном проеме стояла женщина, прикрывшая полотенцем нижнюю часть лица. Над полотенцем виднелись темные очки. А над очками широкополая соломенная шляпа пыльно-голубого цвета. Из-под шляпы выбивались пышные белокурые волосы. В тени их покачивались синие клипсы. Оправа очков была белой, с широкими заушниками. Платье цветом гармонировало со шляпой. Поверх платья была распахнутая вышитая шелковая жакетка. На руках — перчатки с крагами. Правой рукой женщина сжимала пистолет. Похоже, тридцать второго калибра.

— Повернитесь и заведите руки за спину, — сказала она. Приглушенный полотенцем голос значил для меня так же мало, как и темные очки. По телефону со мной говорил мужчина. Я не шевельнулся.

— Я не шучу,— сказала женщина.— Даю вам три секунды.

— А нельзя ли минуту? Мне приятно смотреть на вас.

Женщина сделала угрожающий жест маленьким пистолетом.

— Повернитесь, - резко приказала она. — Живо!

— И слышать ваш голос тоже приятно.

— Ну, ладно же,— сдавленно сказала она угрожающим тоном.— Раз сами напрашиваетесь, будь по-вашему.

— Не забывайте, что вы дама, — сказал я, повернулся и поднял руки к плечам. Дуло пистолета уперлось мне в затылок. Дыхание женщины слегка щекотало мне кожу. Запах духов был, можно сказать, изысканным, не очень сильным, не очень резким. Дуло оторвалось от затылка, и в глазах у меня сверкнуло белое пламя. Я крякнул, повалился вниз лицом на четвереньки и быстро протянул руку назад. Рука коснулась ножки в нейлоновом чулке, правда, только вскользь. Погладить такую ножку было приятно. Еще один сильный удар по голове отшиб

это удовольствие, я захрипел, как перед смертью. И бессильно распростерся на полу. Дверь открылась. Лязгнул ключ. Дверь закрылась. Ключ повернулся. Тишина.

Я с трудом поднялся и зашел в ванную. Приложил к ушибу смоченное холодной водой полотенце. Судя по ощущению, била женщина каблучком. Что не рукояткой пистолета — определенно. Кровь выступила, но слегка. Я ополоснул полотенце и, поглаживая шишку, недоумевал, почему не бросился с воплем за женщиной. Но взгляд мой был прикован к открытой аптечке над раковиной. Крышка жестянки с тальком откинута. Тальк рассыпан по всей полке. Тюбик с зубной пастой разрезан. Кто-то что-то искал.

Выйдя в прихожую, я подергал дверь. Заперта снаружи. Я нагнулся и глянул в замочную скважину. Замок оказался с наружной и внутренней скважинами на разных уровнях. Куколка в темных очках с белой оправой многого не знала об отелях. Я повернул ручку замка, отпиравшую наружный запор, открыл дверь, оглядел пустой коридор и закрыл снова.

Затем направился к лежащему на кровати. Все это время он ни разу не шевельнулся, и я уже догадывался, почему.

За маленькой прихожей находилась комната с двумя окнами, из них падали косые лучи вечернего солнца, освещая лежащего с ног до шеи. На грани света торчало что-то сине-белое, блестящее, округлое. Человек лежал в удобной позе на боку, вытянув руки вдоль тела, без обуви, щекой на подушке и казался спящим. На голове у него был парик. В прошлый раз, когда я говорил с этим человеком, его звали Джордж У. Хикс. Теперь доктор Дж. У. Хэмблтон. Инициалы те же самые. Впрочем, теперь это не имело значения. Он умолк навсегда. Крови не было. Ни капли, это одно из немногих достоинств умелой работы пешней.

Я коснулся шеи лежащего. Она еще не успела остыть. Солнечные лучи сместились от рукоятки пешни к его левому уху. Я отвернулся и оглядел комнату. Телефонный аппарат был вскрыт. В углу валялась гидеоновская Библия. Письменный стол хранил следы обыска. Я подошел к чулану и заглянул в него. Только постельные принадлежности

да чемодан, который я уже видел. Ничего такого, что могло бы представлять интерес. Я поднял с пола жесткополую шляпу, положил на стол и вернулся в ванную. Теперь меня занимало, удалось ли убийцам найти то, что они искали. Времени было у них в обрез.

Я старательно обыскал ванную. Снял крышку с бачка и спустил воду. Пусто. Заглянул в водослив. Нитки с привязанным к концу предметом не было. Обыскал комод. Там оказался только старый конверт. Поднял с пола Библию и перелистал ее снова. Осмотрел три картины и обследовал кромку ковра. Он был плотно прибит к стене, в углубления от гвоздей набилась пыль. Лег и осмотрел пол под кроватью. Тоже ничего, кроме пыли. Встал на стул и заглянул в абажур. Только пыль и дохлые мотыльки. Оглядел постель. Она была застелена горничной, и с тех пор к ней никто не прикасался. Ощупал подушку под головой мертвеца, потом достал из чулана вторую и ощупал швы. Ничего.

Пиджак доктора Хэмблтона висел на спинке стула. Я обыскал его, зная почти наверняка, что ничего не найду. Кто-то порезал ножом подкладку и набивку под плечами. В кармане оказались спички, две сигары, темные очки, свежий носовой платок, корешок билета в кино, маленькая расческа и запечатанная пачка сигарет. Я внимательно осмотрел пачку на свету. Непохоже было, чтоб ее вскрывали. Сорвав крышку, порылся внутри, но обнаружил только сигареты.

Оставалось обыскать только самого доктора Хэмблтона. Я повернул его и обшарил карманы брюк. Мелочь, еще один платок, тюбик зубной пасты, спички, кольцо с ключами, расписание автобусов. В бумажнике из свиной кожи оказались конверт с марками, еще одна расческа (этот человек очень заботился о своем парике), три плоских пакетика с белым порошком, семь визитных карточек с надписью «Доктор Дж. У. Хэмблтон, Калифорния, Эль-Сентро, Гастин-билдинг, приемные часы 9—12; 2—4, и по назначению, телефон Эль-Сентро 50 406». Ни водительских прав, ни страховой карточки, никаких документов, удостоверяющих личность. В бумажнике лежало сто шестьдесят четыре доллара. Я сунул бумажник на место.

Взяв со стола шляпу, я осмотрел наружную и внутреннюю ленты. Бант, судя по обрывкам ниток, был отпорот кончиком ножа. Внутри банта ничего не было. Ничто не говорило о том, что его распарывали и сшивали снова.

Напрашивался следующий вывод. Если убийцы знали, что ищут, это можно было спрятать в телефонной коробке, тюбике зубной пасты или банте шляпы. Я снова зашел в ванную и поглядел в зеркало на голову. Из ранки все еще сочилась тонкая струйка крови. Я снова омыл шишку холодной водой, стер кровь туалетной бумагой и спустил бумагу в унитаз. Вернулся и встал над доктором Хэмблтоном, размышляя, в чем же он мог оплошать. На простака он не походил. Лучи солнца переместились в дальний конец комнаты и падали уже не на кровать, а в неубранный пыльный угол.

Внезапно я усмехнулся, наклонился и торопливо, с неуместной усмешкой сдернул с доктора Хэмблтона парик и вывернул его наизнанку. Все оказалось очень просто. К подкладке парика был приклеен липкой лентой прикрытый целлофаном кусочек оранжевой бумаги. Я отодрал его, развернул и увидел, что это квитанция из фотостудии Бэй-Сити. Сунул ее в бумажник и тщательно натянул парик на лысую голову покойного.

Комнату я бросил незапертой, поскольку запереть ее было нечем.

Через открытую фрамугу в коридор по-прежнему несся оглушительный рев радио, а из комнаты напротив к нему присоединялся громкий пьяный смех.

10

Работник фотостудии Бэй-Сити ответил мне по телефону:

— Да, мистер Хикс. Готовы. Шесть увеличенных отпечатков на глянцевой бумаге с вашего негатива.

— Когда вы закрываетесь? — спросил я.

— Минут через пять. Открываемся утром в девять.

— Тогда возьму отпечатки утром. Спасибо.

Повесив трубку, я машинально полез в прорезь

для возврата монет и обнаружил там чей-то пятицентовик. Подошел к буфетной стойке, взял на него чашку кофе, сел и стал потягивать его, прислушиваясь к жалобным гудкам автомобилей на улице. Было время возвращения с работы. Раздавались свистки. Гудели моторы. Визжали старые тормоза. С тротуара доносился глухой нескончаемый топот ног. Только что пробило половину шестого. Я допил кофе, набил трубку и прошел полквартала обратно к отелю «Ван Нуйс». В письменном зале вложил оранжевую квитанцию в лист бумаги и написал на конверте свой адрес. Прилепил на конверт марку заказной доставки и опустил его в почтовый ящик у лифта. Потом снова пошел в кабинет Флэка.

Как и в прошлый раз, я закрыл дверь и сел напротив него. Флэк, казалось, с тех пор даже не шевельнулся. Он угрюмо мусолил все тот же окурок сигары, и глаза его были все так же пусты. Чиркнув спичкой о стол, я разжег погасшую трубку. Флэк нахмурился.

— Доктор Хэмблтон не отзывается на стук,— сказал я.

— А? — Флэк тупо посмотрел на меня.

— Жилец из триста тридцать второй. Помнишь? Он не отзывается на стук.

— Ну и что мне, на стенку лезть? — спросил Флэк.

— Я стучал несколько раз. Никакого ответа. Решил, что, может, он принимает ванну, хотя ничего не было слышно. Ушел, походил, потом снова стал стучать. Опять никакого ответа.

Флэк достал из жилетного кармана часы-луковицу и поглядел на циферблат.

— Черт,— сказал он. — Еще целый час сидеть, даже больше. Я голоден как волк.

— Еще бы,— сказал я.— При такой напряженной работе. Тебе надо бы подкрепиться. Так номер триста тридцать два тебя совершенно не интересует?

— Ты говоришь, что жильца там не было,— раздраженно сказал Флэк.— Ну и что? Не было, так не было.

— Я не говорил, что его не было. Я сказал, что он не отвечает на стук.

Флэк подался вперед. Очень медленно вынул изо рта окурок сигары и положил в стеклянную пепельницу.

— Продолжай. Может, мне станет интересно,— сдержанно сказал он.

— Может, поднимешься, убедишься сам,— сказал я.— Может, ты давно не видел первоклассной работы пешней.

Флэк положил руки на подлокотники и крепко стиснул.

— Уф-ф,— недовольно произнес он.— Уф-ф.

Встав, он выдвинул ящик стола. Достал оттуда большой вороненый револьвер, открыл его, осмотрел патроны в барабане, заглянул в ствол и резко закрыл снова. Расстегнул жилетные пуговицы и сунул револьвер за пояс. В случае опасности он, возможно, сумел бы выхватить оружие меньше чем за минуту. Решительно нахлобучил шляпу и отрывисто указал большим пальцем на дверь.

Мы молча поднялись на третий этаж. Пошли по коридору. Там ничего не изменилось. Ни один шум не усилился и не ослабел. Флэк торопливо подошел к номеру и по привычке постучал. Потом подергал дверь. Обернулся ко мне и скривил рот.

— Ты говорил, что дверь незаперта,— недовольно сказал он.

— Собственно, я этого не говорил. Но она *была* незаперта.

— А теперь на замке,— сказал Флэк и выудил ключ на длинной цепочке. Отпер замок, поглядел в одну сторону, в другую. Медленно, бесшумно повернул дверную ручку и приоткрыл дверь дюйма на два. Прислушался. Изнутри не доносилось ни звука. Вынул из замка ключ, распахнул пинком дверь и вскинул оружие, вытянув руку до отказа, как гангстеры в кинофильмах.

— Пошли,— сказал он мне углом рта.

Через его плечо я видел, что доктор Хэмблтон лежит в прежнем положении, но рукоятку пешни от входа было не разглядеть. Флэк подался корпусом вперед и осторожно вошел. Подойдя к двери ванной, заглянул в щель, потом распахнул дверь настежь. Вошел в ванную, затем вышел и шагнул в комнату напряжённо, осторожно, как человек, готовый к любым опасностям.

Он подергал дверцу чулана и, подняв револьвер, распахнул ее. Никаких злоумышленников в чулане не оказалось.

— Посмотри под кроватью,— сказал я ему.

Он быстро нагнулся и заглянул под кровать.

— А теперь под ковром.

— Ты что, издеваешься? — злобно спросил Флэк.

— Просто нравится смотреть, как ты работаешь.

Флэк нагнулся над покойником и уставился на рукоятку пешни.

— Кто-то запер дверь,— с ухмылкой сказал он.— Если ты не врешь, что она была открыта.

Я промолчал.

— Что ж, придется вызывать полицию,— неторопливо сказал он.— Такого дела не скроешь.

— Твоей вины здесь нет,— сказал я.— Такое случается даже в хороших отелях.

11

Молодой рыжеволосый врач-интерн заполнил свидетельство о смерти и сунул авторучку в нагрудный карман белого халата. С [illegible] усмешкой захлопнул журнал.

— Видимо, задет спинной мозг прямо под затылочной костью,— равнодушно сказал он.— Очень уязвимое место. Нужно только знать, как его найти. Вы, я полагаю, знаете.

Лейтенант Кристи Френч проворчал:

— Думаешь, я впервые с этим сталкиваюсь?

— Догадываюсь, что нет,— сказал интерн. Бросил напоследок быстрый взгляд на покойника и вышел, обронив через плечо: — Позвоню коронеру.

Дверь за интерном закрылась.

— Труп для этой публики — все равно что для меня тарелка тушеной капусты,— угрюмо сказал Кристи Френч, обращаясь к закрытой двери. Его напарник, Фред Бейфус, стоял на одном колене у телефонной коробки. Посыпав ее порошком, чтобы снять отпечатки пальцев, сдул лишнюю пыль. Посмотрел на пятна в маленькую лупу. Покачал головой, потом что-то снял с винта, которым крепится крышка.

— Серые хлопчатобумажные перчатки гробовщика,— сказал он с отвращением.— Оптовая це-

на — четыре цента пара. Откуда ж взяться отпечаткам? В телефонной коробке, видно, что-то искали?

— Очевидно, что-то способно уместиться там,— сказал Френч.— Я и не рассчитывал найти отпечатки. Пешней работают профессионалы. Со временем мы найдем этих специалистов. Сейчас просто беглый осмотр.

— По-моему, пешней действовала женщина,— вдруг заявил Флэк. — Пешни продаются всюду. Цена им десять центов. Если нужно, чтоб она была под рукой, можно сунуть ее за подвязку.

Кристи Френч презрительно покосился на него. Бейфус сказал:

— С какими женщинами ты знаешься, дружок? Сейчас чулки стоят так дорого, что женщина не сунет туда пешню, как и пилу.

— Об этом я не подумал,— сказал Флэк.

— Думать предоставь нам, дружок,— ответил Бейфус.— Для этого нужно кое-что иметь в голове.

— Ну, грубить-то не надо,— буркнул Флэк.

Бейфус снял шляпу и раскланялся.

— Не лишайте нас маленьких удовольствий, мистер.

— К тому же,— сказал Френч,— женщина наносила б удар за ударом. Она бы не сообразила, когда нужно остановиться. Всякая шантрапа тоже. Тут работа профессионала. Он сразу же попал в спинной мозг. И вот еще что — для этого нужно, чтобы человек был неподвижен. Значит, его кто-то держал, если только он не был в отключке или убийца не был его знакомым.

— Не представляю,— сказал я,— как он мог в отключке звонить мне.

Френч и Бейфус поглядели на меня с выражением сдержанной скуки.

— Если,— сказал Френч,— ты, как сам говоришь, не знал этого парня, то есть слабая вероятность, что не знал и его голоса. Может, юмор у меня слишком тонкий?

— Не знаю,— сказал я.— Не читал, что вам пишут поклонники вашего таланта.

Френч усмехнулся.

— Не трать на него красноречия,— сказал ему Бейфус.— Блеснешь им в клубе в пятницу утром. Старых дам из лиги блестящих носов очень интересуют тончайшие подробности убийства.

Френч размял сигарету и, чиркнув спичкой о спинку стула, прикурил. Издал вздох.

— Этот способ убивать пешней пошел из Бруклина,— объяснил он.— Его переняли ребята Веселого Моу Стейна, но слишком уж увлеклись. Нельзя было пройти по пустырю, не обнаружив их работы. Потом те, кто избежал ареста, перебрались сюда. Интересно, зачем?

— Может, у нас пустырей побольше,— предположил Бейфус.

— Но как ни странно, лениво продолжал Френч,— в феврале, когда по указке Плаксы Мойера на Франклин-авеню укокошили Веселого Моу Стейна, убийца стрелял из пистолета. Моу это очень бы не понравилось.

— Вот потому-то, держу пари, его лицо и выражало разочарование, когда с него смыли кровь,— сказал Бейфус.

— А кто этот Плакса Мойер? — спросил Флэк.

— Он был вторым человеком в шайке после Моу,— ответил Френч.— Вполне вероятно, что главаря убрал он. Только не собственными руками.

— Почему? — угрюмо спросил Флэк.

— Ты что, газет не читаешь? Мойер теперь стал джентльменом. Знается с лучшими людьми. Даже фамилию сменил. А во время убийства Моу Стейна он сидел по обвинению в содержании игорного дома. По этому делу мы ничего не установили. Но создали ему прекрасное алиби. Тем не менее, как уже сказал, он теперь джентльмен, а джентльмены сами не совершают убийств пешнями. Они нанимают для этого специалистов.

— У вас были какие-то улики против Мойера? — спросил я.

Френч бросил на меня резкий взгляд.

— А в чем дело?

— Да так, у меня мелькнула одна мысль. Правда, очень шальная.

Френч неторопливо оглядел меня.

— Между нами девочками говоря,— сказал он,— у нас нет даже доказательств, что человек, которого мы задержали, и есть Мойер. Только не болтайте об этом. Знать об этом должны только он сам, его адвокат, прокурор, управление полиции, муниципалитет и еще человек двести—триста.

Хлопнув себя по бедру пустым бумажником покойного, Френч сел на кровать. Небрежно откинулся на ногу трупа, закурил сигарету и ткнул ею в воздух.

— Хватит разводить треп. Вот чем мы располагаем, Фред. Во-первых, покойник не блистал умом. Он назвался доктором Дж. У. Хэмблтоном, при нем обнаружены визитные карточки с адресом и телефонным номером в Эль-Сентро. На выяснение, что такого адреса и такого телефона нет, ушло всего две минуты. Умного человека так легко не раскусить. Затем, он явно не при деньгах. У него оказалось четырнадцать долларов бумажками и доллара на два мелочи. На кольце нет ни автомобильного ключа, ни ключа от сейфа, ни от квартиры. Только ключи от чемодана и семь отмычек. Кстати, свежеподпиленных. Похоже, он хотел слегка подграбить отель. Как думаешь, Флэк, эти отмычки подошли бы к замкам в твоем притоне?

Флэк подошел и взглянул на них.

— Две вроде бы подходящего размера,— сказал он.— Годятся они или нет, определить на глаз не могу. За отмычками мне нужно обращаться в контору. У меня есть только [illegible] ключ. Пользоваться им я могу только в отсутствие жильцов.

Он достал из кармана ключ на длинной цепочке и сравнил его с отмычкой. Покачал головой.

— Над этими отмычками еще надо работать. Они мало подпилены.

Френч стряхнул пепел в ладонь и сдул его. Флэк снова сел на свой стул у окна.

— Следующий пункт,— объявил Кристи Френч.— У него нет ни водительских прав, ни других документов, удостоверяющих личность. Вся одежда куплена не в Эль-Сентро. Явно какой-то жучок, однако на подделывателя чеков не похож.

— Ты не видел его в деле,— ввернул Бейфус.

— И этот притон — неподходящее место для подобных занятий,— продолжал Френч.— У него паршивая репутация.

— Ну, это уж слишком! — возмутился Флэк.

Френч жестом оборвал его.

— Я знаю все отели в центральном районе. Это моя обязанность. За пятьдесят долларов я мог бы в течение часа организовать парный стриптиз с французскими фокусами в любом из номеров этого отеля. У тебя своя работа, у меня своя. И нечего

морочить мне голову. Ну, ладно. У этого постояльца было что-то такое, что он боялся держать при себе. Следовательно, знал, что за ним кто-то охотится и вот-вот настигнет. Поэтому он предложил Марлоу сто долларов за хранение этой вещи. Но у него нет таких денег. Стало быть, он собирался встретиться здесь с Марлоу и повести какую-то игру. В таком случае, это не краденая драгоценность. Это должно быть что-то почти допустимое. Правильно, Марлоу?

— «Почти» тут излишне,— сказал я.

Френч слегка усмехнулся.

— Итак, у него было нечто, способное уместиться в телефонную коробку, за шляпную ленту, в Библию или в пакетик с тальком. Мы не знаем, нашли нападавшие эту вещь или нет. Но знаем наверняка, что времени на поиски было очень мало. Чуть больше получаса.

— Если только мне звонил действительно доктор Хэмблтон,— сказал я.— К этому выводу пришли вы сами.

— В противном случае звонить не имело смысла. Убийцы не могли добиваться, чтобы труп поскорее обнаружили. С какой стати им вызывать кого-то в этот номер? — Он обернулся к Флэку.— Можно как-то установить, кто поднимался к нему?

Флэк угрюмо покачал головой.

— Портье не видит, кто подходит к лифтам.

— Может, из-за этого он и выбрал этот отель,— сказал Бейфус.— Да еще из-за уютной атмосферы.

— Перестань,— сказал Френч.— Тот, кто убил его, мог спокойно войти и выйти. И это, в сущности, всё, что нам известно. Так, Фред?

Бейфус кивнул.

— Не всё,— сказал я.— Парик у него превосходный, но все же это парик.

Бейфус и Френч быстро обернулись. Френч протянул руку, осторожно снял парик и присвистнул.

— А я-то думал, чего интерн усмехается,— сказал он.— Вот гад, даже не заикнулся об этом. Видишь, Фред?

— Вижу только лысину,— ответил Бейфус.

— Ты, может, не знаешь его. Неуловимый Марстон. Был на побегушках у Туза Девора.

— Ну да, точно,— сказал со смешком Бейфус. Наклонился и ласково погладил покойника по лыси-

но.— Как ты поживал все это время, Неуловимый? Я так давно не видел тебя, что даже не узнал. Но ты ведь знаешь меня, приятель. Растяпа всегда растяпа.

Без парика человек на кровати выглядел старым, жестким, съежившимся. На его лице начала застывать желтая маска смерти.

— Что ж, у меня камень с души свалился,— спокойно сказал Френч.— Не придется трудиться сутками из-за этого подонка.

Он нахлобучил парик покойнику, сдвинув на один глаз, и встал с кровати.

— Вы нам больше не нужны,— сказал он Флэку и мне.

Флэк поднялся.

— Спасибо за это убийство, дружок,— сказал ему Бейфус.— Случись еще одно в твоем славном отеле, не забывай о нашей службе. Действует она не всегда хорошо, зато быстро.

Флэк вышел в прихожую и распахнул дверь. Я пошел за ним. По пути к лифту мы не разговаривали. И по пути вниз. Я дошел с ним до его маленького кабинета, вошел следом и закрыл дверь. Это, казалось, удивило его.

Он сел за стол и потянулся к телефону.

— Надо доложить помощнику управляющего. Тебе что-нибудь нужно?

Я размял сигарету, закурил и спокойно выдохнул дым в его сторону.

— Сто пятьдесят долларов.

Маленькие круглые глаза Флэка превратились в круглые отверстия на лице безо всякого выражения.

— Нашел место для шуток,— сказал он.

— После этих двух комедиантов наверху не грех бы и пошутить,— сказал я.— Но я не шучу.

И забарабанил пальцами по краю стола.

У Флэка над усиками выступили капельки пота.

— Видишь, я занят,— сказал он на сей раз более хрипло.— Вали отсюда, и поживее.

— Какой грозный малыш,— сказал я.— Когда я обыскивал доктора Хэмблтона, у него в бумажнике было сто шестьдесят четыре доллара. Он обещал мне сотню в задаток, помнишь? А теперь там четырнадцать долларов. И я оставил дверь его номера незапертой. Но она оказалась заперта. Запер ее ты, Флэк

Флэк вцепился в подлокотники кресла. Голос его доносился словно со дна колодца:

— Ты ничего не сможешь доказать.

— Сделать попытку?

Флэк достал из-за пояса пистолет и положил перед собой. Уставился на него. Ничего не высмотрел. И снова поднял взгляд на меня.

— Пополам, а? — надломленным голосом спросил он.

Наступило общее молчание. Флэк достал старый потрепанный бумажник и запустил в него пальцы. Вынул пачку бумажных денег, расстелил их на столе, разложил на две стопки и придвинул одну ко мне.

— Отдавай все полторы сотни, — сказал я.

Флэк сгорбился и уставился на угол стола. Посидев так, вздохнул. Сложил обе стопки и придвинул ко мне.

— Они были ему уже не нужны. Забирай и сматывайся. Я запомню тебя, приятель. Тошнит меня от всех от вас. Откуда мне знать, что ты не слямзил у него полторы тысячи?

— Я забрал бы все. И убийца тоже. Чего ради оставлять четырнадцать долларов?

— Ну, а чего ради я оставил их? — устало спросил Флэк, бессмысленно водя пальцами по краю стола.

Я взял деньги, пересчитал и швырнул ему.

— Потому что ты работаешь здесь и знаешь, сколько денег нужно на первый случай. У него по крайней мере должны были быть деньги на оплату номера и несколько долларов на мелкие расходы. Полицейские ничего не смогли заподозрить. Забирай эти полторы сотни, они мне не нужны. Мне нужно кое-что другое.

Флэк разинул рот и уставился на меня.

— Убери деньги с моих глаз,— сказал я.

Он взял их и снова сунул в бумажник.

— Что другое? — Глаза его были маленькими и задумчивыми. Нижняя губа оттопырилась.— Помоему, в твоем положении ставить условия ни к чему.

— На этот счет ты слегка заблуждаешься. Если я снова поднимусь туда и скажу Кристи Френчу, что был в номере еще до них и обыскал уби-

того, то наслушаюсь брани. Но Френч поймет, что помалкивал я без злого умысла. Поймет, что тут как-то замешан мой клиент, и я хотел оградить его от неприятностей. Криков и ругани я наслушаюсь. Но тебе так легко не отделаться.

Я замолчал и смотрел, как на лбу у Флэка появляется влажный блеск. Он с трудом сглотнул. Глаза у него были болезненными.

— Кончай рассуждать и говори, что тебе нужно,— сказал он. И внезапно усмехнулся как-то по-волчьи.— Поздновато ты явился, чтобы ограждать свою клиентку от неприятностей.

Его самодовольная улыбка возвращалась медленно, но торжествующе.

Я загасил сигарету, достал другую и, пытаясь скрыть растерянность, неторопливо зажег ее, отбросил спичку, выпустил в сторону дым, глубоко затянулся, словно этот маленький грязный кабинет был утесом над бушующим океаном,— словом, пустил в ход все испытанные приемы детективов.

— Ладно,— сказал я.— Признаю, что это женщина. Признаю, что она была там с убитым, если тебе этого хочется. По-моему, она удрала оттуда только из-за потрясения.

— Ну, еще бы,— мерзким тоном сказал Флэк. Самодовольная улыбка окончательно вернулась на его физиономию.— А может, целый месяц никого не убивала пешней? Слегка отвыкла.

— Но зачем было ей забирать ключ? — принялся я рассуждать вслух.— И оставлять у портье? Почему бы не уйти, оставив все как есть? Ну, а если сочла нужным запереть дверь, почему не бросить ключ в ведро с песком и засыпать? Или унести и выбросить? Зачем ей отдавать ключ и оставлять о себе память в связи с этим номером? — Я опустил взгляд и угрожающе посмотрел на Флэка.— Разве только кто-то видел, как она выходила из номера — с ключом в руке — и проследил за ней, когда она вышла из отеля.

— Зачем это было кому-то нужно? — спросил Флэк.

— Потому что тот, кто видел ее, мог тут же войти в номер. У него был запасной ключ.

Флэк вскинул взгляд и тут же опустил.

— Итак, он последовал за ней,— сказал я.— Ви-

дел, как она сдала ключ портье и вышла на улицу, да и там, наверно, отстал не сразу.

— И чего это ты такой догадливый? — с усмешкой спросил Флэк.

Я подался вперед и придвинул к себе телефон.

— Позвоню-ка Кристи Френчу да покончу с этим. Чем больше я об этом думаю, тем больше меня берет страх. Вдруг убила она. Я не могу покрывать убийцу.

Я снял трубку. Флэк с силой ударил меня потной ладонью по руке. Телефон подпрыгнул.

— Не звони,— сказал он плачущим голосом.— Я шел за ней до машины, стоящей на улице. Записал номер. Черт возьми, приятель, не губи меня.— Он принялся торопливо шарить в карманах.— Знаешь, что я имею на этой работе? Можно сказать, только на курево. Погоди минутку. Кажется...

Флэк опустил глаза и стал рыться в каких-то грязных конвертах, наконец выбрал один и бросил мне.

— Номер машины,— устало сказал он,— и, если тебя это немного утешит, я его совсем не помню.

Я поглядел на конверт. Там действительно был выведен номер машины. Коряво, нечетко, тускло, так пишет на улице человек, держа бумагу в руке. «6Н 333. Калифорния 1947».

— Доволен?

Это был голос Флэка. По крайней мере, слово вылетело из его рта. Я оторвал клочок с номером и бросил конверт ему.

— Четыре Пэ триста двадцать семь,— сказал я, глядя ему в глаза. В них ничего не промелькнуло. Ни следа насмешки или скрытности.— Но откуда мне знать, что ты не записал этот номер давным-давно?

— Придется поверить на слово.

— Опиши машину,— сказал я.

— «Кадиллак» с откидным верхом, не новый, верх был поднят, модель примерно сорок второго года. Цвет серовато-голубой.

— Опиши женщину.

— Не много ли хочешь за свои деньги, соглядатай?

— За деньги доктора Хэмблтона.

Флэк захлопал глазами.

— Ну, ладно. Блондинка. Белое пальто с какой-то цветной строчкой. Широкополая синяя соломен-

ная шляпа. Темные очки. Рост около пяти футов двух дюймов. Сложена как манекенщица.

— Узнал бы ты ее — без очков? — осторожно спросил я.

Он сделал вид, что задумался. Потом покачал головой.

— Еще раз номер машины, Флэки? — внезапно спросил я.

— Какой машины?

Я перегнулся через стол и стряхнул пепел сигареты на его пистолет. Еще раз поглядел ему в глаза. Но я знал, что он уже сломлен. Видимо, и он это знал. Взяв пистолет, он сдул с него пепел и сунул в ящик стола.

— Уходи. Убирайся,— сказал он сквозь зубы.— Донесешь фараонам, что я обшарил жмурика. Ну и что? Может, меня турнут с работы. Может, посадят. Ну и что? Когда выйду, заживу на славу. Малышу Флэки не придется мечтать о кофе с печеньем. Не воображай, что эти темные очки собьют с толку Малыша Флэки. Я смотрел много фильмов и не мог не узнать эту красотку. Если хочешь знать, она продержится в кино еще долго. Она подает надежды, и кто знает,— он торжествующе усмехнулся,— может, ей вскоре потребуется телохранитель. Человек, который бы крутился поблизости, подмечал, что нужно, оберегал от неприятностей. Знающий что к чему и разумно относящийся к деньгам... В чем дело?

Я подался вперед и, склонив голову набок, прислушался.

— Вроде звонит церковный колокол,— сказал я.

— Здесь поблизости нет церквей,— с презрением ответил Флэк.— Это в твоем драгоценном мозгу.

— Только один колокол,— сказал я.— Очень унылый звон. Кажется, его называют заупокойным.

Флэк тоже прислушался.

— Ничего не слышу,— резко сказал он.

— И не услышишь,— сказал я.— Ты будешь единственным, кто не сможет его услышать.

Флэк молча уставился на меня маленькими противными сощуренными глазками, его противные маленькие усики блестели. Рука бессмысленно подергивалась на столе.

Я оставил его наедине со своими мыслями, оче-

видно, такими же мелкими, противными и трусливыми, как и он сам.

12

Нужный мне дом располагался на Дохени-драйв, в нескольких шагах вниз по склону от Стрипа. Собственно говоря, два дома, стоящих один за другим, соединенных мощеным патио с фонтаном и аркой с надстройкой. В отделанном под мрамор фойе находились почтовые ящики и кнопки звонков. Над тремя из шестнадцати не было фамилий. Те, что я прочел, не интересовали меня. Предстояло еще слегка потрудиться. Я дернул парадную дверь, она оказалась не заперта, но дела мои на этом не кончились.

Снаружи стояли два «кадиллака», «линкольн-континентл» и «паккард-клиппер». Цвет и номера «кадиллаков» были не те. На другой стороне улицы какой-то парень в бриджах развалился в «ланче» с низкой посадкой, перебросив ноги через открытую дверцу. Он курил, глядя на бледные звезды, знающие, что от Голливуда нужно держаться подальше. Я поднялся по отлогому холму на бульвар и, пройдя квартал на восток, вошел в душную, словно карцер, телефонную будку. Набрал номер человека, прозванного Пеория Смит только потому, что он заикается. Какая тут связь — это одна из маленьких тайн, раскрывать которые мне недосуг.

— Мэвис Уэлд,— сказал я.— Телефонный номер. Это Марлоу.

— Яс-с-сно,— ответил он.— М-м-мэвис Уэлд? Тебе нужен ее т-телефон?

— Сколько с меня?

— Д-десять долларов.

— Считай, что я не звонил.

— П-постой! Давать телефоны малышек не положено. Для помощника реквизитора это большой риск.

Я молчал, вдыхая то, что выдохнул.

— И адрес дам, само собой,— прохныкал Пеория, забыв заикаться.

— Пять долларов,— сказал я.— Адрес у меня

уже есть. И не торгуйся. Если думаешь, что ты единственный сообщаешь за плату не внесенные в справочники телефонные номера...

— Ну, подожди,— недовольно сказал он и пошел за маленькой красной записной книжкой. Заика-притворщик. Когда он волновался, заикание как рукой снимало. Возвратясь, Пеория сообщил мне номер. Конечно же это в Крествью. Если в Голливуде номер у тебя не из Крествью, ты никчемность.

Открыв, чтобы не задохнуться, дверь застекленной металлической камеры, я снова завертел диск. После двух гудков ответил томный женский голос. Я закрыл дверь.

— Да-а-а,— проворковал голос.

— Мисс Уэлд, пожалуйста.

— А кто звонит мисс Уэлд, можно узнать?

— Уайти просил меня срочно передать ей несколько снимков.

— Уайти? А кто это такой, amigo? *

— Главный фотограф киностудии,— сказал я.— Неужели не знаете? Если вы скажете мне номер квартиры, я подойду. Тут всего несколько кварталов.

— Мисс Уэлд принимает ванну. – Моя собеседница засмеялась. Там, где находилась она, смех ее, очевидно, зазвучал серебряным колокольчиком. Там, где находился я,— будто кто-то двигал кастрюли.— Но вы непременно приносите фотографии. Я уверена, ей не терпится взглянуть на них. Номер квартиры четырнадцать.

— И вы будете там?

— Ну, конечно. Само собой. Надо ли спрашивать?

Я повесил трубку и нетвердым шагом вышел на свежий воздух. Парень в бриджах все еще высовывал ноги из «ланчи», но одного из «кадиллаков» не было, а на стоянке появились два «бьюика» с откидным верхом. Я позвонил в четырнадцатую квартиру и прошел через патио, где алая китайская жимолость освещалась маленьким прожектором. Еще один прожектор освещал большой декоративный пруд с множеством жирных золотых рыбок и неподвижные листы лилий, цветки которых уже плотно

---

* Друг *(исп.)*.

закрылись на ночь. У пруда стояла пара каменных скамеек, на газоне — качели. Дом выглядел не особенно дорогим. Квартира находилась на втором этаже, одна из двух дверей выходила на широкую лестничную площадку.

На звонок дверь открыла высокая брюнетка в галифе. «Соблазнительная» было бы для нее весьма слабой похвалой. Галифе, как и ее волосы, были угольно-черными. Шелковая блузка — белой, шею неплотно облегал алый шарф, не столь яркий, как губы. В крошечных золотых щипчиках она держала длинную коричневую сигарету. Пальцы изобиловали кольцами. Черные волосы посередине разделял пробор, белоснежная линия скальпа шла к макушке и скрывалась за ней. Вдоль тонкой загорелой шеи свисали две толстые блестящие косы. Каждая с алым бантом. Однако маленькой девочкой брюнетка была уже давно.

Она резко глянула на мои пустые руки. Студийные снимки обычно слишком велики, чтобы уместиться в кармане.

— Мисс Уэлд, пожалуйста,— сказал я.

— Можете отдать снимки мне.— Голос ее был холодным, ленивым, надменным, глаза же — совсем иными. Затащить ее в постель казалось не труднее, чем побриться в парикмахерской.

— Извините. Я должен отдать их ей лично.

— Я же сказала, она принимает ванну.

— Подожду.

— Насчет снимков — это вы серьезно, amigo?

— Совершенно. А в чем дело?

— Ваша фамилия?

Второе слово вырвалось резко, словно пушинка, унесенная внезапным сквозняком. Но потом голос ее ворковал, трепетал, вздымался, опускался, в уголках губ очень медленно, не быстрее, чем ребенок ловит снежинку, появлялась нежная, манящая улыбка.

— Последний фильм с вашим участием был великолепен, мисс Гонсалес.

Мисс Гонсалес распрямилась и затрепетала от радости. Вспыхнувшая молнией улыбка совершенно преобразила ее лицо.

— Но фильм же был отвратительным, красавчик,— оживилась она.— Форменная чепуха. Прекрасно знаете, что чепуха.

— Раз там снимались вы, он не может быть чепухой, мисс Гонсалес.

Она отошла от двери и поманила меня в квартиру.

— Выпьем. Опрокинем по стаканчику, черт возьми. Обожаю лесть, даже самую грубую.

Я вошел. Упрись мне в поясницу дуло, я бы ничуть не удивился. Мисс Гонсалес стояла так, что, входя, я задел ее груди. Аромат ее духов был прекрасен, как Тадж-Махал при лунном свете. Закрыв дверь, она танцующей походкой направилась к маленькому бару.

— Шотландского? Или предпочитаете коктейль? Я смешиваю совершенно отвратительный мартини.

— Шотландское — это прекрасно, спасибо.

Мисс Гонсалес взяла два больших стакана, куда впору ставить зонтики, и налила виски. Я сел в кресло и огляделся. Обстановка была старомодной. Псевдокамин с мраморной доской и газовыми горелками вместо дров, трещины в штукатурке, на стенах парочка ярко размалеванных картин. За такую мазню вряд ли стоило платить деньги. Старый черный обшарпанный «стейнвей», в виде исключения на нем не было испанской шали. Там и сям валялись новенькие книжки в ярких обложках, в углу стояла двустволка с красивой резной ложей, стволы обвивал бант из белого атласа. Голливудские причуды.

Брюнетка в галифе сунула мне стакан и уселась на подлокотник моего кресла.

— Можете называть меня Долорес,— сказала она, основательно хлебнув шотландского.

— Спасибо.

— А как я могу называть вас?

Я усмехнулся.

— Само собой,— сказала она,— я совершенно уверена, что вы сущий лжец и никаких снимков у вас нет. Но соваться в ваши конечно же очень секретные дела не собираюсь.

— Да? — Я приложился к стакану и ополовинил его.— А как там моется мисс Уэлд? По старинке мылом или с какими-либо арабскими благовониями?

Мисс Гонсалес взмахнула недокуренной сигаретой в золотых щипчиках.

— Вы, похоже, не против бы помочь ей? Ванная

там — под арку и направо. Дверь, скорее всего, не заперта.

— Раз это так просто, не хочу.

— Вот как? — Мисс Гонсалес вновь одарила меня сияющей улыбкой.— Вам нравится преодолевать трудности. Мне, наверно, это надо будет учесть.

— Не беспокойтесь, мисс Гонсалес. Я пришел сюда просто по делу. И никого насиловать не собираюсь.

— Вот как? — Улыбка ее стала нежно-ленивой и, если вам не удастся подобрать лучшего слова, соблазнительной.

— Но определенно начинаю склоняться к этому,— продолжил я.

— Забавный вы тип,— сказала она, пожав плечами, и вышла под арку, держа в руке стакан, где содержимого оставалось на донышке. Послышался легкий стук в дверь и ее голос.

— Милочка, здесь один человек, принес снимки из студии. Так он говорит. Muy simpatico. Muy guapo tambien. Con cojones *.

Знакомый голос резко ответил:

— Заткнись, сучка. Сейчас выйду.

Мисс Гонсалес вернулась, что-то напевая под нос. Стакан ее был пуст. Она снова подошла к бару.

— Но вы не пьете! — воскликнула она, глянув на мой стакан.

— Недавно пообедал. Да и все равно, у меня удалена треть желудка. Я немного понимаю по-испански.

Мисс Гонсалес вскинула голову:

— Вы потрясены?

Глаза ее закатились. Плечи передернулись.

— Потрясти меня не так уж легко.

— Но вы слышали, что я сказала? Madre de dios **. Мне очень неловко.

— Ну да, еще бы, — сказал я.

Положив в стакан лед, Гонсалес налила себе еще виски.

— Да. Очень неловко,— вздохнула она.— А впрочем, и сама не пойму. Иногда я почти не ощущаю неловкости. Иногда бывает наплевать. Все дру-

---

* Очень милый. К тому же красавчик. Отнюдь не евнух *(исп.)*.

** Матерь Божья *(исп.)*.

3 Заказ № 1826

зья говорят, что я слишком уж откровенна. Я потрясла вас, да?

И снова села на подлокотник моего кресла.

— Нет. Но если захочу, чтобы меня потрясли, буду знать, куда обращаться.

Она вяло отставила стакан и придвинулась ко мне.

— Но я здесь в гостях, — сказала она.— А живу в Шато Берси.

— Одна?

Она легонько шлепнула меня по кончику носа. Потом внезапно оказалась у меня на коленях и стала пытаться откусить у меня кончик языка.

— Ты очень славный, сукин сын,— сказала она.

Такого горячего рта, как у нее, я не встречал. Губы ее обжигали, будто сухой лед. Язык с силой елозил по моим зубам. Глаза ее были огромными, черными, из-под радужной оболочки виднелись белки.

— Я такая усталая,— прошептала она мне в рот,— такая измотанная, просто жуть.

Рука Гонсалес оказалась во внутреннем кармане моего пиджака. Я с силой оттолкнул ее, но она успела выхватить мой бумажник. Со смехом отошла танцующей походкой, распахнула его и стала торопливо рыться в нем пальцами, напоминающими маленьких змей.

— Очень рада, что вы познакомились,— послышался от входа холодный голос. В арочном проеме стояла Мэвис Уэлд.

Она небрежно взбила волосы и не потрудилась воспользоваться косметикой. На ней был нарядный халат и больше почти ничего. На ногах — маленькие серебристо-зеленые шлепанцы. Глаза были пусты, губы презрительно кривились. Но я сразу узнал ее и без темных очков.

Гонсалес бросила на нее быстрый взгляд, закрыла бумажник и бросила мне. Я поймал его и спрятал. Она широким шагом подошла к столу, взяла черную сумочку с длинным ремешком, повесила на плечо и направилась к двери.

— Его зовут Филип Марлоу,— сообщила Долорес.— Славное имя, тебе не кажется?

— Вот не знала, что ты спрашиваешь у мужчин имена,— сказала Мэвис Уэлд. – Ты редко общаешься с ними настолько долго.

— Понятно,— мягко ответила Гонсалес. Повернулась и слегка улыбнулась мне.— Очаровательный способ назвать женщину шлюхой, вам не кажется?

Мэвис Уэлд пропустила это мимо ушей. Ее лицо ничего не выражало.

— По крайней мере,— ровным голосом сказала Гонсалес, снова открыв дверь,— в последнее время я не спала с бандитами.

— Ты уверена, что можешь вспомнить? — спросила Мэвис Уэлд тем же тоном.— Открывай дверь, милочка. Сегодня день уборки мусора.

Гонсалес медленно, спокойно оглянулась на нее с ненавистью в глазах. Потом, издав губами и зубами легкий звук, широко распахнула дверь. Потом сильно хлопнула ею. Ровное темное синее пламя в глазах Мэвис Уэлд не дрогнуло.

— Может, сделаете то же самое, только не так шумно,— сказала она.

Достав платок, я стер с лица помаду. Цветом она ничуть не отличалась от крови — свежепролитой крови.

— Это могло случиться с кем угодно,— сказал я.— Не я полез к ней целоваться. Она ко мне.

Мэвис Уэлд широким шагом подошла к двери и распахнула ее.

— Проваливайте отсюда, красавчик. Поживее.

— Я приехал по делу, мисс Уэлд.

— Да, я так и думала. Убирайтесь. Я не знаю вас. И знать не хочу. А если б и захотела, то не сегодня и не сейчас.

— «Любимых вовремя на месте не бывает»,— процитировал я.

— Это еще что? — Она попыталась изгнать меня кивком подбородка, но такое даже ей оказалось не под силу.

— Браунинг. Я имею в виду поэта, а не пистолет. Уверен, что вы предпочли бы последнее.

— Слушай, подонок, может, вызвать управляющего, чтобы он спустил тебя с лестницы?

Я подошел к двери и плотно притворил ее. Мэвис Уэлд проявила завидную стойкость. Чуть не одарила меня пинком, но кое-как сдержалась. Я попытался как бы нечаянно оттеснить ее от двери. Но безуспешно. Она твердо стояла на месте и тянулась к дверной ручке, в ее темно-синих глазах пылала ярость.

— Если намерены стоять так близко от меня,— сказал я,— то, может, наденете хоть что-нибудь.

Мисс Уэлд размахнулась и съездила мне по лицу. Звук был таким, словно Гонсалес снова хлопнула дверью. Удар оказался весьма ощутимым. И напомнил об ушибе на затылке.

— Больно? — негромко спросила Уэлд.

Я кивнул.

— Отлично.

Она размахнулась и ударила меня еще раз, пожалуй, посильнее, чем в первый.

— Думаю, вам следует поцеловать меня,— выдохнула она. Глаза ее были ясными, чистыми, нежными. Я небрежно глянул вниз. Правая ее рука сжата в готовый к действию кулак. И притом довольно увесистый.

— Поверьте, я не целую вас только по одной причине. Меня бы не испугал ваш маленький черный пистолет. Или кастет, который вы, очевидно, храните на ночном столике.

Она вежливо улыбнулась.

— Может, мне придется работать на вас,— сказал я.— И я не гоняюсь за каждой увиденной парой ножек.

Опустив глаза, я поглядел на ее ножки. Они были прекрасно видны, и флажок, отмечающий линию ворот, был не больше, чем требовалось.

Мэвис Уэлд запахнула халат, повернулась и, покачивая головой, подошла к маленькому бару.

— Я свободная, белая совершеннолегняя,— сказала она.— И насмотрелась всех подходов, какие только существуют. По крайней мере, я так думаю. Как же, черт возьми, отделаться от вас, если не припугнуть, не избить, не соблазнить?

— Видите ли...

— Можете не продолжать,— резко перебила она и повернулась со стаканом в руке. Отпила, отбросила свесившуюся прядь волос и чуть заметно улыбнулась.— Конечно же деньгами. Как глупо с моей стороны упустить это из виду.

— Деньги были б нелишними,— признался я.

Губы ее с отвращением скривились, но голос был почти ласковым.

— Сколько?

— Ну, для начала хватило бы сотни.

— Дешево запрашиваете. Вы мелкая дешевка, не так ли? Об этом говорит названная вами сумма. Дорогой мой, неужели в вашем кругу сто долларов — это деньги?

— Тогда пусть будет двести. С такими деньжищами я мог бы отойти от дел.

— Все равно дешево. Еженедельно, разумеется? В аккуратном чистом конверте?

— Конверта не нужно. Я беру только грязные деньги.

— И что же я получу за них, мой очаровательный мелкий сыщик? Я конечно же догадываюсь, что у вас за профессия.

— Получите расписку. Кто вам сообщил, что я сыщик?

На миг она вытаращила глаза, потом вновь начала играть принятую роль.

— Должно быть, догадалась по запаху.

Поднеся стакан к губам, она уставилась на меня с лёгкой презрительной усмешкой.

— Начинаю думать, что вы сами пишете себе реплики,— сказал я.— А то не мог понять, в чем здесь дело.

И вовремя пригнулся. Несколько капель попало на меня. Стакан разбился об стену у меня за спиной. Осколки беззвучно упали на пол.

— Должно быть,— сказала она совершенно спокойно,— этим поступком я исчерпала весь свой запас девичьего очарования.

Я подошел и взял шляпу.

— Я вовсе не думаю, что его убили вы,— сказал я.— Но мне хорошо было бы иметь основание не говорить, что я видел вас там. Иметь какой-то задаток, чтобы называть вас своей клиенткой. И достаточно сведений, чтобы оправдать получение задатка.

Мисс Уэлд достала из коробки сигарету, подбросила, легко поймала губами и зажгла невесть откуда взявшейся спичкой.

— О, господи! Меня подозревают в каком-то убийстве? — спросила она.

Шляпу я все еще держал в руке. Я почувствовал из-за этого себя глупо. Не знаю, почему. Надев ее, я направился к двери.

— Надеюсь, у вас есть деньги на трамвай,— послышался за спиной у меня презрительный голос.

Я не ответил и не остановился. Когда я уже собирался открыть дверь, Мэвис Уэлд сказала:

— Надеюсь также, что мисс Гонсалес дала вам свой телефон и адрес. Вы можете добиться у нее почти всего — в том числе, как мне говорили, и денег.

Я выпустил дверную ручку и быстро пошел назад. Мэвис Уэлд стояла на том же месте, и ухмылка ее ни на миллиметр не стала у́же.

— Послушайте,— сказал я.— Вам трудно будет в это поверить. Но я приехал сюда со странной мыслью, что вы нуждаетесь в помощи — и вряд ли сможете найти человека, на поддержку которого можно рассчитывать. По-моему, вы зашли в тот номер отеля, чтобы внести какой-то выкуп. Притом одна, с риском быть узнанной — и вас узнал служащий в отеле детектив, этические нормы которого не прочнее ветхой паутинки. Все это навело меня на мысль, что вы, может быть, влипли в один из голливудских переплетов, означающих крест на актерской карьере. Но вы не влипли ни в какой переплет. Вы устраиваете представление с полным набором банальных, халтурных ужимок, к каким прибегали, играя в самых халтурных фильмах второй категории — если это можно назвать игрой...

— Заткнись,— пробормотала она, сжав зубы так, что они скрипнули.— Заткнись, мерзкий соглядатай, шантажист...

— Я вам не нужен,— сказал я.— Вам не нужен никто. Вы так умны, что с помощью своих реплик сможете выбраться из сейфа. Отлично. Произносите свои реплики и выбирайтесь. Мешать не стану. Только не заставляйте меня слушать их. Я готов расплакаться при мысли, что наивная девочка вроде вас может быть так умна. Вы хорошо отнеслись ко мне, милочка. Прямо как Маргарет О'Брайен.

Мэвис Уэлд не шевелилась и не дышала и когда я подошел к двери, и когда открыл ее. Не знаю почему. Игра эта была отнюдь не блестящей.

Спустясь по лестнице, я прошел через патио, вышел из парадной двери и чуть не столкнулся с худощавым темноглазым мужчиной, который стоял, закуривая сигарету.

— Простите,— сказал он.— Кажется, я оказался у вас на пути.

Я хотел было обойти его, потом заметил, что в правой поднятой руке он держит ключ. Безо всякой на то причины я выхватил его. Посмотрел на выбитый номер. 14-й. От квартиры Мэвис Уэлд. Я бросил ключ за кусты.

— Обойдетесь без него,— сказал я мужчине.— Дверь не заперта.

— Конечно,— ответил он. На лице его появилась странная улыбка. — Как глупо с моей стороны.

— Да,— сказал я.— Мы оба глупцы. И каждый, кто связывается с этой шлюхой, глупец.

— Я бы не сказал, спокойно возразил он, взгляд его маленьких темных глаз ничего не выражал.

— Вам и незачем говорить. Я только что сказал это за вас. Прошу прощенья. Сейчас отыщу ключ.

Я пошел за кусты, поднял ключ и отдал ему.

— Большое спасибо,— поблагодарил он.— И между прочим...

Он не договорил. Я остановился

— Надеюсь, я не прервал увлекательную ссору,— сказал он.— Мне это было бы очень неприятно. Нет? — Он улыбнулся -- Что ж, поскольку мисс Уэлд наша общая знакомая, позвольте представиться. Моя фамилия Стилгрейв Не встречал ли я вас где-нибудь?

— Нет, вы нигде не встречали меня, мистер Стилгрейв, – сказал я. Моя фамилия Марлоу, Филип Марлоу. Мы никак не могли встречаться. Как ни странно, я никогда не слышал о вас, мистер Стилгрейв. И мне наплевать, будь вы даже Плакса Мойер.

Не могу взять в толк, почему я сказал это. Ничто меня к этому не побуждало, разве только недавнее упоминание этой клички. Но на лице Стилгрейва сразу же застыло странное спокойствие. Невыразительный взгляд темных глаз стал каким-то пристально остановившимся. Стилгрейв вынул изо рта сигарету, взглянул на ее кончик, стряхнул пепел, хотя стряхивать было нечего, и, не поднимая глаз, сказал:

— Плакса Мойер. Странное прозвище. Вроде бы никогда не слышал. Я должен знать этого человека?

— Нет, если не испытываете особого пристра-

стия к пешням,— ответил я и пошел прочь. Спустясь по ступеням, я подошел к своей машине и, прежде чем сесть за руль, оглянулся. Стилгрейв все еще стоял на месте, держа во рту сигарету, и глядел на меня. Выражает ли что-нибудь его лицо, отсюда не было видно. Когда я оглянулся, он не пошевелился, не сделал никакого жеста. Даже не отвернулся. Просто стоял на месте. Я сел в машину и уехал.

13

Поехал я на восток по бульвару Сансет, но не домой. В Ла Брее я свернул на север и поехал к Хайленду через Кахуэнга-пасс, по бульвару Вентура, мимо Студио-Сити, Шерман-Окс и Энсино. Дорога была отнюдь не пустынной. Пустынной она никогда и не бывает. Лихачи в поцарапанных «фордах» перескакивали из ряда в ряд, проносясь в одной шестнадцатой дюйма от соседних машин, но все же неизменно проскакивая. Усталые мужчины в запыленных двух- и четырехместных машинах помигивали, крепче сжимали руль и с трудом ехали на север или на юг, возвращаясь домой, к обеду, к вечеру с газетой, раскрытой на спортивной странице, к ору радио, хныканью избалованных детей и болтовне глупых жен.

Я проезжал мимо кричащих цветовых реклам, на поверку лживых, мимо неряшливых закусочных в неоновом свете похожих на дворцы, мимо круглых ресторанов для автомобилистов, ярких как цирки, с бойкими, зоркими официантами, блестящими стойками и душными грязными кухнями, где могла бы отравиться жаба. Большие грузовики с прицепами грохоча ехали через Сепульведу из Уилмингтона в Сан-Педро, они сворачивали к Ридж-Раут и отъезжали от светофоров на первой скорости, рыча как львы в зоопарке.

За Энсино сквозь густые деревья лишь изредка посверкали с холмов огоньки. Дома кинозвезд. Подумаешь, звезды. Ветераны тысячи постелей. Оставь, Марлоу, сегодня ты недобрый. Стало прохладнее. Шоссе сузилось. Машин теперь было так мало, что свет встречных фар резал глаза. Дорога пошла между известняковых утесов на подъем, на

вершине холма небрежно плясал ветер, беспрепятственно долетающий с океана.

Неподалеку от Таузанд Окс я пообедал в ресторане. Скверно, зато быстро. Ешь и убирайся. Дел невпроворот. Мы не можем дожидаться, мистер, пока вы допьете вторую чашку кофе. Вы занимаете место, приносящее доход. Видите людей за веревкой? Они хотят поесть. По крайней мере, так считают. Бог знает, почему им хочется поесть именно здесь. Лучше бы поели дома консервов. Им просто не сидится на месте. Как и тебе. Им просто необходимо сесть в машину и куда-то ехать. Они просто находка для вымогателей, завладевших этими ресторанами. Ну вот, опять. Недобрый ты сегодня, Марлоу.

Расплатясь, я пошел в бар запить коньяком эту нью-йоркскую вырезку. Кстати, почему нью-йоркскую? Металлорежущий инструмент изготовляют в Детройте. Из бара я вышел на ночной воздух, которым пока еще никто не научился торговать. Но многие, возможно, пытались. Подбирались к нему.

Доехав до Окснердской развилки, я поехал обратно вдоль океана. Большие, усеянные оранжевыми лампочками восемнадцати- и шестнадцатиколесные грузовики неслись на север. Справа громадный, мощный Тихий океан, устало, словно плетущаяся домой уборщица, бился о берег. Ни луны, ни суматохи, лишь еле слышный шум прибоя. Никаких запахов. Даже резкого природного запаха моря. Калифорнийский океан. Калифорния, штат универмагов. Полно всего, но ничего хорошего. Ну вот, опять. Недобрый ты сегодня, Марлоу.

Ну и ладно. А с какой стати мне быть добрым? Сижу себе в своем кабинете, играю дохлой мухой, внезапно является эта безвкусно одетая штучка из Манхаттена, штат Канзас, и всучает мне потрепанные двадцать долларов, чтобы я отыскал ее брата. Похоже, он мелкий жучок, но ей хочется найти его. И, сунув это состояние в нагрудный карман, я тащусь в Бэй-Сити, поиски оказываются настолько занудными, что я едва не сплю на ходу. Мне встречаются славные люди с пешнями в затылке и без оных. Я возвращаюсь и не запираю дверь. Потом является клиентка, забирает двадцатку, поскольку

я не выполнил дневной работы, целует меня и возвращает деньги обратно.

Затем я еду повидать доктора Хэмблтона, ушедшего на покой оптометриста из Эль-Сентро, где опять сталкиваюсь с новым способом носить шейные украшения. Но в полицию не сообщаю. Просто обыскиваю парик клиента, а потом ломаю комедию. С какой стати? Ради кого я гублю себя на сей раз? Ради блондинки с чувственным взглядом и слишком большим количеством дверных ключей? Ради девицы из Манхаттена, штат Канзас? Не знаю. Уверен только в одном — здесь что-то не так, и старое, надоевшее, но всегда надежное предчувствие подсказывает, что если игра пойдет теми картами, которые сданы, в проигрыше останется не тот, кому следует. Мое ли это дело? Ну, что мое дело? Разве я знаю? И когда-нибудь знал? Давай не будем в это вдаваться. Ты недобрый сегодня, Марлоу. Может, я никогда не был добрым и никогда не буду. Может, я просто эктоплазма с лицензией частного детектива. Может, мы все становимся недобрыми в этом холодном тусклом мире, где всегда происходит не то, что нужно.

Малибу. Здесь тоже кинозвезды. Тоже розовые и голубые ванны. Тоже «шанель» номер пять. Тоже стеганые матрацы. Тоже взбитые волосы, темные очки, позы, псевдоизысканные голоса и мораль портовых шлюх. Постой, постой. В кино работает немало славных людей. Ты занял неверную позицию, Марлоу. Ты сегодня недобрый.

Прежде чем въехать в Лос Анджелес, я унюхал его. Город пахну́л несвежестью, затхлостью, как слишком долго запертая гостиная. Но разноцветные огни заставляли забыть о зловонии. Они были прекрасны. Тому, кто изобрел неоновое освещение, нужно воздвигнуть памятник. Из чистого мрамора, высотой с пятнадцатиэтажный дом. Этот человек по истине сделал нечто из ничего.

Я пошел в кино – и надо же – в фильме снималась Мэвис Уэлд. Фильм оказался помпезный, из тех, где все слишком много улыбаются, слишком много болтают и сознают это. Женщины непрестанно поднимались по изогнутым лестницам, чтобы переодеться. Мужчины непрестанно доставали сигареты из дорогих портсигаров с монограммой и давали друг другу прикурить от дорогих зажигалок

А слуга раздался в плечах от ношения подносов со стаканами к плавательному бассейну размером с озеро Гурон, но значительно почище.

Главную мужскую роль исполнял смазливый бездарный тип, пышущий обаянием, зачастую далеко не свежим. Главную женскую — раздражительная брюнетка с презрительным взглядом. В нескольких неудачных крупных планах она из кожи лезла, стараясь выглядеть моложе своих сорока пяти лет. Мэвис Уэлд была занята на второй роли и снималась в одежде. Играла неплохо, правда, могла бы лучше раз в десять. Но играй она лучше, половину ее сцен вырезали бы, чтобы выручить исполнительницу главной роли. Это было такое искусное хождение по канату, какого я, пожалуй, еще не видел. Что ж, теперь ей придется ходить уже не по канату. По рояльной струне. Натянутой очень высоко. И страховочной сетки внизу не будет.

14

Мне требовалось вернуться в контору. Заказному письму с оранжевой квитанцией уже пора было придти. В окнах здания кое-где еще горел свет. По ночам работают не только детективы. Лифтер хрипло буркнул приветствие и отвез меня наверх. В коридор из открытых дверей падал свет, уборщицы все еще убирали мусор, накопившийся за впустую потраченные часы. Я свернул за угол, оставив позади жалобное гудение пылесоса, вошел в свой темный кабинет и открыл окна.

Сев за стол, я ничего не делал, даже не думал. Заказного письма пока не было. Казалось, все шумы в здании, кроме гудения пылесоса, выплывают на улицу и теряются среди вертящихся колес бесчисленных машин. Потом где-то в коридоре мужчина стал мелодично, виртуозно насвистывать «Лили Марлен». Я знал, кто это. Ночной сторож, он проверял, все ли двери заперты. Я включил настольную лампу, и он прошел, не трогая моей двери. Шаги его удалились и затихли, потом послышались снова и стали приближаться, звуча как-то по-другому, с шарканьем. Я решил, что принесли заказное письмо. И вышел взять его, только это был не почтальон.

Упитанный мужчина в небесно-голубых брюках закрывал дверь с такой прекрасной неторопливостью, достичь которой способны только упитанные. Он был не один, но первым делом я поглядел на него. Рослый, широкоплечий. Не юноша и не красавец, но с виду крепкий. Полосатый пиджак над голубыми габардиновыми брюками вызвал бы у зебры отвращение. Большую непокрытую голову украшало достаточное количество волос оранжево-розоватого цвета. Нос был перебит, но хорошо сросся и особого внимания не привлекал.

Спутник его был хилым созданием с красными глазами и насморком. Лет примерно двадцати, ростом пять футов девять дюймов, тощий как щепка. Нос его подергивался, рот подергивался, руки подергивались, и выглядел он совершенно несчастным.

Здоровяк приветливо улыбнулся.

— Вы, конечно, мистер Марлоу?

— Кто же еще? — ответил я.

— Для деловых визитов уже поздновато,— сказал здоровяк и, разведя руками, закрыл половину кабинета.— Надеюсь, вы ничего не имеете против? Или у вас дел по горло?

— Оставьте эти шуточки. Нервы у меня на пределе,— сказал я.— Кто этот наркоман?

— Иди сюда, Алфред,— сказал здоровяк напарнику.— Брось свою застенчивость.

— Пошел ты,— ответил Алфред.

Здоровяк безмятежно повернулся ко мне.

— Почему все щенки твердят эту фразу? В ней нет ничего смешного. Ничего остроумного. Никакого смысла. Сущее наказание этот Алфред. Я лишил его снадобья, по крайней мере, на время. Поздоровайся с мистером Марлоу, Алфред.

— Пошел он,— сказал Алфред.

Здоровяк вздохнул.

— Моя фамилия Змей,— представился он.— Джозеф П. Змей.

Я промолчал.

— Ну смейтесь же,— сказал здоровяк.— Я привык. Всю жизнь ношу эту фамилию.

Он подошел ко мне и протянул руку. Я пожал ее. Здоровяк добродушно улыбнулся мне.

— Действуй, Алфред,— сказал он, не оборачиваясь.

Алфред сделал очень легкое, неуловимое движение, и на меня уставился крупнокалиберный пистолет.

— Осторожно, Алфред,— сказал здоровяк, держа мою руку мертвой хваткой.— Пока не надо.

— Пошел ты,— сказал Алфред. Пистолет был направлен мне в грудь. Палец Алфреда плотно лежал на спусковом крючке. Было видно, как нажим пальца становится все сильнее. Я точно знал, в какой миг курок окажется спущен. Впрочем, это не имело никакого значения. Это происходило в другом месте, в каком-то дрянном фильме. Не со мной.

Курок пистолета сухо щелкнул в пустоте. Алфред с недовольным ворчанием опустил пистолет и мгновенно спрятал туда, откуда достал. Потом начал подергиваться снова. Действия его с пистолетом были отнюдь не нервозными. Мне стало любопытно, какого наркотика он лишен.

Здоровяк выпустил мою руку, приветливая улыбка по-прежнему играла на его большом, пышущем здоровьем лице.

Он похлопал себя по карману.

— Обойма у меня. Алфред в последнее время стал ненадежен. Этот щенок мог бы вас застрелить.

Алфред сел в кресло, отодвинулся вместе с ним к стене и задышал через рот.

Я вновь ощутил пол под ногами.

— Держу пари, он вас напугал,— сказал Джозеф П. Змей.

Во рту у меня появился соленый привкус.

— Не такой уж вы смелый,— сказал Змей, ткнув мне пальцем в живот.

Я отступил назад и поглядел Джозефу П. Змею в глаза.

— Что мне за это будет? — почти любезно спросил он.

— Пойдемте в кабинет.

Я повернулся к Змею спиной и пошел в другую комнату. Тяжкая работа, но я с ней как-то справился. Всю дорогу я обливался потом. Зайдя за стол, остановился в ожидании. Мистер Джозеф П. Змей безмятежно последовал за мной. Наркоман, подергиваясь, поплелся за ним.

— У вас нет случайно под рукой юмористической книжки? — спросил Змей.— Чтобы он нам не мешал.

— Присаживайтесь,— сказал я.— Сейчас поищу.

Змей опустил руки к подлокотникам кресла. Я рывком выдвинул ящик стола и ухватил рукоятку «люгера». Глядя на Алфреда, поднял пистолет. Алфред на меня даже не смотрел. Скривив рот, он изучал угол потолка.

— Ничего более юмористического нет,— сказал я.

— Эта штука вам не потребуется,— добродушно сказал здоровяк.

— Прекрасно,— ответил я. Голос, казалось, принадлежал кому-то другому, находящемуся далеко за стеной. Я сам едва слышал свои слова.— Но если потребуется, она у меня в руке. И заряжена. Хотите убедиться?

Здоровяк казался близким как никогда в жизни к замешательству.

— Жаль, что вы это так восприняли,— сказал он.— Я настолько привык к Алфреду, что почти не замечаю его. Может, вы правы. Может, мне надо бы что-то сделать с ним.

— Да,— сказал я.— Надо бы еще днем, до прихода сюда. Теперь уже поздно.

— Послушайте, мистер Марлоу.

Змей протянул руку. Я взмахнул «люгером». Он быстро отдернул руку, однако недостаточно быстро. Мушка рассекла ему кожу на тыльной стороне ладони. Он попытался ухватить пистолет за ствол, потом поднес порез ко рту.

— Эй, эй, будет! Алфред мой племянник. Сын сестры. Я, можно сказать, присматриваю за ним. Он ведь и мухи не обидит.

— В следующий раз здесь будет муха, чтобы он не обижал ее,— сказал я.

— Не надо так, мистер Марлоу. Прошу вас, не надо. У меня есть недурственное предложение...

— Закрой рот,— сказал я. И очень медленно сел. Лицо мое горело. Язык не повиновался. Я чувствовал себя слегка пьяным.

— Один знакомый,— неторопливо, глухо сказал я,— рассказывал, как человека вот так же хотели взять в оборот. Человек сидел за столом, как и я. У него был пистолет, как и у меня. По другую сторону стола находились двое, как и вы с Алфредом. Человек, сидящий на моем месте, разозлился. И не смог взять себя в руки. Его затрясло

Он не мог произнести ни слова. Оставалось только прибегнуть к оружию. И он, ничего не сказав, дважды выстрелил из-под стола туда, где находится ваш живот.

Лицо здоровяка стало изжелта-зеленым, он хотел было встать. Но передумал. Достал из кармана пестрый платок и вытер лицо.

— Вы это видели на экране,— сказал он.

— Верно,— сказал я.— Но режиссер рассказывал мне, откуда взял замысел этой сцены. *Такого* не увидишь ни в одном фильме.

Положив «люгер» перед собой, я сказал более естественным голосом:

— Нужно быть поосмотрительнее с оружием, мистер Змей. Невозможно предвидеть, как поведет себя человек, если ему тычут в лицо дулом пистолета,— особенно если он не знает, разряжен ли пистолет. От неожиданности я слегка оробел. Я с обеда не кололся морфием.

Змей, сощурясь, сдержанно разглядывал меня. Наркоман поднялся, подошел к другому креслу, развернул его ногой, сел и прислонился грязной головой к стене. Однако его руки и нос продолжали подергиваться.

— Я слышал, что вы крепкий орешек,— неторопливо произнес Змей, холодно и пристально глядя на меня.

— Вас ввели в заблуждение. Я очень чувствителен. Расстраиваюсь из-за каждого пустяка.

— Да, понимаю.— Он долго глядел на меня, не произнося ни слова.— Похоже, мы сделали неверный ход. Можно опустить руку в карман? У меня нет пистолета.

— Валяйте,— сказал я.— Попыткой вытащить пистолет вы доставите мне огромное удовольствие.

Змей нахмурился, потом очень медленно вытащил плоский бумажник из свиной кожи, достал оттуда новенькую стодолларовую ассигнацию. Положил на край стекла, покрывавшего стол, достал еще одну точно такую же, потом, по одной, еще три. Старательно сложил их в ряд. Алфред опустил запрокинутое кресло на пол и уставился на деньги, губы его дрожали.

— Пять сотен,— сказал здоровяк. Сложил бумажник и убрал. Я следил за каждым его движени-

ем.— Совершенно ни за что, просто держись от греха подальше. Идет?

Я молча смотрел на него.

— Ты никого не ищешь,— сказал здоровяк.— Ты никого не можешь найти. У тебя нет времени работать на кого-то. Ты ничего не слышал и не видел. Ты ничего не знаешь. И про пять сотен никто не знает. Договорились?

В кабинете было тихо, слышалось только сопение Алфреда. Здоровяк обернулся к нему.

— Тише, Алфред. Когда выйдем отсюда, дам тебе дозу,— сказал он.— Постарайся вести себя прилично.

И снова поднес ко рту рассеченную тыльную сторону ладони.

— Взяв тебя за образец, ему это будет нетрудно,— сказал я.

— Пошел ты,— буркнул Алфред.

— Ограниченный словарь,— пожаловался здоровяк.— Очень ограниченный. Ну, приятель, ясно тебе?

И указал на деньги. Я коснулся пальцем рукоятки «люгера». Здоровяк слегка подался вперед.

— Да успокойся ты. Все очень просто. Это задаток. Отрабатывать не нужно. Твоя отработка — безделье. Если будешь бездельничать довольно долгое время, получишь еще столько же. Ничего сложного, так ведь?

— И для кого же я буду бездельничать?

— Для меня. Джозефа П. Змея.

— А что ты собой представляешь?

— Меня можно назвать деловым посредником.

— А как еще можно назвать тебя? Помимо того, что могу придумать сам?

— Можешь назвать человеком, который хочет помочь человеку, не желающему втягивать в беду еще одного человека.

— А как я могу назвать этого благодетеля?

Джозеф П. Змей собрал пять сотенных бумажек, аккуратно сложил, выровнял и придвинул ко мне.

— Можешь назвать его человеком, который скорее потратит деньги, чем прольет кровь,— сказал он.— Но вполне может и кровь пролить, если решит, что ничего другого не остается.

— Как он обращается с пешней? — спросил я.— Как скверно он обращается с пистолетом, я представляю.

Здоровяк закусил нижнюю губу, потом оттянул ее толстыми пальцами, большим и указательным, и стал легонько покусывать изнутри, словно корова, жующая жвачку.

— Речь не о пешнях,— произнес он наконец.— А лишь о том, что ты можешь сделать неверный шаг и тем причинить себе уйму неприятностей. Ну, а если не будешь делать никаких шагов, спокойная жизнь и деньги тебе обеспечены.

— Кто та блондинка? — спросил я.

Здоровяк задумался, потом кивнул.

— Видно, ты уж слишком глубоко влез в это дело,— вздохнул он.— Может, нам уже поздновато договариваться.

Секунду спустя он подался вперед и мягко сказал:

— Ладно. Я поговорю с шефом, узнаю, как далеко он готов пойти. Возможно, еще сможем договориться. Все остается как есть, пока я не дам о себе знать. Идет?

Я не возражал. Змей оперся ладонями о стол и очень медленно поднялся, глядя на пистолет, который я двигал туда-сюда по столу.

— Деньги остаются у тебя,— сказал он.— Пошли, Алфред.

И грузно зашагал к выходу.

Алфред покосился на него, потом внезапно перевел взгляд на деньги. Будто по волшебству пистолет оказался в его тонкой правой руке. Молниеносно, словно угорь, он метнулся к столу. Наведя пистолет на меня, левой рукой потянулся к стопке долларов, и они мгновенно скрылись в его кармане. Он спокойно, холодно, бессмысленно улыбнулся и пошел к двери, возможно, не отдавая себе отчета в том, у меня тоже был пистолет.

— Идем, Алфред,— резко позвал здоровяк из коридора. Альфред юркнул в дверь и скрылся.

Наружная дверь открылась и закрылась. По коридору прозвучали шаги, потом настала тишина. Я сидел и обдумывал происшедшее, пытаясь понять, что это: совершенный идиотизм или новый способ запугивания?

Через пять минут зазвонил телефон.

Хриплый голос добродушно произнес:

— Да, кстати, мистер Марлоу, вы, наверно, знаете Шерри Бэллоу?

— Понятия не имею.

— «Шеридан Бэллоу инкорпорейтед». Влиятельный агент. Вам надо бы как-нибудь повидать его.

С минуту я молча держал трубку. Потом спросил:

— Он ее агент?

— Возможно,— ответил Джозеф П. Змей и сделал паузу.— Думаю, вы понимаете, мистер Марлоу, что мы играем эпизодические роли. И только эпизодические. Кое-кто хотел разузнать немного о вас. Мы решили, что это самый простой способ. Теперь я в этом не уверен.

Я промолчал. Он повесил трубку. И почти сразу же телефон зазвонил снова.

Обольстительный голос произнес:

— Я тебе не очень понравилась, да, amigo?

— Понравилась, конечно. Только отвяжись.

— Я дома, в Шато Берси. И совсем одна.

— Обратись в бюро по найму спутников.

— Ну, пожалуйста. Не нужно так говорить. Дело очень важное.

— Еще бы. Только на меня не рассчитывай.

— Эта стéрва... Что она говорила обо мне? — прошипела мисс Гонсалес.

— Ничего. Кстати, могла бы тебя назвать тихуанской шлюхой в галифе. Как бы ты отнеслась к этому?

В ответ Гонсалес рассмеялась. Серебряный смех не прекращался довольно долго.

— Ты вечно остришь, да? Но, видишь ли, я тогда не знала, что ты детектив. Это имеет очень большое значение.

Я мог бы сказать ей, как она ошибается. Но сказал только:

— Мисс Гонсалес, вы что-то говорили о деле. Какое это дело, если не шутите?

— Тебе хотелось бы заработать кучу денег? Большую кучу?

— Имеется в виду, не подставляя себя под выстрелы?

В трубке послышался вздох.

— Si *,— задумчиво сказала моя собеседница.— Однако нужно учитывать и эту возможность. Но ты такой смелый, такой сильный, такой...

---

* Да (исп.).

— Мисс Гонсалес, в девять утра я буду на месте и стану гораздо смелее. А теперь, если извините...

— У тебя встреча с женщиной? Она красивая? Красивее меня?

— О, господи,— сказал я.— Неужели больше ни о чем не можешь думать?

— Иди ты к черту, дорогой,— сказала она и повесила трубку.

Я погасил свет и вышел. Идя по коридору, встретил человека, разглядывающего номера комнат. В руке посыльный держал заказное письмо. Так что пришлось вернуться, чтобы спрятать его в сейф. Пока я возился с замком, зазвонил телефон.

Я не стал отвечать. День и без того был нелегким, хватит! Пропади всё пропадом. Появись здесь королева Шебы в прозрачной пижаме — или без оной, от усталости я бы и бровью не повел. Голова казалась тяжелой, словно ведро мокрого песка.

Когда я подошел к двери, телефон все еще звонил. И я вернулся. Инстинкт пересилил усталость. Я поднял трубку.

Щебечущий голосок Орфамэй Квест произнес:

— О, мистер Марлоу, я так долго пыталась дозвониться до вас. Я очень расстроена. У меня...

— Утром,— сказал я.— Контора закрыта.

— Пожалуйста, мистер Марлоу... ну, подумаешь, на миг вышла из себя...

— Утром.

— Но мне нужно видеть вас.— Голосок поднялся почти до крика.— Это очень важно.

— Угу.

Она шмыгнула носом.

— Вы... вы меня поцеловали.

— Я потом целовался еще не так.— К черту ее. К черту всех женщин.

— У меня есть вести от Оррина,— сказала Орфамэй.

На миг я опешил, потом рассмеялся.

— Вы хорошенькая лгунишка. До свиданья.

— Нет, правда. Он звонил мне. Сюда, где я нахожусь.

— Отлично,— сказал я.— В таком случае детектив вам совершенно не нужен. А если и нужен, то в семье у вас есть свой, получше меня. Я даже не сумел выяснить, где вы остановились.

Наступила краткая пауза. Все же Орфамэй вы[illegible]ла меня не обрывать разговор. Не вешать трубку. Тут надо отдать ей должное.

— Я написала ему, где остановлюсь,— сказала она наконец.

— Угу. Только письма он не получил, потому что съехал, не оставив нового адреса. Помните? Сделайте еще одну попытку, когда я не буду таким усталым. Доброй ночи, мисс Квест. И мне теперь незачем знать, где вы остановились. Я не работаю на вас.

— Прекрасно, мистер Марлоу. Тогда я сейчас звоню в полицию. Но думаю, вам это не понравится. Очень не понравится.

— Почему?

— Потому что дело связано с убийством, мистер Марлоу, а убийство — очень скверное слово, вам не кажется?

— Приезжайте,— сказал я.— Буду ждать.

Повесив трубку, я достал бутылку «Старого лесничего». Торопливо налил дозу и быстро проглотил.

15

На сей раз Орфамэй вошла без особых церемоний. Движения ее были мелкими, быстрыми и решительными. На лице играла легкая веселая улыбка. Быстро поставила на пол сумочку и, продолжая улыбаться, села в кресло для клиентов.

— Спасибо, что дождались,— сказала она.— Держу пари, вы сегодня еще не обедали.

— Не угадали,— ответил я.— Обедал. А теперь пью виски. Вы не одобряете этого занятия, так ведь?

— Разумеется, нет.

— Это просто замечательно,— сказал я.— Так и думал, что вы не измените своих взглядов.

Поставив бутылку на стол, я налил себе еще. Отпил немного и, не ставя стакана, ехидно посмотрел на Орфамэй.

— Прекратите, а то не сможете слушать,— резко произнесла она.

— Об этом убийстве,— подхватил я.— А кто убит? Вижу, что вы не убиты — пока.

— Пожалуйста, не будьте таким противным. Я тут не виновата. Вы не поверили моим словам по

телефону, и потребовалось убедить вас. Оррин звонил мне. Но не захотел сказать, где живет и чем занимается. Почему — не знаю.

— Хотел, чтоб вы сами выяснили,— сказал я.— Он формирует ваш характер.

— Не смешно. Даже не остроумно.

— Зато, согласитесь, язвительно,— сказал я.— Кто убит? Или это тоже секрет?

Орфамэй повозилась со своей сумочкой, недостаточно долго, чтобы справиться со смущением, потому что смущена не была. Но достаточно долго, чтобы подстрекнуть меня выпить еще.

— Убит тот противный тип в доме с меблированными комнатами. Мистер... мистер.. забыла его фамилию.

— Давайте забудем ее оба,— сказал я.— Давайте хоть раз будем заодно.— Спрятав бутылку в тумбу стола, я поднялся.— Послушайте, Орфамэй, я не спрашиваю, откуда вам это стало известно. Или, может, откуда известно Оррину. Или известно ли это ему. Вы его нашли. Это все, что вам от меня требовалось. Или он нашел вас, что нисколько не меняет дело.

— Меняет,— воскликнула она.— Я, в сущности, его так и не нашла. Он не захотел сказать мне, где живет.

— Что ж, если в таком же месте, как предыдущее, я его не виню.

Орфамэй с отвращением поджала губы.

— В сущности, он ничего не захотел мне сказать.

— Только об убийствах,— сказал я.— И тому подобных пустяках.

Она весело рассмеялась.

— Я сказала это, чтобы припугнуть вас. Не всерьез. Вы говорили так холодно, неприветливо. Я подумала, что не хотите больше мне помогать. И... вот, выдумала убийство.

Я несколько раз глубоко вдохнул и поглядел на свои руки. Медленно распрямил пальцы. Потом встал. Ничего не говоря.

— Вы сердитесь на меня? — робко спросила Орфамэй, чертя по столу кончиком пальца.

— Надо бы как следует отхлестать вас по щекам,— сказал я.— И бросьте притворяться наивной. А то отхлещу вас не по щекам.

Ее дыхание резко оборвалось.

— Да как вы смеете?

— Вы уже произносили эту реплику,— сказал я.— Она не сходит у вас с языка. Замолчите и убирайтесь к черту. Думаете, мне нравится, когда меня пугают до смерти? Ах, да — вот они.

Выдвинув ящик стола, я достал ее двадцать долларов и швырнул на стол перед ней.

— Забирайте. Пожертвуйте их больнице или научной лаборатории. Эти деньги действуют мне на нервы.

Рука Орфамэй сама собой потянулась к деньгам. Глаза ее за стеклами очков округлились от изумления.

— О, господи,— сказала она, с достоинством укладывая деньги в сумочку.— Вот уж не думала, что вас так легко напугать. Мне казалось, вы смелый человек.

— Только с виду,— прорычал я, отодвинув от себя стол. Орфамэй отшатнулась.— Смелый только с маленькими девочками вроде вас, коротко стригущими ногти. На самом деле я размазня.

Взяв Орфамэй за руку, я рывком поставил ее на ноги. Голова ее запрокинулась. Губы разжались. В тот день я имел потрясающий успех у женщин.

— Но ведь вы найдете мне Оррина, правда? — прошептала она.— Это была ложь. Я вам все наврала. Я... не знаю ничего.

— Духи,— сказал я, потянув носом воздух.— Ах, милочка. Вы надушили за ушами — и только ради меня.

Она кивнула, опустив маленький подбородок на полдюйма. Глаза ее сверкали.

— Сними с меня очки,— прошептала она.— Филип. Я не против, что время от времени ты слегка выпиваешь. Правда, не против.

Наши лица разделяли шесть дюймов. Я боялся снимать с нее очки. Меня подмывало ударить ее по носу.

— Да,— сказал я голосом Орсона Уэллеса с набитым крекером ртом.— Найду, милочка, если он еще жив. Притом бесплатно. Не возьму даже цента на расходы. Но прежде задам только один вопрос.

— Какой, Филип? — негромко спросила она и приоткрыла рот чуть пошире.

— Кто был паршивой овцой у вас в семье?

Орфамэй отпрянула, будто испуганный олененок. Уставилась на меня с каменным выражением лица.

— Вы сказали, что не Оррин был паршивой овцой. Помните? С особым нажимом. А когда упомянули сестру Лейлу, тут же перешли на другое, словно эта тема была неприятной.

— Я... я ничего такого не помню,— очень медленно произнесла она.

— И меня разобрало любопытство. Под каким именем ваша сестра Лейла снимается?

— Снимается? — голос ее звучал неуверенно — А, вы имеете в виду кинофильмы. Да ведь я не говорила, что она снимается в кино. Ничего подобного я не сказала.

Я насмешливо улыбнулся. Орфамэй внезапно пришла в ярость.

— Не касайтесь моей сестры,— выпалила она.— Не делайте по ее адресу грязных намеков.

— Каких грязных намеков? — спросил я.— Или попробовать догадаться самому?

— Только и думаете, что о женщинах и выпивке! — взвизгнула Орфамэй.— Я вас ненавижу!

Она бросилась к двери, распахнула ее и вышла. По коридору она почти бежала.

Я снова вернулся за стол и плюхнулся в кресло. Очень странная девица. Право же, очень. Вскоре, как я и ожидал, зазвонил телефон. На четвертом звонке я подпер рукой голову и лениво поднял трубку:

— Похоронная контора Аттера Мак-Кинли.

Женский голос произнес: «Что-о-о?» и сменился пронзительным смехом. Неудержимым. Ну и чувство юмора! Тонкое, словно клюв колибри. Я выключил свет и отправился домой.

16

На другое утро без четверти девять я сидел в машине неподалеку от фотостудии Бэй-Сити, сытый, умиротворенный и, не снимая темных очков, читал местную газету. Лос-анджелесские газеты я уже просмотрел, о пешнях в «Ван Нуйсе» или других

[illegible] там не упоминалось. Не было даже [illegible] [illegible] «ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ОТЕЛЕ» без указания фамилии и [illegible] оружия. «Бэй Сити ньюс» дала об убийстве [illegible] поверхностный материал. На первой полосе, рядом с ценами на мясо.

МЕСТНЫЙ ЖИТЕЛЬ НАЙДЕН ЗАКОЛОТЫМ В МЕБЛИРОВАННЫХ КОМНАТАХ НА АЙДАХО-СТРИТ

«После анонимного телефонного звонка полицейские поспешили на Айдахо-стрит к дому с меблированными комнатами, находящемуся напротив лесосклада компании «Симонс энд Янсин». Войдя в незапертую дверь квартиры, они обнаружили лежащего мертвым на диван-кровати управляющего домом Лестера Б. Клозена, человека сорока пяти лет. Клозену был нанесен удар в шею пешней, все еще торчавшей из тела. Завершив предварительный осмотр, коронер Фрэнк Л. Крауди сказал, что Клозен много выпил и, видимо, убит в бесчувственном состоянии. Следов борьбы полицейские не обнаружили.

Лейтенант сыскного отдела Мозес Мэглешен немедленно принялся за дело и допросил жильцов дома, когда те вернулись с работы, но обстоятельства преступления пока не прояснились. В разговоре с автором этих строк коронер Крауди сказал, что смерть Клозена можно было бы счесть самоубийством, однако расположение раны исключает эту возможность. При осмотре регистрационной книги обнаружилось, что из нее вырван лист. Лейтенант Мэглешен, покончив наконец с опросом жильцов, заявил, что в коридоре был несколько раз замечен крепко сложенный человек среднего возраста с каштановыми волосами и крупными чертами лица, но никто из жильцов не знает ни его фамилии, ни рода занятий. Тщательно проверив все комнаты, Мэглешен сказал, что, по его мнению, один жилец спешно покинул дом. Однако вырванный лист, обстановка в доме и отсутствие точного описания внешности скрывшегося крайне затрудняют розыск.

— В настоящее время я не имею представления, почему Клозен был убит,— объявил Мэглешен при поздно вечером.— Но я некоторое время

сматривался к этому человеку. Многие из его знакомых мне известны. Дело сложное, но мы с ним справимся».

Написан материал был блестяще, фамилия Мэглешен всего двенадцать раз упоминалась в тексте и еще дважды в подписях под снимками. На третьей полосе была фотография лейтенанта с пешней в руке, он глядел на нее, морща лоб в глубокой задумчивости. Был снимок дома № 449 во всей его неприглядности и снимок чего-то, лежащего под простыней на диван-кровати, лейтенант Мэглешен сурово указывал на труп пальцем. Был еще крупноплановый снимок мэра, сидящего с неприступным видом за служебным столом, и интервью с ним о послевоенной преступности. Сказал он именно то, что можно ожидать от мэра,— перепев речей Дж. Эдгара Гувера, только с бóльшим количеством грамматических погрешностей.

Без трех минут девять дверь фотостудии отворилась, и пожилой негр принялся сметать мусор с тротуара в канаву. В девять ноль-ноль опрятный молодой человек в очках поставил замок на защелку, и я вошел с черно-оранжевой квитанцией, которую доктор Дж. У. Хэмблтон прилепил к внутренней стороне парика.

Когда я обменивал квитанцию и немного денег на конверт с маленьким негативом и полудюжиной восьмикратно увеличенных глянцевых отпечатков, опрятный молодой человек пытливо глядел на меня. Он ничего не сказал, но, судя по взгляду, припомнил, что негатив оставлял другой человек.

Выйдя, я сел в машину и осмотрел свой улов. На снимках оказались мужчина и молодая блондинка, сидящие в тесном отдельном кабинете ресторана за накрытым столом. Они поднимали взгляд, словно их внезапно окликнули и тут же засняли. Вспышка, судя по освещению, не применялась.

В блондинке я узнал Мэвис Уэлд. Мужчина был довольно щуплым, смуглым, непримечательным. Его я не узнавал. Мне он был незнаком. Кожу кресел испещряли фигурки танцующих пар. Стало быть, ресторан «Танцоры». Тем более странно. Вздумай фотограф-любитель самовольно щелкать там аппаратом, ему бы так наподдали, что он катился бы до

Голливуда и Вайна. Должно быть, эту пару сняли скрытой камерой, как Рут Снайдер на электрическом стуле. Очевидно, фотограф спрятал аппарат под пиджаком так, что объектив едва выглядывал, и незаметно нажал кнопку тросика, который мог держать сквозь подкладку кармана. Кто сделал снимок, догадаться было нетрудно. Мистеру Оррину П. Квесту приходилось действовать быстро и незаметно, чтобы ему не свернули скулы.

Пряча снимки в жилетный карман, я коснулся пальцами сложенного листка бумаги. Достав его, прочел: «Доктор Винсент Лагарди, Бэй-Сити, Вайоминг-стрит, 965». Тот самый Винс, с которым я разговаривал по телефону и к которому пытался дозвониться покойный Лестер Б. Клозен.

Вдоль стоящих в ряд машин шел, ставя желтым мелом пометки на шинах, пожилой полицейский. Он сказал мне, как проехать на Вайоминг-стрит. Я отправился туда. Улица эта идет через весь город, вдалеке от делового района, вдоль нее по обе стороны расположены номерные улицы. Бело-серый каркасный дом под номером 965 оказался угловым. Бронзовая табличка на двери гласила: «Винсент Лагарди, доктор медицины. Прием с 10.00 до 12.00 и с 2.30 до 4.00».

Дом производил впечатление приличного, тихого. По его ступеням поднималась женщина с непослушным мальчишкой. Прочтя надпись на табличке, она поглядела на часики, приколотые к отвороту платья, и нерешительно закусила губу. Мальчишка внимательно огляделся по сторонам, потом пнул женщину в лодыжку. Женщина замигала, однако голос ее был терпелив:

— Ну, ну, Джонни, не надо так с тетей Ферн,— кротко сказала она. И, открыв дверь, втащила за собой маленького разбойника.

Наискосок через улицу стоял большой белый колониальный особняк с крытой, несоразмерно маленькой галереей. На газоне перед ним были установлены прожекторы. Дорожку окаймляли кусты цветущих роз. Большая черно-серебряная вывеска над галереей гласила: «Похоронная контора Гарлонда». Я подумал, приятно ли доктору Лагарди видеть из окон погребальное заведение. Возможно, это придавало ему осмотрительности.

Развернув машину на перекрестке, я поехал обратно в Лос-Анджелес, поднялся в контору взглянуть, нет ли почты, и запереть в обшарпанный зеленый сейф улов из фотостудии Бэй-Сити — весь, кроме одного снимка. Сев за стол, я стал изучать снимок через лупу. Детали с помощью лупы были ясно различимы. На столе перед смуглым, худощавым непримечательным мужчиной, сидящим с Мэвис Уэлд, лежал вечерний выпуск газеты «Ньюс-Кроникл». Я кое-как разобрал заголовок: «Боксер полутяжелого веса умер от полученных на ринге травм». В утреннем выпуске такого заголовка быть не могло. Я подтянул к себе телефон. И, едва коснулся трубки, раздался звонок.

— Марлоу? Это Кристи Френч, из управления. Что нового?

— Если ваш телетайп работает, ничего. Видел сегодняшнюю «Бэй-Сити ньюс».

— Да, у нас есть эта газета,— небрежно проронил Френч.— Можно подумать, действовал один и тот же человек, верно? Пешни с одинаковыми инициалами, одинаково подпилены, одинаковый метод убийства, одно следует за другим. Надеюсь, это не означает, что шайка Веселого Моу Стейна вновь принялась за дело.

— Если и принялась, то изменила свои методы,— сказал я.— Вчера вечером я читал о них. Стейновские ребята искалывали всю жертву. На одном трупе оказалось больше ста ран.

— Может, поумнели,— сказал Кристи Френч как-то уклончиво, словно не хотел говорить на эту тему.— Я звоню тебе по поводу Флэка. Ты бо[illegible] не видел его?

— Нет.

— Он исчез. Не вышел на работу. Из отеля позвонили домовладелице. Вечером он собрал вещи и съехал. Место назначения неизвестно.

— Я не видел его, и он не звонил мне,— сказал я.

— Тебя не удивило, что у нашего покойника оказалось при себе всего четырнадцать долларов?

— Слегка удивило. Вчера вы сами дали этому объяснение.

— Это первое, что пришло мне в голову. Теперь я так не думаю. Флэк или струхнул, или разжился деньгами. Может, он видел что-то такое, о чем умо-

нчал, и получил деньги, чтобы смыться, а может обокрал клиента, оставив для виду четырнадцать долларов.

— Готов принять любую версию,— сказал я.— Или обе вместе. Тот, кто так тщательно обыскивал номер, искал не деньги.

— Почему?

— Потому что когда этот доктор Хэмблтон звонил мне, я предложил ему воспользоваться сейфом отеля. Он пропустил это мимо ушей.

— Такой тип не стал бы нанимать тебя для хранения денег,— скзал Френч.— Да и чего бы то ни было. Ему была нужна охрана, или пособник, или, может, просто посыльный.

— Ну, не знаю,— сказал я.— Все, что он говорил мне, я передал вам.

— И когда он лежал мертвым,— слишком уж небрежно протянул Френч,— вряд ли ты мог дать ему свою визитную карточку.

Я крепко стиснул трубку и лихорадочно стал припоминать разговор с Хиксом на Айдахо-стрит. Вспомнил, как он разглядывал мою визитную карточку, держа между пальцев. А потом — как я быстро выдернул ее, пока он не стиснул руку. Сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

— Вряд ли,— сказал я.— И перестаньте запугивать меня до смерти.

— У него была твоя визитная карточка, приятель. В часовом кармашке брюк, сложенная вчетверо. При первом осмотре мы ее прозевали.

— Я давал карточку Флэку,— произнес я непо-[illegible]ными губами.

[illegible]аступило молчание. В трубке слышались отдаленные голоса и стук пишущей машинки. Наконец Френч сухо сказал:

— Ясно. Пока.

Послышался резкий щелчок.

Я очень медленно повесил трубку и размял затекшие пальцы. Уставился на лежащую передо мной фотографию. Сказать она мне могла только, что двое людей, в том числе моя знакомая, обедали в «Танцорах». По газете на столе можно было установить дату.

Я набрал номер «Ньюс-Кроникл» и попросил спортивный отдел.

Четыре минуты спустя я записал в блокноте: «Ричи Белло, известный полутяжеловес, скончался в больнице Святых Сестер 19 февраля незадолго до полуночи от повреждений, полученных на ринге накануне вечером в бою, наиболее привлекшем зрителей на голливудском стадионе «Лиджн». С этим заголовком вышел дневной выпуск «Ньюс-Кроникл» за двадцатое февраля».

Набрав снова тот же номер, я попросил Кенни Хейста из отдела городских новостей. Это мой старый знакомый, в прошлом репортер уголовной хроники. С минуту мы поболтали, потом я спросил:

— Кто писал об убийстве Веселого Моу Стейна?

— Тод Барроу. Сейчас он работает в «Пост-Диспетч». А что?

— Хотелось бы узнать подробности, если они есть.

Кенни сказал, что пошлет в архив за подшивкой и позвонит мне.

Через десять минут раздался его звонок.

— Стейн был убит двумя выстрелами в голову, в машине, кварталах в двух от Шато Берси на Франклин-авеню. Примерно в двадцать три пятнадцать.

— Двадцатого февраля, так? — спросил я.

— Точно, двадцатого. Никаких свидетелей, никаких арестов, взяли, как всегда, только букмекеров, безработных боксерских менеджеров и других профессиональных подозреваемых. А что такое?

— Не находился ли в городе тогда один из его дружков?

— Здесь об этом ничего не сказано. Что за дружок?

— Плакса Мойер. Мой приятель-полицейский сказал, что некий голливудский воротила был задержан, а потом освобожден из-за отсутствия улик.

— Погоди-ка,— сказал Кенни,— что-то припоминаю... да. Это человек по фамилии Стилгрейв, владелец ресторана «Танцоры», предполагается, что он азартный игрок и все такое прочее. Славный парень, я его немного знаю. У полиции с ним вышла осечка.

— Осечка?

— Кто-то настучал, будто он Плакса Мойер, и на этом основании его десять дней держали в кутузке для выдачи кливлендским властям. От этого дела кливлендцы отмахнулись. Но убийство Стейна тут

ни при чом. Всю ту неделю Стилгрейв [illegible] под стражей. К убийству он совер[illegible] [illegible]сти. Твой приятель полицейский на[illegible] [illegible]варных романов.

— Как и все полицейские,— сказал я. — [illegible] то они и говорят на жаргоне. Спасибо, К[illegible].

Мы распрощались, я откинулся на [illegible] и снова принялся разглядывать фотографии, [illegible] взял ножницы и отрезал ту часть, где [illegible] сложенная газета с заголовком. Сунул оба куска в разные конверты и спрятал в карман вместе с листком из блокнота.

Затем я набрал престижный номер телефона Мэвис Уэлд. После нескольких гудков ответил женский голос. Отчужденный, холодный, как будто уже где-то слышанный. Он произнес лишь:

— Алло?

— Это Филип Марлоу. Мисс Уэлд дома?

— Мисс Уэлд вернется очень поздно. Передать ей что-нибудь?

— У меня очень важное дело. Как с ней связаться?

— Прошу прощенья. Этого я не знаю.

— Ее агент может знать?

— Возможно.

— А вы, случайно, не мисс Уэлд?

— Мисс Уэлд нет дома.

Моя собеседница повесила трубку.

Я посидел, вспоминая, слышал ли этот голос раньше. Сперва казалось, что да, потом — что нет. Чем больше я думал, тем больше сомневался. Потом спустился на стоянку, сел в машину и уехал.

17

На веранде в «Танцорах» несколько ранних пташек готовились выпить обеденную дозу. Застекленный верхний этаж был затенен опущенным тентом. Миновав переходящий в Стрип поворот, я остановился напротив приземистого, сложенного из розоватого кирпича двухэтажного дома с маленьким[illegible] белыми оконными рамами, греческим портиком на[illegible] парадной дверью и дверной ручкой, казавшейся на[illegible] с другой стороны улицы антикварным кубком на[illegible]

дверью было веерообразное окно и надпись черными, деревянными, тщательно стилизованными буквами «Шеридан Бэллоу, инк». Заперев машину, я подошел к двери. Широкой, высокой, белой, в замочную скважину могла бы пролезть мышь. Однако замок там был настоящий. Я потянулся к дверному молотку, но и это оказалось предусмотрено. Молоток составлял с дверью одно целое. Тогда я похлопал рукой по одной из стройных белых колонн с каннелюрами, открыл дверь и вошел в приемную, занимавшую всю переднюю часть здания. Там стояла темная, похожая на старинную мебель, множество кресел и канапе со стеганой обивкой, напоминавшей ситец. На окнах висели кружевные занавеси, возле стен стояли обитые таким же ситцем ящики. Лежал цветастый ковер и сидело множество людей, ждущих приема у мистера Шеридана Бэллоу.

Кое-кто был весел, беззаботен и преисполнен надежды. Кое-кто, казалось, торчал здесь уже несколько дней. В углу невысокая смуглая девушка шмыгала носом в платок. На нее никто не обращал внимания. Несколько человек заискивающе поглядели на меня, потом вся компания решила, что я не работаю здесь и ничего не добиваюсь.

Рыжеволосая девица грозного вида, развалясь за старинным столом, говорила по белому телефону. Я подошел к столу, она стрельнула в меня холодными голубыми глазами, а потом уставилась на карниз, идущий по всей приемной.

— Нет,— сказала она кому-то на другом конце провода.— Нет. Очень жаль. Боюсь, что бесполезно. Очень, очень занят.

Повесив трубку, она что-то пометила галочкой в каком-то списке и опять бросила на меня суровый взгляд.

— Доброе утро. Мне хотелось бы видеть мистера Бэллоу,— сказал я и положил на стол свою визитную карточку. Девица приподняла ее за уголок и поглядела с усмешкой.

— Сегодня? — дружелюбно осведомилась она.— На этой неделе?

— А сколько времени обычно на это требуется?

— Иногда полгода,— бодро ответила девица.— Никто больше не может вам помочь?

— Нет.

— Очень жаль. Попасть к нему нет никакой возможности. Загляните еще раз. Где-нибудь поближе ко Дню Благодарения *.

Белая шерстяная юбка, красная блузка и черный бархатный жакет с короткими рукавами. Огненно-рыжие волосы. Золотой браслет с топазом, топазовые серьги и топазовый перстень в форме щита. Ногти того же оттенка, что и блузка. Казалось, на то, чтобы принарядиться, девице требуется две недели.

— Мне нужно видеть его, — сказал я.

Она снова прочла надпись на моей карточке. Красиво улыбнулась.

— Всем нужно. Послушайте, мистер... э... Марлоу. Поглядите на этих симпатичных людей. Все они здесь уже два часа, с тех пор как открылась контора.

— У меня важное дело.

— Не сомневаюсь. Можно поинтересоваться, какого рода?

— Хочу сбыть ему одну сплетню.

Девица достала сигарету из хрустальной коробки и прикурила от хрустальной зажигалки.

— Сбыть? То есть, за деньги — в Голливуде?

— Возможно.

— А что за сплетня? Не бойтесь шокировать меня.

— Она не совсем пристойна, мисс... мисс...

На столе стояла табличка с фамилией. Я изогнул шею, пытаясь прочесть ее.

— Хелен Грэди,— сказала девица.— Что ж, легкая, тактичная непристойность еще никому не вредила, так ведь?

— Я не говорил, что она тактична.

Девица откинулась назад и выдохнула дым мне в лицо.

— Одним словом, шантаж.— Она вздохнула.— Почему бы тебе не убраться отсюда к черту, приятель? Пока я не вызвала фараонов?

Я сел на угол стола, втянул ртом дым сигареты и дунул ей в волосы. Она гневно увернулась.

— Проваливай, хлюст.

От ее голоса могла бы осыпаться старая краска

---

* Последний четверг ноября. *(Прим. пер.)*

— Ого,— сказал я.— А куда делся бринморовский акцент?

Не поворачивая головы, она резко позвала:

— Мисс Вейн.

Высокая, стройная, элегантная смуглая девушка с горделивыми бровями подняла на нее взгляд. Она только что вышла из внутренней двери, раскрашенной под витражное стекло. Подошла к столу. Мисс Грэди подала ей мою карточку.

— Отнесите Спинку.

Мисс Вейн с моей карточкой снова скрылась за раскрашенной дверью.

— Присядь, важная персона, дай отдых ногам,— сказала мне мисс Грэди.— Ты можешь проторчать здесь всю неделю.

Я сел в широкое кресло, высокая его спинка вздымалась над моей головой дюймов на восемь. От этого я стал казаться себе ниже ростом. Мисс Грэди еще раз старательно улыбнулась мне и вновь потянулась к телефону.

Я огляделся по сторонам. Маленькая девушка в углу перестала плакать и теперь как ни в чем не бывало красилась. Очень высокий элегантный мужчина, изящно вскинув руку, глянул на свои шикарные часики и легко, плавно поднялся на ноги. Ухарски нахлобучил набекрень жемчужного цвета шляпу, оглядел свои замшевые перчатки, трость с серебряным набалдашником и медлительно подошел к рыжей секретарше.

— Я два часа прождал встречи с мистером Бэллоу,— холодно сказал он звучным, мелодичным голосом, над постановкой которого немало потрудился.— К такому обращению я не привык.

— Мне очень жаль, мистер Фортескью. Мистер Бэллоу занят сверх всякой меры.

— Оставить ему чек я, к сожалению, не могу,— заявил высокий элегантный человек скучающим, презрительным тоном.— Возможно, это единственное, что могло бы его заинтересовать. Но за неимением оного...

— Минутку, малыш.

Рыжая подняла трубку и сказала в нее:

— Да?.. Кто ж еще может это сказать, кроме Голдвина? Не могли связаться с кем-нибудь, кто в своем уме?.. Что ж, сделайте еще попытку.

Она с силой бросила трубку. Высокий не шевельнулся.

— За неимением оного,— повторил он, словно и не умолкал,— я хотел бы оставить ему нечто вроде личного послания.

— Пожалуйста,— сказала мисс Грэди. — Я постараюсь как-нибудь передать его.

— Передайте ему от меня привет и скажите, что он хорек.

— Лучше вонючка,— предложила она. - Слово «хорек» на него не подействует.

— Тогда вонючка, трижды вонючка,— сказал Фортескью.— К тому же слегка припахивающая сероводородом и самыми дешевыми духами, употребляемыми в публичном доме.— Поправив шляпу, он бросил взгляд в зеркало на свой профиль.— Желаю вам всего доброго, и к черту контору «Шеридан Бэллоу инкорпорейтед».

Распахнув тростью дверь, высокий актер изящно вышел.

— Что это с ним? — спросил я.

Мисс Грэди печально взглянула на меня.

— С Билли Фортескью? Ничего. Он не получает ролей, поэтому ежедневно приходит сюда и разыгрывает этот номер. Думает, что кто-нибудь может увидеть его и восхититься.

Я медленно закрыл рот. Можно долго прожить в Голливуде и не видеть, в каких ролях приходится выступать актерам.

Мисс Вейн вышла из внутренней двери и поманила меня кивком головы. Я прошел мимо нее.

— Сюда. Вторая дверь направо.

Она смотрела на меня, пока я шел по коридору к распахнутой второй двери. Войдя, я закрыл дверь.

Сидящий за столом полный седой еврей нежно улыбнулся мне.

— Приветствую,— сказал он.— Я Мосс Спинк. Что у вас за проблема? Присаживайтесь. Сигарету?

Он открыл штуку, похожую на сундучок, и преподнес мне вместо сигареты индивидуальную стеклянную трубку длиною не более фута.

— Благодарю,— ответил я.— Курю табак.

Спинк вздохнул.

— Ну ладно. Перейдем к делу. Дайте-ка сообразить. Ваша фамилия Марлоу? Вот как? Марлоу

Марлоу. Слышал ли я когда-нибудь о человеке по фамилии Марлоу?

— Видимо, нет,— ответил я.— А я никогда не слышал о человеке по фамилии Спинк. Мне нужно видеть человека по фамилии Бэллоу. Разве это звучит как Спинк? Мне вовсе не нужен человек с такой фамилией. И строго между нами — к черту людей по фамилии Спинк.

— Антисемитизм? — спросил Спинк. И примирительно взмахнул рукой, фальшивый бриллиант на ней сверкнул желтым огнем светофора.

— Не надо так. Сядьте, успокойтесь. Вы не знаете меня. И знать не хотите. Ну что ж. Я не обижаюсь. В такой конторе нужно иметь человека, который не обижается.

— Бэллоу,— сказал я.

— Будь же благоразумен, приятель. Шерри Бэллоу очень занятой человек. Работает по двадцать часов в сутки и не успевает всего сделать. Посиди, расскажи все малышу Спинки.

— Вы здесь в каком качестве? — спросил я.

— Заслон для Шерри, приятель. Оберегаю его. Такой человек не может принимать всех подряд. Я помогаю ему. Я то же самое, что он — до известного предела, как сам понимаешь.

— А может этот предел меня не устраивает.

— Может,— добродушно согласился Спинк. Сорвал толстую пленку с алюминиевого сигарного футляра, бережно вынул сигару и стал рассматривать.— Не отрицаю. Так почему не изложить суть своего дела? Тогда все будет ясно. Пока что ты лишь забрасываешь крючок. Мы здесь так на это нагляделись, что не обращаем внимания.

Я смотрел, как он обрезает и прикуривает дорогую с виду сигару.

— Откуда мне знать, что вы его не обманываете? — коварно спросил я.

Суровые глазки Спинка сверкнули, возможно, от навернувшихся слез.

— Чтобы я обманул Шерри Бэллоу? — тихо, словно на шестисотдолларовой панихиде, спросил он надломленным голосом.— Я? Да я скорее обману родную мать.

— Мне это ни о чем не говорит,— сказал я.— Вашу матушку я и в глаза не видел.

Спинк положил сигару в огромную пепельницу и замахал руками. Его снедала горечь.

— Ну-ну, приятель, разве можно так говорить? — жалобно произнес он.— Я люблю Шерри Бэллоу как родного отца. Даже больше. Мой отец... ладно, не будем. Брось ты это, приятель. Будь человеком. Прояви чуточку доверия и дружелюбия. Расскажи эту сплетню малышу Спинки, а?

Я достал из кармана конверт и бросил ему. Спинк вытащил из конверта единственную фотографию и торжественно уставился на нее. Положил на стол. Поднял взгляд на меня, опустил на фотографию и вновь поднял на меня.

— Так,— сказал он деревянным голосом, начисто лишенным доверия и дружелюбия, о которых только что говорил.— Что же здесь особо удивительного?

— Нужно ли говорить вам, кто эта красотка?

— А кто с ней? — резко спросил Спинк.

Я не ответил.

— Я спрашиваю, кто с ней? — Спинк повысил голос чуть ли не до крика.— Выкладывай, соглядатай. Выкладывай.

Я опять не ответил. Спинк медленно потянулся к телефону, не сводя с меня суровых блестящих глазок.

— Давай, давай. Звони,— сказал я.— Свяжись с управлением полиции, спроси лейтенанта Кристи Френча из отдела расследования убийств. Он тоже очень несговорчивый.

Спинк оторвал руку от телефона. Медленно поднялся и вышел, унося фотографию. Я остался в кабинете. С бульвара Сансет негромко доносился монотонный шум машин. Минуты беззвучно уходили в вечность. Дым от сигары Спинка поплавал в воздухе, потом его втянуло в вентилятор кондиционера. Я оглядел бесчисленные фотографии актеров на стенах, все были адресованы Шерри Бэллоу с признаниями в вечной любви. И решил, что раз они висят в кабинете Спинка, все эти актеры — неудачники.

18

Наконец Спинк вернулся и поманил меня. Я пошел за ним по коридору, через двойные двери в приемную с двумя секретаршами. Мимо секретарш к еще одним двойным дверям с панелями из толстого черного стекла, на панелях были выгравированы серебряные павлины. При нашем приближении двери распахнулись сами.

По трем ступенькам с ковровой дорожкой мы спустились в кабинет высотой в два этажа, вдоль стен тянулся заставленный книжными полками балкон. Не хватало там лишь плавательного бассейна. В углу стоял большой концертный «стейнвей», было много белых застекленных шкафов, письменный стол размером с площадку для бадминтона, кресла, кушетки, столики, на одной из кушеток лежал мужчина без пиджака, с шелковым шарфом под расстегнутой рубашкой, который можно в темноте обнаружить по шелесту. Лоб и глаза мужчины закрывал белый компресс, проворная блондинка выжимала еще один в серебряный таз со льдом и водой, стоящий на столике возле кушетки.

Мужчина был крупным, хорошо сложенным, с вьющимися черными волосами и сильным, загорелым лицом. Рука его свисала к ковру, от сигареты между пальцами поднималась тонкая струйка дыма.

Блондинка искусно сменила компресс. Человек на кушетке тяжело вздохнул. Спинк сказал:

— Вот этот парень, Шерри. Его фамилия Марлоу.

Человек на кушетке тяжело вздохнул.

— Что ему нужно?

— Не говорит,— ответил Спинк.

Человек на кушетке сказал:

— Тогда на кой черт притащил его сюда? Я отдыхаю.

— Ну, сам знаешь эти дела, Шерри,— ответил Спинк.— Иной раз просто никуда не денешься.

Человек на кушетке спросил:

— Как, ты сказал, его звучная фамилия?

Спинк повернулся ко мне:

— Теперь можешь сказать нам, что тебе нужно. И поживее, Марлоу.

Я промолчал.

Человек на кушетке медленно поднял руку с си-

гаретой. Устало сунул сигарету в рот и затянулся с безмерной вялостью выродившегося аристократа, старящегося в разрушенном замке.

— Тебе говорят, приятель,— хрипло произнес Спинк. Блондинка, не глядя ни на кого, сова сменила компресс. В комнате воцарилось молчание, серое, как дым сигареты.— Ну, давай же, болван. Говори, не тяни.

Я достал сигарету «кэмэл», закурил, выбрал кресло и сел. Вытянул руку и посмотрел на нее. Большой палец подергивался вверх-вниз каждые несколько секунд.

— В распоряжении Шерри не весь день,— раздался яростный голос Спинка.

— А что он будет делать? — услышал я свой вопрос.— Сидеть на кушетке, обитой белым атласом, и покрывать позолотой ногти?

Блондинка резко повернулась и уставилась на меня. У Спинка отвисла челюсть. Он захлопал глазами. Человек на кушетке медленно потянулся к полотенцу на глазах. Приподнял его так, что один карий глаз глянул на меня. Полотенце мягко легло на место.

— Здесь нельзя так говорить,— грубо заявил Спинк.

Я поднялся.

— Забыл захватить молитвенник. Не знал до сих пор, что Бог работает за комиссионные.

С минуту никто не произносил ни слова. Блондинка снова сменила полотенце.

Человек на кушетке сказал из-под него:

— Убирайтесь к черту, мои дорогие. Все, кроме нового приятеля.

Спинк, сощурясь, злобно поглядел на меня. Блондинка бесшумно вышла.

— И почему я сразу не вышвырнул его отсюда? — сказал Спинк.

Из-под полотенца раздался усталый голос:

— Я думал об этом так долго, что потерял всякий интерес. Убирайся.

— Иду, босс,— ответил Спинк. И неохотно направился к выходу. У двери остановился, еще раз злобно глянул на меня и вышел.

Услышав, как закрылась дверь, человек на кушетке сказал:

— Сколько?

— Вам не придется ничего покупать.

Он снял полотенце с головы, отшвырнул его и медленно сел. Опустил на ковер ноги в шитых на заказ шагреневых ботинках и провел рукой по лбу. Выглядел он усталым, но не рассеянным. Извлек откуда-то еще одну сигарету. Закурил и мрачно уставился сквозь дым на пол.

— Продолжайте.

— Не знаю, зачем вы устроили это представление,— сказал я.— Но уверен, у вас хватит ума понять, что в данном случае вы ничего не сможете купить и быть уверенным, что это куплено.

Бэллоу взял фотографию, которую Спинк положил ему на длинный низенький столик. Потом вяло протянул руку.

— Вся соль, конечно, в отрезанной части.

Я достал конверт, протянул ему отрезанную часть и смотрел, как он их складывает.

— С лупой можно разобрать заголовок,— сказал я.

— Лупа на письменном столе. Очень прошу вас.

Я пошел к письменному столу и принес лупу.

— Вы привыкли, чтобы вас все обслуживали, а, мистер Бэллоу?

— Я плачу за это.

Он внимательно разглядел фотографию через лупу и вздохнул.

— Кажется, я видел этот бой. Нужно побольше заботиться о боксерах.

— Как вы о своих клиентах,— сказал я.

Бэллоу отложил лупу, откинулся назад и уставился на меня спокойным, холодным взглядом.

— Этому человеку принадлежат «Танцоры». Фамилия его Стилгрейв. Женщина, само собой, моя клиентка.— Он вяло указал на кресло. Я сел.— Сколько вы хотите, мистер Марлоу?

— За что?

— За все отпечатки и негатив.

— Десять тысяч,— сказал я и устремил взгляд на его губы. Он довольно-таки весело улыбнулся.

— Тут потребуется еще кое-что объяснить, не так ли? Я вижу только, что двое людей обедают в общественном месте. Вряд ли это погубит репутацию моей клиентки. Полагаю, вы имели в виду именно это.

Я усмехнулся.

— Вы ничего не сможете купить, мистер Бэллоу. У меня может оказаться позитивный кадр, сделанный с негатива, и еще один негатив, сделанный с позитива. Если этот снимок представляет собой улику, вы не можете быть уверены, что уничтожили ее.

— Странный разговор для шантажиста,— сказал он, продолжая улыбаться.

— Я всегда удивляюсь, почему люди платят шантажистам. Они ничего не могут купить. Однако платят, иногда по многу раз. И в конце концов ничего не добиваются.

— Сегодняшний страх,— сказал Бэллоу,— неизменно пересиливает завтрашний. Суть драматических переживаний состоит в том, что часть представляется важнее целого. Если на экране очаровательной кинозвезде грозит серьезная опасность, то боишься за нее лишь одной, эмоциональной стороной сознания. Но при этом рассудочной стороной сознаешь, что актриса исполняет роль в фильме и ничего страшного с ней не случится. Если подозрения и чувство опасности не пересилят рассудка, переживаний почти не будет.

— Очень верно, на мой взгляд,— сказал я и выпустил сигаретный дым.

Глаза Бэллоу немного сузились.

— Теперь о возможности что-то купить. Если я выложу значительную сумму и не получу того, что купил, то приму свои меры. Вас отделают как бог черепаху. А по выходе из больницы, если только у вас будет желание сводить счеты, можете добиваться моего ареста.

— Со мной такое случалось,— сказал я.— Я частный детектив. Понимаю, что вы имеете в виду. Зачем же вы разговариваете со мной?

Бэллоу засмеялся. У него был грудной, приятный, непринужденный смех.

— Я агент, малыш. И всегда был склонен думать, что продавцы непременно держат что-то в резерве. Но разговора о десяти тысячах у нас не будет. Таких денег у нее нет. Пока что она зарабатывает лишь около тысячи в неделю. Однако не скрою, что вскоре ее ждут большие деньги.

— Это навсегда положит конец ее карьере,— сказал я, указывая на снимок.— Не будет ни больших денег, ни плавательных бассейнов с подсветкой

ни фамилии неоновыми буквами, ничего. Все развеется как дым.

Бэллоу презрительно засмеялся.

— Значит, ничего страшного, если покажу снимок полицейским? — спросил я.

Глаза Бэллоу сузились. Он перестал смеяться. И очень спокойно спросил:

— Что в нем для них интересного?

Я поднялся.

— Кажется, дела у нас не выйдет, мистер Бэллоу. Вы занятой человек. Я ухожу.

Он встал и потянулся во весь шестифутовый рост. Очень крепкий мужчина. Подошел вплотную ко мне. В его карих глазах сверкали золотые искорки.

— Покажи-ка документы, малыш.

Он протянул руку. Я сунул в нее свой бумажник. Он просмотрел фотокопию лицензии, вынул несколько вещичек, осмотрел их. Потом вернул бумажник.

— Что произойдет, если вы покажете эту фотографию полицейским?

— Я должен буду прежде всего связать ее с делом, над которым они работают,— со вчерашним происшествием в отеле «Ван Нуйс». Связать через эту женщину, она не пожелала говорить со мной — тем самым вынудила меня обратиться к вам.

— Она говорила мне об этом вчера вечером,— вздохнул Бэллоу.

— И что сказала?

— Что частный детектив по фамилии Марлоу навязывал ей свои услуги, поскольку ее видели в центральном отеле близко от места, где произошло убийство.

— И как близко?

— Она не сказала.

— Какое там — не сказала.

Бэллоу отошел к высокому цилиндрическому сосуду в углу. Достал оттуда одну из коротких ротанговых тросточек. Стал расхаживать по ковру, помахивая ею возле правого ботинка.

Я снова сел, погасил сигарету и глубоко вздохнул.

— Такое может быть только в Голливуде.

Бэллоу четко повернулся кругом и взглянул на меня.

— Прошу прощенья?

— Человек явно в своем уме прогуливается по комнате с тросточкой.

Он кивнул.

— Я перенял это у одного продюсера [illegible]. Замечательный парень. Во всяком случае, так мне говорили. — Он остановился и ткнул тросточкой в мою сторону. — Бросьте меня смешить, мистер Марлоу. Вас же видно насквозь. Вы хотите с моей помощью выкрутиться из неприятностей.

— Доля истины в этом есть. Но мои неприятности — пустяк по сравнению с теми, в которых оказалась бы ваша клиентка, если б я не сделал того, что навлекло на меня неприятности.

Бэллоу замер. Потом отшвырнул тросточку, подошел к шкафчику со спиртным и распахнул обе дверцы. Налил какого-то напитка в пузатые рюмки. Поднес одну мне. Потом вернулся и взял свою. Сел на кушетку.

— Арманьяк. Если б вы знали меня, то оценили бы эту любезность. Напитка этого сейчас не достать. Большую часть его растащили немцы. Остальное досталось нашим военачальникам. Ваше здоровье.

Он поднял рюмку, вдохнул аромат и отпил крошечный глоточек. Я проглотил свою одним духом. Напиток походил на хороший французский коньяк.

Бэллоу даже возмутился.

— Господи, этот напиток нужно смаковать, а не глотать.

— А я глотаю. Прошу прощенья. Еще она сказала вам, что если кто-нибудь не заткнет мне рот, у нее будет уйма неприятностей.

Бэллоу кивнул.

— Она предложила, каким образом это сделать?

— У меня создалось впечатление, что она за какое-нибудь сильно действующее средство. Поэтому я использовал сочетание угрозы с подкупом. Тут неподалеку есть организация, которая специализируется на защите людей из мира кино. Видимо, напугать вас не удалось, и сумма оказалась недостаточной.

— Напугать — напугали. Я чуть не разрядил в эту парочку свой «люгер». Наркоман с пистолетом ведет свою игру блестяще. Что касается денег, дело тут не в сумме, а в том, как их мне предложили.

Бэллоу отхлебнул еще глоток арманьяка. Указал на лежащую перед ним разорванную фотографию.

— Мы дошли до того, как вы понесли этот снимок в полицию. Что дальше?

— До этого мы еще не дошли. Пока мы дошли до того, почему она обратилась за помощью к вам, а не к своему дружку. Он подъехал, когда я уходил. У него был ключ от ее квартиры.

— Видимо, просто не захотела обращаться к нему. Бэллоу нахмурился и уставился в свою рюмку.

— Ваше предположение мне очень нравится,— сказал я.— Но понравилось бы еще больше, не будь у этого человека ее ключа.

Бэллоу поднял несколько опечаленный взгляд.

— И мне тоже. И всем нам. Однако в актерской среде всегда царили свободные нравы. Если эти люди не живут интенсивной и довольно беспорядочной жизнью, если их не обуревают такого рода чувства — они не смогут ловить эти чувства на лету и запечатлевать на пленке или переносить на сцену.

— Речь не о ее любовных делах,— сказал я.— Но ложе не обязательно делить с преступником.

— Доказательств, что он преступник, нет, Марлоу.

Я указал на фотографию.

— Человек, сделавший этот снимок, бесследно исчез. Возможно, убит. Двое людей, живших по тому же адресу, убиты. Один незадолго до смерти пытался продать эти снимки. За ними-то она и отправилась в отель. И тот, кто убил его, тоже. Ни она, ни убийца не нашли того, что им требовалось. Они не знали, где искать.

— А вы?

— Мне повезло. Я случайно узнал, что на голове у этого человека парик. Допустим, ничто на снимке не является уликой. Вы в этом уверены. Тогда зачем же тревожиться? Убиты двое людей, может быть, трое. Она шла на огромный риск. Зачем? Ей был нужен этот снимок. Ради него стоило подвергаться такому риску. Опять же, зачем? Здесь двое людей сидят за обеденным столом в определенный день. Тот самый, когда Моу Стейн был застрелен на Франклин-авеню. Тот самый, когда человек по фамилии Стилгрейв находился в тюрьме, поскольку фараонам донесли,

что он кливлендский преступник по прозвищу Плакса Мойер. Так записано в тюремном журнале. Но фотография свидетельствует, что он был на воле. Поэтому становится ясно, кто он такой. И она это знает. И у него до сих пор есть ключ от ее квартиры.

Мы серьезно посмотрели друг на друга. Я сказал:

— Вам ведь очень не хочется, чтобы этот снимок попал к фараонам. При любом исходе дела они погубят ее. А потом уже не будет иметь значения, действительно ли Стилгрейв — Плакса Мойер или нет, убил ли он сам Стейна или подослал к нему убийц, или случайно в тот день получил отпуск из тюрьмы. Даже если его оправдают, все равно многие решат, что дело тут нечисто. А ее никто не оправдает. В глазах публики она станет любовницей гангстера. И, насколько это касается вашего предприятия, ее песенка будет окончательно спета.

Бэллоу помолчал, глядя на меня безо всякого выражения.

— А какую роль вы отводите здесь себе? — негромко спросил он.

— Это во многом зависит от вас, мистер Бэллоу.

— Что же вам, собственно, нужно? — Тон его стал едким и злобным.

— То, чего я добивался от нее и не смог добиться. Нечто, дающее мне видимость права действовать в ее интересах до тех пор, пока не решу, что настал предел.

— Скрывая улики? — сдавленно спросил Бэллоу.

— Если только этот снимок *является* уликой. Выяснить это, не опорочив репутацию мисс Уэлд, фараоны не смогут. А я, наверно, смогу. Они и пытаться не станут; им это не нужно. Мне нужно.

— Зачем?

— Ну, скажем, таким образом я зарабатываю на жизнь. Возможно, есть и другие мотивы, но достаточно и одного.

— Какую сумму вы за это хотите?

— Ту, что вы послали вчера. Тогда я не взял денег. Теперь возьму. С документом, что вы нанимаете меня расследовать попытку шантажа одной из ваших клиенток.

Взяв свою пустую рюмку, я подошел к письмен-

ному столу и поставил ее. Нагнувшись, услышал негромкое жужжанье. Обойдя вокруг стола, я открыл один из ящиков. С навесной полочки соскользнул маленький проволочный магнитофон. Мотор работал, тонкая стальная проволока перематывалась с одной катушки на другую.

Я взглянул на Бэллоу.

— Можете выключить и забрать проволоку с собой,— сказал он.— Вы не должны винить меня за то, что я включил его.

Я включил перемотку, катушки завертелись в обратную сторону, все набирая скорость, и в конце концов я уже не мог разглядеть проволоки. Она издавала высокий, ноющий звук, словно двое гомиков, дерущихся из-за шелковой тряпки. Проволока перемоталась полностью, аппарат выключился. Я снял катушку и сунул в карман.

— У вас может оказаться еще один. Мне придется пойти на этот риск.

— Вы очень уверены в себе, а, Марлоу?

— К сожалению, нет.

— Будьте добры, нажмите ту кнопку на краю стола.

Я нажал. Двери с черным стеклом отворились, вошла смуглая девушка с блокнотом для стенографирования.

Бэллоу, не глядя на нее, стал диктовать.

— Письмо мистеру Филипу Марлоу, с указанием адреса. Уважаемый мистер Марлоу. Настоящим данное агентство нанимает вас расследовать попытку шантажа одной из наших клиенток, данные о которой будут сообщены вам устно. Ваш гонорар составит сто долларов в день с задатком в пятьсот долларов, расписку в получении которого вы напишете на копии этого письма. И так далее, и так далее. Это все, Эйлин. Пожалуйста, немедленно.

Я назвал девушке свой адрес, и она вышла.

Достав из кармана катушку с проволокой, я сунул ее обратно в ящик.

Бэллоу забросил ногу на ногу и стал раскачивать ею, глядя на сверкающий носок ботинка. Провел рукой по темным кудрявым волосам.

— На днях,— сказал он,— я совершу ошибку, которой человек моей профессии опасается больше всего: буду заниматься делом с человеком, которо-

не могу доверять, и буду слишком хитер, чтобы доверять ему. А это заберите с собой.

Он протянул мне обе части разрезанной фотографии.

Через пять минут я ушел. Застекленная дверь сама отворилась, когда я находился от нее в трех футах. Я миновал двух секретарш и пошел по коридору мимо открытой двери комнаты Спинка. Оттуда не доносилось ни звука, но я уловил запах сигарного дыма. В приемной, казалось, сидели те же самые посетители. Мисс Хелен Грэди одарила меня своей лучшей улыбкой. Мисс Вейн просияла.

Я провел с их боссом сорок минут. Это делало меня ярким, как таблица хиропрактика.

19

У входа на киностудию полицейский за подковообразным столом в стеклянной будке положил телефонную трубку и стал выписывать пропуск. Оторвал заполненный бланк и сунул в узкую, не шире трех четвертей дюйма щель над столешницей. Голос его металлически прозвучал через переговорное устройство, вмонтированное в стеклянную панель.

— Прямо по коридору до конца. В центре патио увидите питьевой фонтанчик. Там вас встретит Джордж Уилсон.

— Спасибо,— сказал я.— Это стекло пуленепробиваемое?

— Конечно. А что?

— Просто любопытно,— ответил я.— Ни разу не слышал, чтобы люди стрельбой пролагали путь в кинобизнес.

За спиной у меня кто-то хихикнул. Я обернулся и увидел девушку в брюках, с красной гвоздикой за ухом. Она улыбалась.

— О, братец, если б для этого было достаточно пистолета!

Я пошел к оливково-зеленой двери без ручки. Она зажужжала и поддалась толчку. За ней оказался коридор с голыми оливково-зелеными стенами и дверью в дальнем конце. Мышеловка. Если ты вошел в нее, тебя в случае чего можно остановить

Дальняя дверь так же зажужжала и щелкнула. Мне стало любопытно, как полицейский узнал, что я подошел к ней. Подняв взгляд, я обнаружил его глаза, устремленные на меня из наклонно установленного зеркала. Когда я коснулся двери, зеркало стало чистым. Здесь было предусмотрено все.

Снаружи под жарким полуденным солнцем в маленьком патио с мощеными дорожками, бассейном посередине и мраморной скамьей буйно росли цветы. Питьевой фонтанчик находился возле скамьи. Пожилой, шикарно одетый мужчина, развалясь на скамье, глядел, как трое желто-коричневых собак-боксеров вырывают с корнем кусты бегонии, похожей на чайную розу. На лице его было выражение глубокого, но спокойного удовольствия. Когда я подошел, он не взглянул на меня. Один из боксеров, самый большой, подошел и помочился на скамью рядом с его штаниной. Мужчина нагнулся и погладил короткошерстную голову собаки.

— Вы мистер Уилсон? — спросил я.

Он недоуменно поглядел на меня. Средний боксер подбежал рысцой, принюхался и помочился там же, где первый.

— Уилсон? — У мужчины был ленивый, слегка протяжный голос.— Нет. Моя фамилия не Уилсон. Вы ошиблись.

— Извините.

Подойдя к фонтанчику, я ополоснул лицо. Пока вытирался платком, самый маленький боксер подошел к скамье и тоже исполнил свой долг.

Мужчина, оказавшийся не Уилсоном, любовно произнес:

— Всегда делают в одном и том же порядке. Меня это восхищает.

— Что делают? — спросил я.

— Справляют нужду,— ответил он.— Видимо, дело здесь в старшинстве. Сперва Мейзи. Это мать. Потом Мак. Она на год старше Джока, младшего. Всегда по очереди. Даже у меня в кабинете.

— У вас в кабинете? — переспросил я. Никто никогда не произносил ничего с более глупым видом.

Мужчина, приподняв белесые брови, посмотрел в мою сторону, вынул изо рта простую коричневую сигару, откусил кончик и выплюнул в бассейн.

— Рыбкам это не пойдет на пользу,— заметил я.
Он глянул на меня исподлобья.

— Я разводу боксеров. А рыбки — черт с ними.
Я решил, что это чисто в голливудском духе.
Закурил сигарету и сел на скамью.

— У вас в кабинете,— сказал я.— Что ж, каждый день приносит новую мысль.

— На угол письменного стола. Всякий раз Секретарши мои злятся. Говорят, впитывается в ковер. Что за женщины теперь пошли? Меня это ничуть не раздражает. Наоборот. Если любишь собак, приятно смотреть даже, как они справляют нужду.

Один из боксеров подтащил полностью расцветший куст бегонии к его ногам. Мужчина поднял куст и бросил в бассейн.

— Садовникам, наверно, это не нравится,— сказал он.— Ну и ладно, если недовольны, могут в любое время...— он умолк и стал смотреть, как стройная девушка-почтальон в желтых брюках намеренно удлиняет путь, чтобы пройти через патио. Она искоса бросила быстрый взгляд на мужчину и ушла, поигрывая бедрами.

— Знаете, что скверно в этом бизнесе? — спросил он.

— Никто не знает.

— Слишком много секса. Секс хорош в свое время и в своем месте. А мы получаем его вагонами. Увязаем в нем. Тонем по горло. Липнем к нему как мухи к клейкой бумаге.— Мужчина встал.— И мух у нас слишком много. Рад был поговорить с вами, мистер...

— Марлоу,— сказал я.— Боюсь, что вы не знаете меня.

— Я никого не знаю,— сказал мужчина.— Память сдает. С кем только я не встречаюсь. Моя фамилия Оппенгеймер.

— Жюль Оппенгеймер?

Он кивнул.

— Да. Закуривайте.

И протянул мне сигару. Я показал ему свою сигарету. Оппенгеймер швырнул сигару в бассейн, потом нахмурился.

— Память сдает,— грустно сказал он.— Выбросил пятьдесят центов. Напрасно.

— Вы управляете этой студией,— сказал я.

Оппенгеймер рассеянно кивнул.

— Нужно было сберечь эту сигару. Сбереги пятьдесят центов, и что ты будешь иметь?

— Пятьдесят центов,— ответил я, не понимая, к чему он клонит.

— В кинобизнесе нет. Здесь сбережешь пятьдесят центов — положишь на свой счет пять долларов.

Оппенгеймер умолк и поманил боксеров. Те перестали выдирать цветы и уставились на него

— Нужно только заниматься финансовой стороной дела,— сказал он.— Это нетрудно. Пошли, детки, обратно в бордель.— Вздохнул и добавил: — Полторы тысячи кинотеатров.

Очевидно, на лице у меня вновь появилось глупое выражение. Оппенгеймер обвел рукой патио

— Открыть полторы тысячи кинотеатров — и всё. Это гораздо легче, чем разводить чистокровных боксеров. Кино — единственный бизнес на свете, где можно совершать всевозможные ошибки и все же делать деньги.

— И, должно быть, единственный бизнес, где можно иметь трех собак, поливающих стол в кабинете? — спросил я.

— Нужно открыть полторы тысячи кинотеатров.

— А собаки слегка мешают взяться за дело,— заметил я.

На лице у него появилось довольное выражение.

— Вот-вот. *Это* главная помеха.

Поверх зеленого газона Оппенгеймер поглядел на четырехэтажный дом, представляющий собой одну из сторон незамкнутого квадрата.

— Там находятся все конторы,— сказал он.— Я туда ни ногой. Вечные перестановки. Смотреть противно, что только кое-кто не тащит к себе в кабинеты. Самые дорогие таланты на свете. Даю им все, что душе угодно, столько денег, сколько хотят. С какой стати? Да ни с какой. Так, по привычке. Что и как они делают — совершенно неважно. Мне бы только полторы тысячи кинотеатров.

— Вам не хотелось бы, чтобы ваши слова появились в печати, мистер Оппенгеймер?

— Вы газетчик?

— Нет.

— Жаль. Было бы приятно, если б кто-то упомянул в газетах этот простой несомненный факт.— Он

[illegible] потом сердито фыркнул. — Ничего не [illegible]чается. Побоятся. Идем, детки.

Старшая Мейзи подошла и встала возле него. Средний выдрал еще одну бегонию, а потом подбежал рысцой и стал возле матери. Младший Джок занял свое место, а потом с внезапным воодушевлением поднял заднюю ногу и стал мочиться на манжету хозяйских брюк. Мейзи небрежно оттолкнула его.

— Видите? — спросил Оппенгеймер. — Джок вздумал нарушить очередь. Мейзи этого не допустит.

Он нагнулся и погладил ей голову. Мейзи с обожанием взглянула на хозяина.

— Глаза твоей собаки, — мечтательно произнес Оппенгеймер,— самая незабываемая вещь на свете.

Он пошел широким шагом по мощеной дорожке к административному зданию, трое боксеров спокойно трусили рядом.

— Мистер Марлоу?

Я обернулся. Ко мне неслышно подошел рыжеволосый человек, нос его торчал как локоть держащегося за поручень пассажира.

— Я Джордж Уилсон. Рад познакомиться. Вижу, вы знаете мистера Оппенгеймера.

— Мы немного поболтали. Он поведал мне, как руководить кинобизнесом. Похоже, для этого требуется лишь полторы тысячи кинотеатров.

— Я работаю здесь пять лет, но ни разу не разговаривал с ним.

— Просто вас не обмочили его собаки.

— Может вы и правы. Чем могу быть полезен, мистер Марлоу?

— Мне нужно видеть Мэвис Уэлд.

— Она на съемочной площадке. Идут съемки.

— Можно там поговорить с ней минуту-другую?

На лице Уилсона отразилось сомнение.

— Какой пропуск вам выдали?

— По-моему, обыкновенный.

Я протянул ему пропуск. Он просмотрел его.

— Вас послал Бэллоу. Это ее агент. Видимо, нас пустят в двенадцатый павильон. Хотите пойти туда?

— Если у вас есть время.

— Это моя обязанность. Я работаю в отделе рекламы.

Мы пошли по мощеной дорожке к проходу между углами двух зданий. Бетонная дорога между зданиями вела к территории натурных съемок и павильонам.

— Вы работаете в конторе с Бэллоу? — спросил Уилсон.

— Я только что оттуда.

— Говорят, солидная организация. Я и сам подумывал заняться этим делом. В моей работе ничего приятного нет.

Миновав двух полицейских в мундирах, мы свернули в узкий проход между павильонами. Посреди прохода трепетал красный флажок, над дверью с номером 12 горел красный свет, а над красным фонарем непрерывно звенел звонок. Уилсон остановился у двери. Еще один полицейский, откинувшись назад вместе со стулом, кивнул ему и оглядел меня с тем уныло-мрачным выражением, которое нарастает у них на лицах, как ржавчина на цистерне для воды.

Звонок прекратился, флажок замер, и красный свет погас. Уилсон открыл массивную дверь и пропустил меня вперед. Еще одна дверь. После солнечного дня за ней было абсолютно темно. Потом я разглядел в дальнем углу свет. Вся остальная часть огромного павильона казалась совершенно пустой.

Мы направились к освещенному углу. Когда подошли поближе, стало казаться, что весь пол устелен черными ка́белями. Стояли ряды складных стульев, несколько передвижных гардеробных с фамилиями на дверях. К съемочной площадке мы подошли с тыльной стороны, и я видел только спинки стульев, а по бокам — бо́льшие экраны. В стороне стрекотало несколько киноаппаратов.

— Крути! — крикнул кто-то. Раздался громкий звонок. Оба экрана засветились, показались вздымающиеся волны. Другой голос поспокойнее произнес: «Следите, пожалуйста, за своими позами, может, нам удастся подогнать эту маленькую виньетку. Начали».

Уилсон замер и схватил меня за руку. Невесть откуда послышались голоса актеров, негромкие, нечеткие, воспринимавшиеся как бессмысленный шум.

Внезапно один из экранов погас. Спокойный голос тем же тоном произнес:

Все

Снова раздался звонок. Послышался шум общего движения. Мы с Уилсоном пошли дальше. Он прошептал на ухо:

— Если Нэд Гэммон не получит до обеда этот дубль, то набьет Торренсу рожу.

— О, здесь снимается Торренс, вот как?

Дик Торренс был известной звездой второго класса, в Голливуде таких актеров не так уж мало, в общем-то, они никому не нужны, но многим режиссерам в конце концов приходится брать их за неимением лучшего.

— Дик, хочешь просмотреть эту сцену еще раз? — произнес спокойный голос, когда мы обогнули угол декорации и увидели, что там такое,— палуба прогулочной яхты неподалеку от кормы. В этой сцене были заняты две женщины и трое мужчин. Один из них, средних лет, в спортивном костюме, сидел в шезлонге. Другой, рыжеволосый, во всем белом, походил на капитана. Третий, яхтсмен-любитель в красивой фуражке, синем пиджаке с золотыми пуговицами, белых брюках, белых туфлях, самодовольно-обаятельный, и был Торренс. Женщина помоложе была смуглой красавицей Сьюзен Краули. Постарше — Мэвис Уэлд. На ней был мокрый купальник из плотной ткани, видимо, она только что поднялась на борт. Гример обрызгивал водой ее лицо, руки и концы белокурых волос.

Торренс не ответил. Внезапно он повернулся и уставился на оператора.

— Думаешь, я не знаю реплик?

Из темноты вышел седой человек в сером костюме. Черные глаза его злобно горели, но в голосе злобности не было.

— Или же путаешь их нарочно,— сказал он, упорно глядя на Торренса.

— Возможно, дело в том, что я не привык играть перед камерой, в которой всякий раз в середине сцены кончается пленка.

— Справедливое замечание,— сказал Нэд Гэммон.— Но пленки у него всего двести двенадцать футов. Это моя вина. Если бы ты мог играть чуть поживее...

— Ха,— возмутился Торренс.— Если б я мог! Мисс Уэлд надо бы взбираться на борт не за то время, что требуется на постройку яхты.

Мэвис Уэлд резко бросила на него презритель ный взгляд.

— Хронометраж у Мэвис в самый раз,— сказал Гэммон.— Исполнение тоже.

Сьюзен Краули грациозно пожала плечами.

— Мне думается, ей не мешало бы двигаться чуть побыстрее, Нэд. Выходит у нее неплохо, но *могло бы* и получше.

— Выходи у меня хоть немного получше, милочка,— спокойно заметила Мэвис Уэлд,— кое-кто мог бы назвать это игрой. Тебе ведь не хочется, чтобы нечто подобное имело место в твоей картине, так ведь?

Торренс засмеялся. Сьюзен Краули повернулась и сверкнула на него глазами.

— Что смешного, мистер Тринадцать?

Лицо Торренса превратилось в ледяную маску.

— Как ты меня назвала? — прошипел он.

— О господи, неужто не знал? — удивленно спросила Краули.— Тебя называют мистер Тринадцать, потому что всякий раз, когда тебе достается роль, это значит, что двенадцать человек от нее уже отказались.

— Ясно,— недовольно буркнул Торренс. Потом он вновь расхохотался и повернулся к режиссеру.

— Порядок, Нэд. Теперь, когда все отвели душу, мы, наверно, сможем сделать все, как ты хочешь.

Нэд кивнул.

— Чтобы разрядить атмосферу, лучше всего слегка поцапаться. Ну, ладно, начали.

Он вернулся назад и встал возле камеры. Помощник снова крикнул: «Мотор», и вся сцена прошла без задоринки.

— Всё,— сказал Гэммон.— Отпечатай этот дубль. Всем перерыв на обед.

Актеры, спускаясь по грубым деревянным ступеням, кивали Уилсону. Мэвис Уэлд шла последней, ей пришлось задержаться, чтобы надеть махровый халат и пляжные сандалии. Увидев меня, она замерла. Уилсон шагнул вперед.

— Привет, Джордж,— сказала Мэвис Уэлд, глядя на меня.— Я тебе зачем-то понадобилась?

— Мистер Марлоу хочет немного побеседовать с вами. Не возражаете?

— Мистер Марлоу?

Уилсон бросил на меня быстрый, резкий взгляд.

Из конторы Бэллоу. Я думал с...
Возможно, как-то видела... — Он... стала глядеть на меня в упор.— В чем дело...
Я промолчал.
После небольшой паузы она сказала:
— Спасибо, Джордж. Пойдемте ко мне в гардеробную, мистер Марлоу.
Она повернулась и пошла вдоль дальней стороны декорации. Бело-зеленая гардеробная была возле стены. На двери была надпись «Мисс Уэлд». Подойдя к ней, актриса повернулась и осторожно огляделась. Потом уставилась на меня своими прекрасными синими глазами.
— Ну так что, мистер Марлоу?
— Значит, все же помните меня?
— Кажется, да.
— Начнем с того, на чем остановились, или возьмем новый курс — с чистой палубой?
— Вас кто-то впустил сюда. Кто? Зачем? Это требует объяснения.
— Я работаю на вас. Получил задаток и дал Бэллоу расписку.
— До чего же предусмотрительно. А если я не желаю, чтобы вы работали на меня? Что бы это ни была работа.
— Ну-ну, покапризничайте,— сказал я.
Достал из кармана фотографию и протянул ей. Она пристально посмотрела на меня и опустила глаза. Потом взглянула на снимок, где была запечатлена в кабине ресторана со Стилгрейвом. Смотрела пристально, не шевелясь. Потом очень медленно подняла руку и коснулась мокрых завитков волос у щеки. Еле заметно вздрогнула. Протянула руку и взяла фотографию. Уставилась на нее. Потом очень медленно подняла глаза.
— Ну и что?
— В моем распоряжении негатив и несколько отпечатков. Они достались бы вам, будь у вас побольше времени и знай вы, где искать. Или если б застали того человека живым и купили их.
— Меня слегка знобит,— сказала она.— И мне нужно поесть.
Протянула мне фотографию.
— Вас слегка знобит, и вам нужно поесть,— повторил я.

Мне показалось, что на шее у нее бьется жилка. Но свет был довольно тусклым. Она очень слабо улыбнулась. Словно скучающая аристократка.

— Смысл всего этого от меня ускользает.

— Поменьше времени проводите на яхтах. Я узнал вас со Стилгрейвом. Что же в этом снимке такого, ради чего стоило расставаться с бриллиантовым ожерельем?

— Вы правы,— согласилась она.— Что?

— Не знаю,— ответил я.— Но выясню, если перестанете корчить из себя герцогиню. А между тем вас все еще знобит и вам нужно поесть.

— А вы ждали слишком долго,— спокойно заключила она.— Вам нечего продавать. Разве что собственную жизнь.

— Ее я продам недорого. За любовь женщины в темных очках и синей шляпе, ударившей меня каблучком туфли.

Губы актрисы дрогнули, словно она собиралась засмеяться. Но глаза не смеялись.

— Не говоря о трех пощечинах,— сказала она.— До свиданья, мистер Марлоу. Вы явились поздно. Слишком, слишком поздно.

— Для меня — или для вас?

Она протянула руку назад и открыла дверь гардеробной.

— Думаю, для нас обоих.

И быстро вошла, оставив дверь открытой.

— Входите и закройте дверь,— донесся изнутри ее голос.

Я вошел и закрыл дверь. Это была не роскошная, сделанная на заказ гардеробная кинозвезды. Здесь было только самое необходимое. Старая кушетка, шезлонг, маленький туалетный столик с зеркалом и двумя светильниками, перед столиком стоял прямой стул, а на столике поднос с чашкой кофе.

Мэвис Уэлд включила круглый рефлектор. Потом взяла полотенце и стала вытирать мокрые концы волос. Я сел на кушетку и стал ждать.

— Дайте мне сигарету.— Актриса отбросила полотенце. Когда я поднес ей огня, она в упор посмотрела мне в лицо.— Что скажете про сценку, которую мы сымпровизировали на яхте?

— Стервозная.

[illegible] стервозные. Одни улыб[illegible] больше, [illegible] [illegible] — вот и вся разница. Зрелищный бизнес. В нем есть что-то дешевое. Изначально. Когда-то актеров не пускали в парадную дверь. Большую часть из них не следует пускать и сейчас. Громадное напряжение, громадное упорство, громадная ненависть, и все это прорывается в отвратительных сценах. Совершенно бессмысленных.

— Злословите,— сказал я.

Мисс Уэлд протянула руку и чиркнула по моей щеке ногтем. Щеку словно бы обожгло раскаленным железом.

— Сколько вы зарабатываете, Марлоу?

— Сорок долларов в день плюс расходы. Такую цену я запрашиваю. А беру двадцать пять. Случалось брать и меньше.

Мне вспомнились мятые двадцать долларов Орфамэй Квест.

Мэвис Уэлд снова чиркнула меня ногтем, и я едва не схватил ее за руку. Она отошла и, плотно запахнув халат, села в шезлонг. Маленькое помещение согрелось от рефлектора.

— Двадцать пять долларов в день,— изумленно сказала она.

— Маленьких одиноких долларов.

— Очень одиноких?

— Как маяки.

Она забросила ногу на ногу, и бледное сияние ее колен, казалось, заполнило все помещение.

— Задавайте вопросы,— сказала она, не сделав попытки прикрыть колени.

— Кто такой Стилгрейв?

— Человек, которого я знаю несколько лет. И хорошо к нему отношусь. У него есть собственность. Один или два ресторана. Откуда он приехал — не знаю.

— Но его знаете очень хорошо.

— Почему не спросите, сплю ли я с ним?

— Таких вопросов не задаю.

Мэвис Уэлд засмеялась и стряхнула пепел с сигареты.

— Мисс Гонсалес охотно сказала бы вам.

— Ну ее к черту.

— Она смуглая, красивая и страстная. Притом очень, очень податливая.

— И оригинальная, как почтовый ящик,— заме-

тил я. — К черту ее. Вернемся к Стилгрейву. Бывали у него неприятности?

— А у кого их не бывало?

— С полицией?

Глаза Мэвис Уэлд округлились слишком уж наивно. Смех прозвучал слишком уж звонко.

— Не смешите меня. Этот человек стоит около двух миллионов.

— Как он их добыл?

— Откуда мне знать?

— Ну, ладно. Действительно, откуда. Сигарета обожжет вам пальцы.

Я подался вперед и выхватил окурок. Ее рука лежала на голом колене. Я коснулся пальцем ее ладони. Мэвис Уэлд отпрянула и сжала кулак.— Не надо,— резко сказала она.

— Почему? Я делал это с девочками, когда был мальчишкой.

— Знаю.— Она дышала слишком уж часто.— От этого я чувствую себя очень юной, невинной и слегка шаловливой. А я уже далеко не юна и не невинна.

— Значит, в сущности, вы ничего не знаете о Стилгрейве?

— Так что же у вас на уме — допрос с пристрастием или заигрывание?

— У меня на уме совсем другое,— ответил я.

Помолчав, она напомнила:

— Мне и в самом деле нужно поесть, Марлоу. Съемки продлятся до вечера. Вы же не хотите, чтобы я упала в обморок перед камерой?

— Это позволительно только звездам.— Я поднялся.— Ладно, ухожу. Не забывайте, что я работаю на вас. Если б я думал, что вы убили кого-то, то не взялся бы. Но вы явились туда. Вы очень рисковали. Там было что-то очень нужное вам.

Мисс Уэлд извлекла откуда-то фотографию и, закусив губу, уставилась на нее. Не шевельнув головой, подняла взгляд.

— Вряд ли это могло быть мне так уж нужно.

— Именно это убитый спрятал так хорошо, что вам не удалось найти. Но что особенного в этой фотографии? Вы и человек по фамилии Стилгрейв сидите в кабине ресторана «Танцоры». Ничего предосудительного в этом нет.

[illegible]

Мисс Уэлд [illegible] опустила взгляд снова на [illegible] Стилгрейв [illegible] или мое [illegible]

— Дату здесь определить невозможно,— торопливо сказала она.— Если дата имеет какое-то значение. Разве что на отрезанном куске...

— Возьмите.— Я протянул ей отрезанную часть.— Только вам потребуется лупа. Покажите эту фотографию Стилгрейву. Спросите у *него*, значит ли что-то эта дата. Или у Бэллоу.

Я направился к выходу.

— Не тешьте себя надеждой, что дату невозможно определить,— сказал я через плечо.— Стилгрейв не станет.

— Вы просто строите песчаные замки, Марлоу.

— Вот как? — Я обернулся к ней с усмешкой.— Вы и вправду так полагаете? О, нет. Вы отправились туда. Тот человек был убит. Он был известным мошенником. У вас был пистолет. И я нашел кое-что. За утайку этой вещи полицейские с удовольствием загребли бы меня. Потому что мотив убийства там налицо. Если полиция обнаружит эту вещь, у меня не окажется лицензии. А если обнаружит еще кое-кто, у меня в затылке окажется пешня. Ну что, слишком уж много я зарабатываю?

Мисс Уэлд молча смотрела на меня, стиснув пальцами коленную чашечку. Пальцы другой руки, лежащей на подлокотнике кресла, непрестанно шевелились.

Мне нужно было только повернуть дверную ручку и выйти. Не знаю почему, это оказалось очень трудно.

20

По коридору мимо моей двери, как всегда, сновали люди, а когда я, открыв дверь, вошел в душную тишину малой приемной, у меня, как обычно, возникло ощущение, будто я брошен в пересохший лет двадцать назад колодец, к которому никто никогда не подойдет. В воздухе, отдающем несвежестью, как интервью о сыгранном матче, стоял запах старой пыли.

в кабинете — тот же спертый воздух, та же пыль в углах, то же крушение надежд на беззаботную жизнь. Я открыл окна и включил радио. Оно заорало вовсю, я убавил звук до нормального и услышал телефонный звонок, похоже уже не первый. Сбросив шляпу, я поднял трубку.

Мисс Орфамэй Квест было самое время позвонить снова. Ее холодный твердый голосок произнес:

— На сей раз я все скажу начистоту.

— Так-так.

— Раньше я лгала. Теперь говорю правду. Я в самом деле разговаривала с Оррином.

— Так-так.

— Вы не верите мне. Я слышу по вашему тону.

— По моему тону вам ничего не понять. Я детектив. Как вы с ним разговаривали?

— Он позвонил из Бэй-Сити.

— Минутку.

Я положил трубку на коричневую книгу записей и закурил. Не спеша. Лжецы всегда терпеливы. Вновь поднял трубку.

— Звонок от Оррина у нас уже был,— сказал я.— Для своего возраста вы слишком забывчивы. Доктору Загсмиту это может не понравиться.

— Пожалуйста, не дразните меня. Дело очень серьезно. Он получил мое письмо. Пошел на почту и спросил, нет ли ему писем. Он знал, где я остановлюсь. И когда примерно приеду. Вот и позвонил. Живет он у одного врача, с которым там познакомился. Делает для него какую-то работу. Я уже говорила, что он два года учился на врача.

— У этого врача есть фамилия?

— Да. Какая-то странная. Доктор Винсент Лагарди.

— Минутку. Кто-то стучит в дверь.

Я положил трубку очень осторожно. Словно очень хрупкую. Словно сделанную из стекловолокна. Достав платок, вытер ладонь, в которой держал трубку. Встал, подошел к встроенному гардеробу и погляделся в зеркало. Это был я, вне всякого сомнения. У меня был очень утомленный вид. Я вел слишком беспутную жизнь.

Доктор Винсент Лагарди, Вайоминг-стрит, 965. Почти напротив похоронного бюро Гарленда. Кар

касный дом на углу Тихий. В приличном районе. Доктор, возможно, друг покойного Клозена. Сам он, правда, отрицает. Но все же это возможно.

Я вернулся к телефону и заговорил как можно мягче.

— Как, вы сказали, его фамилия?

Орфамэй повторила фамилию по слогам — легко и точно.

— Тогда мне больше нечего делать, так ведь? — заметил я.— Баба с воза... или как там выражаются в Манхаттене, штат Канзас?

— Перестаньте надо мной насмехаться. Оррин попал в беду. Ему... — голос ее дрогнул, и она быстро задышала.— Ему угрожают какие-то гангстеры...

— Не говорите глупостей, Орфамэй. В Бэй-Сити нет гангстеров. Там все работают в кино. Какой телефон у доктора Лагарди?

Она назвала номер. Совершенно правильно. Не скажу, что все детали начали становиться на свои места, но, по крайней мере, они выглядели уже как части одной и той же головоломки. Этого было достаточно.

— Пожалуйста, съездите туда, повидайте его и помогите ему. Он боится выходить из дома. В конце концов я же вам заплатила.

— Деньги я вам вернул.

— Но я предлагала вам их снова.

— Вы, можно сказать, предлагали мне совсем другое, но я отказался.

Наступило молчание.

— Ладно,— сказал я.— Съезжу. Только б меня не арестовали. Я тоже попал в беду.

— Почему?

— Лгал и скрывал правду. Я всегда попадаюсь на этом. Не такой везучий, как некоторые.

— Но я не лгу, Филип. Не лгу. Я вне себя.

— Вдохните поглубже и выйдите из себя так, чтобы я это услышал.

— Оррина могут убить,— спокойно сказала она.

— А как относится к этому доктор Винсент Лагарди?

— Он, само собой, ничего не знает. Прошу, очень прошу вас, поезжайте немедленно. Адрес у меня записан. Одну минуту.

И тут раздался звонок, заранее предупрежда-

ющий об опасности. Звучит он негромко, но все к
его надо слышать. Какой бы ни стоял шум, его надо услышать.

— Адрес можно найти и в телефонном справочнике,— сказал я.— И по странной случайности телефонный справочник Бэй-Сити у меня есть. Позвоните мне часа в четыре. Или лучше в пять.

Я торопливо повесил трубку. Встал и выключил радио, не расслышав из передачи ни слова. Снова закрыл окна. Открыл ящик стола, вынул «люгер» и пристегнул кобуру. Надел шляпу. Выходя, еще раз погляделся в зеркало.

Лицо у меня было такое, словно я решил съехать с утеса.

21

В похоронном бюро Гарленда только окончилась заупокойная служба. У бокового подъезда ждал большой серый катафалк. По обе стороны улицы тесно стояли легковые автомобили, у дома доктора Винсента Лагарди стояло в ряд три черных «седана». Люди неторопливо шли к углу и рассаживались по машинам. Я остановился в трети квартала и стал ждать. Но машины не трогались с места. Появились трое мужчин с одетой в черное женщиной под густой вуалью. Они чуть ли не отнесли ее к большому лимузину. Владелец похоронного бюро суетился, выделывая руками и корпусом легкие, изящные, как финалы Шопена, движения. Серое сосредоточенное лицо его так вытянулось, что длиной вдвое превосходило окружность шеи.

Два неумелых носильщика вынесли гроб из боковой двери, профессионалы приняли у них ношу и легко, словно противень с катышками масла, сунули в кузов катафалка. Над гробом стал вырастать курган из цветов. Стеклянные двери закрылись, и по всему кварталу заработали моторы.

Через несколько секунд там остались только один «седан» на другой стороне улицы и владелец похоронного бюро, идущий, нюхая розу, подсчитывать доход. С лучезарной улыбкой он скрылся в аккуратном дверном проеме дома колониального стиля, и мир снова стал безлюдным и тихим. Оставшийся «седан» не трогался с места. Я проехал

[illegible]
[illegible]дитель был од[illegible] [illegible]одошел к «седану» сзади. [illegible]него была мягкая кепочка с бл[illegible]стящим козырьком [illegible]вый костюм, на голове [illegible]
Он решал кроссворд в утренней газете. Надев зер[illegible] [illegible] очки, я прошествовал мимо него [illegible] дому доктора Лагарди. Водитель даже не поднял взгляда. Отойдя на несколько ярдов, я снял очки и сделал вид, что протираю стекла платком. Поймал в одном из стекол его отражение. Он по прежнему не поднимал взгляда. Все его внимание было сосредоточено на кроссворде. Я снова нацепил очки и подошел к парадной двери дома.

Табличка на двери гласила: «Звоните и входите». Я позвонил, но дверь оказалась заперта. Я подождал. Снова позвонил. Снова подождал. В доме было тихо. Потом дверь очень медленно приоткрылась, и на меня уставилось худощавое невыразительное лицо над белым халатом.

— Прошу прощенья. Сегодня доктор не принимает.

Увидев зеркальные очки, женщина замигала. Ей они не понравились. Язык ее неустанно двигался между губ.

— Мне нужен мистер Квест. Оррин П. Квест.

— Кто? — В глазах женщины появилось что-то похожее на ужас.

— Квест. Квинтэссенция-Вольный-Естество-Сублимация-Трусы... Сложите первые буквы, и у вас получится «брат».

Женщина глядела на меня так, словно я только что вынырнул с океанского дна, держа под мышкой мертвую русалку.

— Прошу прощенья. Доктор Лагарди не...

Невидимая рука отстранила ее, и в полуоткрытой двери появился смуглый, худощавый встревоженный человек.

— Я доктор Лагарди. Что вам угодно?

Я протянул ему свою визитную карточку. Он просмотрел ее. Глянул на меня. У него было бледное, измученное лицо человека, над которым нависло несчастье.

— Мы с вами беседовали по телефону,— сказал я.— О человеке по фамилии Клозен.

— Прошу вас,— торопливо сказал он.— Я не припоминаю, но входите.

Я вошел. Темная комната, шторы опущены, ок... закрыты. Темная и холодная.

Медсестра попятилась и села за маленький сто... лик. Мы находились в обычной гостиной со свет... лыми деревянными панелями, судя по возрасту до... ма, они когда-то были темными. Прямоугольный проем отделял ее от столовой. Стояли удобные кресла, в центре — столик с журналами. Выглядела она как и положено приемной доктора, ведущего прием на дому.

На столике медсестры зазвонил телефон. Медсестра вздрогнула и потянулась было к нему, потом рука ее замерла. Она не сводила глаз с телефона. Вскоре он перестал звонить.

— Какое имя вы назвали? — негромко спросил меня доктор Лагарди.

— Оррин Квест. Его сестра сказала мне, что он выполняет у вас какую-то работу. Я разыскиваю его несколько дней. Вчера вечером он ей звонил. По ее словам, отсюда.

— Такого человека здесь нет,— вежливо сказал доктор Лагарди.— И не было.

— Вы его совершенно не знаете?

— Впервые слышу о нем.

— Не могу понять, почему же он сказал сестре, что работает у вас.

Медсестра украдкой вытерла глаза. Телефон на ее столике зазвонил снова, и она вздрогнула.

— Не отвечайте,— сказал ей доктор Лагарди, продолжая глядеть на меня.

Пока звонил телефон, мы молчали. Когда телефон звонит, молчат все. Вскоре он утих.

— Почему вы не идете домой, мисс Уотсон? Здесь вам нечего делать.

— Благодарю, доктор.

Она посидела совершенно неподвижно, глядя на стол. Зажмурила глаза, потом замигала. Безнадежно потрясла головой.

— Пройдемте ко мне в кабинет,— пригласил меня доктор Лагарди.

Мы вышли в другую дверь и оказались в коридоре. Я шел очень осторожно. Атмосфера в доме была зловещей. Доктор открыл какую-то дверь и впустил меня в комнату, очевидно, бывшую когда-то спальней, но теперь здесь ничто не напоминало спаль-

ия. Это был малень[illegible] кабинет врача. [illegible] дверь виднелась часть смот[illegible]. В углу кипел стерилизатор. Там [illegible] множество игл для шприцев.

— Масса игл,— ляпнул я, как всегда не подумав.

— Садитесь, мистер Марлоу.

Доктор зашел за стол, сел и взял длинный нож для разрезания бумаг.

Потом спокойно поглядел на меня печальными глазами.

— Нет, мистер Марлоу, я не знаю Оррина Квеста. И не могу представить, с какой стати он сказал, что находится в моем доме.

— Он прячется,— сказал я.

Брови доктора поднялись.

— От кого?

— От парней, у которых, очевидно, руки чешутся всадить ему в затылок пешню. Потому что он щелкает своей «лейкой» направо и налево. Снимает людей, которые вовсе не желают этого. Или, может, тут что-то другое, например, торговля наркотиками, и он что-то пронюхал. Я говорю загадками?

— Это вы направили сюда полицию,— холодно сказал доктор.

Я не ответил.

— Это вы позвонили и сообщили о смерти Клозена.

Я опять промолчал.

— Это вы звонили и спрашивали, знаю ли я Клозена.

Я ответил, что нет.

— Это было неправдой.

— Я не обязан перед вами отчитываться, мистер Марлоу.

Я кивнул, достал сигарету и закурил. Доктор взглянул на свои часики. Повернулся в кресле и выключил стерилизатор. Я поглядел на иглы. Масса игл. У меня как-то раз уже были осложнения с жителем Бэй-Сити, который стерилизовал массу игл.

— Куда их столько? — спросил я.— В гавань для яхт?

Доктор взял зловещего вида нож с серебряной рукояткой в форме обнаженной женщины. Уколол подушечку большого пальца. На ней выступила красная капелька. Поднял палец ко рту и слизнул ее.

— Мне приятен вкус крови,— негромко сказал он.

Внизу открылась и закрылась дверь. Мы напряженно прислушались. Донеслись удаляющиеся шаги по парадному крыльцу дома. Мы жадно ловили их звук.

— Мисс Уотсон ушла,— сказал доктор Лагарди.— Теперь здесь никого нет, кроме нас.

Он обдумал это и снова лизнул большой палец. Осторожно положил нож на журнал регистрации пациентов.

— Да,— заметил он,— о гавани для яхт. Вы, конечно, подумали о близости Мексики. О том, как легко можно марихуану.

— Марихуану, будем считать, я выбросил из головы,— сказал я и снова уставился на иглы.

Он посмотрел в ту же сторону и пожал плечами.

— Почему же их так много? — спросил я.

— Вас это не касается.

— Меня здесь ничто не касается.

— Однако вы, кажется, ждете ответов на свои вопросы.

— Я просто болтаю,— ответил я.— Тяну время, пока что-нибудь не стрясется. В этом доме должно стрястись нечто. Оно злобно глядит на меня из углов.

Доктор Лагарди слизнул с большого пальца еще каплю крови.

Я сурово поглядел на него. Но проникнуть таким образом в его душу не удалось. Он был спокоен, мрачен, подавлен, в его глазах можно было прочесть глубокое страдание. Однако несмотря на это, он оставался любезным.

— Сказать вам, для чего эти иглы? — спросил я.

— Конечно.— Он снова взял длинный острый нож.

— Не надо,— резко сказал я.— У меня от этого мурашки бегают. Как от прикосновения к змее.

Доктор Лагарди положил нож и улыбнулся.

— Мы, кажется, отклонились от темы.

— Мы вернемся к ней. Об иглах. Года два назад одно расследование привело меня в этот город.*

---

* *Р. Чандлер.* Женщина в озере. Пер. с англ.— Изд-во Новгородская правда, 1991.— С. 416.

[illegible] доктором по фамилии Элмор. Жил он на Элтер-стрит. У него была странная практика. Ночами он выезжал из дома с большим контейнером игл для шприцев — готовых к употреблению. И с наркотиками. Странная практика. Пьяницы, богатые наркоманы, которых гораздо больше, чем кажется, зашедшие так далеко, что уже не могут обходиться без дозы. Люди, страдающие бессонницей, — все невротики, не властные над собой. Им необходимо принимать таблетки и делать уколы в вену. Это приносит облегчение. И вскоре они уже не могут обходиться без таких облегчений. Недурной бизнес для врача. Элмор и был их врачом. Сейчас об этом можно говорить. Около года назад он скончался. От собственного лекарства.

— И вы полагаете, что я мог унаследовать его практику?

— Кто-то унаследовал. Пока есть пациенты, есть и врачи.

Вид у доктора стал еще более изможденным.

— По-моему, вы осел, мой друг. Я не знал доктора Элмора. И у меня не та практика, какую вы приписываете ему. Что касается игл — просто чтобы покончить с этим пустяком — в наше время врачи постоянно пользуются ими, зачастую для таких безобидных целей, как инъекция витаминов. При этом иглы тупятся. А тупые, они причиняют боль. Поэтому на день их может потребоваться дюжина, а то и больше. Причем ни единой для наркотиков.

Доктор Лагарди медленно поднял голову и взглянул на меня с застывшим, презрительным выражением.

— Возможно, я ошибаюсь, — заметил я. — Вчера я унюхал у Клозена дым марихуаны, потом он звонил вам и обращался по имени — может быть, это привело меня к поспешному и ошибочному умозаключению.

— Мне приходилось иметь дело с наркоманами, — сказал доктор. — Как и всем врачам. Лечить их — пустая трата времени.

— Иногда они излечиваются.

— Наркоманов можно лишить зелья. В конце концов после многих страданий они способны обходиться без него. Но это не излечение, мой друг.

Не снятие нервных или эмоциональных изъянов, которые сделали их наркоманами. Они становятся тупыми, бесцветными людьми, сидят на солнцепеке, вертя большими пальцами, и умирают просто от скуки и душевной пустоты.

— Это очень спорная теория, доктор.

— Вы заговорили на эту тему. Я покончил с ней. Предлагаю другую. Очевидно, вы заметили, какая гнетущая, напряженная атмосфера в этом доме. Не смотря на свои нелепые зеркальные очки, которые теперь можете снять. Они вовсе не придают вам сходства с Кэри Грантом.

Я снял очки. Я совсем забыл о них.

— Здесь была полиция, мистер Марлоу. Некий лейтенант Мэглешен, расследующий убийство Клозена. Он будет рад познакомиться с вами. Позвонить ему? Я уверен, что он вернется

— Ну-ну, звоните, ответил я Я просто заглянул сюда перед тем как совершить самоубийство.

Доктор потянулся к телефону, но руку его словно магнит притянул нож для бумаг. Он снова взял его. Казалось, обходиться без ножа он не может.

— Этой штукой можно убить человека, сказал я

— Запросто, ответил доктор и слегка улыбнулся.

— На полтора дюйма в затылок, точно посередине, прямо под затылочную кость.

— Пешня лучше, сказал он. Особенно спиленная, остро заточенная Она не согнется Но если не попасть в позвоночник, то большого вреда не причинишь.

— Значит, требуются кой какие познания в медицине?

Достав полупустую пачку «кэмэл», я вытащил сигарету.

Доктор продолжал улыбаться Очень слабо, чуть печально. Испуганные люди так не улыбаются

— Они были бы кстати, негромко произнес он. Но любой более менее сообразительный человек может овладеть этой техникой за десять минут.

— Оррин Квест два года был студентом-медиком,— сказал я.

— Я уже говорил вам, что не знаю этого человека.

— Да, говорили. Но я то не очень поверил.

Доктор пожал плечами. И опять поглядел на [illegible]

— Мы прямо-таки приятели,— сказал я. — Сидим за столом и ведем разговоры. Словно у нас [illegible] совершенно никаких забот. А ведь к вечеру мы оба будем в тюрьме.

Доктор снова приподнял брови. Я продолжал:

— Вы — потому, что [illegible] обращался к вам по имени. Я — потому, что [illegible] себе [illegible] которые частному детективу не могут сойти с рук. Я скрывал улики, сведения, [illegible] и не [illegible] со шляпой в руке к прекрасным неподкупным полицейским Бэй-Сити. Да, я конченый человек. Совершенно конченый. Но сегодня в воздухе стоит какой-то сильный запах. А [illegible] его словно бы не замечаю. Может быть, я [illegible]. Словно бы не замечаю, и все тут.

— Вы пьянствовали, — [illegible] сказал доктор.

— Я опьянялся только [illegible] «шанель» номер пять, легким сиянием [illegible] ног и насмешливым заигрыванием [illegible] синих глаз. Такими безобидными вещами.

Доктор лишь стал выглядеть еще печальнее.

— Женщины могут [illegible] обессилить мужчину, разве не так? — сказал он.

— Клозен?

— Безнадежный алкоголик. Возможно, вы знаете, что они собой представляют. Пьют, пьют и не едят. Недостаток витаминов постепенно вызывает симптомы белой горячки. Для них нужно только одно.— Он обернулся и взглянул на стерилизатор. — Иглы и опять иглы. От этого я чувствую себя дрянью. Я выпускник Сорбонны. Но практикую здесь, среди мелких грязных людишек в [illegible] грязном городишке.

— Почему?

— Из-за одного случая несколько лет назад в другом городе. Не задавайте слишком много вопросов, мистер Марлоу.

— Клозен обращался к вам по имени.

— Так принято у людей определенного [illegible]. Особенно у бывших актеров. И бывших мошенников.

— О,— сказал я.— Это и все, что вы можете сказать?

— Всё.

— В таком случае визит полицейских беспокоит вас не из-за Клозена. Боитесь вы той истории, случившейся давным-давно в другом городе. Может быть, это даже любовь.

— Любовь?

Доктор медленно уронил это слово, будто оно было ему неприятно. На лице его застыла злобная усмешка, так после выстрела остается пороховая гарь. Пожал плечами, достал из-за ящичка с картотекой коробку с сигаретами и придвинул к моему краю стола.

— Значит, не любовь,— сказал я.— Я пытаюсь понять вас. Вы, врач с дипломом Сорбонны, ведете дешевую мелкую практику в дешевом мерзком городишке. Я хорошо знаю Бэй Сити. Так почему вы живете здесь? Почему общаетесь с людьми вроде Клозена? За что вы получили срок, доктор? Наркотики, аборты или, может, были врачом у гангстеров в каком-нибудь восточном городе?

— В каком, например? — Он чуть заметно улыбнулся.

— Например, в Кливленде.

— Весьма нелепое предположение, мой друг. Голос его теперь был ледяным.

— Нелепее некуда,— сказал я.— Но человек с весьма ограниченным умом вроде моего старается привести известные ему факты в систему. Зачастую ошибочную, но у меня это профессиональное заболевание. Если вы согласны выслушать, у меня получается вот что.

— Я слушаю.

Он снова взял нож и легонько ткнул им в книгу регистрации.

— Вы знали Клозена. Его профессионально убили пешней, пока я находился в том доме, разговаривал наверху с мошенником по фамилии Хикс. Хикс спешно покинул дом и вырвал из регистрационной книги страницу, где был записан Оррин Квест. В тот же день Хикса прикончили пешней в Лос Анджелесе. Комнату его обыскивала женщина, приехавшая выкупить у него кое-что. Но этой вещи она не нашла.

У меня оказалось больше времени для поиско Вещь эта досталась мне. Предположение перво Клозен и Хикс убиты одним и тем же человеком, не обязательно по одной и той же причине. Хикс — по тому что вторгся в рэкет этого человека и пытался вытеснить его. Клозен — потому что был пьян, не сдержан на язык и мог знать, кому на руку смерть Хикса. Ну как, интересно?

— Для меня — ничуть,— ответил доктор Лагарди.

— Однако вы слушаете. Дело, видимо, просто в хороших манерах. Ладно. И чем же я завладел? Фотографией киноактрисы и кливлендского экс-гангстера, теперь владельца ресторана в Голливуде и так далее, обедающих вместе в определенный день. Тот самый, когда прежний сообщник этого кливлендского экс-гангстера был застрелен в Лос-Анджелесе на Франклин-авеню. А кливлендскому экс-гангстеру полагалось в это время находиться в окружной тюрьме. Почему он оказался в тюрьме? Потому что в полицию сообщили, кто он такой, а лос-анджелесские полицейские, как бы их ни бранили, всеми силами стараются изгнать из города гангстеров с востока. Кто сообщил? Сам арестованный добровольно сделал признание. Потому что экс-сообщник доставлял ему неприятности, и того нужно было убрать, а пребывание в тюрьме создавало прекрасное алиби.

— Фантастично,— доктор Лагарди устало улыбнулся.— В высшей степени.

— Конечно. Дальше будет еще фантастичней. Полицейские ни в чем не смогли уличить экс-гангстера, Кливлендская полиция и ухом не повела. Лос-анджелесские полицейские освободили его. Но если б они видели эту фотографию, то освобождать бы не стали. Таким образом, снимок представляет собой великолепный материал для шантажа, прежде всего — кливлендского экс-гангстера, если это действительно он; во-вторых, киноактрисы, потому что она была в его обществе на людях. Толковый человек мог бы на этом снимке нажить состояние. Хикс оказался недостаточно толковым. Абзац.

Второе предположение: Оррин Квест, парень, которого я ищу, сделал этот снимок «контаксом» или

«лейкой» без вспышки, незаметно — для тех, кого снимал. У Квеста есть «лейка», и он любит делать подобные вещи. В данном случае, разумеется, главным мотивом у него был коммерческий интерес. Вопрос в том, как он получил возможность сделать такой снимок? Ответ — он брат этой киноактрисы. Поэтому вполне мог подойти и заговорить с ней. Квест лишился работы, нуждался в деньгах. Вполне возможно, что она дала ему немного денег и потребовала держаться от нее подальше. Ей не хотелось общаться с членами своей семьи. Все это по-прежнему в высшей степени фантастично, доктор?

Лагарди угрюмо глянул на меня.

— Не знаю,— медленно произнес он.— История начинает казаться правдоподобной. Но почему вы делитесь со мной этими довольно опасными сведениями?

Он достал из коробки сигарету и небрежно бросил мне. Я поймал ее и осмотрел. Египетская, овальная, плотно набитая, слишком крепкая для меня. Я не стал закуривать и, держа сигарету между пальцами, глядел в его темные печальные глаза. Он закурил и нервно выпустил дым.

— Чтобы перейти к вашей роли в этой истории,— сказал я.— Вы знали Клозена. По вашим словам, как пациента. Узнав, что я частный детектив, он тут же стал вам звонить. Но был слишком пьян, и разговора не получилось. Я запомнил номер и впоследствии сообщил вам о его смерти. Зачем? Будь вы совершенно ни при чем, то позвонили бы в полицию. Вы не стали звонить. Почему? Вы знали Клозена, могли знать и кое-кого из жильцов того дома. Ни доказать, ни опровергнуть этого нельзя. Абзац.

Предположение третье: вы знали Хикса или Орина Квеста или обоих. Лос-анджелесские полицейские не разоблачили кливлендского экс-гангстера — давайте воспользуемся его новой фамилией и будем называть Стилгрейв. Но кто-то способен это сделать — если из-за этого снимка стоит убивать людей. Вы когда-нибудь практиковали в Кливленде, доктор?

— Разумеется, нет.— Голос его, казалось, доносился откуда-то издалека. Взгляд тоже был каким-

то отдаленным. Губы приоткрывались лишь настолько, чтобы держалась сигарета. Он был очень спокоен.

— На телефонной станции целый склад справочников,— сообщил я.— Со всей страны. Я отыскал вас там. Клиника в административном здании в центре Кливленда. А теперь — почти тайная практика в приморском городишке. Вы охотно сменили бы и фамилию — но не могли сохранить при этом свой диплом. Ведь кто-то руководил этим делом, доктор. Клозен — забулдыга, Хикс — тупой болван, Оррин Квест — мелкий подонок. Но их можно было использовать в своих целях. Вы не могли открыто выступить против Стилгрейва. Тогда вам недолго осталось бы жить. Пришлось действовать через пешек — расходуемых пешек. Ну как — пришли мы к чему-нибудь?

Доктор чуть заметно улыбнулся и со вздохом откинулся на спинку кресла.

— Предположение четвертое,— почти шепотом произнес он.— Вы абсолютный идиот.

Я усмехнулся и потянулся за спичками, чтобы зажечь овальную египетскую сигарету.

— И в довершение, — сказал я, — сестра Оррина позвонила мне, сказала, что он находится у вас в доме. Все мои доводы, взятые порознь, слабы, я признаю. Но они, так сказать, фокусируются на вас.

Я спокойно затянулся сигаретой.

Доктор не сводил с меня взгляда. Лицо его словно бы заколебалось и стало нечетким, оно то отдалялось, то приближалось. В груди у меня сдавило. Мысли замедлились.

— Что здесь происходит? — произнес я непослушным языком.

И, упершись руками в подлокотники, с трудом приподнялся.

— Я что, спал? — спросил я, все еще держа сигарету во рту и по-прежнему затягиваясь. Спал — не то слово. Надо бы придумать что-то новое.

Я поднялся из кресла, и мои ноги словно оказались в бочонках с застывшим цементом. Когда я говорил, голос звучал словно бы через вату. Выпустив подлокотники, я потянулся к сигарете. Пару раз промахнулся, потом ухватил ее. На ощупь она не каза-

лась сигаретой. Казалась задней ногой слона. С острыми когтями. Они впивались мне в руку. Я потряс рукой и слон убрал ногу.

Нечеткая, но очень высокая фигура раскачивалась передо мной, и какой-то мул лягнул меня в грудь. Я сел на пол.

— Чуть-чуть цианистого калия,— произнес голос по трансатлантическому телефону.— Не смертельно и даже не опасно. Просто успокаивает.

Я стал подниматься с пола. Попробуйте проделать это сами когда-нибудь. Но только пусть сперва вас приколотят гвоздями. Этот пол выделывал мертвые петли. Вскоре он немного угомонился. Угол в сорок пять градусов меня вполне устраивал. Я собрался с силами и куда-то направился. На горизонте виднелось что-то похожее на гробницу Наполеона. Вот и хорошо. Я двинулся к ней. Сердце колотилось часто, дышать было трудно. Словно после пинка в солнечное сплетение. Казалось, что дыхание никогда не вернется. Никогда, никогда, никогда.

Потом гробница Наполеона исчезла. Ее сменил плывущий по волнам плот. На плоту стоял человек. Я его где-то видел. Славный парень, мы с ним отлично поладили. Я направился к нему и ударился плечом о стену. Развернулся от удара в обратную сторону. Стал ощупывать, за что бы уцепиться. Но под руками не было ничего, кроме ковра. Как я оказался на этом ковре? Спрашивать бессмысленно. Это секрет. В ответ на вопрос тебе только ткнут полом в лицо. Ладно, я пополз по ковру. Опираясь на то, что когда-то было руками и коленями. Хотя этого не подтверждало ни одно чувство. Полз я к стене из черного дерева. Или же из черного мрамора. Опять гробница Наполеона. Что я сделал Наполеону? Чего он все пихает на меня свою гробницу?

— Нужно попить воды,— сказал я.

И прислушался, не раздастся ли эхо. Никакого эха. Ни звука. Может быть, я не произнес этих слов. Может, это была просто мысль, от которой я отказался. Цианистый калий. Эта пара слов — неплохая пища для размышлений, когда ползешь через туннели. Он сказал, это не смертельно. Ладно, это просто шутка. Можно сказать, полусмертельная. Филип Марлоу, тридцати лет, частный детектив с сом-

нительной репутацией, был арестован вчера вечером, когда полз в Баллоне по штормовому водостоку с роялем на спине. При допросе в полицейском управлении на Юниверсити-Хейтс Марлоу показал, что нес рояль махарадже Кут-Берара. На вопрос, почему он носит шпоры, Марлоу ответил, что доверие клиента для него свято. Марлоу задержан для расследования. Начальник полиции Хорнсайд заявил, что пока ничего больше сообщить не может. На вопрос, был ли рояль настроен, Хорнсайд ответил, что он тридцать пять секунд играл на рояле «Минутный вальс» и пока может только сказать, что там нет струн. Намекнул, что там есть нечто другое. Полное заявление для прессы будет сделано в течение двадцати четырех часов, отрывисто сказал Хорнсайд. По-видимому, мистер Марлоу пытался скрыть труп.

Из темноты выплыло какое-то лицо. Я изменил направление и двинулся к лицу. Но уже близился вечер. Солнце садилось. Быстро темнело. Лица уже не было. Не было ни стены, ни стола. Не было пола. Не было совершенно ничего.

Не было даже меня.

22

Громадная черная горилла уперлась большой черной лапой мне в лицо и старалась продавить его сквозь затылок. Я сопротивлялся. Занимать в споре оборонительную позицию – моя характерная черта. Потом я понял, что горилла не дает мне открыть глаза.

Однако я все же решил их открыть. Другие открывали, надо и мне. Я собрался с силами и очень медленно, держа спину прямой, согнув ноги в коленях и бедрах, используя руки как канаты, приподнял громадную тяжесть своих век.

Лежа навзничь на полу, я глядел в потолок; при моей работе в этой позе мне уже приходилось оказываться. Я повертел головой. Легкие у меня словно бы затвердели, во рту пересохло. Комната была приемной доктора Лагарди. Те же самые кресла, тот же письменный стол, те же стены и окно. Стояла полная тишина.

Я сел, оперся руками о пол и потряс головой. Она завертелась вокруг шеи. Вертясь, опустилась на пять тысяч футов, потом я вытащил ее наверх и развернул лицом вперед. Поморгал. Тот же пол, тот же стол, те же стены. Но без доктора Лагарди.

Я облизнул губы и издал неопределенный звук, на который никто не обратил внимания. Поднялся на ноги. Я ощущал головокружение, словно дервиш, был слабым, как изможденная прачка, низким, как живот барсука, робким, как синица, и мог рассчитывать на успех не больше, чем танцор с деревянной ногой.

Держась за стены, я зашел за стол доктора Лагарди, рухнул в его кресло и судорожно стал рыться в поисках приятного вида бутылки с живительной влагой. Ничего не нашлось Я поднялся снова. С таким трудом, будто поднимал дохлого слона. Шатаясь, пошел по кабинету, заглядывая в блестящие белые эмалированные шкафчики, где оказалось полно всего, в чем срочно нуждался кто-то другой. Наконец после долгих поисков, показавшихся четырьмя годами каторжных работ, моя маленькая рука сомкнулась вокруг шести унций этилового спирта. Так гласила этикетка. Теперь мне требовались лишь стакан и немного воды. Цель для настоящего мужчины вполне достижимая. Я направился к двери в смотровую. В воздухе по-прежнему стоял аромат перезрелых персиков. Проходя через дверной проем, я ударился об оба косяка и остановился, чтобы вновь осмотреться.

И тут услышал в коридоре шаги. Устало прислонился к двери и прислушался

Медленные, шаркающие, с долгими промежутками. Сперва они казались крадущимися Потом очень, очень усталыми. Старик, пытающийся добраться до своего последнего кресла. Значит, нас двое. А потом безо всякого повода я подумал об отце Орфамэй на веранде в Манхаттене, штат Канзас, медленно идущем с холодной трубкой в руке к своей качалке, чтобы сесть, глядеть на газон перед домом и наслаждаться экономичным курением, которое не требует ни табака, ни спичек и не пачкает ковер в гостиной. Я приготовил ему кресло. В тени, на конце веранды, где растет пышная бугенвилия. Помог ему сесть. Он поднял взгляд и благодарно

улыбнулся подвижной стороной лица. Откинулся назад, и ногти его царапнули о подлокотники кресла.

Ногти царапнули, но вовсе не о подлокотники. Это был настоящий звук. Раздался он вблизи, за дверью, ведущей из смотровой в коридор Легкое еле слышное царапанье, наверно, котеночек просит чтоб его впустили. Марлоу, ты же любишь животных. Подойди и впусти котеночка. Я направился к двери. Добрался до нее с помощью славной смотровой кушетки с кольцами на конце и славных чистых полотенец. Царапанье прекратилось. Несчастный котеночек, ждет, чтобы его впустили. У меня навернулась слеза и скатилась по морщинистой щеке. Я оторвался от смотрового стола и прошел целых четыре фута к двери. Сердце бешено колотилось. И все же казалось, что мои легкие несколько лет провалялись на складе. Глубоко вдохнув, я ухватился за ручку двери и открыл ее. В последний миг мне пришло в голову, что следовало бы вытащить пистолет. Прийти пришло, но этим и кончилось. Такой уж я человек, любую мысль мне надо повертеть и так и эдак. К тому же пришлось бы выпустить дверную ручку, а это оказалось слишком сложной задачей Вместо того, чтобы подумать, я повернул ручку и открыл дверь.

Он держался за косяк четырьмя скрюченными бело-восковыми пальцами. Его слегка выкаченные серо-голубые глаза были широко открыты. Они глядели на меня, но не видели. Наши лица разделяло всего несколько дюймов. Дыхание наше смешивалось в воздухе. Я дышал часто и шумно, он — еле слышно. Кровь пузырилась у него на губах и стекала по подбородку. Что-то заставило меня глянуть вниз. Кровь медленно текла из его штанины на башмак, а с него так же неслышно на пол. Уже образовалась кровавая лужица.

Мне не было видно, куда он ранен. Зубы его щелкнули, и я подумал, что он заговорит или хотя бы попытается. Но больше он не издал ни звука. Дыхание его прервалось. Челюсть отвисла. Потом раздался хрип. Но нет, не хрип. Ничего похожего.

Резиновые каблуки скользнули по линолеуму между ковром и порогом. Белые пальцы соскольз-

нули с косяка. Корпус повело в сторону. Ноги отказывались его держать. Колени подогнулись. Торс повернулся в воздухе, словно у пловца в воде, и он повалился на меня.

В тот же миг, казалось, на полном исходе жизненных сил, рука его, та, что была не видна, взлетела в конвульсивном взмахе. Когда я потянулся к нему, рука упала мне на левое плечо. Какая-то пчела ужалила меня между лопаток. Что-то еще, кроме бутылки со спиртом из моей руки, стукнулось о пол и откатилось к стене.

Крепко стиснув зубы, я расставил ноги и подхватил его подмышки. Весил он не меньше, чем пять человек. Я отступил назад и сделал попытку удержать его. С таким же успехом можно поднимать за комель срубленное дерево. Мы повалились вместе. Голова его стукнулась о пол. Я не мог ничего поделать. Не мог собраться с силами. Слегка сдвинув его, я высвободился. Встал на колени, нагнулся и прислушался. Хрип прекратился. Наступила долгая тишина. Потом раздался тихий вздох, очень спокойный, вялый, неторопливый. Снова тишина. Еще один, еще более медленный вздох, ленивый и мирный, как летний ветерок, обдувающий качающиеся розы.

Что-то произошло с его лицом, с выражением, эта не поддающаяся описанию перемена всегда происходит в ошеломляющий и непостижимый миг смерти, оно разгладилось и стало почти что детским. Теперь оно выражало какое-то затаенное веселье, уголки рта вроде бы шаловливо поднялись. Все это было совершенно нелепо, потому что я прекрасно знал, что Оррин Квест вовсе не был таким в детстве.

Вдали завыла сирена. Не вставая с колен, я прислушался. Вскоре она затихла. Я поднялся на ноги, подошел к окну и выглянул. Перед похоронным бюро Гарленда совершалась очередная траурная церемония. Улица снова была забита машинами. Люди медленно проходили мимо розового куста. Очень медленно. Мужчины снимали шляпы задолго до того, как приблизиться к маленькому портику колониального стиля.

Я опустил штору, подошел к бутылке со спиртом, поднял ее, обтер платком и отставил. Спирт мне был уже не нужен. Нагнулся снова, и пчелиный укус

между лопатками напомнил, что нужно поднять еще кое-что. Лежащую у плинтуса вещь с белой деревянной рукояткой. Пешню не длиннее трех дюймов со спиленным лезвием. Я поднес ее к свету и поглядел на острый как игла кончик. Казалось, на нем есть пятнышко моей крови. Я осторожно коснулся острия пальцем. Крови не было. Кончик был очень острым.

Поработав еще немного носовым платком я нагнулся и вложил пешню в ладонь его правой руки, бело-восковой на темном ворсе ковра. Выглядело это очень уж неправдоподобно. Я потряс его руку так, чтобы пешня выкатилась на ковер. Решил было обшарить его карманы, но, должно быть, их уже обшарила рука более безжалостная, чем моя.

Внезапно меня охватил испуг. Я спешно обшарил свои карманы: все оказалось на месте. Даже «люгер» в наплечной кобуре. Я достал его и понюхал дуло. Из пистолета не стреляли, это можно было понять и без осмотра. Получив пулю из «люгера», особенно не походишь.

Я перешагнул через темно-красную лужицу у двери и выглянул в коридор. Дом по-прежнему был тихим и зловещим. Кровавый след привел меня в одну из комнат, оборудованную как укрытие. Кушетка, письменный стол, несколько книг и медицинских журналов, пепельница с пятью овальными окурками. Что-то отливающее металлом у ножки кушетки оказалось стреляной гильзой от пистолета 32-го калибра. Еще одну гильзу я обнаружил под столом. И сунул обе в карман.

Выйдя из этой комнаты, я поднялся наверх. Там находились две спальни, обеими пользовались, из одной была убрана вся одежда. В пепельнице лежали овальные окурки доктора Лагарди. В другой спальне оказался скудный гардероб Оррина Квеста, второй костюм и плащ были аккуратно повешены в чулане, рубашки, носки и белье так же аккуратно сложены в ящике шкафа. Под рубашками у задней стенки я обнаружил «лейку» с объективом «Ф-2».

Все вещи я оставил на месте и спустился в комнату, где лежал безразличный ко всем этим мелочам мертвец. Из чистого каприза обтер платком еще несколько дверных ручек, поколебался у телефона

в вестибюле и не стал прикасаться к нему. Раз я жив, значит, доктор Лагарди никого не убивал.

Люди на той стороне улицы всё еще тянулись к несоразмерно маленькой галерее похоронной конторы. Там, внутри, стонал орган.

Я обогнул угол дома, сел в машину и уехал. Вел медленно и глубоко дышал всей грудью, но, казалось, никак не мог вдохнуть достаточно кислорода.

Оканчивается Бэй-Сити примерно в четырех милях от океана. Я остановился возле последней аптеки. Настало время сделать еще один анонимный телефонный звонок. Поезжайте, ребята, заберите труп. Кто я? Удачливый парень, постоянно находящий для вас трупы. И скромный. Даже не хочу назвать своей фамилии.

Я окинул взглядом аптеку и посмотрел внутрь сквозь витринное стекло. Какая-то девушка в раскосых очках читала журнал. Она походила на Орфамэй Квест. У меня сжало горло.

Я выжал сцепление и поехал дальше. Орфамэй имела право узнать первой, несмотря на закон. А я вышел уже далеко за рамки закона.

23

Я остановился у двери с ключом в руке. Потом бесшумно подошел к соседней, что всегда отперта, встал и прислушался. Орфамэй с ее блестящими за стеклами раскосых очков глазами, с маленьким влажным ртом, жаждущим поцелуев, уже давно могла ждать меня там. Вместо нежностей ей придется услышать суровую весть, вскоре после этого она уйдет, и я никогда больше ее не увижу.

Изнутри не слышалось ни звука. Я вернулся назад, отпер дверь, взял почту и, войдя, бросил на стол. Ничто в ней не могло улучшить моего настроения. Потом пошел откинуть щеколду с двери в другую комнату и, помедлив, открыл и заглянул туда. Тишина, пустота. У моих ног лежал подсунутый под дверь сложенный листок бумаги. Я поднял его и развернул.

«Пожалуйста, позвони мне домой. Дело очень срочное. Необходимо встретиться». И подпись «Д».

Набрав номер Шато Берси, я попросил мисс Гонсалес.

Можно узнать, кто ей звонит? Минуточку, мистер Марлоу. Дзинь-дзинь. Дзинь-дзинь.

— Алло?

— Сегодня у тебя очень сильный акцент.

— А, это ты, amigo Я очень долго ждала в твоей маленькой смешной конторе. Можешь приехать сюда, поговорить со мной?

— Исключено. Жду звонка.

— Ну, а я могу приехать к тебе?

— А в чем, собственно, дело?

— Не могу сказать по телефону, amigo

— Приезжай

Я сидел, дожидаясь звонка. Телефон не звонил. Я поглядел в окно. На бульваре кишела толпа, вентиляция соседней забегаловки источала запах кофе. Время шло, я сидел, сгорбясь и подперев рукой голову, на горчично-желтой штукатурке стены мне смутно виделась фигура умирающего человека с короткой пешней в руке, ощущалось ее острие между лопаток. Поразительно, что может сотворить Голливуд с разной шушерой. Заурядная девица, которой бы гладить рубашки водителю грузовика, превращается в блестящую очаровательную красавицу. Мальчишка-переросток, которому на роду написано таскаться на работу с жестяной коробкой для завтрака, становится полубогом со сверкающими глазами и неотразимой улыбкой. Техасская официантка с образовательным уровнем юмористических персонажей, подававшая еду в автомобили, преображается в международную куртизанку, сменившую шесть мужей-миллионеров и в конце концов до того пресыщенную и развращенную, что пределом ее мечтаний становится соблазнение грузчика мебели в пропотевшей майке.

Голливуд даже способен ухватить незримыми щупальцами захолустную никчемность вроде Оррина Квеста и за несколько месяцев превратить в мокрушника, доведя его незатейливую зловредность до классического садизма маньяка-убийцы.

На дорогу у мисс Гонсалес ушло чуть больше десяти минут. Я услышал, как открылась и закрылась дверь, вышел в приемную и увидел ее. Всеамериканскую Гардению. Восхищенно уставился. Ее же глаза были глубокими, темными и суровыми. Она была в черном, как и накануне вечером, но на сей

раз в шитом на заказ костюме, щегольски заломленной широкополой черной соломенной шляпе. Воротник белой шелковой блузки был отогнут поверх жакета, шея была смуглой и мягкой, а губы красными, как новенькая пожарная машина.

— Я долго ждала,— сказала Долорес.— И не обедала.

— А я пообедал,— сказал я.— Цианидом. Очень плотно. Синева только что прошла.

— Мне сейчас не до смеха, amigo.

— Тебе и не нужно смешить меня. Я смешу себя сам. Совершаю бескорыстные деяния, а потом катаюсь от смеха. Прошу.

Мы вошли в мой частный мыслительный салон и сели.

— Ты всегда носишь черное? — спросил я.

— Ну да. Оно действует очень возбуждающе, когда я раздеваюсь.

— Тебе всегда необходимо изъясняться как шлюхе?

— Ты плохо знаешь шлюх, amigo. Они в высшей степени респектабельны. Кроме самых дешевых, конечно.

— Угу,— сказал я.— Спасибо, что просветила. Что это за срочное дело, о котором нам надо поговорить? Улечься с тобой в постель — дело не срочное. Это можно устроить в любой день.

— Ты в дурном настроении.

— Да, в дурном.

Долорес вынула из сумочки длинную коричневую сигарету и осторожно вставила в золотые щипчики. Подождала, чтобы я поднес ей огня. Не дождалась и прикурила сама от золотой зажигалки.

Держа это приспособление рукой в черной перчатке с раструбом, она глядела на меня бездонными черными глазами, в которых теперь не было смеха.

— Ты хотел бы улечься со мной в постель?

— Как и почти любой мужчина. Но давай пока не будем касаться секса.

— Я не провожу резкой границы между делом и сексом,— спокойно сказала она.— И не пытайся меня унизить. Секс — это сеть, в которую я ловлю дураков. Кое-кто из них полезен и щедр. Некоторые бывают опасны.

И приняла задумчивый вид.

— Если хочешь выяснить,— сказал я,— извест-ли мне, что представляет собой определенный чело-век,— то да, известно.

— Ты сможешь это доказать?

— Вряд ли. Полицейские не смогли

— Полицейские,— с презрением сказала Доло-рес,— не всегда говорят все, что знают. Не всегда доказывают все, что могут доказать. Ты, наверно, знаешь, что в феврале он десять дней просидел за решеткой.

— Да.

— Тебе не кажется странным, что он не освободился под залог?

— Я не знаю, на каком основании его держали в камере. Если как важного свидетеля...

— Не думаешь, что он мог бы изменить основание на допускающее освобождение под залог — если бы захотел?

— Как-то не думал об этом,— солгал я.— Мы с ним незнакомы.

— Ты ни разу не разговаривал с ним? — небрежно, даже слишком небрежно спросила Долорес

Я не ответил.

Она коротко хохотнула

— Вчера вечером, amigo. Возле дома, где живет Мэвис Уэлд. Я сидела в машине на другой стороне улицы.

— Я случайно там с кем-то столкнулся. Это он?

— Не пытайся обмануть меня.

— Что ж, ладно. Мисс Уэлд была со мной очень несдержанна. Я ушел злющим. И тут навстречу мне этот красавчик с ее ключом в руке. Я вырвал у него ключ и швырнул за кусты. Потом извинился, поднял ключ и вернул. Мне показалось, он славный парень.

— Оч-чень славный,— протянула Долорес.— Он был и *моим* любовником.

Я хмыкнул.

— Как ни странно, мисс Гонсалес, ваша любовная жизнь меня мало интересует. Полагаю, в ней участвовало немало людей — от Стейна до Стилгрейва.

— Стейна? — негромко переспросила Долорес.— Кто такой Стейн?

— Бандит из Кливленда, которого в феврале застрелили перед твоим домом. Он снимал там квартиру. Думаю, ты могла его знать.

Она издала серебряный смешок.

— Amigo, есть мужчины, которых я не знаю. Даже в Шато Берси.

— Газеты писали, что он был убит в двух кварталах оттуда,— сказал я.— Меня больше бы устроило, если б это произошло прямо перед домом. А ты смотрела из окна и все видела. Видела, как убийца дал деру, прямо под уличным фонарем оглянулся, свет упал на его лицо, и это оказался не кто иной, как старина Стилгрейв. Ты узнала его по накладному носу и высокой шляпе с сидящими на ней голубями.

Долорес не засмеялась.

— Тебя больше бы устроило так, — промурлыкала она.

— Так мы бы загребли больше денег.

— Но Стилгрейв сидел в тюрьме,— улыбнулась Долорес.— И даже если бы не сидел. Даже если бы, например, я оказалась в близких отношениях с неким доктором Чалмерсом, бывшим врачом окружной тюрьмы, и в одну из интимных минут он сказал бы мне, что выдал Стилгрейву пропуск на посещение зубного врача — под конвоем, разумеется, но конвой оказался разумным — в тот самый день, когда произошло убийство, и даже окажись это правдой, разве лучшим способом использования этих сведений будет шантаж Стилгрейва?

— Не хочу хвастаться,— сказал я,— но я не боюсь Стилгрейва и даже дюжины таких, как он.

— Ну, а я боюсь, amigo. В этой стране быть свидетелем убийства небезопасно. Нет, шантажировать Стилгрейва мы не станем. И будем помалкивать об убийстве мистера Стейна, которого я могла и не знать. Достаточно того, что Мэвис Уэлд — близкая подружка известного гангстера и появляется с ним на людях.

— Надо еще доказать, что он известный гангстер,— сказал я.

— Разве мы не можем?

— Каким образом?

Долорес разочарованно скривила губы.

— Но я была уверена, что именно этим ты и занимался последние два дня.

— Почему?

— У меня есть свои причины.

— Не представляю, какие.

Она бросила окурок коричневой сигареты в пепельницу. Я подался вперед и загасил его тупым концом карандаша. Она легонько коснулась моей руки пальцем в перчатке. Улыбка ее была соблазнительной. Откинулась назад и забросила ногу на ногу. В глазах ее заплясали огоньки. С последнего заигрывания прошло достаточно долгое время — по ее меркам.

— Любовь — как скучно это звучит,— задумчиво сказала она. — Поражаюсь, что язык, столь изысканный в любовных стихах, может определять ее таким слабым словом. В нем нет жизни, нет звучности. Оно ассоциируется у меня с маленькими девочками в платьицах с оборками, с розовыми улыбочками, робкими голосками и, очевидно, очень грязным бельем.

Я промолчал. Долорес снова перешла на деловой тон.

— Мэвис теперь будет получать семьдесят пять тысяч за фильм и в конце концов дойдет до ста пятидесяти. Она пошла вверх, и ничто ее не остановит. Разве что серьезный скандал.

— В таком случае, кому-то надо сказать ей, кто такой Стилгрейв,— сказал я. — Почему бы не тебе? И кстати, если мы будем располагать неопровержимыми данными, как поведет себя Стилгрейв, видя, что мы подбираемся к мисс Уэлд?

— А разве ему нужно это знать? Не думаю, что она расскажет ему. Собственно, я полагаю, что она порвет с ним напрочь. Но для нас это не будет иметь значения — если мы добудем доказательства. И если она будет знать, что они у нас есть.

Долорес потянулась было рукой в черной перчатке с раструбом к черной сумочке, потом побарабанила пальцами по краю стола, и вернула руку на прежнее место, откуда могла уронить ее на колени. На сумочку она не смотрела. Не смотрел и я.

Я встал.

— У меня могут оказаться кой-какие обязательства перед мисс Уэлд. Тебе не приходило это в голову?

В ответ Долорес лишь улыбнулась.

— И поскольку дело обстоит именно так,— сказал я,— не думаешь ли, что тебе пора убираться к черту?

Долорес взялась за подлокотники и, все еще улыбаясь, стала подниматься. Я схватил ее сумочку прежде, чем она успела бы протянуть к ней руку. Глаза ее вспыхнули. Она издала звук, похожий на плевок.

Раскрыв сумочку, я порылся в ней и обнаружил белый конверт, показавшийся довольно знакомым. Вытряс из него фотографию, сделанную в «Танцорах», обе части ее были сложены вместе и наклеены на листок бумаги.

Я закрыл сумочку и швырнул владелице.

Долорес уже встала, рот ее растянулся в усмешке, обнажив зубы. Она не издала ни звука.

— Интересно,— сказал я и щелкнул пальцем по глянцевой поверхности снимка.— Если только это не подделка. Кто сидит с ней, Стилгрейв?

Снова раздался серебряный смех

— Нелепый ты человек, amigo Я и не знала, что еще существуют такие люди

— Довоенный фонд,— сказал я. — С каждым днем нас становится все меньше. Откуда у тебя этот снимок?

— Взяла в гардеробной из сумочки Мэвис. Пока она была на съемке.

— Она знает? Интересно откуда это у нее?

— Получила от тебя.

— Ерунда. — Я приподнял брови на несколько дюймов.— Где я мог бы его взять?

Долорес протянула руку через стол. Голос ее стал холодным.

— Пожалуйста, верни его мне.

— Верну Мэвис Уэлд. Мне неприятно говорить это, мисс Гонсалес, но на роль шантажиста я не гожусь. Обаяния не хватает.

— Отдай! — резко сказала она.— Иначе...

И запнулась. Я молчал, давая ей досказать. На ее приятном лице появилась презрительная гримаса.

— Ну, ладно, — сказала Долорес.— Это моя ошибка. Я сочла тебя умным. Теперь вижу, что ты заурядный тупой частный сыщик. Эта жалкая убогая контора,— она обвела ее рукой в черной перчатке,— и жалкое убогое существование, должны были сказать мне, что ты за идиот.

— Они говорят,— сказал я.

Долорес медленно повернулась и пошла к выходу. Я вышел из-за стола, и она позволила мне распахнуть перед ней дверь.

Долорес медленно вышла. В деловых колледжах выходить так не учат.

По коридору она шла медленно, не оглядываясь. У нее была красивая походка.

Дверь ударилась о пневматический закрыватель и с очень тихим щелчком закрылась. На это, казалось, ушло много времени. Я стоял и смотрел, словно никогда не видел этого. Потом повернулся, пошел к столу, и тут раздался телефонный звонок.

Я поднял трубку и ответил. Звонил Кристи Френч.

— Марлоу? Нам хотелось бы видеть тебя в управлении.

— Сейчас?

— Чем быстрей, тем лучше,— сказал он и повесил трубку.

Я вынул из-под журнала для записей склеенный снимок и положил в сейф к остальным. Надел шляпу и закрыл окно. Ждать было нечего. Поглядел на зеленый кончик секундной стрелки наручных часов. До пяти было еще долго. Секундная стрелка бежала и бежала по циферблату как коммивояжер. Было десять минут пятого. Я снял пиджак, отстегнул наплечную кобуру и запер «люгер» в ящик стола. Полицейские не любят, когда приходишь с пистолетом на их территорию, даже если имеешь право носить оружие. Они любят, чтобы ты приходил заискивающим, держа шляпу в руке, говорил тихо, вежливо, и ничего не выражал взглядом.

Я снова взглянул на часы. Прислушался. Здание казалось тихим. Вскоре оно станет безмолвным. И тогда мадонна темно-серой швабры зашаркает по коридору, дергая дверные ручки.

Я снова надел пиджак, запер дверь между комнатами, выключил звонок и вышел в прихожую. Тут зазвонил телефон. Я бросился к нему, чуть не сорвав дверь с петель. Звонила Орфамэй, но такого тона у нее я еще не слышал. Холодный, уравновешенный тон, не категоричный, не пустой, не угрожающий и даже не детский. Голос девушки, которую я знал и вместе с тем не знал. Едва она произнесла три слова, я понял, чем вызван этот тон.

— Звоню, потому что вы просили позвонить,— сказала Орфамэй.— Но вам не нужно ничего рассказывать. Я ездила туда.

— Ездили туда,— повторил я.— Да. Понял. Ну и что?

— Я... одолжила машину. Поставила ее на другой стороне улицы. Там было столько машин, что вы не могли заметить меня. Возле похоронного бюро. Обратно я поехала вслед за вами. Попыталась было, но я совершенно не знаю тамошних улиц. Потеряла вас. И вернулась.

— Зачем?

— Сама не знаю. Когда вы вышли, мне показалось, что у вас какой-то странный вид. Или, может, у меня возникло предчувствие. Как-никак, он мой брат. Я вернулась и позвонила в дверь. Никто не ответил. Это тоже показалось странным. Может, я склонна к предчувствиям. Внезапно мне показалось необходимым войти в этот дом. Я не знала, как, но мне было необходимо.

— Со мной такое случалось,— ответил я. Это был мой голос, но кто-то попользовался моим языком вместо наждачной бумаги.

— Я позвонила в полицию, сказала, что слышала выстрелы. Полицейские приехали, один из них влез в окно. Потом открыл дверь и впустил другого. Вскоре они впустили меня. И не отпускали. Мне пришлось рассказать им все, кто он такой и что я солгала насчет выстрелов из страха за Оррина. Пришлось рассказать и про вас

— Ничего,— сказал я.— Все равно мне пришлось бы рассказать им самому, после того как я рассказал бы все *вам*.

— Вас, небось, по головке не погладят, так ведь?

— Да уж!

— Арестуют или что?

— Могут арестовать.

— Вы бросили его на полу. Мертвого. И, конечно, скажете, что вам больше ничего не оставалось.

— У меня были на то причины,— сказал я.— Они могут показаться вам не особенно убедительными, но они были. Ему уже ничто не могло помочь.

— Да, были, еще бы,— сказала Орфамэй.— Вы очень находчивы. У вас на все есть причины. Что ж, похоже, вам придется изложить их полицейским.

— Не обязательно.

— Придется, придется,— произнес голосок, в нем слышалось необъяснимое удовольствие.— Непременно. Вам развяжут язык.

— Оставим это,— сказал я.— Частный детектив всеми силами оберегает интересы клиента. Иногда заходит слишком далеко. Вот и я зашел. Поставил себя в опасное положение. Но не только ради вас.

— Вы бросили его на полу, мертвого,— сказала Орфамэй.— И мне все равно, что сделают с вами полицейские. Если посадят в тюрьму, я, пожалуй, буду рада. Не сомневаюсь, что вы мужественно это воспримете.

— Конечно, – сказал я. – С веселой улыбкой, как всегда. Видели вы, что было у него в руке?

— В руке у него ничего не было.

— Вернее, лежало возле руки.

— Там не было ничего. Совершенно ничего. Что это была за вещь?

— Ну и прекрасно,— сказал я.— Рад этому. Что ж, до свиданья. Я сейчас еду в управление полиции. Они хотят меня видеть. Если больше не увидимся, желаю вам удачи

— Пожелайте лучше себе,— сказала Орфамэй.— Вам она может потребоваться. А мне нет.

— Я сделал для вас все, что мог. Может, если б вы с самого начала рассказали мне побольше...

Орфамэй, не дослушав, повесила трубку

Я положил свою на место бережно, как младенца. Достал платок и вытер ладони. Подошел к раковине, умылся. Поплескал в лицо холодной водой, сильно растер его полотенцем и поглядел в зеркало

— Вот ты и съехал с утеса,— сказал я отражению.

24

Посреди комнаты стоял длинный желтый дубовый стол с беспорядочными жженными следами от сигарет по краям. За ним находилось окно с проволочной сеткой поверх матового стекла. За ним же перед грудой бумаг сидел лейтенант Фред Бейфус. У торца стола, откинувшись вместе с креслом назад, восседал рослый, крепко сбитый человек с бульдожьей челюстью, в зубах он держал огрызок плотницкого карандаша. Лицо этого человека я вроде бы недавно видел на газетном снимке. Глаза

его были открыты, он дышал, но не подавал иных признаков жизни.

По другую сторону стола находились две шведские конторки и второе окно. Одна из конторок была развернута к окну. За ней женщина с оранжевыми волосами печатала на машинке какой-то отчет. За другой, стоящей к окну торцом, развалился во вращающемся кресле Кристи Френч. Водрузив ноги на угол конторки, он глядел в распахнутое окно с прекрасным видом на стоянку полицейских машин и заднюю сторону доски объявлений.

— Сядь сюда,— указал мне Бейфус.

Я сел напротив него в дубовое кресло без подлокотников. Далеко не новое, да и в лучшие свои времена уродливое.

— Это лейтенант Мозес Мэглешен из полиции Бэй-Сити,— сказал Бейфус.— Ему ты нравишься не больше, чем нам.

Лейтенант Мозес Мэглешен вынул изо рта карандаш, осмотрел следы зубов на толстом восьмигранном конце. Затем обратил взгляд ко мне. Неторопливо, изучающе методично оглядел. И, не сказав ни слова, сунул карандаш опять в рот.

— Может, я извращенный тип,— сказал мне Бейфус,— но мне ты кажешься не привлекательнее черепахи.— Полуобернулся к женщине, печатавшей на машинке в углу.— Милли.

Та оставила машинку и взяла стенографический блокнот.

— Имя с фамилией — Филип Марлоу,— сказал ей Бейфус.— На конце «у». Номер лицензии?

И снова посмотрел на меня. Я назвал ему номер. Оранжевая красотка писала, не поднимая глаз. Сказать, что при виде ее лица стали бы часы, было бы оскорблением. Стала бы даже лошадь на всем скаку.

— Теперь, если у тебя есть желание,— сказал мне Бейфус,— расскажи нам с самого начала, что ты делал вчера. Ничего не утаивая. Без запинок и пауз. Во лжи будешь уличен тут же, сведений у нас достаточно.

— То есть дать показания?

— Очень подробные,— сказал Бейфус.— Весело, а?

— Добровольно и без принуждения?

— Да,— усмехнулся Бейфус.— Все показания только так и даются.

Мэглешен глянул на меня в упор. Оранжевая красотка вновь принялась печатать. Записывать ей пока что было нечего. Тридцать лет работы отладили ее хронометраж.

Мэглешен достал из кармана толстую потертую перчатку из свиной кожи, надел на правую руку и сжал кулак.

— А это зачем? — спросил Бейфус.

— Я иногда грызу ногти,— ответил Мэглешен.— Как ни странно, только на правой руке.— Медленно поднял взгляд и уставился на меня.— Одни люди более разговорчивы, другие менее,— небрежно сказал он.— Говорят, тут все дело в почках. Я знал неразговорчивых людей, которые быстро становились разговорчивыми, а потом несколько дней каждые четверть часа бегали в туалет. Словно бы открылось недержание мочи.

— Подумать только,— с удивлением произнес Бейфус.

— А еще есть такие, что могут говорить только хриплым шепотом,— продолжал Мэглешен.— Как боксеры, которым часто доставалось по шее.

И поглядел на меня, словно бы предоставляя мне слово.

— Есть еще и такие, что не хотят ходить в туалет,— сказал я.— Те, что усердствуют сверх всякой меры. Сидят в таком вот кресле по тридцать часов. Потом валятся с разрывом селезенки или мочевого пузыря. Они слишком уж разговорчивы. И после утреннего заседания суда, когда в камере для пьяных никого нет, их находят мертвыми где-нибудь в темном углу. Может, их нужно было показать врачу, но всего не предусмотришь, так ведь, лейтенант?

— В Бэй-Сити мы все предусматриваем,— сказал он.— Когда есть что предусматривать.

На лице его играли твердые желваки. В глазах стоял какой-то красноватый блеск.

— Уж я устроил бы тебе веселую жизнь,— сказал он, сверля меня взглядом.— Надолго чтоб запомнилось.

— Не сомневаюсь, лейтенант. Бывая в Бэй-Сити, я всегда веселился — до потери сознания.

— У меня бы ты долго находился в сознании.

малыш. Я бы специально позаботился об этом. Уделил бы личное внимание.

Кристи Френч, зевнув, медленно повернул голову.

— И что, вы там в Бэй-Сити такие свирепые? — спросил он.— Как с цепи сорвались.

Бейфус облизнул губы кончиком языка.

— Мы всегда были свирепыми,- - ответил Мэглешен, не глядя на Френча.- Нам так нравится. Такие вот типы, как он, постоянно выводят нас из себя.— И снова повернулся ко мне Значит, ты и есть тот самый голубчик, что позвонил нам насчет Клозена? Ты умеешь обращаться с телефон-автоматом, верно, голубчик?

Я промолчал.

— Я с тобой разговариваю, голубчик,— сказал Мэглешен.— Я задал тебе вопрос, голубчик. Когда я задаю вопросы, мне отвечают. Ясно, голубчик?

— Продолжай дальше, и сам ответишь на свой вопрос,— сказал ему Кристи Френч.— И ответ может тебе не понравиться, тогда ты можешь так рассвирепеть, что начнешь сам себя лупить этой перчаткой. Испытаешь это удовольствие на себе.

Мэглешен выпрямился. На щеках его выступили большие красные пятна.

— Я приехал сюда за содействием, – неторопливо сказал он Френчу Насмешек мне дома хватает. От жены. И нечего делать из меня мишень для острот.

— Содействие тебе будет, сказал Френч. Только не пытайся заткнуть всех за пояс репликами из старых фильмов.

Потом развернулся вместе с креслом и взглянул на меня.

— Давай забудем все, что здесь говорилось, и сделаем вид, что дознание только начинается. Я знаю все твои доводы. И я им не судья. Однако выбирай: будешь говорить или сядешь в камеру как важный свидетель?

— Задавайте вопросы, сказал я.— Если ответы не понравятся, можете меня арестовать. Если арестуете, мне понадобится позвонить по телефону.

— Правильно, – сказал Френч.- - Если арестуем. Только ведь сажать тебя не обязательно. Можно поездить с тобой по всем местам. На это уйдет несколько дней.

— А жить будешь на одних консервах,— весело сказал Бейфус.

— Строго говоря, это будет незаконно,— сказал Френч.— Но мы постоянно так делаем. Да и ты, возможно, не всегда бываешь безгрешен. Скажешь, что в этой истории ты вел себя строго по закону?

— Нет.

— Ха! — хрипло выпалил Мэглешен.

Я взглянул на оранжевую красотку, молчаливую и равнодушную, снова взявшую свой блокнот.

— У тебя есть клиентка, которую ты должен оберегать,— сказал Френч.

— Возможно.

— Так вот, она и донесла на тебя.

Я промолчал.

— Ее зовут Орфамэй Квест,— сказал Френч, не сводя с меня взгляда.

— Задавайте вопросы,— сказал я.

— Что произошло на Айдахо-стрит?

— Я поехал туда искать ее брата. Клиентка сказала, что он уехал из дома и она приехала навестить его. Была встревожена. Управляющий оказался вдрызг пьян. Я заглянул в книгу регистрации и обнаружил, что в комнате Квеста живет другой человек. Поговорил с этим человеком. Ничего полезного не узнал.

Френч протянул руку, взял карандаш и постукал по зубам.

— Потом видел еще этого человека?

— Да. Я сказал ему, кто я такой. Когда я спустился вниз, Клозен был мертв. И кто-то вырвал из книги регистраций лист с фамилией Квеста. Я позвонил в полицию.

— Но на месте не остался?

— У меня не было никаких сведений об убийстве Клозена.

— Но на месте не остался,— повторил Френч. Мэглешен громко рыгнул и со злостью отбросил плотницкий карандаш. Я проследил взглядом, как тот ударился о стену, упал на пол, подскочил и замер.

— Да, не остался.

— В Бэй-Сити,— прорычал Мэглешен,— мы могли бы укокошить тебя за это.

— В Бэй-Сити вы могли бы укокошить меня за то, что ношу синий галстук.

Мэглешен стал подниматься. Бейфус покосился на него и сказал:

— Предоставь заниматься этим Кристи. Еще будет и второе отделение.

— За это мы могли бы отстранить тебя от дела,— сказал Френч безо всякой интонации.

— Считайте, что отстранили, – сказал я.— Все равно мне оно было не по душе.

— И ты вернулся к себе в контору. Что дальше?

— Сообщил обо всем клиентке. Потом позвонил какой-то человек, попросил приехать в отель «Ван Нуйс» Это оказался тот самый, с кем я разговаривал на Айдахо-стрит, но под другой фамилией

— Ты мог бы сказать нам об этом, не так ли?

— Если б сказал, пришлось бы рассказать все. Это нарушило бы условия моего найма

Френч кивнул и постукал карандашом. Неторопливо сказал:

— Убийство аннулирует подобные соглашения. Два убийства аннулируют дважды. А два убийства одним методом — трижды Ты выглядишь непорядочным, Марлоу. Совершенно непорядочным.

— После сегодняшнего я выгляжу непорядочным даже в глазах клиентки

— Что случилось сегодня?

— Она сообщила мне по телефону, что брат звонил ей из дома доктора Лагарди. Брату угрожала опасность От меня требовалось поспешить туда и позаботиться о нем Я поспешил туда. Доктор Лагарди и его медсестра прекратили прием пациентов Держались они испуганно. Там побывала полиция.

Я перевел взгляд на Мэглешена.

— Он опять позвонил,— буркнул Мэглешен.

— На сей раз не я.

— Ладно. Продолжай, сказал Френч после паузы.

— Лагарди утверждал, что ничего не знает об Оррине Квесте. Медсестру он отправил домой. Потом подсунул мне одурманивающую сигарету. Когда я очнулся, то подумал, что в доме один. Потом оказалось — не один. Оррин Квест на последнем издыхании начал скрестись в дверь. Пытался из последних сил заколоть меня пошней.

Я повел плечами. На этом месте между лопатками слегка стянуло кожу, и только.

Френч сурово поглядел на Мэглешена. Тот покачал головой, но Френч продолжал глядеть на него. Бейфус стал негромко насвистывать. Сперва я не мог разобрать мелодию, потом разобрал: «Старый Мозес лег в могилу».

Френч повернулся ко мне и неторопливо сказал:

— У его тела не оказалось никакой пешни.

— Я оставил ее там, где она упала.

— Похоже, перчатка все же пригодится,— сказал Мэглешен. Расправил ее между пальцами.— Кое-кто здесь лгун, и это не я.

— Оставь, — сказал ему Френч.— Ни к чему устраивать представление. Если у парня была в руке пешня, это не значит, что он так с ней и родился.

— Спиленная,— сказал я.— Короткая. От рукоятки до острия три дюйма. Их такими не продают в скобяных лавках.

— А чего ради было ему бросаться на тебя с пешней? — спросил Бейфус, иронически усмехаясь.— Ты же был его союзником. Приехал туда, чтобы оберегать его по просьбе сестры.

— Я был просто фигурой между ним и светом. Фигурой, которая двигалась, могла оказаться человеком и даже тем, кто его ранил. Умирал он стоя. До этого я его ни разу не видел. Если он видел меня, то мне это неизвестно.

— У вас могла бы завязаться прекрасная дружба,— со вздохом сказал Бейфус.— Разумеется, если б не пешня.

— Из того, что он был вооружен ею и пытался меня заколоть, можно сделать кой-какие выводы.

— Например?

— В таком состоянии человек действует инстинктивно. Не изобретает новых способов. Квест ударил меня между лопаток и слегка проколол кожу, это было последнее усилие умирающего. Возможно, будь он в полной силе, пешня вошла бы в другое место и гораздо глубже.

— Долго мы еще будем болтать с этой обезьяной? — сказал Мэглешен.— Вы разговариваете с ним как с человеком. Давайте-ка я поговорю с ним по-своему.

— Нашему капитану такие вещи не по душе,— небрежно сказал Френч.

— К черту капитана.

— Капитану не нравится, когда захолустные фараоны так говорят о нем,— сказал Френч.

Мэглешен стиснул зубы, челюсть его побелела. Глаза сузились и заблестели. Он шумно втянул носом воздух.

— Спасибо за содействие,— сказал он и поднялся.— Я пойду.

Он вышел из-за стола и остановился рядом со мной. Протянул левую руку и приподнял мне подбородок.

— До встречи, голубчик. В *моем* городе.

И дважды хлестнул меня по лицу перчаткой, держа ее за пальцы. Кнопки больно впивались в кожу. Я поднял руку и потер нижнюю губу.

— Черт возьми, Мэглешен,— сказал Френч,— сядь, дай парню договорить. И держи от него руки подальше.

Обернувшись к нему, Мэглешен спросил:

— Думаешь, так я тебя и послушался?

Френч лишь пожал плечами. Мэглешен утер большой пятерней губы и вернулся к своему креслу. Френч сказал:

— Выкладывай свои соображения, Марлоу.

— Возможно, Клозен помимо всего прочего торговал наркотиками,— сказал я.— В его квартире пахло марихуаной. Когда я заглянул на кухню, там один типчик считал деньги. У него были пистолет и тонкий, остро заточенный нож. И то, и другое он пытался пустить в ход. Я отобрал их, и он ушел. По моему, это был рассыльный. А Клозен до того допился, что полагаться на него стало нельзя. В организациях этого не любят. Рассыльный счел меня полицейским. Этим людям не хотелось, чтобы Клозена взяли. Он бы тут же раскололся. И едва они учуяли в доме сыщика, Клозен был обречен.

Френч поглядел на Мэглешена:

— Что скажешь по этому поводу?

— Могло быть и так,— буркнул Мэглешен.

— Допустим, что так и было,— сказал Френч,— но при чем же здесь Оррин Квест?

— Курить марихуану может кто угодно,— сказал я.— Особенно когда тоскливо, одиноко, на душе тя-

жело, работы нет. Но чувства от нее уродуются и притупляются. Притом на разных людей марихуана действует по-разному. Одни становятся задиристыми, другие бесшабашными. Можно предположить, что Квест кого-то шантажировал и угрожал пойти в полицию. Вполне возможно, что все три убийства связаны с шайкой торговцев наркотиками.

— Это не согласуется с тем, что у Квеста была спиленная пешня,— заметил Бейфус.

— По словам лейтенанта, пешни у него не было,— сказал я.— Так что, возможно, мне это померещилось. Может быть, она ему просто попалась под руку. Может, у доктора Лагарди все пешни такие. Есть у вас что-нибудь против него?

Бейфус покачал головой.

— Пока нет.

— Доктор не убил меня и, возможно, никого не убивал,— сказал я.— Квест говорил сестре, что работает у доктора Лагарди, но его преследуют какие-то гангстеры.

— Этот Лагарди,— спросил Френч, делая пометки в своем блокноте,— что ты знаешь о нем?

— Он имел практику в Кливленде. Обширную, в центре города. Видимо, у него есть причина скрываться в Бэй-Сити.

— В Кливленде, вот как? — протянул Френч и уставился в угол потолка. Бейфус опустил глаза в свои бумаги. Мэглешен сказал:

— Небось, делал аборты. Я приглядывал за ним одним глазом.

— Каким? — мягко спросил Бейфус.

Мэглешен покраснел.

— Наверно, тем, который ничего не видел на Айдахо-стрит,— сказал Бейфус.

Мэглешен подскочил.

— Ну вот что, остряки, к вашему сведению, мы всего-навсего отделение полиции в маленьком городке. Иной раз хоть надвое разорвись. Тем не менее, мне нравится эта мысль насчет марихуаны. Она может значительно облегчить мне работу. Я немедленно займусь этой проблемой.

Он твердым шагом направился к двери и вышел. Френч глядел ему вслед. Бейфус тоже. Когда дверь закрылась, они поглядели друг на друга.

— Держу пари, сегодня вечером они опять повторят облаву,— сказал Бейфус.

Френч кивнул.

— В квартире над прачечной,— продолжал Бейфус.— Отправятся на пляж, заберут трех-четырех бродяг, сунут в эту квартиру, а потом, после облавы, представят фоторепортерам.

— Много болтаешь, Фред,— оборвал его Френч.

Бейфус усмехнулся и умолк. Френч спросил меня:

— Раз уж ты строишь догадки, что, по-твоему, искали в том номере отеля «Ван Нуйс»?

— Квитанцию на чемодан с марихуаной.

— Неплохо,— одобрил Френч.— А где могла бы находиться эта квитанция?

— Я думал об этом. Когда мы с Хиксом разговаривали в Бэй-Сити, его череп был наголо обрит, без парика. Дома парик не носят. Но на кровати в отеле он лежал в парике. Возможно, надел его не сам.

— Ну и что? — спросил Френч.

— Под париком вполне можно спрятать квитанцию.

— Прилепить клейкой лентой изнутри,— подхватил Френч.— Неплохая мысль.

Наступило молчание. Оранжевая красотка вновь принялась печатать. Я поглядел на свои ногти. Они могли быть и почище. После паузы Френч неторопливо сказал:

— Только не думай, что ты вне подозрений, Марлоу. Вернемся к догадкам. Почему ты решил, что доктор Лагарди жил в Кливленде?

— Я решил разобраться, что он собой представляет. Врач не может изменить фамилию, если хочет практиковать. Пешня навела на мысль о Плаксе Мойере. Плакса Мойер действовал в Кливленде. Веселый Моу Стейн действовал в Кливленде. Правда, метод там был другой, но пешня все же остается пешней. Вы сами сказали, что ребята могут поуметь. А при таких шайках всегда где-то на заднем плане находится врач.

— Слишком надуманно,— сказал Френч.— Слишком слабая мысль.

— Если я укреплю ее, пойдет мне это на пользу?

— А сумеешь?

— Могу попытаться.

Френч вздохнул.

— С этой Орфамэй Квест все в порядке,— сказал он.— Я звонил ее матери в Канзас. Она действительно приехала сюда отыскать брата И действительно наняла для этого тебя. Отзывается Орфамэй о тебе хорошо. Но особых восторгов не выражает. Она действительно подозревала, что ее брат впутался во что-то нехорошее. Заработал ты что-нибудь на этом деле?

— Нет. Я вернул ей гонорар. У нее было мало денег.

— Значит, не придется платить с гонорара подоходный налог,— сказал Бейфус.

— Хватит об этом,— сказал Френч.— Следующий ход за окружным прокурором. А насколько я знаю Эндикотта, пока он обдумает, как ходить, пройдет неделя.

И сделал жест в сторону двери. Я поднялся.

— Ничего, если я не буду уезжать из города?

Ответить они не потрудились.

Я стоял и смотрел на них Ранка между лопатками от пешни засохла и горела, кожу вокруг нее стянуло. Щеки и губы ныли от удара не раз использованной перчатки Мэглешена. Я словно бы находился глубоко под водой. Вода была темной, нечистой, и во рту ощущался соленый привкус.

Они сидели и смотрели на меня. Оранжевая красотка стучала на машинке. Происходящее здесь впечатляло ее не больше, чем ноги балерин балетмейстера. У Кристи с Бейфусом были спокойные обветренные лица здоровых, закаленных мужчин. Глаза, как всегда у полицейских, хмурые и серые, словно замерзающая вода. Плотно сжатые губы, жесткие морщинки в уголках глаз, твердый, пустой, бессмысленный взгляд, не совсем уж жестокий и отнюдь не любезный. Неброская одежда из магазина готового платья, носимая без шика, с каким-то пренебрежением; облик людей небогатых, но все же гордящихся своей властью, всегда ищущих способ проявить ее, причинить тебе боль и с усмешкой смотреть, как ты корчишься, безжалостных без злобы, без жестокости и вместе с тем иногда добрых. А какими еще им быть? Цивилиза-

ция для них — пустой звук. В ней они видели только изъяны, грязь, отбросы, отклонения и неприязнь.

— Ну, чего стоишь? — резко спросил Бейфус.— Ждешь крепкого слюнявого поцелуя? Не можешь остроумно ответить? Жаль.

Голос его стал усталым, скучным. Он нахмурился и взял со стола карандаш. Быстро разломил его пополам и положил обе половинки на ладонь.

— Вот так и ты отломись от нас,— негромко сказал он, на лице его не было и тени улыбки.— Ступай улаживать свои дела. Как по-твоему, на кой черт мы тебя отпускаем? Мэглешен дал тебе отсрочку. Используй ее.

Я поднял руку и потер губу. Во рту у меня было слишком много зубов.

Бейфус поглядел на стол, взял какую-то бумагу и стал читать. Кристи Френч развернулся вместе с креслом, положил ноги на конторку и уставился в открытое окно на стоянку автомобилей. Оранжевая красотка перестала печатать. В комнате неожиданно воцарилась тяжелая, вязкая тишина.

Я пошел к выходу, раздвигая эту тишину, словно воду.

25

В конторе опять ни души. Ни длинноногих брюнеток, ни маленьких девочек в раскосых очках, ни аккуратных смуглых мужчин с гангстерскими глазами.

Я сел за стол и стал смотреть, как за окном меркнет свет. Доутих уличный шум. Свирепо уставились друг на друга через бульвар неоновые рекламы. Необходимо было что-то предпринять, но я не знал, что. Да и ни от чего не было бы проку. Прислушиваясь к скрежету ведра по кафелю в коридоре, я навел на столе порядок. Сунул бумаги в ящик, выровнял подставку для ручек, взяв тряпку, протер стекло на столе, а потом телефон. В сумерках он был темным, глянцевым. Сегодня он не издаст ни звука. Никто больше не позвонит мне. Ни сейчас, ни в ближайшее время. Может быть, и никогда.

Свернув пыльную тряпку, я отложил ее, откинулся назад и сидел так, не куря и даже не думая. Я был никем и ничем. Без лица, без дела, без индивидуальности, разве что с фамилией. Есть мне не хотелось. Даже выпить не хотелось. Я был вчерашним листком календаря, скомканным и брошенным на дно мусорнойкорзины.

Придвинув телефон, я набрал номер Мэвис Уэлдлоу. Гудки, гудки, гудки. Девять гудков. Это много, Марлоу. Стало быть, дома никого. Для тебя никого нет дома. Я повесил трубку. Кому бы ты мог позвонить еще? Есть ли у тебя друг, который не прочь услышать твой голос? Нет. Ни единого.

Пожалуйста, пусть зазвонит телефон. Пусть хоть кто-нибудь позвонит, чтобы я вновь ощутил себя человеком. Хоть полицейский. Хоть какой-нибудь Мэглешен. Я не жду хорошего отношения. Только бы вырваться с этой замерзшей звезды.

Телефон зазвонил.

— Amigo,— послышался в трубке знакомый голос.— Произошла неприятность. Серьезная неприятность. Мэвис Уэлд хочет тебя видеть. Ты ей нравишься. Она считает тебя честным человеком.

— Где? — спросил я. Это был даже не вопрос, а просто изданный мною звук. Я затянулся незажженной трубкой и, подперев рукой голову, прикрыл свой телефон. Ведь по нему слышался голос, с которым можно было вести разговор.

— Ты поедешь?

— Мне нужно сидеть всю ночь с больным попугаем. Куда ехать?

— Я заеду за тобой. Буду перед зданием через пятнадцать минут. Добираться, куда нам нужно, непросто.

— А возвращаться? — спросил я.— Или наплевать?

Но она уже повесила трубку.

Внизу у аптечной стойки я успел проглотить две чашки кофе, сэндвич с плавленым сыром и двумя ломтиками эрзац-бекона, увязшими в сыре, словно дохлые рыбки на илистом дне спущенного пруда.

Я был безумен. Мне это нравилось.

26

Подъехал черный «меркьюри» со светлым откидным верхом. Верх был поднят. Когда я сунулся в дверцу, Долорес Гонсалес скользнула ко мне по кожаному сиденью.

— Садись-ка за руль, amigo. Мне что-то не хочется вести.

Свет из аптеки падал на ее лицо. Она вновь сменила наряд, но все на ней по-прежнему было черным, за исключением алой блузки. И брюки, и свободный жакет, наподобие мужской куртки.

Я прислонился к дверце.

— Почему мисс Уэлд не позвонила мне?

— Не могла. Не знала номера и очень торопилась.

— Почему?

— Видимо, улучила минуту, когда кто-то вышел из комнаты.

— А где это место, откуда она звонила?

— Названия улицы я не знаю. Но дом найти могу. Потому и приехала. Садись быстрей, и едем.

— Может быть, сяду,— сказал я.— А может и нет. Преклонный возраст и боль в суставах вынуждают меня быть осторожным.

— Всегда острит,— сказала Долорес.— Очень странный человек.

— Острю всегда, когда уместно,— сказал я.— А человек самый обыкновенный, с одной единственной головой, которой иногда здорово доставалось. И обычно всё начиналось как сейчас.

— Будем сегодня предаваться любви? — негромко спросила она.

— Точно не знаю. Видимо, нет.

— Ты не пожалеешь о потерянном времени. Я не из тех химических блондинок, о кожу которых можно зажигать спички. Не из бывших прачек с большими костлявыми руками, острыми коленками и непривлекательной грудью.

— Давай,— сказал я,— хоть на полчаса забудем о сексе. Штука это замечательная, как шоколадный пломбир. Но бывают времена, когда ты скорее перережешь себе горло. Я, наверно, предпочту поступить так.

Обойдя машину, я сел за руль и завел мотор.

— Нам на запад,— сказала Долорес,— через Беверли-хиллз и дальше.

Я выжал сцепление, сделал поворот и поехал по бульвару Сансет в южную сторону.

— Пистолет у тебя при себе? — спросила Долорес и достала одну из своих длинных коричневых сигарет.

— Нет. Зачем он?

Внутренней стороной левой руки я ощущал «люгер» в наплечной кобуре.

— Так, пожалуй, и лучше — Долорес вставила сигарету в маленькие золотые щипчики и прикурила от золотой зажигалки. Большие черные глаза, казалось, поглотили свет, полыхнувший ей в лицо.

Я свернул с бульвара на запад, и меня самого поглотили три ряда лихачей, мчащихся невесть куда и невесть зачем.

— Что стряслось у мисс Уэлд?

— Не знаю. Она лишь сказала, что попала в беду, очень испугана и нуждается в тебе.

— Ты не могла придумать истории поубедительней?

Долорес не ответила. Я остановился у светофора, повернулся и взглянул на нее. Она тихо плакала в темноте.

— Я бы не тронула и волоска на голове Мэвис Уэлд,— сказала она.— И не жду, что ты мне полностью поверишь.

— С другой стороны,— сказал я,— пожалуй, отсутствие убедительной истории говорит в твою пользу.

Долорес стала придвигаться ко мне.

— Сиди где сидишь,— сказал я.— Мне нужно вести эту колымагу.

— Не хочешь, чтобы я положила тебе голову на плечо?

— Не при таком движении.

В Ферфаксе я остановился перед зеленым светом, чтобы позволить человеку сделать левый поворот. Сзади раздались неистовые гудки. Когда я тронулся, задняя машина вывернула, поравнялась со мной, и толстый водитель в майке крикнул:

— Валялся бы в гамаке!

И рванул вперед, так резко выезжая на мою линию, что мне пришлось тормознуть.

— Когда-то этот город мне нравился,— сказал я, чтобы только не молчать и не думать слишком уж напряженно.— В давние, давние времена. Тогда вдоль бульвара Уилшир росли деревья. Беверли-хиллз был захолустным поселком. Уэствуд представлял собой голые холмы, участки продавались по тысяче сто долларов, и никто их не брал. Голливуд был горсткой каркасных домиков на междугородном шоссе. Лос-Анджелес — просто большим городом, сухим, солнечным, с уродливыми строениями, без шика, но добродушным и мирным. О былом климате сейчас только вспоминают. Люди спали на верандах. Немногочисленные круги причисляющих себя к интеллектуалам нарекли его американскими Афинами. Это, конечно, были не Афины, но и не трущобы с неоновым освещением

Мы проехали Ла Сьенегу и свернули на Стрип. Ресторан «Танцоры» сиял огнями. Веранда была переполнена. Стоянка автомобилей походила на скопище муравьев на ломтике перезрелого плода.

— А теперь у нас развелись владельцы ресторанов вроде этого Стилгрейва. Развелись грубияны вроде того толстяка, что заорал на меня из машины. Появились богачи, снайперы, дельцы, работающие на процентах, парни, стремящиеся быстро разбогатеть, громилы из Нью-Йорка, Чикаго, Детройта и Кливленда. Появились шикарные рестораны и ночные клубы, которыми они заправляют, отели и многоквартирные дома, которые им принадлежат, воры, мошенники и женщины-бандитки, которые живут там. Торговцы роскошью, женоподобные художники-декораторы, модельеры одежды для лесбиянок, подонки большого безжалостного города, безликого, словно картонный стаканчик. В наших распрекрасных пригородах папочка, разувшись, читает спортивные новости перед окном, из которого открывается прекрасный вид, и воображает себя представителем высшего класса, потому что у него есть гараж на три машины. Мамочка перед шикарным туалетным столиком пытается закрасить мешки под глазами. Сыночек висит на телефоне, названивая школьницам, которые двух слов связать не могут и носят в косметичках противозачаточные средства.

— Во всех больших городах то же самое, amigo.

— В городах, заслуживающих этого названия,

есть еще кое-что, какое-то индивидуальное лицо под слоем грязи. У Лос-Анджелеса есть Голливуд — так он его ненавидит. Хотя с Голливудом ему повезло. Без Голливуда это был бы город заказов по почте. Все, что есть в посылочных каталогах, лучше приобретать не здесь.

— Ты зол сегодня, amigo.

— У меня неприятности. Масса неприятностей. И еду с тобой я лишь для того, чтобы забыть о них перед лицом новой.

— Натворил что-то? — спросила Долорес и придвинулась поближе.

— Обнаружил несколько трупов,— сказал я.— Дело тут в точке зрения. Полицейские не любят, когда эту работу выполняем мы, дилетанты. У них есть своя служба.

— Что они сделают с тобой?

— Могут выгнать из города, и черт с ним. Не прижимайся. Этой рукой мне нужно переключать передачи.

Долорес раздраженно отодвинулась.

— С тобой очень трудно ладить,— сказала она.— На Лост Каньон-роуд сверни направо.

Вскоре мы проехали университет. Все фонари в городе уже были включены и стелились широким ковром к югу почти на бесконечное расстояние. Над головой, снижаясь, гудел самолет, оба его сигнальных огня попеременно мигали. На Лост Каньон-роуд я свернул направо, обогнув большие ворота, ведущие в Бел-Эйр. Дорога, петляя, пошла в гору. Там было очень много машин; фары яростно сверкали на вьющемся белом бетоне. Над дорогой дул легкий ветерок. В нем был аромат дикого шалфея, едкий запах эвкалиптов и мягкий запах пыли. На склоне холма ярко светились окна. Мы проехали большой белый двухэтажный дом стоимостью, должно быть, в семьдесят тысяч долларов. На фасаде была резная надпись: «Пирамида Терръерса».

— Следующий поворот направо,— сказала Долорес.

Я повернул. Дорога стала круче и уже. Вдоль нее стояли дома, обнесенные каменными заборами и живыми изгородями, однако видно их не было. Мы подъехали к развилке, там стояла полицейская

машина с красной мигалкой. Дорогу, идущую вправо, загораживали два стоящие поперек нее автомобиля. Кто-то махал вверх-вниз зажженным фонариком. Я замедлил ход и остановился рядом с полицейской машиной. В ней покуривали двое фараонов. Они и ухом не повели.

— Что тут происходит?

— Понятия не имею, amigo

Голос ее был приглушенным, сдержанным. Видно было, что она слегка напугана. Чем, я не знал.

Рослый мужчина с фонариком подошел к дверце, посветил на меня и опустил фонарик.

— По этой дороге сегодня вечером проезда нет,— сказал он.— Куда путь держите?

Я поставил машину на ручной тормоз и потянулся за фонариком, который Долорес вынула из перчаточного ящика. Осветил рослого мужчину. Дорогие брюки, спортивная рубашка с инициалами на кармане и обернутый вокруг шеи шарф в горошек. Очки в роговой оправе и блестящие черные волнистые волосы. Выглядел он очень уж по-голливудски.

— Вы что-нибудь объясните,— спросил я,— или просто берете на себя функции полицейских?

— Полицейские рядом, если угодно, можете обратиться к ним.— В его голосе слышалась презрительная нотка.— А мы частные лица. Живем здесь. Это жилой район. Мы хотим, чтобы он и оставался жилым.

Из темноты вышел человек с охотничьим ружьем и встал подле рослого. Ружье он держал на сгибе левой руки дулом вниз. Вряд ли просто для балласта.

— На здоровье,— сказал я.— У меня нет никаких иных планов. Мы просто едем в одно место.

— Какое? — холодно спросил рослый.

Я повернулся к Долорес.

— Какое?

— Это белый дом, высоко на склоне холма,— сказала она.

— И что намерены там делать? — спросил рослый.

— Там живет мой друг,— неприязненно ответила Долорес.

Рослый посветил ей в лицо фонариком.

— Выглядите вы прекрасно,— сказал он.— А вот

ваш друг нам не нравится. Мы не любим типов, устраивающих по соседству игорные притоны.

— Об игорном притоне я ничего не знаю,— резко ответила она.

— Полицейские тоже ничего не знают,— сказал рослый.— И даже не хотят знать. Как фамилия вашего друга, милочка?

— Не ваше дело,— огрызнулась Долорес.

— Отправляйтесь домой, милочка, вязать носки,— сказал рослый. И обратился ко мне: — Сейчас по этой дороге проезда нет. Теперь вы знаете почему.

— Надеетесь настоять на своем?

— Вам не изменить наших планов. Знали бы вы, какие налоги мы платим. А эти обезьяны в патрульной машине — и еще очень многие в муниципалитете — и пальцем не хотят шевельнуть, когда мы просим привести в действие закон.

Я повернул ручку и открыл дверцу машины. Рослый отступил, пропуская меня. Я подошел к полицейской машине. Оба патрульных сидели развалясь. Звук своего громкоговорителя они убавили, и он был едва слышен. Один из них методично жевал резинку.

— Как насчет того, чтобы снять это дорожное заграждение и пропустить граждан? — спросил я его.

— Нет такого приказа, приятель. Наше дело только поддерживать здесь порядок. Если кто-нибудь что-то начнет, мы прекратим.

— Говорят, что там дальше игорный дом.

— Говорят,— сказал полицейский.

— Вы не верите?

— Это не моя забота, приятель,— ответил он и плюнул через мое плечо.

— А если у меня там срочное дело?

Он глянул на меня безо всякого выражения и зевнул.

— Большое спасибо, приятель,— сказал я.

Возвратясь к «Меркьюри», я достал бумажник и протянул рослому свою визитную карточку. Он посветил на нее фонариком и спросил:

— Ну и что?

После этого выключил фонарик и молча замер. Лицо его смутно белело в темноте.

— Я еду по делу. Для меня очень важному. Пропустите меня, и, возможно, завтра этот дорожный пост вам не понадобится.

— Заливаешь, дружище.

— Могут ли у меня быть деньги, чтобы содержать частный игорный клуб?

— Могут быть у нее,— метнул он взгляд на Долорес.— Она могла взять вас с собой для охраны.

И повернулся к человеку с дробовиком.

— Как ты полагаешь?

— Рискнем. Их всего двое, оба трезвые.

Рослый снова включил фонарик и взмахнул им взад-вперед. Заработал мотор. Одна из преграждавших дорогу машин отъехала к обочине. Я сел в «меркьюри», завел мотор, проехал через узкий проход и проследил в зеркало, как машина заняла прежнее место и включила мощные фары.

— Это единственный путь туда и обратно?

— Они думают, что да, amigo. Есть и другой, но это частная дорога, идущая через усадьбу. Нам пришлось бы делать крюк по низине.

— Мы едва прорвались,— сказал я.— Значит, неприятность там не такая уж серьезная.

— Я знала, что ты найдешь способ прорваться, amigo.

— Чем-то все это попахивает,— сказал я.— И отнюдь не дикой сиренью.

— Какой ты подозрительный. Даже не хочешь поцеловать меня?

— Зря ты не пустила в ход свои чары у дорожного поста. Тот рослый парень выглядел одиноким. Могла бы утащить его в кусты.

Долорес ударила меня по губам тыльной стороной ладони.

— Сукин сын,— небрежно сказала она.— Будь добр, следующий поворот налево.

Мы перевалили подъем, и дорога внезапно уперлась в широкий черный круг, окаймленный побеленным камнем. Прямо перед нами находился проволочный забор с широкими воротами и надписью на них: «Частное владение. Въезд запрещен». Ворота были распахнуты, на одном конце свисающей со столбов цепи висел замок. Я объехал куст белого олеандра и оказался в автомобильном дворе низ-

кого длинного белого дома с черепичной крышей и гаражом на четыре машины в углу, под балконом с перилами. Обе широкие створки ворот гаража были закрыты. Света в доме не было. Белые оштукатуренные стены голубовато светились под высокой луной. Часть окон нижнего этажа была закрыта ставнями. У ступеней стояло в ряд четыре упаковочных ящика, набитых доверху мусором. Большой мусорный бак валялся пустым. Два металлических барабана были набиты бумагами.

Из дома не доносилось ни звука, не было заметно ни признака жизни. Я остановил «меркьюри», выключил фары и неподвижно сидел за рулем. Долорес зашевелилась в углу. Сиденье, казалось, вибрировало. Я протянул руку и коснулся ее. Она дрожала.

— В чем дело?

— Пожалуйста, пожалуйста, выходи,— произнесла она так, словно зубы ее стучали.

— А ты?

Долорес открыла дверцу и выскочила. Я вылез со своей стороны, бросив дверцу распахнутой, а ключи в замке. Долорес обошла машину сзади, и, когда подошла ко мне, я, можно сказать, ощутил ее дрожь прежде чем она коснулась меня. Потом она крепко прижалась ко мне всем телом. Руки ее обвили мою шею.

— Я поступила очень глупо,— негромко сказала она.— За это он меня убьет — как и Стейна. Поцелуй меня.

Я поцеловал. Губы ее были сухими и горячими.

— Он в доме?

— Да.

— А еще кто?

— Никого — кроме Мэвис. Он убьет и ее.

— Послушай...

— Поцелуй еще раз. Жить мне осталось недолго, amigo. Если предаешь такого человека, то умираешь молодой.

Я мягко отстранил ее.

Долорес сделала шаг назад и быстро вскинула правую руку. В руке был пистолет.

Я поглядел на него. Он тускло поблескивал под высокой луной. Ствол был направлен на меня, и рука Долорес больше не дрожала.

— Какого друга я бы заимела, если бы нажала на спуск,— сказала Долорес.

— Выстрел услышали бы те люди на дороге.

Она покачала головой.

— Нет, между нами пригорок. Не думаю, чтоб они могли услышать, amigo.

Я думал, что когда она нажмет на спуск, пистолет подскочит. Если улучить миг и броситься...

Но я стоял неподвижно, не произнося ни слова.

Язык во рту у меня, казалось, распух.

Негромким, усталым голосом Долорес продолжала:

— Убийство Стейна — пустяк. Я сама с удовольствием убила бы его. Такую тварь. Умереть — это ерунда, убить — это ерунда. Но кружить людям голову до смерти...— Она умолкла с чем-то похожим на всхлип.— Amigo, ты мне почему-то нравишься. Мне бы давно пора забыть о подобной чепухе. Мэвис отбила его у меня, но я не хотела, чтобы он ее убивал. На свете полно мужчин с большими деньгами.

— Похоже, он славный парень,— сказал я, по-прежнему глядя на руку с пистолетом. Ни малейшей дрожи.

Долорес презрительно рассмеялась.

— Конечно. Потому он и есть то, что он есть. Ты считаешь себя твердым, amigo. Но по сравнению со Стилгрейвом ты тюфяк.

Она опустила пистолет, и было самое время броситься. Но я по-прежнему не двигался.

— Он убил добрую дюжину людей,— сказала Долорес.— Каждого с улыбкой. Я знаю его давно. Еще по Кливленду.

— Убивал пешнями? — спросил я.

— Если я дам тебе пистолет, ты убьешь его?

— Ты поверишь, если я пообещаю?

— Да.

От склона донесся шум машины. Но казался он далеким, как Марс, и бессмысленным, как крики обезьян в бразильских джунглях. Ко мне это не имело ни малейшего отношения.

— Убью, если буду вынужден,— сказал я.

И подобрался, готовясь к прыжку.

— Доброй ночи, amigo. Я ношу черное, потому что красивая, порочная — и пропащая.

Долорес протянула мне пистолет. Я взял. И стоял с ним в руке. С минуту никто из нас не двигался и не произносил ни слова. Потом она улыбнулась, тряхнула головой и вскочила в машину. Завела мотор, захлопнула дверцу. И, не трогаясь с места, глядела на меня. Теперь на ее лице была улыбка.

— Я хорошо сыграла свою роль, правда? — негромко сказала она.

Затем машина резко рванула назад, зашуршав шинами по асфальту. Вспыхнули фары. Автомобиль развернулся и промчался мимо олеандрового куста. Фары свернули налево, на частную дорогу. Свет их скрылся за деревьями, а шум машины заглушил протяжный писк древесных лягушек. Потом стало совершенно тихо. И светила только старая усталая луна

Я вынул из пистолета обойму. Семь патронов. И один в патроннике. До полного комплекта недоставало двух. Я понюхал дуло. После последней чистки из пистолета стреляли. Может быть, дважды.

Вставив обойму, я положил пистолет на ладонь. Белая костяная рукоятка. Тридцать второй калибр.

В Оррина Квеста стреляли дважды. Те две гильзы, которые я подобрал с пола в той комнате, были тридцать второго калибра.

А накануне в номере 332 отеля «Ван Нуйс» блондинка, прячущая лицо под полотенцем, угрожала мне пистолетом тридцать второго калибра с белой костяной рукояткой.

Из-за таких совпадений можно навоображать слишком много. Можно и слишком мало.

27

Я бесшумно подошел к гаражу и попытался открыть одну из двух широких створок. Ручек на них не было, следовательно, управлялись они выключателем. Я посветил тонким фонариком на дверную коробку, но выключателя не обнаружил.

Оставив поиски, я подошел к бачкам с мусором. Деревянные ступени вели к входу для прислуги. Что дверь будет отперта для моего удобства, я не надеялся. Под крыльцом находилась еще одна

дверь. Эта оказалась незаперта, за ней было темно и пахло эвкалиптовыми дровами. Я прикрыл ее за собой и снова включил фонарик. В углу была лестница, рядом с ней что-то похожее на кухонный лифт. Как он управлялся, неизвестно. Я пошел вверх по ступеням

В отдалении что-то загудело. Я остановился. Гудение стихло. Я возобновил подъем. Гудение не возобновилось. Лестница вывела меня к двери без ручки, я включил фонарик. Опять то же самое.

Однако на сей раз я нашел выключатель. Он представлял собой вделанную в косяк продолговатую пластинку. К ней прикасалось множество грязных рук. Я нажал ее, и запор со щелчком открылся. Дверь я распахнул бережно, словно молодой врач, впервые принимающий ребенка.

За дверью находилась кухня. Сквозь просветы в ставнях лунные лучи падали на белый угол печки и никелированную сковородку, стоящую на ней. Кухня была просторной, как танцевальный зал. Открытый проем вел в буфетную, до потолка выложенную кафелем. Раковина, встроенный в стену громадный холодильник, множество электрических автоматов для сбивания коктейлей. Выбирай себе отраву, нажимай кнопку, и четыре дня спустя очнешься в больничной палате на покрытом резиной столе.

Из буфетной обычная дверь вела в темную столовую, свободно граничащую с застекленной верандой, на которую лунный свет лился словно вода сквозь шлюзы плотины.

Устланный ковровой дорожкой коридор вел неизвестно куда. Еще один прямоугольный проем, прямая лестница уходила от него в темноту, поднимаясь туда, где, по-видимому, были стеклянные кирпичи и нержавеющая сталь, мерцала.

Наконец, я оказался, как следовало полагать, в гостиной. Окна были завешены, стояла темнота, но чувствовалось, что комната большая. Темнота была непроглядной, и я уловил застоявшийся запах того, кто недавно здесь находился. Затаив дыхание, я прислушался. Вдруг из темноты за мной следят тигры. Или ребята с большими пистолетами, неподвижно стоящие и неслышно дышащие ртом. Нет, никого и ничего, просто воображение разыгралось не там, где нужно.

Я бесшумно подошел к стене и попытался нащупать выключатель освещения. Выключатели есть всюду. У всех. Обычно справа при входе. Ты входишь в темную комнату и включаешь свет. Ладно, это у тебя выключатель в положенном месте на положенной высоте. А тут по-другому. Дом этот не такой, как все. Здесь особые способы открывать двери и включать освещение. Может, на сей раз требуется что-то из ряда вон выходящее, например, пропеть «ля» выше высокого «си», или же наступить на плоскую кнопку под ковром, или просто сказать «Да будет свет», микрофон уловит эти слова, превратит звуковые колебания в легкий электрический импульс, трансформатор усилит его, и бесшумный ртутный выключатель сработает.

В тот вечер я был душевным человеком, ищущим общества в потемках и готовым заплатить за него большую цену. «Люгер» же под мышкой и пистолет 2-го калибра в руке делали меня опасным. До зубов вооруженным Марлоу, парнем из Цианидного ущелья.

Разжав губы, я громко произнес:

— Привет, привет. Нужен здесь кому-нибудь детектив?

Никакого ответа, даже ничего похожего на эхо. Мой голос упал в тишину, как усталая голова на взбитую подушку.

И тут за карнизом, огибающим эту огромную комнату, стал разгораться янтарный свет. Очень медленно, словно регулируемый реостатом, как в театре. Окна были завешены толстыми шторами абрикосового цвета.

Стены тоже абрикосового цвета. В дальнем конце комнаты — стоящий чуть наискось бар рядом с проходом в буфетную. Альков с маленькими столиками и мягкими сиденьями. Напольные лампы, мягкие кресла, вмещающие двоих, прочие атрибуты гостиной — и длинные застланные столы посередине.

Ребята с дорожного поста в общем-то оказались правы. Однако в этом притоне не было и признака жизни. Он был безлюден. Почти безлюден. Не совсем безлюден.

Прислонясь сбоку к большому креслу, стояла блондинка в светло-коричневом манто. Руки она держала в карманах. Волосы ее были небрежно

взбиты, лицо не было мертвенно-белым лишь пото-му, что свет не был белым.

— Не нужно приветов,— сказала она безжизнен-ным голосом.— Вы опять явились слишком поздно.

— Поздно для чего?

Я направился к ней, приближаться к этой жен-щине всегда было приятно. Даже тогда, даже в том, слишком уж тихом доме.

— Оказывается, вы сообразительны,— сказала она.— Вот уж не думала. Как-то сумели войти в дом. Вы...— голос ее оборвался.

— Мне надо выпить,— произнесла она после на-пряженной паузы.— А то свалюсь, чего доброго.

— Прекрасное манто,— сказал я, подходя к ней. Протянув руку, коснулся манто. Мисс Уэлд не ше-вельнулась. Она то и дело сжимала губы, чтобы унять их дрожь.

— Каменная куница,— прошептала она.— Сорок тысяч долларов. Взято напрокат для участия в фильме.

— Действие происходит и здесь? — Я обвел ру-кой комнату.

— Этот фильм кладет конец всем фильмам — для меня. Мне... мне очень нужно выпить. Если я попытаюсь идти...— ясный голос превратился в шепот и затих. Веки ее трепетали.

— Падайте, падайте в обморок,— сказал я.— Подхвачу на первом отскоке от пола.

Мисс Уэлд попыталась улыбнуться. Сжала губы, изо всех сил стараясь не упасть.

— Почему я появился слишком поздно? Поздно для чего?

— Чтобы получить пулю.

— Ерунда, я весь вечер был наготове. Меня при-везла мисс Гонсалес.

— Знаю.

Я снова коснулся манто. Приятно касаться вещи, стоящей сорок тысяч долларов, пусть даже она взята напрокат.

— Долорес будет ужасно разочарована,— сказа-ла мисс Уэлд, вокруг губ у нее разлилась бледность.

— Нет.

— Она послала вас на верную смерть — как и Стейна.

— Возможно, поначалу хотела послать. Но пе-редумала.

Мисс Уэлд засмеялась. Это был глупый, вымученный смешок; так смеется ребенок, пытаясь важничать на чаепитии в игорной комнате.

— Вы умеете привлекать женщин,— прошептала она.— Как вам это удается, черт возьми? С помощью дурманящих сигарет? Не одеждой ведь, не деньгами, не личным обаянием. Его у вас нет. Вы не особенно молоды, не особенно красивы. Лучшие ваши дни уже позади, и...

Язык ее работал все быстрее, словно мотор с испорченным клапаном. Наконец она затараторила. Потом умолкла, изнеможенно вздохнула и, подогнув колени, рухнула прямо мне на руки.

Если все это она разыграла, то превосходно. Даже будь у меня пистолеты во всех девяти карманах, проку от них было б не больше, чем от розовых свечек на торте ко дню рождения.

Однако ничего не последовало. Никакой крутой тип с пистолетом не уставился на меня. Никакой Стилгрейв не улыбнулся мне легкой, сухой, отчужденной улыбкой убийцы. Никаких крадущихся шагов не послышалось за спиной.

Мисс Уэлд висела у меня на руках, вялая, как мокрое чайное полотенце, не такая тяжелая, как Оррин Квест, потому что была не столь безжизненной, но все же от ее веса у меня заныли подколенные сухожилия. Когда я запрокинул ей голову, лежащую у меня на груди, глаза ее были закрыты. Дыхания не было слышно, разжатые губы слегка посинели.

Я подхватил ее правой рукой под колени, поднес к золотистой кушетке и уложил. Потом распрямился и пошел к бару. На углу его стоял телефон, однако путь к бутылкам найти я не смог, поэтому пришлось махнуть через верх. Взял я симпатичную бутылку с серебристо-синей этикеткой, на которой было пять звездочек. Пробка была воткнута неплотно. Я налил темного, крепкого коньяка в первый попавшийся бокал и, прихватив бутылку, перемахнул обратно.

Мисс Уэлд лежала в той же позе, но глаза ее были открыты.

— Сможете удержать бокал?

С легкой поддержкой она смогла. Выпила коньяк и прижала край бокала к губам, словно унимая их

дрожь. Я смотрел, как бокал запотевает от дыхания. На губах ее появилась легкая улыбка.

— Холодно,— сказала она.

И, свесив ноги, поставила ступни на пол.

— Еще.— Она протянула бокал. Я налил ей.— А где ваш?

— Не пью. Мне и без того не дают упасть духом.

Выпив вторую порцию, она содрогнулась. Но синева исчезла с ее губ, не стали они и слишком красными. Только легкие морщинки в уголках рта обозначились резче.

— Кто же не дает?

— Целое сонмище женщин, они виснут у меня на шее, падают в обморок, требуют, чтобы я их поцеловал и все такое прочее. Два дня напролет, хоть я и старая развалина без яхты.

— Без яхты,— повторила мисс Уэлд.— Мне трудно это представить. Я выросла в богатстве.

— Да,— сказал я.— Родились с «кадиллаком» во рту. И я могу догадаться, где.

Глаза ее сузились.

— Вот как?

— Неужели вы думали, что в эту тайну нельзя проникнуть?

— Я... я...— она умолкла и сделала беспомощный жест.— Сегодня мне в голову не идут никакие реплики.

— Это игра в плетение словес,— сказал я.— Вы из нее вышли первая.

— Не разговариваем ли мы как двое помешанных?

— Давайте поговорим разумно. Где Стилгрейв?

Мисс Уэлд молча поглядела на меня. Протянула пустой бокал, я взял его и куда-то поставил, не сводя с нее взгляда. Она тоже неотрывно смотрела на меня. Казалось, прошла целая минута.

— Он был здесь,— сказала наконец мисс Уэлд, медленно, словно ей приходилось подбирать слова.— Можно сигарету?

— Старая уловка,— сказал я. Достал две сигареты, взял себе в рот и зажег. Потом подался вперед и вставил одну в ее ярко-красные губы.

— Нет ничего более банального,— ответила она.— Разве что кроме легких поцелуев.

— Секс — прекрасная тема,— сказал я.— Когда не хочется отвечать на вопросы.

Мисс Уэлд выдохнула дым и замигала, потом подняла руку и поправила сигарету во рту. За долгие годы я так и не научился вставлять сигарету женщине в рот так, как ей хочется.

Она встряхнула головой, чтобы мягкие распущенные волосы закачались у щек, и поглядела, какое это произвело на меня впечатление. Бледность ее совершенно исчезла. Щеки слегка разрумянились. Но взгляд был пристальным, выжидающим.

— В общем-то вы славный человек,— сказала она, увидев, что я остался равнодушным.— Для такого сорта людей, как вы.

Я стойко перенес и это.

— Да ведь я же толком и не знаю, что вы за человек.— Внезапно она рассмеялась, и невесть откуда взявшаяся слеза скатилась по щеке.— Насколько мне известно, вы можете казаться славным для любого рода людей.— Отбросила сигарету, поднесла руку ко рту и впилась в нее зубами.— Что это со мной? Опьянела?

— Вы тянете резину,— сказал я.— Чтобы дать кому-то время то ли приехать сюда, то ли отъехать отсюда подальше. А может так действует на вас коньяк после шока. Вы маленькая девочка, и вам хочется поплакать матери в передник.

— Матери — нет,— сказала она.— Лучше уж в бочку с дождевой водой.

— Все ясно. Так где же Стилгрейв?

— Радуйтесь, что не здесь. Он хотел убить вас. Во всяком случае, так говорил.

— И вы затребовали меня сюда? Неужели так привязаны к нему?

Мисс Уэлд сдула пепел с тыльной стороны ладони. Одна пылинка попала мне в глаз, и я замигал.

— Видимо, была,— сказала мисс Уэлд.— Когда-то.

Она положила руку на колено, раздвинула пальцы и стала разглядывать ногти. Потом, не поднимая головы, медленно подняла взгляд.

— Кажется, чуть ли не в прошлом тысячелетии я познакомилась с невысоким, славным, тихим человеком, умеющим вести себя на людях и не щеголяющим обаянием в каждом городском бистро. Да, он мне очень нравился. Очень.

Подняв руку ко рту, она закусила сустав пальца. Потом той же рукой полезла в карман манто и достала пистолет с белой костяной рукояткой, точно такой же, как у меня.

— И в конце концов я поставила точку вот этой штукой.

Я подошел и взял из ее руки пистолет. Понюхал дуло. Да. Из него тоже стреляли.

— Не станете заворачивать его в платок, как это делают на экране?

Я просто сунул пистолет в другой карман, где к нему могли пристать несколько интересных табачных крошек и несколько семечек, растущих лишь на юго-восточном склоне холма, где стоит муниципалитет Беверли-хиллз. Это могло позабавить полицейского эксперта.

28

Покусывая губу, я с минуту смотрел на мисс Уэлд. Она смотрела на меня. Выражение ее лица не менялось. Потом я стал осматривать комнату. Приподнял пыльное покрывало на одном из столов. Под покрывалом была рупатка. Под столом не было ничего.

— Посмотрите на кресле с магнолиями,— сказала мисс Уэлд.

Она не взглянула в ту сторону, так что мне пришлось искать его самому. Удивительно долго. Обитое цветастым мебельным ситцем кресло с высокой спинкой и подголовником. Изобрели их давным-давно, чтобы укрываться от сквозняка, когда сидишь у камина, подавшись к горящему длиннопламенному углю.

Мне была видна только спинка кресла. Я крадучись подошел к нему. Хотя оно было обращено сиденьем почти к стене, казалось странным, что по пути от бара я не заметил Стилгрейва. Он сидел, привалясь в угол и запрокинув голову. В петлице алела свежая, словно только из рук цветочницы, гвоздика. Полуоткрытые, как всегда в подобных случаях, глаза глядели в одну точку на потолке. Пуля прошла через нагрудный карман двубортного пиджака. Стрелявший знал, где находится сердце.

Я коснулся его щеки, она была еще теплой. Поднял и опустил его руку. Она была совсем вялой. Но остыть не успела. Потрогал большую артерию на шее. Кровь его остановила свой бег и лишь чуть-чуть испачкала пиджак. Я вытер руки носовым платком и постоял, глядя на его спокойное маленькое лицо. Все, что я сделал или не сделал, все положенное и неположенное — все оказалось напрасным.

Я вернулся, сел напротив мисс Уэлд и стиснул руками колени.

— Чего еще вы ждали от меня? — спросила она.— Он убил моего брата.

— Брат ваш был далеко не ангелом.

— Он не должен был его убивать.

— Кто-то был должен — и побыстрее.

Глаза ее внезапно расширились.

Я сказал

— Вы не задумывались, почему Стилгрейв не преследовал меня, и почему он отпустил вас в отель «Ван Нуйс», а не отправился туда сам? Не задумывались, почему он — с его возможностями и опытом — не пытался любой ценой заполучить эти фотографии?

Мисс Уэлд не ответила.

— Давно вы узнали о существовании фотографий? — спросил я.

— Почти два месяца назад. Первую я получила по почте через несколько дней после... после того обеда вдвоем.

— После убийства Стейна?

— Да, конечно.

— Вы думали, что его убил Стилгрейв?

— Нет. Вовсе не думала. То есть, до сегодняшнего вечера.

— Что последовало за получением фотографии?

— Позвонил Оррин, сказал, что потерял работу и остался без гроша. Потребовал денег. О фотографии речи не заводил. И без того совершенно ясно, когда сделан снимок.

— Как он узнал ваш номер?

— Телефона? А как узнали вы?

— За деньги.

— Так...— она сделала рукой неопределенный жест.— Почему бы не позвонить в полицию и не покончить с этим делом?

— Погодите. Что было дальше? Получали вы еще фотографии?

— По одной еженедельно. Я показала их *ему*.— Она указала в сторону кресла.— Восторга у него это не вызвало. Про Оррина я умолчала.

— Он, должно быть, узнал. Такие люди узнают, что им нужно.

— Наверно, узнал.

— Но он не знал, где скрывается Оррин,— сказал я.— Иначе бы не стал ждать так долго. *Когда* вы рассказали Стилгрейву?

Мисс Уэлд отвернулась. Стиснула пальцами руку.

— Сегодня,— произнесла она слабым голосом.

— Почему сегодня?

Дыхание ее прервалось.

— Прошу вас,— сказала она,— не задавайте столько бессмысленных вопросов. Не мучьте меня. Вы ничего не сможете поделать. Я надеялась на вашу помощь, когда звонила Долорес. Теперь уже надеяться не на что.

— Ну, ладно,— сказал я.— По-моему, вы кое-чего не поняли. Стилгрейв знал, что человеку, высылающему эти фотографии, нужны деньги — много денег. Знал, что шантажист рано или поздно обнаружит себя. Вот этого Стилгрейв и дожидался. Фотографии ничуть его не волновали — разве что из-за вас.

Голос ее обрел ледяное спокойствие.

— Он убил моего брата. И сам сказал мне об этом. Тут уж гангстер полностью выступил наружу. Странных людей можно встретить в Голливуде, не так ли? — включая и меня.

— Вы любили его,— безжалостно сказал я.

На щеках ее вспыхнули красные пятна.

— Я никого не люблю,— отрезала она.— С этим кончено! — Бросила взгляд на кресло с высокой спинкой.— Его я перестала любить вчера вечером. Он стал расспрашивать меня о вас, кто вы такой и все такое прочее. Я объяснила ему. И сказала — надо будет признаться, что была в отеле «Ван Нуйс», когда тот человек лежал в номере мертвым.

— Вы хотели сообщить об этом в полицию?

— Джулиусу Оппенгеймеру. Он бы сумел что-то сделать.

— Не он, так его собаки,— сказал я.

Мисс Уэлд не улыбнулась. Я тоже.

— Если б Оппенгеймер ничего не сделал, у меня с кино было бы все кончено,— равнодушно сказала она.— А теперь кончено и со всем остальным.

Я достал сигарету, закурил. Предложил и мисс Уэлд. Она отказалась. Я не спешил. Время, казалось, выпустило меня из своих тисков. И почти все остальные тоже. Я был совершенно подавлен.

— Вы слишком забегаете вперед,— сказал я через минуту.— Отправляясь в отель, вы не знали, что Стилгрейв — Плакса Мойер?

— Не знала.

— Тогда зачем поехали туда?

— Выкупить фотографии.

— Сомнительно. Фотографии тогда для вас ничего не значили. На них вы просто сидите с ним за столом.

Мисс Уэлд поглядела на меня, крепко зажмурилась, потом широко открыла глаза.

— Плакаться не стану,— сказала она.— Я действительно *не знала*. Но когда он оказался в тюрьме, догадалась, что он что-то скрывает. Решила, что замешан в каких-то темных делах. Но не в убийствах.

— Угу,— буркнул я. Поднялся и под взглядом Мэвис Уэлд подошел к креслу с высокой спинкой. Нагнулся над мертвым Стилгрейвом и пощупал под мышкой слева. Там был пистолет в кобуре. Я не стал его трогать. Вернулся и опять сел напротив нее.

— Уладить все это будет стоить больших денег,— предупредил я.

На ее лице впервые появилась улыбка. Очень слабая, но все же улыбка.

— Больших денег у меня нет. Так что это исключается.

— У Оппенгеймера есть. Теперь вы стоите для него миллионы.

— Он не станет рисковать. Сейчас все, кому не лень, нападают на кинобизнес. Смирится с потерей и через полгода забудет о ней.

— Вы же хотели обратиться к нему.

— Хотела, потому что влипла в историю, ничего дурного не совершив. Но теперь кое-что сделала.

— А Бэллоу? Вы представляете немалую ценность и для него.

— Я ни для кого не стою ломаного гроша.

Оставьте, Марлоу. Вы желаете мне добра, но я знаю этих людей.

— Теперь все ясно,— подытожил я.— Вот почему вы послали за мной.

— Замечательно,— сказала она.— И вы, голубчик, все уладили. Бесплатно.

Голос ее вновь стал хрупким и слабым.

Я подошел к кушетке и сел рядом с мисс Уэлд. Взял за предплечье, вытащил руку из кармана манто и положил на свою ладонь. Рука, несмотря на мех, была холодной, как лед.

Мисс Уэлд повернула голову и в упор посмотрела на меня.

— Поверьте, голубчик, я не стою этого. Даже для того, чтобы переспать со мной.

Я повернул ее руку ладонью вверх и хотел распрямить пальцы. Они оказались неподатливыми. Я распрямил их поодиночке. Погладил ее ладонь.

— Почему у вас был пистолет?

— Пистолет?

— Не выгадывайте времени на раздумья. Отвечайте немедленно. Вы собирались убить его?

— Почему бы и нет, голубчик? Мне казалось, я для него что-то значу. Наверное, я слегка тщеславна. Он меня обманул. Для Стилгрейвов этого мира никто ничего не значит. И теперь никто ничего не значит для всех Мэвис Уэлд этого мира.

Она отодвинулась от меня и слегка улыбнулась.

— Не нужно было отдавать вам пистолет. Если б я убила вас, то еще могла бы как-то вывернуться.

Я достал пистолет и протянул ей. Она взяла его и вскочила на ноги. Ствол был наведен на меня. Легкая усталая улыбка снова тронула ее губы. Палец очень твердо лежал на спусковом крючке.

— Стреляйте повыше,— сказал я.— На мне бронежилет.

Мисс Уэлд опустила руку и молча уставилась на меня. Потом бросила пистолет на кушетку.

— Не нравится мне этот сценарий,— сказала она.— Не нравятся реплики. Я просто сама не своя, надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

Она засмеялась и опустила глаза. Носок ее туфли ерзал по ковру взад-вперед.

— Мы хорошо побеседовали, голубчик. Телефон там, на конце бара.

— Спасибо. Вы помните номер Долорес?

— Долорес? Зачем?

Я не ответил, и она назвала номер. Подойдя к углу бара, я позвонил. Повторилась старая история. Добрый вечер, это Шато Берси, кто спрашивает мисс Гонсалес. Минутку, пожалуйста, дзинь, дзинь, дзинь, потом соблазнительный голос.

— Алло?

— Это Марлоу. Ты понимала, какой опасности меня подвергаешь?

Я почти расслышал, как у нее прервалось дыхание. Почти. Этого невозможно расслышать по телефону. Но иногда кажется, что слышишь.

— Amigo, я так рада слышать твой голос,— сказала она.— Очень, очень рада.

— Да или нет?

— Н-не... не знаю. Обидно думать, что, может, и понимала. Ты мне очень нравишься.

— У меня здесь небольшое осложнение.

— Он что...— Долгая пауза. Телефон с коммутатором, надо быть осторожной.— Он что, там?

— Ну... в некотором смысле. И здесь, и нет.

На сей раз я расслышал ее дыхание. Долгий вздох, похожий на свисток.

— Есть там еще кто?

— Никого. Только я и мой подопечный. Я хочу спросить тебя кое о чем. Это очень важно. Скажи правду. Где ты взяла ту штуку, которую отдала мне?

— У него, конечно. Он мне сам ее дал.

— Когда?

— Рано вечером. А что?

— Как рано?

— Часов в шесть.

— *Зачем* он дал ее тебе?

— Просил подержать у себя. Она была, как всегда, при нем.

— Просил подержать у себя. С какой стати?

— Он не сказал, amigo. Это в его духе. Он редко объяснял свои поступки.

— Не заметила ничего подозрительного в этой штуке?

— Как... нет, не заметила.

— Заметила. Что из нее стреляли, что пахнет пороховой гарью.

— Но я не...

— Да, да. Слушай. Ты пораскинула мозгами. Держать у себя эту штуку было ни к чему. И ты отказалась. Вернула ее назад. Да и вообще ты не любишь иметь дело с такими вещами.

Наступило долгое молчание. Потом Долорес наконец сказала:

— Ну, конечно. Но какой для него был смысл отдавать ее мне? Я имею в виду, по твоей версии.

— Он не сказал, какой. Просто хотел сбагрить тебе пистолет, а ты не взяла. Запомнишь?

— Мне придется так говорить?

— Si *.

— А это не опасно?

— Ты хоть раз пыталась избежать опасности?

Долорес негромко засмеялась.

— Amigo, ты прекрасно понимаешь меня.

— Доброй ночи,— сказал я.

— Постой, ты не рассказал мне, что случилось

— Я тебе даже не звонил

Положив трубку, я повернулся.

Мэвис Уэлд стояла посреди комнаты, не сводя с меня взгляда.

— Ваша машина здесь? — спросил я

— Да.

— Уезжайте.

— И что дальше?

— Ничего. Отправляйтесь домой.

— Отвертеться вам не удастся   негромко сказала она.

— Вы мой клиент.

— Я не могу этого допустить. Его убила я Зачем же втягивать еще и вас?

— Перестаньте играть роль. И поезжайте окольным путем. Не тем, что привезла меня Долорес

Мисс Уэлд поглядела мне в глаза и сдавленно повторила:

— Но его убила я.

— Я не слышу ни слова.

Она сильно закусила нижнюю губу. И, казалось, почти не дышала. Стояла неподвижно. Я подошел к ней, коснулся пальцем ее щеки. Нажал посильнее и смотрел, как белое пятно становится красным.

— Если хотите знать,— сказал я,— поступаю так

* Да (исп.).

я совсем не ради вас. Ради полицейских. Я играю в этой игре краплеными картами. Они это знают. Вот я и даю им удобный повод поупражнять голосовые связки.

— Можно подумать, им для этого необходим повод,— сказала мисс Уэлд, резко повернулась и пошла к выходу.

Я провожал ее взглядом до проема, надеясь, что она оглянется. Она вышла не оборачиваясь. Спустя долгое время я услышал жужжанье. Потом тяжелый стук — поднялась дверь гаража. Вдали тронулся с места автомобиль. Остановился, и после очередной паузы вновь послышалось жужжанье.

Когда оно прекратилось, шум мотора уже затих вдали. Теперь я ничего не слышал. Тишина дома облегала меня толстыми свободными складками, как манто — плечи мисс Уэлд.

Я отнес бокал с бутылкой к бару и перемахнул через него. Ополоснул бокал в маленькой раковине и поставил на место. На сей раз я обнаружил потайной замóк и распахнул дверцу со стороны, противоположной телефону. Потом снова подошел к убитому.

Достав пистолет, взятый у Долорес, я обтер его, вложил в маленькую вялую руку Стилгрейва, подержал и отпустил. Пистолет с глухим стуком упал на ковер. Положение его казалось естественным. Об отпечатках пальцев я не думал. Стилгрейв, пожалуй, давным-давно научился не оставлять их на оружии.

Теперь у меня оставалось три пистолета. Пистолет из кобуры Стилгрейва я завернул в полотенце и положил на полку бара. К «люгеру» я не прикасался. Оставался второй пистолет с белой костяной рукояткой. Я прикинул, с какого расстояния был произведен роковой выстрел. Не в упор, но с очень близкой дистанции. Встав в трех футах от Стилгрейва, я два раза выстрелил мимо. Пули спокойно вошли в стену. Я развернул кресло спинкой к стене. Положил маленький пистолет на пыльное покрывало одной из рулеток. Потрогал большую мышцу на шее покойника, которая обычно коченеет первой. Было непонятно, начала она твердеть или нет. Но кожа стала холоднее, чем прежде.

Времени у меня оставалось не так уж много.

Я подошел к телефону и набрал номер лос-анджелесского управления полиции. Попросил оператора соединить меня с Кристи Френчем. Из отдела расследования убийств ответили, что он ушел домой, и поинтересовались, в чем дело. Я ответил, что дело личное и что он ждал моего звонка. Мне дали его домашний номер, очень неохотно, что объяснялось не существующими предписаниями, а нежеланием давать кому-либо какие-либо сведения.

Я набрал номер, трубку сняла женщина и позвала: «Кристи!» Судя по голосу, он был отдохнувшим, спокойным.

— Это Марлоу. Не помешал?

— Я читал малышу сказки. Ему уже пора в постель. Чем обязан?

— Помните, вчера в отеле «Ван Нуйс» вы сказали, что человек может завести себе друга, если раздобудет для вас что-нибудь о Плаксе Мойре?

— Помню.

— Мне нужен друг.

— Что ты разузнал? — Судя по тону, это его мало интересовало.

— Я предполагаю, что это тот самый человек. Стилгрейв.

— От предположений мало толку, малыш. Мы тоже так думали, потому и держали его в кутузке. Но безрезультатно.

— Вы его взяли по доносу. Этот донос устроил он сам. Чтобы иметь алиби на тот вечер, когда убрали Стейна.

— У тебя это полет фантазии — или есть доказательства?

Голос его стал уже чуть менее бодрым.

— Если человек выходил из тюрьмы с пропуском от тюремного врача, вы можете это установить?

Молчание. Вдали послышались хныканье ребенка и голос утешающей его женщины.

— Такое случалось,— глухо произнес Френч.— Не знаю. Пропуск получить нелегко. Его бы отправили под охраной. Он что, подкупил охрану?

— У меня такая версия.

— Забудь о ней. Что еще?

— Я нахожусь в Стиллвуд-Хейтсе. Это большой дом, где велись азартные игры, что не нравилось местным жителям.

— Читал об этом. Стилгрейв там?

— Здесь. Я с ним один.

Снова молчание. Ребенок заорал, и мне послышался шлепок. Ребенок заорал еще громче. Френч на кого-то прикрикнул.

— Дай ему трубку,— наконец потребовал он.

— Вы сегодня плохо соображаете, Кристи. С какой стати я стал бы звонить *вам*?

— Да,— сказал он.— Не сразу дошло. Какой там адрес?

— Не знаю. Но дом находится в конце Таузрдейл-роуд в Стиллвуд-Хейтсе, телефонный номер Холлдейл — девять пятьдесят три тридцать три.

Френч повторил номер и медленно спросил:

— На сей раз дождешься, а?

— Придется.

Раздался щелчок, и я повесил трубку.

Я вновь пошел по дому, включая свет, когда обнаруживал выключатели, и вышел из задней двери на верху лестницы. Там стоял прожектор для освещения автостоянки. Я включил и его. Спустился во двор и подошел к олеандровому кусту. Ворота были по-прежнему распахнуты. Я затворил их, надел цепь и защелкнул замок. Неторопливо пошел обратно, глядя на луну, вдыхая ночной воздух, прислушиваясь к древесным лягушкам и цикадам. Вошел в дом, отыскал парадную дверь и зажег над ней свет. Перед дверью была большая автостоянка и круглый газон с розами. Но чтобы выехать оттуда, нужно было огибать дом.

Здание находилось в тупике, к нему вела только дорога через жилой район. Мне стало любопытно, кто живет в этих местах? Вдали сквозь деревья виднелись огни еще одного большого дома. Наверняка какого-нибудь голливудского туза, чародея слюнявых поцелуев и порнографических наплывов.

Я вернулся в гостиную и потрогал пистолет, из которого стрелял. Он уже остыл. И мистер Стилгрейв уже определенно начинал выглядеть покойником. Сирены не раздавалось. Но наконец послышался шум выезжающей на пригорок машины. Я вышел навстречу ей, лелея свою прекрасную мечту.

29

Вошли они, как всегда, важно, нагло, спокойно, глаза их сверкали настороженно, недоверчиво.

— Славный домик,— сказал Френч.— А где этот тип?

— Здесь,— сказал Бейфус, не дожидаясь, пока я отвечу.

Они неторопливо прошли по комнате, встали напротив Стилгрейва и с серьезным видом уставились на него.

— Мертв как будто? — заметил Бейфус, начиная представление.

Френч наклонился и поднял с пола пистолет, взяв за скобу двумя пальцами. Указал взглядом в сторону и повел подбородком. Бейфус поднял другой, с белой рукояткой, просунув карандаш в дуло.

— Надеюсь, отпечатки пальцев на своих местах,— сказал Бейфус. Понюхал дуло.— О да, эта штучка не бездействовала. Как твой, Кристи?

— Из моего стреляли,— ответил Френч. Принюхался еще раз.— Но довольно давно.— Достал фонарик и посветил в дуло черного пистолета.— Несколько часов назад.

— В Бэй-Сити, в одном доме на Вайоминг-стрит,— сказал я.

Оба разом обернулись ко мне.

— Догадка? — неторопливо спросил Френч.

— Да.

Он подошел к накрытому столу и положил пистолет на некотором расстоянии от другого.

— Привесь к ним бирки, Фред, не откладывая. Пистолеты одинаковые. На бирках оба распишемся.

Бейфус кивнул и стал рыться в карманах. Достал две бирки с веревочками. Полицейские не расстаются с такими вещами.

Френч подошел ко мне.

— Давай покончим с догадками и перейдем к тому, что ты знаешь.

— Вечером мне позвонила одна знакомая, сказала, что здесь одному из моих клиентов угрожает опасность. С его стороны.— Я указал кивком на покойника в кресле.— Эта знакомая привезла меня сюда. Мы проезжали через дорожный пост. Несколько человек видели нас обоих. Она оставила меня в задней части дома и уехала домой.

— У этой знакомой есть фамилия? — спросил Френч.

— Долорес Гонсалес. Дом Шато Берси. На Франклин-авеню. Она снимается в кино.

— Ого,— сказал Бейфус и закатил глаза.

— А кто твой клиент? Она же? — спросил Френч.

— Нет. Совсем другая женщина.

— А у нее фамилия есть?

— Пока что нет.

Френч и Бейфус уставились на меня сурово блестящими глазами. Челюсть Френча дернулась. По бокам ее проступили узлы мускулов.

— Новые правила, вот как? — негромко сказал он.

— Нужно соглашение о том, что огласки не будет,— ответил я.— Окружной прокурор вряд ли станет возражать.

— Ты плохо знаешь окружного прокурора, Марлоу,— усмехнулся Бейфус.— У него аппетит на огласку, как у меня на зеленый горошек.

— Мы тебе не даем никаких гарантий,— сказал Френч.

— Фамилии у нее нет,— сказал я.

— У нас есть дюжина способов узнать ее, малыш,— сказал Бейфус.— Зачем осложнять дело для всех нас?

— Никакой огласки,— упорствовал я,— пока не будет предъявлено обвинение.

— Отвертеться тебе не удастся, Марлоу.

— Черт возьми,— вспылил я,— этот человек убил Оррина Квеста. Отвезите пистолет в город и проверьте те пули, что сидят в Оррине. Пойдите навстречу мне хотя бы в этом, пока не поставили меня в невозможное положение.

— Ради тебя я и за ухом не почешу,— сказал Френч.

Я промолчал. Он глянул на меня с холодной ненавистью в глазах. И, медленно разжав губы, глухо спросил:

— Ты был здесь, когда его прикончили?

— Нет.

— А кто был?

— Он,— сказал я, бросив взгляд на мертвого Стилгрейва.

— Еще кто?

— Не стану лгать вам,— сказал я.— Я не скажу

ничего — разве что на поставленных мною услови-ях. Кто был здесь, когда его убили, я не знаю.

— Кто был здесь, когда ты приехал сюда?

Я не ответил. Френч неторопливо повернулся к Бейфусу и сказал:

— Надень ему наручники. За спиной.

Бейфус замялся. Потом достал наручники из левого набедренного кармана и подошел ко мне.

— Заведи руки за спину,— с неловкостью сказал он.

Я повиновался. Бейфус защелкнул браслеты на моих запястьях. Френч неторопливо подошел и встал передо мной. Глаза его были полузакрыты, кожа вокруг них посерела от усталости.

— Я произнесу небольшую речь, — сказал он.— Тебе она не понравится.

Я промолчал.

— С нами дело обстоит вот как, — заговорил Френч.— Мы фараоны, и нас все ненавидят. И будто нам мало своих забот, мы еще должны иметь дело с тобой. Будто нам и без того не достается от типов, сидящих в угловых кабинетах, от своры из муниципалитета, дневного начальника, ночного начальника, от торговой палаты, от его чести мэра, занимающего шикарный кабинет — раза в четыре больше трех комнатушек, где теснится весь наш отдел. Будто нам не пришлось расследовать в прошлом году сто четырнадцать убийств, работая в этих трех комнатушках, где на всех не хватает стульев. Мы проводим жизнь, роясь в грязном белье и нюхая гнилые зубы. Мы поднимаемся по темным лестницам, чтобы взять вооруженного подонка, напичканного наркотиками, и бывает, даже не доходим до верха, а наши жены не садятся в тот вечер за стол, да и в другие вечера тоже. По вечерам нас не бывает дома.

А когда бываем, так до того усталыми, что нет сил ни есть, ни спать, ни даже читать белиберду, которую пишут о нас в газетах. Мы лежим в темноте без сна, в паршивом домишке на паршивой улочке, и слушаем, как на углу веселятся пьянчуги. А стоит только задремать, как звонит телефон, мы поднимаемся, и все начинается по новой. Все, что мы ни делаем, все не так. Постоянно. Если мы получаем признание, говорят, что мы его выбили, продажные адвокаты обзывают нас в суде гестаповцами и ска-

лят зубы, стоит нам оплошать с грамматикой. Если мы совершим ошибку, нас разжалуют и посылают патрулировать район притонов, приятные летние вечера мы проводим, вытаскивая пьяниц из канав, выслушивая оскорбления от шлюх и отнимая ножи у подонков в шикарных костюмах. Но всего этого нам мало для полного счастья. Мы еще должны иметь дело с тобой.

Френч умолк и перевел дыхание. Лицо его слегка лоснилось, будто от пота. Чуть подался всем корпусом вперед.

— Мы еще должны иметь дело с тобой,— повторил он.— С пройдохами, имеющими лицензии на частный сыск, утаивающими сведения и пылящими нам в нос из-за угла. Мы еще должны иметь дело с твоими утайками и хитростями, которые не одурачат даже больного ребенка. Ты не обидишься, если я назову тебя дешевым лживым соглядатаем, так ведь, Марлоу?

— Хотите, чтобы обиделся? — спросил я.

Френч распрямился.

— Очень хотел бы. До жути.

— Кое-что из сказанного вами — правда,— сказал я.— Но не все. Любой частный детектив хочет жить в ладу в полицией. Но иногда трудно понять, кто устанавливает правила игры. Иногда он не доверяет полиции — и не без причины. Иногда, сам того не желая, попадает в переплет и вынужден играть теми картами, что на руках. Хотя и предпочел бы иной расклад. Ему ведь надо по-прежнему зарабатывать на жизнь.

— Твоя лицензия недействительна,— заявил Френч.— С настоящей минуты. Эта проблема больше не будет тебя занимать.

— Будет недействительна, когда это скажет выдавшая ее комиссия. Не раньше.

— Давай заниматься делом, Кристи,— мягко сказал Бейфус.— Это может подождать.

— Я и занимаюсь делом,— ответил Френч.— На свой манер. Этот тип еще не начал острить. Я жду, когда он начнет. Жду какой-нибудь блестящей остроты. Неужели ты растерял все свои шутки, Марлоу?

— Что, собственно, вы хотите от меня услышать? — спросил я.

— Догадайся.

— Вы сегодня настоящий людоед,— воскликнул я.— Вам хочется разорвать меня пополам. Но вам нужен повод. И вы хотите, чтобы я дал вам его?

— Было бы неплохо,— процедил Френч сквозь зубы.

— Что бы вы сделали на моем месте? — спросил я.

— Не могу представить себя упавшим так низко.

Френч лизнул верхнюю губу. Правая рука его свободно свисала. Он сжимал и разжимал ее, сам не замечая того.

— Успокойся, Кристи, — сказал Бейфус. — Перестань.

Френч не шевельнулся. Бейфус подошел и встал между нами.

— Фред, уйди,— потребовал Френч.

— Нет.

Френч стиснул кулак и саданул Бейфуса в подбородок. Бейфус отшатнулся назад и при этом оттолкнул меня. Колени его задрожали. Он пригнулся и закашлялся. Медленно покачивая головой, приподнял ее и вскоре выпрямился с ворчанием. Обернулся и взглянул на меня. Усмехнулся

— Новый метод допроса с пристрастием,— сказал он.— Полицейские лупят друг друга изо всех сил, и подозреваемый, не выдержав этого зрелища, начинает раскалываться.

Он поднял руку и потрогал ушибленное место. Там уже стала появляться опухоль. Губы его усмехались, но взгляд оставался слегка затуманенным. Френч стоял неподвижно, не издавая ни звука.

Бейфус достал пачку сигарет, встряхнул и протянул Френчу. Френч поглядел на сигарету, потом на Бейфуса.

— Семнадцать лет такой жизни,— сказал он.— Жена и та ненавидит меня.

Он поднял руку и слегка шлепнул Бейфуса по щеке. Бейфус продолжал усмехаться

— Это я тебя ударил, Фред? - спросил Френч.

— Никто не бил меня, Кристи,— ответил Бейфус.— Насколько я помню.

— Сними с него наручники,— сказал Френч, — и отведи в машину. Он арестован. Можешь примкнуть его наручниками к перекладине, если сочтешь нужным.

— Ладно.

Бейфус зашел мне за спину. Браслеты раскрылись.

— Пошли, малыш,— сказал Бейфус.

Я глянул на Френча в упор. Он смотрел на меня как на пустое место. Как будто совершенно не видел.

Я направился к выходу.

30

Фамилии его я не знал. Он был низковат и тонок для полицейского, хотя явно служил в полиции. Отчасти потому, что находился здесь, отчасти потому, что когда он потянулся за картой, я увидел кожаную наплечную кобуру и рукоятку служебного револьвера 38-го калибра.

Говорил он мало, но мягко, любезно. И улыбка его согревала всю комнату

— Прекрасный ход,— сказал я, глядя на него поверх карт.

Мы раскладывали пасьянс. Вернее, раскладывал он. Я просто сидел, глядя, как его маленькие, очень аккуратные, очень чистые руки тянутся к карте, изящно поднимают ее и перекладывают. При этом он вытягивал губы трубочкой и насвистывал безо всякой мелодии, это был легкий негромкий свист как у новенького, еще не обкатанного паровоза.

Он улыбнулся и положил красную девятку на черную десятку.

— Чем вы занимаетесь на досуге? — спросил я.

— Много играю на пианино,— ответил он.— У меня семифутовый «стейнвей». Главным образом Моцарта и Баха. Я, видите ли, несколько старомоден. Большинство людей находят их музыку скучной. Я — нет.

— Отличный подбор,— сказал я и куда-то положил карту.

— Вы не представляете, как трудно играть некоторые вещи Моцарта,— сказал мой собеседник.— В хорошем исполнении они кажутся очень простыми.

— А кто хорошо исполняет Моцарта? — спросил я.

— Шнабель.

— А Рубинштейн?

Он покачал головой.

— Слишком мощно. Слишком эмоционально. Моцарт — это музыка и ничего больше. Никаких комментариев от исполнителя не требуется.

— Держу пари,— сказал я,— вы многих настроили на признание. Нравится вам эта работа?

Он переложил еще одну карту и легонько пошевелил пальцами. Ногти его были блестящими, но короткими. Видно было, что этот человек любит шевелить руками, совершать легкие, четкие, беглые движения без особого смысла, но ровные, плавные, невесомые, словно лебяжий пух. Так он воскрешал в памяти тонкое, но не слабое исполнение музыкальных пассажей. Своего любимого Моцарта. Я это понимал.

Было около половины шестого, небо за окном с противомоскитной сеткой начинало светлеть. Шведская конторка в углу была сложена. В этой же комнате я находился накануне днем. На краю конторки лежал восьмигранный плотницкий карандаш, кто-то поднял его и положил туда после того, как лейтенант Мэглешен запустил им в стену. Разложенная конторка, за которой сидел Кристи Френч, была усыпана пеплом. На самом краю стеклянной пепельницы лежал окурок сигары. Возле свисающей с потолка лампы с бело-зеленым абажуром, какие до сих пор висят в захолустных отелях, летал мотылек.

— Устали? — спросил мой собеседник.

— До изнеможения.

— Зря ввязались в эти запутанные дела. Не вижу в этом никакого смысла.

— Не видите смысла кого-то убивать?

Он тепло улыбнулся.

— Вы же никого не убивали.

— Почему так думаете?

— Здравый смысл и большой опыт сидения здесь с людьми.

— Наверно, вам нравится ваша работа,— сказал я.

— Это ночная работа. Остается время музицировать днем. Я тут уже двенадцать лет. Повидал много любопытных людей.

Он вытащил еще одного туза, очень кстати. Мы были почти блокированы.

— Добились многих признаний?

— Я не выслушиваю признаний,— ответил собеседник.— Только настраиваю на них.

— Почему вы это раскрываете?

Он откинулся назад и легонько постукал краем карты о край стола. Снова улыбнулся.

— Я ничего не раскрываю. Нам давно ясна ваша роль в этом деле.

— Тогда для чего же меня задерживают?

Собеседник не ответил. Оглянулся к часам на стене.

— Теперь, думаю, можно и перекусить.

Он встал и подошел к двери. Приоткрыл ее и что-то негромко сказал кому-то снаружи. Потом вернулся, сел и поглядел на карты.

— Бесполезно,— сказал он.— Поднять еще три карты, и мы блокированы. Согласны начать снова?

— Я был бы согласен совсем не начинать. Не люблю карт. Шахматы — другое дело.

Собеседник бросил на меня быстрый взгляд.

— Что ж вы не сказали? Я тоже предпочел бы шахматы.

— Я бы предпочел сейчас выпить черного кофе, горького, как грех.

— Сейчас принесут. Правда, не обещаю, что кофе будет таким, к какому вы привыкли.

— Черт возьми, я питаюсь где придется... Ладно, если не я застрелил его, то кто же?

— По-моему, это и выводит их из себя.

— Им бы радоваться, что он убит.

— Возможно, и радуются,— ответил собеседник.— Только им не нравится, как это сделано.

— Лично я считаю это очень аккуратной работой.

Собеседник молча глянул на меня. В руках у него была колода карт. Он выровнял ее и стал быстро раздавать на двоих. Карты лились из его рук сплошным потоком.

— Если вы так же быстры с пистолетом...— начал было я.

Поток карт внезапно прекратился. Их место занял пистолет. Собеседник легко держал его в правой руке, ствол глядел в дальний угол комнаты. Потом пистолет исчез, и карты заструились снова.

— Вы губите здесь свои способности,— сказал я.— Ваше место в Лас-Вегасе.

Собеседник взял одну из стопок, слегка потасовал и сдал мне флеш-рояль из пик.

— Со «стейнвеем» мне безопаснее,— сказал он.

Отворилась дверь, вошел полицейский с подносом.

Мы ели тушенку с овощами и пили горячий, но некрепкий кофе. Уже окончательно рассвело.

В восемь пятнадцать вошел Кристи Френч в сбитой на затылок шляпе, с темными пятнами под глазами, и встал у двери.

Я перевел взгляд на маленького человека, сидевшего напротив меня. Но его уже не было. Карт не было тоже. Не было ничего, кроме стула, аккуратно придвинутого к столу, и составленных на поднос тарелок, с которых мы ели. У меня даже мурашки побежали по коже.

Кристи Френч зашел за стол, резко отодвинул стул, сел и потер подбородок. Снял шляпу и взъерошил волосы. Угрюмо, жестко уставился на меня. Я снова был в полицейской цитадели.

31

— Окружной прокурор ждет тебя в девять,— сказал Френч.— А потом, что ж, отправляйся домой. Если только он не арестует тебя. Извини, что тебе пришлось всю ночь просидеть на этом стуле.

— Ничего,— ответил я.— Мне нужно было попрактиковаться.

— Да, снова войти в колею,— сказал Френч. Угрюмо глянул на поднос с тарелками.

— Лагарди взяли? — спросил я.

— Нет. Кстати, он в самом деле врач.— Френч глянул мне в глаза.— Практиковал в Кливленде.

— Не нравится мне, что здесь все слишком четко,— заметил я.

— Что ты имеешь в виду?

— Молодой Квест подбирается к Стилгрейву. И по чистой случайности находит *единственного* в Бэй-Сити человека, который может Стилгрейва опознать. *Вот что* слишком четко.

— А ты ничего не забываешь?

— От усталости я способен забыть собственное имя. Что?

— Я тоже,— поддакнул Френч.— Квест должен был еще от *кого-то* узнать, кто такой Стилгрейв. Когда делался этот снимок, Моу Стейн был еще жив.

Что проку в этой фотографии, если кто-то не знал, что Стилгрейв за птица?

— Мисс Уэлд, по-моему, знала,— сказал я.— А Квест был ее братом.

— Ерунду говоришь, приятель,— устало усмехнулся Френч.— Стала бы она помогать брату шантажировать своего любовника, да и себя тоже?

— Сдаюсь. Может, этот снимок оказался внезапной удачей. Другая его сестра — моя бывшая клиентка — сказала, что он любил делать внезапные снимки. Чем внезапней, тем лучше. Не погибни он, вам пришлось бы взять его за вмешательство в личную жизнь.

— За убийство, — равнодушно бросил Френч.

— Вот как?

— Мэглешен нашел ту пешню. Только не сказал при тебе.

— Одной пешни мало

— Он раскопал еще кое-что, но это пустяки. Клозен и Неуловимый Марстон отбывали срок. Квеста нет в живых. У него респектабельная семья. Он был слегка неуравновешен и связался с дурной компанией. Не стоит марать его семью только ради показа что полиция способна раскрыть какое-то дело.

— Благородно с вашей стороны. А как со Стилгрейвом?

— Меня это не касается.— Он стал подниматься.— Долго ли тянется расследование, когда гангстер уже получил свое?

— Пока о нем пишут в газетах,— сказал я.— Но тут стоит вопрос об установлении личности.

— Нет.

Я уставился на Френча.

— Как это нет?

— А так. Мы знаем наверняка.— Френч уже был на ногах. Пригладил волосы, поправил галстук и надел шляпу. Негромко сказал одной стороной рта:— Строго между нами — мы всегда знали наверняка. Только у нас не было ни единой улики.

— Спасибо,— сказал я.— Болтать об этом не буду. А как насчет пистолетов?

Взгляд Френча уперся в стол. Потом он медленно поднял голову и взглянул мне в глаза.

— Оба принадлежали Стилгрейву. Более того, у него было разрешение носить оружие. Полученное

в другом округе. Не спрашивай почему. Из одного пистолета...— он сделал паузу и уставился на стену поверх моей головы,— был убит Квест. И Стейн из того же.

— Какой же это пистолет?

Френч слабо улыбнулся.

— Будет черт знает что, если эксперт перепутал их, а мы об этом не узнали.

Он ждал, не скажу ли я еще что-нибудь. Мне говорить было нечего. Он помахал рукой.

— Ну, ладно, пока. Не обижайся, но я надеюсь, что прокурор сдерет с тебя шкуру узкими длинными полосами.

Потом повернулся и вышел.

Я тоже мог бы уйти, однако сидел, глядя на стену, словно разучился вставать. Вскоре дверь отворилась, и вошла оранжевая красотка. Отперла свою конторку, сняла шляпку со своих невероятных волос, повесила жакет на голый крючок в голой стене. Открыла ближайшее к себе окно, сняла с машинки чехол и вставила в нее лист бумаги. Потом поглядела на меня.

— Кого-нибудь ждете?

— Я снял тут жилье. Провел всю ночь.

Она присмотрелась ко мне.

— Вы были здесь вчера днем. Я помню.

Повернулась к машинке, и пальцы ее заплясали. Из раскрытого окна за ее спиной донеслось рычание въезжающих на стоянку машин. Небо было ясное, почти без смога. День обещал быть жарким.

На конторке оранжевой красотки зазвонил телефон. Она что-то неслышно сказала в трубку и положила ее. Снова поглядела на меня.

— Мистер Эндикотт у себя в кабинете. Знаете, как туда пройти?

— Я когда-то работал там. Правда, не при Эндикотте. Меня уволили.

Она посмотрела на меня с ничего не выражающим, как у всех муниципальных служащих, видом. Голос, казалось, шедший откуда угодно, кроме ее губ, произнес:

— Двиньте ему по роже мокрой перчаткой.

Я подошел к ней поближе и взглянул на оранжевые волосы. Многие были седыми у корней.

— Кто это сказал?

— Стена. Она говорит. Это голоса мертвецов, проходивших сквозь нее по пути в ад.

Я тихо вышел и бесшумно затворил дверь.

32

Входишь в двойные двери. За ними — комбинация частной телефонной станции и стола справок, где сидит одна из тех женщин неопределенного возраста, каких видишь в муниципальных учреждениях по всему миру. Они никогда не были молоды ми и никогда не будут старыми. У них нет ни красоты, ни обаяния, ни шика. Им не надо никому нравиться. Они надежны. Корректны, хотя и не вполне учтивы, умны и эрудированы, хотя ничем, в сущности, не интересуются. Они представляют собой то, во что превращаются люди, меняющие жизнь на существование и честолюбие — на обеспеченность.

По одной стороне очень длинного коридора тянется ряд застекленных комнатушек. По другую — зал ожидания, ряд жестких стульев, обращенных в одну сторону — к комнатушкам.

Примерно половина стульев была занята, судя по лицам сидящих, они ждали уже давно и понимали, что ждать придется еще дольше. Большинство сидящих было одето в старье. Один был привезен из тюрьмы в хлопчатобумажной робе, при охраннике. Бледный парнишка, крепко сложенный, с пустым взглядом.

На двери в конце коридора было написано: «СЬЮЭЛЛ ЭНДИКОТТ, ОКРУЖНОЙ ПРОКУРОР». Постучав, я вошел в просторную, полную воздуха угловую комнату. Вполне уютную, со старомодными, обитыми кожей креслами, с портретами прежних прокуроров и губернаторов на стенах. Ветерок развевал тюлевые занавеси на четырех окнах. Вентилятор на высокой полке негромко жужжал, медленно описывая дугу.

Сьюэлл Эндикотт сидел за темным столом и смотрел, как я приближаюсь. Указал на стул напротив. Я сел. Прокурор был высоким, худощавым, смуглым, с непричесанными волосами и длинными пальцами.

— Вы Марлоу? — спросил он, в голосе его слышался легкий южный акцент.

Я решил, что отвечать не обязательно. И молча ждал.

— Вы попали в скверное положение, Марлоу. Дело ваше плохо. Вы скрывали улики, важные для расследования убийства. Это препятствие отправлению правосудия. Вас могут за это посадить.

— Какие улики? — спросил я.

Эндикотт взял со стола фотографию и хмуро воззрился на нее. Я глянул на двух людей, находящихся в комнате. Одной была Мэвис Уэлд. В темных очках с широкой белой оправой Глаз ее не было видно, но, должно быть, она смотрела на меня. Без улыбки. Сидела она совершенно неподвижно.

Рядом с ней сидел мужчина в светло сером фланелевом костюме с небольшой гвоздикой в петлице. Он курил сигарету с монограммой и стряхивал пепел на пол, не обращая внимания на стоящую рядом пепельницу. Я узнал его по фотографиям в газетах. Ли Фаррелл, один из лучших адвокатов в стране. Седой, но с молодо блестящими глазами. Сильно загорелый. Держался он так, словно пожать ему руку стоило пять тысяч долларов.

Эндикотт откинулся назад и стал постукивать длинными пальцами по подлокотнику. С вежливым почтением он обратился к Мэвис Уэлд.

— Мисс Уэлд, вы хорошо знали Стилгрейва?

— Интимно. Во многих отношениях он был весьма очаровательным человеком. Мне с трудом верится...— она умолкла и пожала плечами.

— Вы готовы показать под присягой, где и когда сделан этот снимок?

Он показал ей фотографию

— Минутку,— равнодушно сказал Фаррелл.— Это и есть улика, которую мог утаивать мистер Марлоу?

— Вопросы задаю я,— резко оборвал Эндикотт.

Фаррелл улыбнулся.

— Ну, что ж, если ответ — да, то эта фотография не является уликой чего бы то ни было.

— Вы ответите на мой вопрос, мисс Уэлд? — мягко спросил Эндикотт.

Она ответила легко и непринужденно:

— Нет, мистер Эндикотт, я не могу показать под присягой, где и когда сделан этот снимок. Я не видела, как он был сделан.

— Все, что вам нужно,— это взглянуть на него,— сказал Эндикотт.

— И все, что я знаю,— это то, что видно на нем,— сказала она.

Я усмехнулся. Фаррелл с огоньком в глазах поглядел на меня. Эндикотт краем глаза заметил мою усмешку.

— Вам что-то кажется смешным? — рявкнул он.

— Я не спал всю ночь. И не могу справиться со своей мимикой,— ответил я.

Он бросил на меня суровый взгляд и снова повернулся к мисс Уэлд.

— Прошу вас ответить подробнее.

— Меня много фотографировали, мистер Эндикотт. В разных местах, с разными людьми. В ресторане «Танцоры» я обедала и ужинала и с мистером Стилгрейвом, и со многими другими мужчинами. Не знаю, что вы хотите от меня услышать.

— Насколько я понимаю,— вкрадчиво сказал Фаррелл,— вы хотите с помощью показаний мисс Уэлд приобщить эту фотографию к делу в качестве улики. На каком процессе?

— Это мое дело,— сухо ответил Эндикотт.— Вчера вечером кто-то застрелил Стилгрейва. Возможно, женщина. Возможно, даже мисс Уэлд. Мне неприятно говорить это, но очень на то похоже.

Мэвис Уэлд поглядела на свои руки. Она вертела в пальцах белую перчатку.

— Что ж, представим себе процесс,— сказал Фаррелл,— на котором этот снимок будет фигурировать в качестве улики,— если вам удастся приобщить его к делу. Но вам не удастся. Мисс Уэлд вам в этом не поможет. Она знает о фотографии только то, что на ней видно. То, что может увидеть каждый. Вам придется приобщить ее к делу с помощью свидетеля, который сможет показать под присягой, где и когда был сделан снимок. В противном случае я буду протестовать — если окажусь защитником на процессе. Могу даже представить экспертов, которые покажут под присягой, что фотография сфабрикована.

— Не сомневаюсь,— сухо заметил Эндикотт.

— Единственный, кто мог бы вам помочь,— это человек, сделавший снимок,— неторопливо и спокойно продолжал Фаррелл.— Насколько я пони-

маю, он мертв. Подозреваю, что именно из-за этого и был убит.

— Эта фотография,— сказал Эндикотт,— ясно свидетельствует о том, что в определенное время Стилгрейв находился не в тюрьме, а в другом месте и, следовательно, не имеет алиби в отношении убийства Стейна.

— Она станет уликой,— продолжал настаивать Фаррелл,— только в том случае, если вы докажете, что это улика. Черт возьми, Эндикотт, я не собираюсь объяснять вам закон. Вы его знаете. Забудьте об этом снимке. Он ничего не доказывает. Ни одна газета не решится его напечатать. Ни один судья не примет к рассмотрению, потому что ни один компетентный свидетель не сможет дать по его поводу никаких показаний. И если Марлоу утаивал эту улику, то в юридическом смысле он не утаивал никаких улик.

— Я не собирался преследовать Стилгрейва за убийство Стейна,— сухо произнес Эндикотт.— Но меня слегка интересует, кто убил его самого. Как ни странно, управление полиции тоже интересуется этим. Надеюсь, наш интерес не оскорбляет вас.

— Меня ничто не оскорбляет,— улыбнулся Фаррелл.— Потому-то я и нахожусь здесь. Вы уверены, что Стилгрейв был убит?

Эндикотт молча уставился на него. Фаррелл непринужденно сказал:

— Насколько я понимаю, там было обнаружено два пистолета, и оба принадлежали Стилгрейву.

— Откуда у вас такие сведения? — резко спросил Эндикотт. Он подался вперед и нахмурился.

Фаррелл бросил сигарету в пепельницу и пожал плечами.

— Черт возьми, такие вещи становятся известны. Из одного пистолета убиты Стейн и Квест. Из другого — Стилгрейв. Притом с близкого расстояния. Я признаю, что такие люди, как правило, не кончают с собой. Но это могло случиться.

— Несомненно,— серьезно сказал Эндикотт.— Спасибо за предположение. Но оно ошибочно.

Фаррелл слегка улыбнулся и промолчал. Эндикотт медленно повернулся к Мэвис Уэлд.

— Мисс Уэлд, это учреждение — или, по крайней мере, его нынешний руководитель — не ищет

рекламы за счет людей, для которых определенна реклама может оказаться роковой. Долг требует от меня решения, привлекать ли кого-то к суду за это убийства и, если улики дают к тому основания, вы ступать обвинителем. Долг не требует от меня пор тить вам карьеру из-за того, что вы имели несчастье или неосторожность сблизиться с человеком, кото рый хотя и не судился и даже не был обвинен ни в каком преступлении, несомненно, когда-то был членом преступной группы. Сомневаюсь, что вы бы ли вполне откровенны со мной относительно данной фотографии. Но возвращаться к этому не будем Спрашивать вас, не вы ли убили Стилгрейва, нет смысла. Но я спрашиваю, имеются ли у вас сведе- ния, могущие навести на след возможного убийцы?

— Сведения, мисс Уэлд,— торопливо сказал Фаррелл,— а не просто подозрения.

Она взглянула Эндикотту прямо в лицо.

— Нет.

Эндикотт встал и поклонился.

— В таком случае, у меня все. Спасибо, что приехали.

Фаррелл и Мэвис Уэлд поднялись. Я не шевель- нулся. Фаррелл спросил:

— Вы созовете пресс-конференцию?

— Пожалуй, я предоставлю это вам, мистер Фар- релл. Вы всегда мастерски управлялись с прессой.

Фаррелл кивнул и пошел к двери. Они вышли. Мэвис Уэлд, выходя, казалось, не смотрела на меня, но что-то слегка коснулось моего затылка. Может, случайно. Ее рукав.

Когда дверь закрылась, Эндикотт перевел взгляд на меня.

— Фаррелл представляет и вас? Я забыл спро- сить у него.

— Мне он не по карману. Так что я беззащитен.

Эндикотт слегка улыбнулся.

— Я позволил им пустить в ход все уловки, а по- том, чтобы спасти свое достоинство, решил отыг- раться на вас, так, что ли?

— Помешать вам я не могу.

— Вы не особенно гордитесь образом своих действий, а, Марлоу?

— Я оплошал, взявшись за это дело. А потом уже не имел выбора.

— Вы не считаете, что кое-чем обязаны полицейским?

— Считал бы — если бы они поступали, как вы.

Эндикотт провел длинными белыми пальцами по взъерошенным волосам.

— На это я мог бы дать много ответов,— сказал он.— И все они сводились бы к одному и тому же. Полиция защищает граждан. В этой стране еще не дожили до понимания этого. Мы смотрим на полицейского как на врага. Мы — нация ненавистников полиции.

— Чтобы изменить это, потребуется многое,— сказал я.— С обеих сторон.

Прокурор подался вперед и нажал кнопку звонка.

— Да,— сказал он.— Многое. Но кто-то должен начать. Спасибо, что пришли.

Когда я выходил, одна из секретарш вошла в другую дверь с толстой папкой в руке.

33

После бритья и второго завтрака ощущение, будто во рту козел ночевал, слегка прошло. Я поднялся к себе в контору, отпер дверь, и в нос мне вновь ударили затхлость и запах пыли. Открыв окно, я вдохнул запах жареного из соседней кофейни. Сел за стол, ощутив кончиками пальцев соринки на нем. Набил трубку, зажег ее, откинулся назад и огляделся вокруг.

— Привет,— сказал я.

Обращался я к своей обстановке — к трем зеленым ящикам с картотекой, стоящему напротив креслу для клиентов, старому коврику и светильнику под потолком, где по меньшей мере полгода валялись три дохлых мотылька. Обращался к матовому стеклу, к грязным деревянным вещицам, к набору ручек на столе, к старому усталому телефону. Обращался к панцирю на аллигаторе, фамилия аллигатора Марлоу, это частный детектив в нашем маленьком преуспевающем обществе. Не самый мозговитый парень на свете, зато дешевый. Начал дешевым и кончил еще дешевле.

Я полез в тумбу стола и выставил бутылку «Старого лесничего». Там оставалось примерно треть

содержимого. Кто преподнес ее тебе, приятель? Это высший сорт. Ты такого не покупаешь. Должно быть, кто-то из клиентов. Когда-то у меня была клиентка

Тут я стал думать об Орфамэй, и, может быть, мысли мои обладают какой-то таинственной силой. Зазвонил телефон, странный четкий голосок звучал в точности так же, как при первом ее звонке

— Звоню из этой самой кабины,— сказала она.— Если вы один, я поднимаюсь.

— Угу.

— Вы, небось, злитесь на меня.

— Я не злюсь ни на кого. Просто устал.

— Злитесь, злитесь,— сдавленно произнес голосок.— Но я все равно поднимаюсь Злы вы или нет, мне безразлично.

Она повесила трубку Я откупорил и понюхал бутылку. Содрогнулся Этим было все решено. Когда не могу нюхать виски без содрогания, то после — не пью

Убрав бутылку, я поднялся Тут послышались шажки по коридору. Четкие, мелкие, их я бы узнал где угодно. Я открыл дверь, Орфамэй вошла и робко поглядела на меня.

Все исчезло. Раскосые очки, новая прическа, маленькая элегантная шляпка, запах духов и косметики. Украшения на костюме, румяна. Исчезло все. Она была точно такой же, как в то первое утро. Тот же коричневый, шитый на заказ костюм, та же квадратная сумочка, те же очки без оправы, та же легкая чопорная глуповатая улыбка.

— Это я,— сказала Орфамэй.— Возвращаюсь домой.

Она последовала за мной в мой частный мыслительный салон и чопорно уселась. Я по обыкновению сел небрежно и уставился на нее.

— Обратно в Манхаттен,— сказал я.— Удивляюсь, что вас отпустили.

— Возможно, придется приехать еще.

— Сможете это себе позволить?

Орфамэй издала торопливый, неуверенный смешок.

— Это не будет мне ничего стоить,— сказала она. Подняла руку и коснулась очков без оправы.— Теперь в них я чувствую себя непривычно. Мне нравятся те, другие. Но доктору Загсмиту они наверняка не понравятся.

Она поставила сумочку на стол и провела по нему кончиком пальца. Как и в первый приход.

— Не помню, вернул ли я вам двадцать долларов,— сказал я.— Мы столько передавали их из рук в руки, что я сбился со счета.

— Да, вернули,— сказала она.— Спасибо.

— Вы уверены?

— Я никогда не ошибаюсь в денежных делах. Как вы себя чувствуете? Вас не били?

— Полицейские? Нет И никогда им еще не было так трудно чего-то не делать.

На лице Орфамэй отразилось простодушное удивление. Потом глаза ее вспыхнули.

— Вы, должно быть, ужасно смелый,— сказала она.

— Просто повезло,- ответил я Взял карандаш и потрогал пальцем кончик. Остро заточен, если кому-то нужно что-то писать. Мне было не нужно. Протянув руку, я просунул карандаш под ремешок квадратной сумочки и подтянул ее к себе.

— Не трогайте,— торопливо сказала Орфамэй и потянулась за сумочкой.

Я усмехнулся и отодвинул сумочку так, чтобы она не могла дотянуться.

— Ладно. Но эта сумочка такая миловидная. Совсем как вы.

Орфамэй откинулась назад. В глазах у нее было смутное беспокойство, но она улыбалась...

— По-вашему, я миловидна... Филип? Я очень заурядна.

— Вот уж не сказал бы.

— Не сказали бы?

— Ни в коем случае, вы одна из самых необыкновенных девушек, каких я только встречал.

Держа сумочку за ремешок, я покачал ее и поставил на угол стола. Глаза Орфамэй тут же устремились к сумочке, но она облизнула губы и продолжала улыбаться мне.

— Держу пари, вы знали очень многих девушек,— проговорила она.— Почему...— она потупилась и вновь провела кончиком пальца по столу,— почему вы так и не женились?

Я подумал о всех вариантах ответа на этот вопрос. Обо всех женщинах, которые мне настолько нравились. Нет, не обо всех. Но о некоторых.

— Очевидно, мне известен ответ,— сказал я.— Но прозвучит он банально. Те, на ком я, может, и хотел бы жениться, не нашли во мне того, что было нужно им. На других женщинах жениться незачем. Их просто соблазняешь — если они сами не склоняют тебя к этому.

Орфамэй покраснела до корней своих волос мышиного цвета.

— Вы отвратительны, когда говорите так.

— Это относится и к некоторым жеманницам,— заметил я.— Не ваши слова. Мои. Заполучить вас было б не очень трудно.

— Не говорите так, прошу вас!

— Разве я не прав?

Орфамэй опустила глаза.

— Скажите мне, пожалуйста,— неторопливо произнесла она,— что случилось с Оррином? Я в полном недоумении.

— Я говорил вам, что, возможно, он сбился с пути,— сказал я.— Когда вы пришли впервые. Помните?

Она неторопливо кивнула, все еще заливаясь краской.

— Ненормальная жизнь в семье,— сказал я.— Очень замкнутый парень с очень преувеличенным мнением о собственной значимости. Это было видно по фотографии, которую вы мне дали. Не собираюсь разыгрывать из себя психолога, но я понял, что если он начнет терять голову, то потеряет полностью. К тому же ужасная жадность к деньгам, царящая в вашей семье,— исключая одного ее члена.

Тут Орфамэй заулыбалась. Если она сочла, что я говорю о ней, мне это было на руку.

— У меня есть к вам один вопрос,— сказал я.— Ваша мать — не первая жена у отца?

Орфамэй кивнула — да.

— Теперь понятно. У Лейлы другая мать. Я так и думал. Скажите мне еще кое-что. Как-никак, я проделал для вас большую работу, но не получил ни цента.

— Получили,— резко сказала она.— И немало. От Лейлы. Не ждите, что я буду называть ее Мэвис Уэлд. Ни за что.

— Вы не знали, что мне заплатят.

— Ну...— Орфамэй приумолкла и вновь поглядела на сумочку,— вам все же заплатили.

— Ладно, оставим. Почему вы не сказали мне, кто она?

— Мне было стыдно. И мать тоже стыдится.

— Оррин не стыдился. Он был этому рад.

— Оррин? — Наступило недолгое приличное молчание. Орфамэй тем временем глядела на свою сумочку. Мне стало любопытно, что может находиться там.— Но он жил здесь и, видно, свыкся с этим.

— Сниматься в кино, конечно, не так уж плохо.

— Дело не только в кино,— торопливо сказала Орфамэй и закусила нижнюю губу, в глазах ее что-то вспыхнуло и очень медленно угасло. Я лишь снова поднес зажженную спичку к трубке. Даже возникни у меня какие-то эмоции, усталость не дала бы им проявиться.

— Знаю. По крайней мере, догадывался. Как Оррин узнал о Стилгрейве то, чего не знала полиция?

— Я... я не знаю,— неторопливо сказала Орфамэй, осторожно подбирая слова.— Может, через того врача?

— Ну, конечно,— сказал я с широкой теплой улыбкой.— Они с Оррином как то подружились. Возможно, их сблизил общий интерес к острым предметам.

Орфамэй откинулась на спинку кресла. Ее маленькое лицо стало вытянутым, угловатым. Взгляд — настороженным.

— Вы опять говорите гадости. Не можете без этого.

— Вот досада,— сказал я.— Я был бы милейшим человеком, если б меня оставили в покое. Славная сумочка.

Придвинув сумочку к себе, я открыл замок.

Орфамэй подскочила и резко подалась вперед.

— Оставьте мою сумочку!

— Вы собираетесь ехать домой в Манхеттен, штат Канзас, не так ли? Сегодня? Купили билет и все прочее?

Она пожевала губами и неторопливо села.

— Отлично. Я вас не держу. Мне только интересно, сколько вы загребли на этой сделке.

Орфамэй принялась плакать. Я открыл сумочку и стал рыться в ней. Ничего не обнаруживалось, пока я не натолкнулся на кармашек с молнией в глу-

бине. Расстегнув молнию, я полез туда. Там лежала ровная пачка новеньких ассигнаций. Я достал их и стасовал будто карты. Десять сотен. Совершенно новых. Очень славных. Ровно тысяча долларов. Неплохие деньги для путешествия.

Я откинулся назад и постучал по столу ребром пачки. Орфамэй притихла и уставилась на меня влажными глазами. Я достал из сумочки платок и бросил ей. Она промокнула глаза. При этом глядела на меня, издавая легкие умоляющие всхлипывания.

— Эти деньги дала мне Лейла,— сказала она негромко.

— Большим зубилом пользовались?

Орфамэй лишь открыла рот, и туда по щеке скатилась слеза.

— Оставьте,— сказал я. Бросил деньги в сумочку, защелкнул и придвинул владелице.— Насколько я понимаю, вы с Оррином относитесь к тому разряду людей, которые могут оправдать любой свой поступок. Он способен шантажировать сестру, а когда двое мелких мошенников отнимают у него эту кормушку, подкрасться к ним и убить ударом пешни в затылок. И вряд ли он после этого лишился сна. Вы мало чем от него отличаетесь. Эти деньги вам дала не Лейла. Их вам дал Стилгрейв. За что?

— Вы низкий человек,— сказала Орфамэй.— Подлый. Как вы смеете говорить мне такие вещи?

— Кто сообщил в полицию, что Лагарди знал Клозена? Лагарди думал, что я. Но я не сообщал. Значит, вы. С какой целью? Выкурить своего брата, который не брал вас в долю — потому что как раз тогда потерял свою колоду карт и был вынужден скрываться. Хотел бы я взглянуть на те письма, что он посылал домой. Держу пари, они очень содержательны. Представляю, как он наводит фотоаппарат на сестру, а добрый доктор Лагарди спокойно ждет его в укрытии, чтобы получить свою долю добычи. Зачем вы наняли меня?

— Я не знала,— спокойно ответила Орфамэй. Снова утерла глаза, положила платок в сумочку и приготовилась уходить.— Оррин не упоминал никаких фамилий. Я даже не знала, что он потерял фотографии. Но знала, что он их сделал и что они стоят больших денег. И приехала удостовериться.

— В чем?

— Что Оррин не обманывает меня. Иногда он бывал очень зловредным. Он мог оставить всё деньги себе.

— Почему он звонил вам позавчера?

— Испугался. Доктор Лагарди стал им недоволен. У него не было фотографий. Они попали неизвестно к кому. И Оррин перепугался.

— Фотографии попали ко мне,— сказал я.— И до сих пор они у меня. В этом сейфе.

Орфамэй очень медленно повернула голову, взглянула на сейф. Нерешительно провела пальцем по губе. И снова повернулась ко мне.

— Я вам не верю,— прошептала она, глядя на меня словно кошка на мышиную норку.

— Может, поделитесь со мной этой тысячей? Получите фотографии.

Орфамэй задумалась.

— Вряд ли я могу дать вам такие деньги за то, что вам не принадлежит,— сказала она и улыбнулась.— Пожалуйста, отдайте их мне. Пожалуйста, Филип. Лейла должна получить их обратно.

— За сколько?

Орфамэй нахмурилась и приняла обиженный вид.

— Она моя клиентка,— сказал я.— Но обмануть ее я не прочь — за хорошую сумму.

— Я не верю, что фотографии у вас.

— Ладно же.

Я поднялся и подошел к сейфу. Немедля вернулся с конвертом. Высыпал из него отпечатки и негатив на стол — со своей стороны. Орфамэй глянула на них и потянулась к столу.

Я собрал фотографии в стопку и повернул лицевой стороной к Орфамэй. Когда она дотянулась, я отдернул их.

— Мне так далеко не видно,— пожаловалась Орфамэй.

— Подойти ближе стоит денег.

— Вот уж не думала, что вы мошенник,— с достоинством парировала она.

Я молча разжег погасшую трубку.

— Я заставлю вас отдать их полицейским,— заявила Орфамэй.

— Попытайтесь.

Внезапно она затараторила:

— Я не могу отдать вам эти деньги, никак не могу. Мы — ну, мать и я — еще не расплатились с отцовскими долгами, кое-что должны за дом и...

Что вы продали Стилгрейву за эту тысячу?

Челюсть Орфамэй отвисла, вид у нее стал безобразный. Потом она закрыла рот и плотно сжала губы. На меня глядело жестокое, суровое личико.

— Продать вы могли лишь одно,— сказал я.— Вы знали, где находится Оррин. Для Стилгрейва эта информация стоила тысячу. Вполне. Это вопрос о приобщении улик к делу. Вам не понять. Стилгрейв отправился туда и убил его. Он заплатил вам за адрес.

— Адрес ему назвала Лейла,— растерянно произнесла Орфамэй.

— Лейла так и мне сказала,— ответил я.— При необходимости она скажет всему свету, что сама назвала адрес, если это будет единственным выходом. Лейла — чуждая условностям голливудская красотка не особенно строгих нравов. Но когда нужно выдерживать характер, тут ее ни в чем не упрекнешь. Она не из тех, кто убивает пешней. И не из тех, кто падок на кровавые деньги.

Кровь отлила от лица Орфамэй, оно стало бледным, как лед. Губы ее дрогнули, потом крепко сжались в маленький узелок. Она отодвинулась вместе с креслом и подалась вперед, чтобы встать.

— Кровавые деньги,— спокойно повторил я.— Ваш родной брат. И вы продали его убийцам. Тысяча кровавых долларов. Надеюсь, они принесут вам счастье.

Орфамэй поднялась и сделала два шага назад. Потом вдруг захихикала.

— Кто сможет это подтвердить? — тонким голоском спросила она.— Кто жив, чтобы это подтвердить? Вы? А кто вы такой? Никто, дешевый сыщик.— Она пронзительно расхохоталась.— Да ведь вас можно купить за двадцать долларов.

Я все еще держал стопку фотографий. Чиркнув спичкой, я бросил негатив в пепельницу и смотрел, как он горит.

Орфамэй резко оборвала смех и застыла в каком-то ужасе. Я стал рвать фотографии на клочки. Усмехнулся ей.

— Дешевый сыщик,— сказал я.— Ну, так чего от меня ждать. Братьев и сестер на продажу у меня нет. Поэтому я продаю своих клиентов.

Орфамэй замерла, глаза ее сверкали. Закончив рвать фотографии, я поджег клочки в пепельнице.

— Об одном жалею,— сказал я.— Что не увижу вашей встречи в Манхаттене с милой старой мамочкой. Не увижу, как деретесь из-за дележа этой тысячи. Держу пари, на это стоило бы посмотреть.

Я помешивал обрывки карандашом, чтобы они лучше горели. Орфамэй медленно, осторожно подошла к столу, не отрывая глаз от тлеющего пепла.

— Я могу сообщить в полицию,— прошептала она.— Я могу многое рассказать полицейским. Они поверят мне.

— Я могу сказать им, кто убил Стилгрейва,— сказал я.— Потому что знаю, кто не убивал. Они могут поверить *мне*.

Маленькая головка вздернулась. Свет заблестел на линзах очков. Глаз за ними не было.

— Не волнуйтесь,— сказал я. Не стану. Для меня это будет стоить слишком мало. А кое для кого много.

Зазвонил телефон, и Орфамэй подскочила на фут. Я повернулся к аппарату, взял трубку и сказал:

— Алло?

— Amigo, у тебя все в порядке?

Позади послышался какой-то звук. Я обернулся и увидел, как закрылась дверь. В комнате никого не было кроме меня.

— Я устал. Не спал всю ночь. Кроме того...

— Эта малышка звонила тебе?

— Сестричка? Только что была здесь. Она возвращается в Манхаттен с добычей.

— С добычей?

— С карманными деньгами, что Стилгрейв дал ей за выдачу брата.

Помолчав, Долорес серьезно сказала:

— Ты не можешь знать этого, amigo.

— Я это знаю так же, как то, что сижу, облокотясь на письменный стол, и говорю по телефону. Так же как то, что слышу твой голос. И не так твердо, но достаточно твердо я знаю, кто убил Стилгрейва.

— Не очень разумно говорить мне об этом, amigo. Я не безупречна. Не стоит мне особенно доверять.

Я совершаю ошибки, но тут ошибки не будет. Все фотографии я сжег. Я пытался продать их Орфамэй. Но она предложила слишком низкую цену

— Ты, конечно, шутишь, amigo.

Я? Над кем?

По проводу донесся ее звонкий смех.

— Не хочешь пригласить меня на ленч?

— Не против. Ты дома?

— Si

— Вскоре подъеду.

— Ну, я буду в восторге.

Я повесил трубку

Спектакль окончился. Я сидел в пустом театре. Занавес был опущен и на его фоне передо мной тускло возникло все виденное Но кое-какие образы актеров уже становились смутными, нереальными Прежде всего сестричка. Через два-три дня я забуду, как она выглядит Потому что в определенном смысле она была совершенно нереальной. Я думал о том, как она приедет в Манхаттен, штат Канзас, к доброй старой мамочке с пухлой маленькой новорожденной тысячей Чтобы она смогла заполучить эти денежки, несколько человек погибло, но вряд ли это будет ее долго беспокоить. Думал, как она явится в приемную доктора — как его фамилия? Ах, да, Загсмит — смахнет к его приходу пыль с письменного стола и разложит в приемной журналы. На ней будут очки без оправы, простое платье, на лице не будет косметики, и обращение ее с пациентами будет в высшей степени корректным.

— Доктор Загсмит просит вас, миссис Такая-то.

Она с легкой улыбкой придержит дверь, и миссис Такая-то пройдет мимо нее, а доктор Загсмит, как и положено врачу, будет сидеть за столом в белом халате со свисающим с шеи стетоскопом. Перед ним будет стоять картотека, блокнот для заметок и блокнот с бланками рецептов будут аккуратно лежать под рукой. Доктор Загсмит знает все. Его не провести. Он мастер своего дела. Едва взглянув на пациентку, он заранее знает ответы на все вопросы, которые задаст ей для проформы.

Взглянув на свою приемную медсестру, он видит аккуратную спокойную молодую особу, подобающе

одетую для врачебного кабинета, без маникюра, без яркой косметики, ничто в ней не может возмутить пациента с устарелыми взглядами. Идеальная приемная медсестра мисс Орфамэй Квест.

Доктор Загсмит не может вспомнить о ней без самодовольства. Он сделал ее такой, какая она есть. Она представляет собой лишь то, что приказал доктор. Приставать он к ней, скорее всего, пока не пытался. Может, в маленьких городках этого не бывает. Ха-ха! Я сам вырос в маленьком городке.

Сев поудобнее, я взглянул на часы и все же достал из тумбы стола бутылку «Старого лесничего». Понюхал горлышко. Запах оказался приятным. Налив изрядную дозу, я поднял стакан и поглядел напросвет свет.

— Что ж, доктор Загсмит,— произнес я вслух, словно он сидел по другую сторону стола со стаканом в руке,— я вас почти не знаю, а вы меня и вовсе не знаете. Обычно я не даю советов незнакомым людям, но я прошел краткий интенсивный курс воздействия мисс Орфамэй Квест и нарушаю свое правило. Если только эта девочка захочет чего-то от вас, уступите немедленно. Не юлите, не мямлите о подоходном налоге и накладных расходах. Улыбнитесь и раскошельтесь. Не вступая в спор на тему, кому что принадлежит. Главное — чтобы девочка была довольна. Желаю удачи, доктор, и ни в коем случае не оставляйте на виду чего-нибудь вроде остроги.

Отхлебнув из стакана половину содержимого, я стал ждать, когда по телу разойдется тепло. Когда разошлось, я допил остальное и убрал бутылку.

Выбив из трубки пепел, я стал набивать ее табаком из кожаного кисета, который мне подарила ко дню рождения одна поклонница, по странному совпадению носящая ту же фамилию, что и я.

Набив трубку, я старательно, неторопливо раскурил ее, вышел и пошел по коридору беззаботно, как англичанин, возвращающийся с охоты на тигра.

34

Шато Берси — дом старый, но отделанный заново. В его вестибюль так и просятся индийские каучуконосы и плющ, однако там стеклянные кирпичи, скрытое

освещение, треугольные стеклянные столики. Можно подумать, что отделку производил обитатель сумасшедшего дома. Гамму красок в вестибюле составляют желчно-зеленая, жжено-коричневая, асфальтово-серая и синюшно-синяя. Действует она успокаивающе, как рассеченная губа.

За низкой конторкой никого не было, однако зеркало позади нее могло оказаться прозрачным, поэтому я не пытался прошмыгнуть на лестницу. На мой звонок из-за барьера выплыл рослый толстяк и растянул в улыбке полные влажные губы, зубы его были синевато-белыми, глаза неестественно блестели.

— К мисс Гонсалес,— сказал я.— Она меня ждет. Моя фамилия Марлоу.

— Ну да, конечно,— сказал он, руки его дрожали.— Да, конечно. Сейчас позвоню.

Голос его дрожал тоже.

Толстяк взял телефон, что-то пробулькал в него и поставил на место.

— Да, мистер Марлоу. Мисс Гонсалес сказала, чтобы вы поднялись. Квартира четыреста двенадцать.— Он хихикнул. - Но вы, наверное, и сами знаете?

— Теперь знаю,— согласился я. - Кстати, был ты здесь в феврале?

— В феврале? В феврале? Да, да, я был здесь в феврале. – Слова он выговаривал очень старательно.

— Помнишь тот вечер, когда Стейн был убит перед входом?

Улыбка поспешно сошла с его рыхлого лица.

— Вы полицейский?

Голос его стал тонким, писклявым.

— Нет. Но если тебе это не безразлично, у тебя расстегнуты брюки.

Толстяк с ужасом глянул вниз и дрожащими руками задернул молнию.

— Спасибо,— сказал он.— Спасибо.

И перегнулся через свою низкую конторку.

— Произошло это не перед входом,— сказал он.— Чуть подальше. Почти на углу.

— Стейн жил здесь, не так ли?

— Я не хочу говорить об этом. Никак не хочу.— Он сделал паузу и провел мизинцем по нижней губе.— Почему вы спрашиваете?

— Чтобы ты не закрывал рта. Нужно быть поосторожнее, приятель. В твоем дыхании ощутим запах.

Толстяк залился краской до самой шеи.

— Если вы намекаете, что я пил...

— Курил,— отрезал я.— И не просто табак.

Я повернулся. Толстяк не сказал ни слова. Подойдя к лифту, я бросил на него взгляд. Он стоял, опершись о конторку ладонями, и, выгнув шею, наблюдал за мной. Даже издали, казалось, было видно, как он дрожит.

Лифт оказался без лифтера. Четвертый этаж — холодно-серым, ковровая дорожка — толстой. У двери с номером 412 была кнопка звонка. Он мелодично прозвучал за дверью. Дверь тут же распахнулась. Красивые черные глаза уставились на меня, ярко-красные губы улыбнулись мне. На Долорес, как и накануне вечером, были черные брюки и красная блузка.

— Amigo,— сказала Долорес. Я взял ее запястья, свел вместе так, что ладони сошлись. Чуть-чуть поиграл с ней в ладушки. Выражение ее глаз было томным и вместе с тем страстным.

Выпустив руки мисс Гонсалес, я прикрыл дверь локтем и протиснулся мимо нее. Все было как и в первый раз.

— Тебе нужно застраховать их,— сказал я, коснувшись пальцем одной груди. Отнюдь не подложной. Сосок был тверд, как рубин.

Долорес довольно рассмеялась. Я вошел в квартиру и огляделся. Квартира была темно-серой и пыльно-голубой. Не цвета хозяйки, но очень недурно. Ложный камин с газовыми горелками в виде поленьев. Довольно много кресел, столиков и светильников. В углу скромный маленький бар.

— Нравится моя квартирка, amigo?

— Не говори «квартирка». Слишком по-шлюшьи.

Я не смотрел на хозяйку. Не хотел смотреть. Сел на кушетку и потер лоб.

— Поспать бы часа четыре и пропустить пару стаканчиков. Тогда я вновь смог бы болтать с тобой о пустяках. Сейчас у меня едва хватит сил говорить о деле. Но это необходимо.

Долорес подошла и села рядом. Я покачал головой.

Не сюда. Разговор действительно о деле.

Она села напротив и серьезно поглядела на меня своими темными глазами.

— Ну, ладно, amigo, как хочешь. Я твоя девочка — по крайней мере охотно была бы твоей девочкой.

— Где ты жила в Кливленде?

— В Кливленде? — Голос ее был очень мягким, почти воркующим.— Разве я сказала, что жила в Кливленде?

— Ты сказала, что познакомилась с ним там.

Долорес задумалась, потом кивнула.

— Я тогда была замужем, amigo А в чем дело?

— Стало быть, жила в Кливленде?

— Да,— негромко сказала она.

— Как познакомилась со Стилгрейвом?

— В те дни было престижно знать кого-то из гангстеров. Наверно, это форма извращенного снобизма. Девицы ходили туда, где, по слухам, собирались гангстеры, если повезет, в один прекрасный вечер...

— Ты позволила ему подцепить себя.

Она весело кивнула.

— Вернее, *я* подцепила *его*. Он был очень славным. Правда.

— А как же муж? *Твой* муж? Или не помнишь?

Долорес улыбнулась.

— Брошенными мужьями хоть пруд пруди.

— Ты права. Их можно отыскать где угодно. Даже в Бэй-Сити.

Этим я ничего не достиг. Она вежливо пожала плечами.

— Не сомневаюсь.

— Это может быть даже выпускник Сорбонны. Он может даже предаваться мечтам, практикуя в жалком маленьком городишке. Ждать и надеяться. Это словосочетание мне по душе. В нем есть поэтичность.

Вежливая улыбка не сходила с красивого лица Долорес.

— Мы не находим общего языка,— сказал я.— Никак не находим. А надо бы найти.

Я опустил взгляд на свои пальцы. Голова у меня болела. Я был совершенно не в форме. Долорес протянула мне сигареты в хрустальной коробке, и я взял одну. Свою сигарету Долорес вставила в золотые щипчики. Ее она взяла из другой коробки

— Хочу попробовать твоих,— сказал я.

— Но мексиканский табак многим кажется очень крепким.

— Без добавок,— сказал я, глядя на нее. Потом решил не настаивать.— Нет, ты права. Мне он не понравится.

— В чем смысл этого эпизода? — настороженно спросила Долорес.

— Швейцар курит марихуану.

Она неторопливо кивнула.

— Я предупреждала его. Несколько раз.

— Amigo,— сказал я.

— Что?

— Ты употребляешь не так уж много испанских слов, верно? Может, ты их не много и знаешь. Amigo уже совсем затверженное слово.

— Надеюсь, мы не будем вести себя как вчера днем? — сказала она.

— Нет. В тебе нет ничего мексиканского, кроме повторения нескольких словечек и старательной манеры говорить будто на чужом языке.

Долорес не ответила. Легонько выпустила сигаретный дым и улыбнулась.

— У меня большие неприятности с полицейскими,— продолжал я.— Видимо, у мисс Уэлд хватило здравого смысла рассказать обо всем своему боссу — Джулиусу Оппенгеймеру, и он не остался в стороне. Нанял ей Ли Фаррелла. Полицейские вряд ли предполагают, что Стилгрейва убила она. Но считают, что я знаю, кто, и поэтому точат на меня зубы.

— А ты знаешь, amigo?

— Я же сказал тебе по телефону, что знаю.

Долорес бросила на меня долгий, немигающий взгляд.

— Убийство произошло на моих глазах.— Голос ее наконец стал сухим, серьезным.— Очень захватывающе. Этой маленькой девочке захотелось повидать игорный дом. Она никогда не видела ничего подобного, а в газетах писали...

— Она останавливалась здесь — с тобой?

— Не в моей квартире, amigo. В комнате, которую я сняла для нее.

— Ясно, почему она не хотела сказать мне,— сказал я.— Однако, насколько я понимаю, у тебя не было времени обучать ее этому делу.

Долорес чуть заметно нахмурилась и взмахнула коричневой сигаретой. Я смотрел, как дымок выводит в воздухе что-то недоступное прочтению.

— Прошу тебя. Как я уже сказала, ей захотелось отправиться в тот дом. Я позвонила Стилгрейву, он сказал: «Приезжайте». Когда мы приехали, он был пьян. Я впервые его видела пьяным. Он засмеялся, обнял маленькую Орфамэй и сказал, что она вполне заработала свои деньги. Сказал, что у него есть кое-что для нее, достал из кармана бумажник, завернутый в какую-то тряпку, и подал ей. Когда Орфамэй развернула ее, посреди бумажника оказалась дырка, залитая кровью.

— Нехорошо, — сказал я. — Я бы даже не назвал это типичным для гангстера.

— Ты плохо его знал.

— Верно, продолжай.

— Маленькая Орфамэй взяла бумажник, посмотрела на него, потом на Стилгрейва, ее бледное лицо было очень спокойным. Потом поблагодарила, открыла сумку, как мне показалось, чтобы положить туда бумажник.— все это было очень захватывающе...

— Душераздирающая сцена. Я бы, задыхаясь, упал на пол.

— ...но вместо этого она выхватила из сумки пистолет. По-моему, тот самый, что Стилгрейв дал Мэвис. Он был очень похож...

— Прекрасно знаю, как он выглядел,— сказал я.— Мне пришлось немного повозиться с ним.

— Повернулась и прикончила его одним выстрелом. Это было очень драматично.

Долорес опять сунула в рот коричневую сигарету и улыбнулась мне. Как-то странно, холодно, словно думала о чем-то далеком.

— Ты заставила ее признаться в этом Мэвис Уэлд,— сказал я.

Долорес кивнула.

— *Тебе,* насколько я понимаю, Мэвис не поверила бы.

— Я не хотела рисковать.

— А не ты ли дала Орфамэй тысячу долларов, милочка? Чтобы заставить ее признаться? Эта маленькая девочка может пойти на многое ради таких денег.

— На этот вопрос я не отвечу,— с достоинством произнесла Долорес.

— Конечно. Значит, вчера вечером, везя меня туда, ты уже знала, что Стилгрейв мертв, что бояться нечего, и спектакль с пистолетом был просто спектаклем.

— Не хочу разыгрывать из себя благодетельницу,— негромко сказала она.— Но там сложилось трудное положение, и я знала, что ты как-то вызволишь Мэвис. Никто больше не смог бы этого сделать. Мэвис решила взять вину на себя.

— Мне, пожалуй, надо выпить,— заметил я.— Силы совсем на исходе.

Долорес вскочила и пошла к маленькому бару. Вернулась с двумя большими стаканами разбавленного виски. Подала один мне и, держа свой у губ, смотрела, как я пью. Виски было замечательным. Я отпил еще. Она вновь села в свое кресло и потянулась к золотым щипчикам.

— Я вывел Мэвис на чистую воду,— сказал я наконец.— Она утверждала, что сама застрелила его. Пистолет был у нее. Точно такой же, как ты дала мне. Очевидно, ты не обратила внимания, что из твоего стреляли.

— Я ничего не смыслю в пистолетах,— мягко сказала Долорес.

— Конечно. Я сосчитал патроны, и если предположить, что обойма была полной, израсходованы оказались два. Квест был убит двумя выстрелами из пистолета тридцать второго калибра. Того же самого. Я собрал пустые гильзы в том притоне.

— В каком, amigo?

Это стало надоедать. Без конца «amigo, amigo».

— Разумеется, я не мог знать, тот ли это пистолет, но выяснить стоило. Заодно слегка запутать дело и тем самым помочь Мэвис. Поэтому я подменил пистолеты и тот, что был у Стилгрейва, спрятал за бар. Черный, тридцать восьмого калибра. Если бы Стилгрейв отправился кого-то убивать, то с ним. Отпечатки пальцев могут остаться и на рубчатой рукоятке, но на рукоятке из слоновой кости четко отпечатывается весь набор. Брать с собой такой пистолет Стилгрейв не стал бы.

Глаза Долорес округлились, взгляд стал пустым, недоуменным.

— Я, кажется, не совсем понимаю тебя.

— И если б он убивал человека, то уложил бы

сразу, можно не сомневаться. А Квест поднялся и немного походил.

В глазах ее что-то мелькнуло и тут же исчезло.

— Мне бы хотелось сказать, что он немного говорил,— продолжал я.— Но он не мог говорить. Его легкие были полны крови. Он умер у моих ног. Там.

— Где там? Ты не сказал...

— Нужно ли?

Долорес отхлебнула виски. Улыбнулась. Поставила стакан. Я сказал.

— Маленькая Орфамэй при тебе говорила Стилгрейву, где искать Оррина?

— Ну да, конечно.

Долорес полностью овладела собой. Быстро и четко. Лишь улыбка стала казаться чуть более вымученной.

— Только Стилгрейв не стал его искать,— сказал я.

Сигарета ее замерла на полпути. И всё. Ничего больше. Потом медленно приблизилась к губам. Она изящно затянулась.

— Вот в чем было дело с самого начала,— сказал я.— Я не хотел верить очевидному. Стилгрейв — Плакса Мойер. Это ведь точно?

— Абсолютно. Можно доказать.

— Стилгрейв сошел с преступной дорожки и добился успеха. Тут появляется этот Стейн и начинает донимать его, хочет отобрать дело. Я строю догадки, но так вполне могло было быть. Что ж, от Стейна нужно избавляться. Стилгрейв не хочет никого убивать — никогда его и не обвиняли в убийстве. Кливлендские полицейские не приехали за ним. Над ним не висит никаких обвинений. Никаких подозрений — разве только что он каким-то образом был связан с бандой. Но от Стейна ему нужно избавиться. Поэтому Стилгрейв устраивает так, чтобы его самого арестовали. А потом, подкупив тюремного врача, выходит из тюрьмы, убивает Стейна и тут же возвращается обратно. Когда об убийстве становится известно, тот, кто выпустил его из тюрьмы, спешно уничтожает все записи о том, что он выходил. Потому что явится полиция и начнутся расспросы.

— Вполне логично, amigo.

Я взглянул на Долорес. Держалась она великолепно.

— Пока что — да. Но мы не должны отказывать Стилгрейву в здравом смысле. Почему он позволил держать себя в тюрьме десять дней? Ответ первый — хотел обеспечить себе алиби. Ответ второй — так как знал, что рано или поздно возникнет вопрос, не Мойер ли он, и дал полицейским время покончить с этим. Чтобы на него не навешивали убийство, когда рэкетир получит свое.

— Тебе эта мысль кажется верной, amigo?

— Да. Суди сама. Зачем Стилгрейву обедать на людях в тот самый день, когда он вышел из тюрьмы, чтобы убить Стейна? И если он все же пошел в ресторан, каким образом рядом оказался Квест и сделал снимок? Стейн тогда еще не был убит, так что фотография эта ни о чем не свидетельствовала. Хорошо, если людям везет, но это слишком уж невероятное везенье. К тому же, если Стилгрейв и не знал, что снимок сделан, он знал, кто такой Квест. Должен был знать. Квест тянул у сестры деньги на пропитание с тех пор, как лишился работы, а может, и до того. У Стилгрейва был ключ от ее квартиры. Он должен был кое-что слышать о ее брате. Из этого следует простой вывод – что именно в тот вечер Стилгрейв не стал бы убивать Стейна,— даже если и собирался.

— Теперь я должна спросить у тебя, кто убил,— вежливо сказала Долорес.

— Та, кто знала Стейна и могла подойти к нему. Та, кто знала, что снимок сделан, знала, кто такой Стейн, знала, что Мэвис Уэлд вот-вот станет крупной звездой, знала, что ее связь со Стилгрейвом опасна, но станет в тысячу раз опаснее, если Стилгрейва обвинят в убийстве. Знала Квеста, потому что он бывает в квартире Мэвис Уэлд, сошлась с ним и делила постель, а этого мальчишку не трудно было свести с ума подобным обхождением. Знала, что пистолет с костяной рукояткой зарегистрирован на Стилгрейва, хотя купил он его для двух девиц и если имел с собой пистолет, то незарегистрированный. Знала...

— Перестань! — Голос ее был резким, но не испуганным и даже не сердитым.— Пожалуйста, немедленно перестань! Я больше не желаю этого слушать! Убирайся сейчас же!

Я встал. Долорес откинулась назад, на шее ее

бился пульс. Грациозная, смуглая, безжалостная убийца. И никто не мог тронуть ее, даже полицейские...

— Зачем ты убила Квеста? — спросил я.

Она поднялась и подошла вплотную ко мне, снова улыбнулась.

— По двум причинам, amigo Он был отнюдь не совсем нормальным и в конце концов убил бы меня. Другая причина в том, что все это — абсолютно все — делалось не ради денег. Из-за любви.

Я хотел рассмеяться ей в лицо. Но не рассмеялся. Она была совершенно серьезной. Это не укладывалось в голове

— Сколько бы любовников ни было у женщины,— негромко сказала Долорес,— всегда есть один, которого она не может уступить другой. Для меня это был Стилгрейв

Я молча смотрел в ее красивые темные глаза.

— Верю, — сказал я наконец

— Поцелуй меня, [illegible]

— О, Господи!

— Я не могу обходиться без мужчин, amigo Но тот, кого я любила, мертв Я убила его. Этого мужчину я не хотела делить ни с кем.

— Ты слишком долго ждала.

— Я могу быть терпеливой — пока есть надежда

— Перестань молоть чушь!

Она улыбнулась непринужденно, красиво, совершенно естественно.

— И ты, дорогой, ничего тут не сможешь поделать, не погубив окончательно Мэвис Уэлд.

— Вчера вечером она доказала, что хочет погубить себя.

— Если не играла роль.— Долорес резко глянула на меня и рассмеялась.— Тебя это ранит, не так ли? Ты влюблен в нее.

— Влюбляться было бы неразумно,— рассудительно сказал я.— Я мог бы посидеть с ней в темноте, держась за руки, но как долго? Вскоре она унесется в дымку красивости, дорогой одежды, болтовни, нереальности и чуть завуалированного секса. Это будет уже не живой человек. Просто лицо на экране, голос со звуковой дорожки. Мне этого недостаточно.

Я пошел к двери, не поворачиваясь к Долорес

спиной. Собственно говоря, я не ждал пули в спину. Считал, что больше всего устраиваю ее живым — и неспособным ничего предпринять.

Открывая дверь, я оглянулся. Стройная, смуглая, красивая и улыбающаяся. Похотливая. Совершенно не считающаяся с моральными нормами этого мира — или любого другого, доступного нашему воображению.

Да, такие встречаются не часто. Я молча вышел. Когда закрывал дверь, до меня чуть слышно донесся ее голос:

— Querido *, ты мне очень понравился. Как жаль...

Я закрыл дверь.

Когда внизу дверцы лифта открылись, там его дожидался мужчина. Высокий, худощавый, с низко надвинутой на глаза шляпой. Несмотря на теплый день, воротник тонкого пальто был поднят. Подбородок мужчина держал низко.

— Доктор Лагарди,— негромко сказал я.

Он глянул на меня, не узнавая. Вошел в кабину. Лифт тронулся вверх

Я подошел к конторке и нажал кнопку звонка. Рослый толстяк вышел и встал с деланной улыбкой на вялых губах. Глаза его были мутноватыми.

— Дай мне телефон.

Толстяк опустил руку и поставил аппарат на конторку. Я набрал номер Мэдисон 7911. Голос ответил: «Полиция». Это был отдел срочных вызовов.

— Жилой дом Шато Берси на углу Франклин-авеню и Джирард-стрит в Голливуде. Человек по имени Винсент Лагарди, разыскиваемый для допроса лейтенантами Френчем и Бейфусом из отдела расследования убийств, поднялся в квартиру четыреста двенадцать. Говорит Филип Марлоу, детектив.

— Франклин и Джирард. Ждите, пожалуйста, там. У вас есть оружие?

— Есть.

— Если попытается уйти, задержите его.

Я положил трубку и строго глянул на толстяка. Он стоял, навалясь на конторку, бледный как полотно.

---

* Любимый *(исп.)*.

Полицейские приехали быстро — но все же опоздали. Может, мне нужно было остановить Лагарди. Может, я догадывался, что он задумал, и умышленно не помешал ему. Иногда в дурном настроении я пытаюсь разобраться в этом. Но тут сам черт ногу сломит. И таким было все это проклятое дело. Я не мог и шагу ступить, не перестав ломать до одури голову, как он отразится на ком-либо, перед кем я в каком-то долгу.

Когда дверь взломали, Лагарди сидел на кушетке, прижимая к сердцу Долорес. Глаза его были невидящими, на губах выступила кровавая пена. Он прокусил себе язык.

Под левой грудью мисс Гонсалес, прижав к телу ярко-красную блузку, торчала знакомая мне серебряная рукоятка в форме обнаженной женщины. Глаза убитой были полуоткрыты, на губах застыла легкая, соблазнительная улыбка

— Улыбка, предвещающая смерть,— сказал интерн со «скорой помощи» и вздохнул. — А ей она идет.

Он перевел взгляд на доктора Лагарди, который, судя по выражению лица, ничего не видел и не слышал.

— Видно, кое-кто лишился иллюзий,— сказал интерн. Нагнулся и закрыл покойной глаза.

РЭЙМОНД ЧАНДЛЕР (1888 — 1959). Выдающийся американский писатель и сценарист. Родился в Чикаго (шт. Иллинойс), скончался в Ла Иолле (шт. Калифорния). Воспитывался и получил образование в Англии, затем возвратился на родину.

Рэймонд Чандлер — вместе со своим учителем Дэшиэлом Хэмметом — считается одним из создателей современного американского детектива как литературного жанра. Произведения Р. Чандлера отличают подлинный профессионализм и литературное мастерство. Всему, что создано писателем, свойственны лучшие достоинства первоклассных детективов: динамизм и увлекательность сюжета, выпуклые характеры действующих лиц. Писатель широко использует присущую его времени разговорную речь и свойственный американцам юмор.

Самая замечательная сторона работ Р. Чандлера — его свежая, нетрадиционная проза, насыщенная неожиданными сравнениями и метафорами. Среди известнейших книг Р. Чандлера — «Большая удача» (1939), «Прощай, моя красавица» (1940), «Высокое окно» (1942), «Женщина в озере» (1943), «Рыжий ветер» (1946), «Про-

стое искусство убивать» (1950), *«Долгое прощание»* (1954) и др.

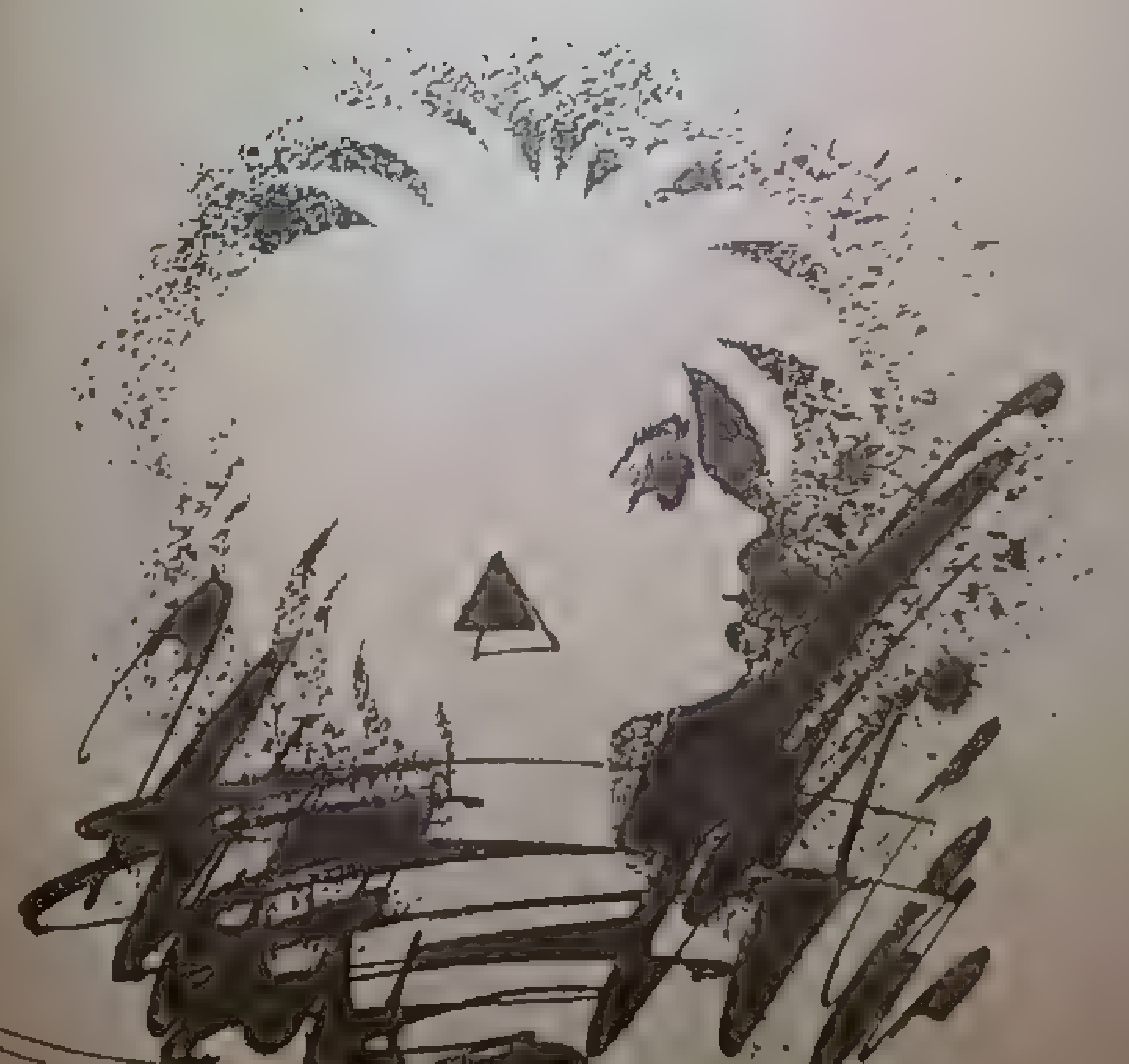
Бессменный герой основных произведений Чандлера — частный детектив Филип Марлоу. Он достаточно настойчив и в меру сентиментален, чтобы действовать и докапываться до истины в неоновых джунглях Калифорнии. Ситуации, в которые он попадает и из которых успешно выбирается, настолько достоверны, что их трудно воспринимать как плод фантазии автора.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ
ФАНТАСТИКА

Шарлотта
Армстронг

ТАКОЙ НЕНАДЕЖНЫЙ МИР

Перевод *Н. Калининой*



ГЛАВА

...по привычке
...к веселью шумн
...на худом утом
...все вот он и
...платье.
...дамы были либо в кр
...— вот уж несусвети
..., которые что нужно
...Дамы позировал
...вызывающие у одн
...у других,
...цели. Но эта,
...на деревянном стуле
...любопытством взира
...только! В квартир
...леди!
...отделился от стены и н
— Приветствую вас!
— О, привет!
— Хотите выпить?
— Благодарю вас, у мен
...
...прислонился к с
...элегантна вышивка
...многое схваты
...и в самом деле о
...голубушка,
...поинтересов
...всего на минутку,—
...признавала, что зде
...совсем не уди

ГЛАВА I

Он стоял, по привычке опершись о стену, непричастный к веселью шумной вечеринки. Черные глаза, горящие на худом утомленном лице, видели буквально все, вот он и приметил девушку в голубом платье.

Все дамы были либо в красных, либо в черных, либо же — вот уж несусветица! — в белоснежных нарядах, которые что нужно оголяли, а что нужно обтягивали. Дамы позировали, а их взгляды, откровенно вызывающие у одних или же замаскированно похотливые у других, преследовали вполне определенные цели. Но эта, в голубом, тихонько сидела на деревянном стуле у стены и с приветливым любопытством взирала на происходящее. Подумать только! В квартире шурина Эммануэля! Молодая леди!

Он отделился от стены и направился прямо к ней.

— Приветствую вас!

— О, привет!

— Хотите выпить?

— Благодарю вас, у меня есть, — ответила незнакомка.

Он снова прислонился к стене. Он разглядел, как изящна и элегантна вышивка на ее голубом платье, и понял (он многое схватывал с первого взгляда), что платье и в самом деле очень дорогое.

— Золушка, голубушка, на тот ли бал вы попали? — тихонько поинтересовался он.

— Я всего на минутку,— пояснила она.— Приглядываюсь.

Она признавала, что здесь ей на самом деле не место, и ее совсем не удивляло, что он тоже это понял. Ох, и молода же она — чуть ли не вполовину моложе его. Когда улыбается, заметно, что один зуб выступает немного вперед. И есть что-то мальчишеское в этом юном, поднятом вверх личике. Удивительно, как странно дрогнуло вдруг его сердце.

Он рылся в своей памяти, быть может, в поисках какого-то воспоминания, которое объяснило бы это странное мимолетное чувство. И тут она с упреком заметила:

— А вы ведь тоже приглядываетесь, верно? Я обратила внимание.

— Кажется, вы правы, сестричка,— согласился он и поправился: — Возможно, и так, сестра.

— Вы знаете, кто эти люди? — Она ерзала на стуле, как ребенок в цирке.— Вы ведь знаете, а? Пожалуйста, расскажите мне.

Он снова прислонился к стене. Глядя сверху вниз на ее каштановую головку, он рассказывал, что знал. Перечислял имена этих так называемых актрис и манекенщиц, кое-кого из мужчин, поведал о некоторых источниках их доходов.

— Вон тот человек, который беседует со светловолосым парнем, — наш хозяин. Его считают аферистом. Вы с ним знакомы, сестра?

— Знакома,— весело кивнула она.— Только что представили. На мой взгляд, все это жутко интересно.

Он видел полуприкрытые глаза хозяина и кривляющиеся физиономии гостей.

— Вас отсюда проводят? — неожиданно спросил он.

— С минуты на минуту, — призналась она.— Пожалуйста, расскажите что-нибудь еще.

— Значит, вы находите интересным проводить время в обществе воров, мошенников и парочки профессиональных убийц? — спросил он, растягивая слова.

— Да что вы говорите? — Она недоверчиво вскинула глаза: уж не шутит ли он? — Они и в самом деле этим занимаются?

Он отделился от стены, чтобы загородить ее от чьих-то любопытных глаз, и сам себе удивился, даже смутился.

— А чем занимаетесь вы, сестра? — насмешливо поинтересовался он.

— Ну пока я, наверное, всего-навсего живу, — отвечала она, глядя на него с такой доверчивостью, что он поморщился: такой взгляд был для него непереносим.— Разумеется, хожу в школу. — Снова напомнив ему мальчишку-сорванца, она поднесла

к зубам большой палец, но тут же убрала его.— Мне просто непонятно, чего же с этими людьми произошло? — с серьезным видом рассуждала она.— И куда катится общество?

Он давился от смеха.

— Вы изучаете... это... ну... социологию?

— Только собираюсь заняться в следующем семестре.— Ее спокойный взгляд прогнал с его лица веселье.— Небось считаете, я должна сидеть дома с няней? Так ведь? Но почему?

— Только потому, что так оно и должно быть, - грустно кивнул он.

— Как глупо,— высокомерно заявила она.— Ну какой от этого вред? От того, что я просто сижу и присматриваюсь? Если я каких нибудь пятнадцать минут посижу здесь и просто понаблюдаю за ними? Разве от этого изменится что-либо в моей жизни или же чьей-то еще?

Заученный аргумент. Не впервой она его приводит. Девушка подняла голову, взглянула на него, и ему снова стало не по себе.

— В чем дело? — тут же потребовала она.

— Хм... он отхлебнул из своего стакана.— Видно, по моей могиле кот пробежал. С вами такое случается? — Он не пытался шутить -- Ничего не изменится, пока вы не свяжетесь с одним из здешних типов. Включая меня...

Она улыбнулась.

— А вы чем занимаетесь? Вы тоже преступник?

В его черных глазах вспыхнуло отчаяние

— Это нетактично! О таком не спрашивают.

Девушка рассмеялась.

— Вы ведь и сама ни капельки в это не верите,— продолжал он.— Но поскольку вам обо мне ничего не известно, я мог бы оказаться и преступником.

— Но ведь это не так? торжествующим тоном спросила она.

— Не так, как ни странно. Мне кажется, вам бы следовало догадаться, что я человек пишущий.— Он не спускал с нее глаз.

— А я читала что-нибудь ваше? — Она восприняла это всерьез и явно собралась перейти на почтительный тон.

Он расхохотался и затряс головой.

— Я не пишу романов. Я автор репортажей.

— О! — Она чуточку порозовела, заволновалась.— Но вы ведь не станете... Вы ведь не вставите мое имя в колонку, да? Мои родители пришли бы в ужас.

— Очень рад,— сухо буркнул он.

— Нет, нет, понимаете, они во всем обвинят Алэна. А это не так, потому что это я уговорила его взять меня сюда — просто мне не захотелось дожидаться его в ресторане.

— Кто знает, быть может, для вас было бы гораздо лучше подождать его в ресторане,— вслух размышлял он. И вдруг отчеканил: — Кто это Алэн?

— Алэн Дюлейн. Вы не знаете Алэна? Вон он там, разговаривает с хозяином дома. Ему надо было встретиться по долгу службы.

— А вы, сестра, какое имеете отношение к этому юнцу Дюлейну?

Она улыбнулась.

— Ну прежде всего мы с ним помолвлены,— серьезно пояснила она.— Так вы не станете упоминать мою фамилию? Пожалуйста, не говорите, кто я. Я хочу сказать...

— А я ведь и не знаю, кто вы,— осторожно напомнил он.

Она вглядывалась в его лицо. Спокойный взгляд серых глаз, от которого снова испуганно вздрогнуло его сердце.

— Я Кэй Сэлсбери,— назвалась она.— Кэй от Кэтрин.

Он закрыл глаза. Кожа вокруг них была тонкая, как папиросная бумага, с коричневыми, будто от вечной усталости пятнами.

— А я Сэм Линч,— представился он.— Сэм от Сэмюэла. Сестра, ступайте домой, ясно? Немедленно ступайте домой.

— Кажется, я так и сделаю,— безмятежно заявила она,— потому что сюда идет Алэн.— И встала. Она доставала ему как раз до подбородка. Изящный поворот, словно она у себя в гостиной.

— Алэн, хочу представить тебе...

У приблизившегося к ней светловолосого парня были четкие черты лица, острый нос, дерзко высеченный подбородок.

— Линч,— опередил ее Сэм.

— Дюлейн,— парировал подошедший, точно копируя вызывающий тон темноволосого.

— О, выходит, вы уже знакомы? — Девушка переводила взгляд с одного на другого, но мужчинам нечего было сказать друг другу — словно секунду назад они столкнулись лбами. .И она поспешила прервать неловкое молчание.— Спасибо вам за беседу, мистер Линч. Вы были так добры, и с вами было очень интересно. Всего хорошего.

Черноглазый даже не притронулся к ее руке. Он снова привалился к стене.

— Пока, сестра, — протяжно сказал он, чуть-чуть приподняв руку.— Свидимся когда-нибудь.

Кровь прилила к бледному лицу Дюлейна, когда он вел девушку к выходу.

— Кто он, Алэн? — шепотом спросила она.

— Он нехороший, Кэй. Идем. Тебе здесь больше нечего делать...

— Что ты хочешь этим сказать? «Нехороший»?! — удивилась она - Алэн, он был очень мил, и он все знает о каждом...

— Он слишком много знает и слишком мало говорит,— перебил ее Алэн.— Чересчур уж он хитер. Скользкий тип. - Он помог девушке одеться и крепко прижал ее руку к себе. Они вышли на улицу.

Девушка наклонила голову.

— Было очень интересно,— упрямо заметила она.

— Небось думаешь, Линч — международный похититель бриллиантов? Он просто выдохшийся старый плут.

— Но я серьезно говорю, мне было интересно...

— Я ведь предупреждал тебя, что здесь ты не найдешь ничего романтичного.

— Алэн,— серьезно начала она,— если я когда-нибудь стану твоей женой...

Он рассмеялся и поцеловал ее.

— Теперь, когда ты спустилась с небес на землю, а я завершил свою грязную работу, может, отправимся потанцевать?

ГЛАВА II

Месяца два спустя, где-то во второй половине апреля, в ресторан на Третьей авеню вошли двое — верзила и коротышка. Время приближалось к полудню, однако бар-ресторан Ника был скорее баром, чем рестораном, поэтому ряд старых деревянных кабин пустовал.

Коротышка был в добротном новом костюме темного цвета, который болтался на нем как на вешалке. Видимо, он долгое время провел на солнце, причем в темных очках: лицо и шею покрывал ровный загар, а кожа вокруг тусклых карих с красноватым отливом глаз, которыми он вращал из стороны в сторону, была бледной. Иссиня бледной.

Из рукавов потертого коричневого пиджака его приятеля-верзилы висели толстые мясистые пальцы. Его круглую багровую физиономию, казалось, специально поджаривали на солнце. Когда верзила забывал насупить свои широко расставленные брови, он смахивал на рассерженного ребенка, нижняя губа которого вот-вот задрожит в капризном плаче.

Они уселись.

Фред, официант, поспешил за кулисы.

— Эй, Ник, явился Амбиелли.— Он кивнул головой в сторону зала.

Физиономия Ника выразила покорность.

— Что ж, обслужи его, Фред. Если он захочет со мной повидаться...— Ник пожал плечами: мол, от судьбы не уйдешь.- В общем, скажи ему, что я у себя.

Официант робко приблизился к сидящим. Он хотел было сменить скатерть, но на столе лежали громадные руки верзилы.

— Прошу прощения,— проблеял Фред,— скатерть...

Физиономия верзилы перекосилась в воинственной гримасе.

— Ну и что?

— Ничего, ничего. Позвольте мне только ее переменить.

Неторопливо, недоверчиво, словно борец, разжимающий тяжелые объятья, верзила поднял свои ручищи.

— Чего прикажете, мистер Амбиелли? - подо-

бострастным голосом спросил Фред.— Выпьете для начала?

— Подай мне бифштекс, Фред,— притворно приятным голоском приказал коротышка.

— С кровью или прожаренный, мистер Амбиелли?

— Прожаренный.

— Это значит, чтоб он был по-настоящему прожарен, ясно? – пригрозил верзила.

— Ясно, сэр. Разумеется. А вам, мистер Хохенбаум?

Официант Фред запоминал не только лица, но и фамилии.

— Мне принеси салат из цыпленка,— надув губы, потребовал верзила.- И жареной картошки.

— Хорошо, сэр. Какие-нибудь овощи? Зеленый горошек? А может, тушеные бобы?

— Пусть Ник порежет парочку помидорчиков, тоненько.— Амбиелли капризно повел костлявой загорелой рукой, поерзал и откинулся на спинку. Он закрыл глаза, и синевы на его лице стало еще больше.

— Как мило, что вы навестили нас, мистер Амбиелли,— лепетал официант, передвигая соль и перец. – Вы здорово выглядите,— врал он.— Долго болели?

— Нет, недолго,— пропел Амбиелли.

Верзила нахмурился, приподнял туловище, будто собирался встать.

— Сядь, Малыш, спокойно велел Амбиелли.

Фред поспешно удалился.

Не переношу любопытных,— проворчал Малыш.

— У тебя есть с собой деньги?

— Парочка пятерок.

— Давай сюда.

Малыш Хохенбаум достал деньги, и Амбиелли плавным, едва заметным движением руки быстро спрятал их к себе в карман.

— Я передумал,— сказал он.— Никто мне не нужен. Сами управимся.

— Вы это серьезно? - удивился Малыш.— А кто сядет за руль?

— Я.

— А машину кто достанет?

— Я достану.

— А ваше алиби?

— Это устроим. Здешний владелец, Ник, мне кое-чем обязан.

— Не нравится мне все это, босс.

— Оставим этот разговор.

— Но в былые времена...

— Теперь настали новые времена.— Что-то промелькнуло на нездоровом загорелом лице коротышки.

— Как хотите, босс,— сдался Малыш.

Тонкие пальцы Амбиелли играли вилкой.

— Единственное, о чем стоит призадуматься, это насчет передачи денег.

Малыш нахмурился — это значило, что он размышляет.

— Сделаем по старинке,— предложил он.— Велим упаковать в посылку и сдать под расписку на хранение.

— Ну а дальше? Как достать ключ? Как попасть туда и отпереть замок? И кто будет нас караулить, пока мы там возимся? — Амбиелли говорил ровно, спокойно.

Казалось, Малыша обидели. Его губы задрожали.

— Но ведь они не посмеют обратиться в полицию,— скривился он.

Амбиелли усмехнулся, передернул плечами. Потом извлек из бумажника клочок газеты с фотографией.

— Ты его знаешь?

Клочок казался легкой былинкой в толстых, как сосиски, пальцах Малыша.

— Мисс Кэтрин Сэлсбери,— громко, с запинкой прочитал он.

Амбиелли издал сквозь зубы звук, похожий на быстрый шепот. Бумажка выпала. Верзилу проняла дрожь.

— Мне показалось, босс, вы хотели, чтобы я прочитал.

— Читай глазами. А рот держи на замке.— Амбиелли быстро прижал бумажку к столу.— Это ее жених.

— Да? Так это ее кавалер? — Малыш разгладил брови и принял смиренный вид.

— Тоже при деньгах,— постукивая хорошо ухоженным ногтем по лицу мужчины на фотографии, пояснил Амбиелли.

— Можно прочитать, босс?

Амбиелли расхохотался. Когда он смеялся, его загорелая, худющая физиономия, не лишенная некоторой привлекательности, принимала зверское выражение.

— Ты умеешь читать, не шевеля губами? Валяй, пока я здесь. Наклонись пониже.— Он презрительно ухмылялся.

Молча вращая глазами, Малыш прочитал запретное имя, потом забормотал себе под нос:

— ...В пасхальном шествии, одетая в легкий шерстяной костюм светло-серого цвета от Мэри Кейн, искусно отороченный... Отороченный?

— Именно.

— ...багровым. Э?

— Валяй дальше.

— ...И украшенный у шеи шелковым шарфом, багровым с белым, настоящий йонадабский шелк от самого Йонадаба, Мэдисон авеню. Туфли из темнокрасной занши...

— Замши...— Амбиелли развеселился.

— ...От Мартина,— продолжал Малыш,— шляпка без полей от Белами. Что?!

— Это модистка. Фасон

— Сопровождающий ее...— Малыш никак не мог произнести фамилию.

— Алэн Дюлейн,— вполголоса подсказал Амбиелли.

— Одет... Ой, босс, хватит. Они хотят рассказать, в чем он...— Малыш чуть не прыснул со смеху.

Амбиелли снова издал тот же острый звук. Быстрый. Повелительный. Малыш сделал руки по швам. Появился Фред с их заказом.

— И принеси мне чашечку кофе,— томным голосом потребовал коротышка.

— Сию минуту, мистер Амбиелли.

В зал вошел еще один посетитель. Он снял на ходу шляпу, обнажив темные волосы. Судя по всему, он не обратил внимания на парочку за столиком, прошел мимо них и устроился в соседней кабине.

— Когда зажарили этих цыплят? — грозно вопрошал Малыш, тыкая вилкой воздух.

— Только что, только, только, мистер Хохенбаум.— Официант пятился назад.— Я вас слушаю, ми-

стер Линч,— взмахнув салфеткой, обратился он к новому посетителю.

— Принеси мне пару бараньих отбивных, прожаренных, чашку кофе и...— черноглазый кивнул в сторону булочек в корзине,— парочку свежих булочек.

— Хорошо, сэр. Что,будете пить, сэр?

— Не надо.

Амбиелли потянулся за солью. Малыш взял бутылочку с кетчупом и плеснул себе в салат.

— Знаете, босс, мне вдруг пришло в голову...

— Ну?

Услышав это единственное, произнесенное шепотом слово, Сэм Линч навострил уши. Его черные глаза оживленно заблестели.

Что.. - Малыш проглотил пищу,— хочешь жить — надо кушать.

— Верно.

— Ну вот, это значит, что потребуется всякая бакалея, да? Я хочу сказать для...

— Для уик-энда? спокойно докончил фразу Амбиелли.

— Знаете, оно б дешевле, кабы, понимаете... м-м... во-первых, харч только для нас с вами.

— Так ты все хочешь сам? — с издевкой спросил Амбиелли.

— Вы не так меня поняли.— У Малыша был обиженный вид.— Просто с дамочкой столько возни. Не проще ли...

— Минутку, - остановил его Амбиелли. Он вышел из кабины.— Я так и думал,— приветливо сказал он.— Здорово, Сэм. Как жизнь?

— Потихоньку,— ответил Сэм.

Мужчины обменялись рукопожатием.

— Как твои дела, Сэм? Все так же работаешь в газете?

— Последнее время я свободный художник.

— Читал твою заметку об Эммануэле.— Тонкие губы на загорелом лице скривились в гримасу.

— Правда? Понравилась?

Амбиелли пожал плечами.

— А Эммануэлю понравилось, Сэм?

— Должно быть. Там ведь одно вранье.

Амбиелли осклабился.

— Присядешь к нам, старина?

— С удовольствием. Привет, Малыш. Тоже вернулся, да?

Верзила вскочил со стула, перегнулся через стол, замотал головой.

— А, это ты,— проворчал он.

— Да, всего лишь я.— Сэм хотел было войти в кабину, но Малыш не позволил.

— Обожди. С краю сяду я.

Сэм любезно посторонился и проскользнул в уголок.

— В чем дело, Малыш? Нервы?

— Они у него вечно пошаливают, - пояснил Амбиелли, четко выговаривая каждое слово.— В этом его достоинство. Сюда, Фред.

Официант принес Сэму булочки.

— Что-нибудь еще, мистер Амбиелли?

— Принеси мне бутылку эля.

— И мне тоже,— велел Сэм.— В компании меня, как правило, мучает жажда.

— Куда ты клонишь своей шуточкой? — сердито поинтересовался Малыш.

— Оставь,— устало приказал ему босс.— Ешь свою жареную картошку.— Амбиелли резал мясо.— И они, Сэм, платят тебе за эти статейки?

— Платят. Ведь материалы для них, как тебе известно, почерпнуты из первоисточника.— Сэм скривился.— Ты сам мог бы стать хорошим материальчиком.

— Вполне возможно, весело согласился тот.

— Я вижу, ты был на Западе.

— На Западе.

— Не помер.

— Нет.

Фред принес Сэму отбивные и кофе.

— Я даже в мыслях такого не допускал,— сказал Сэм, когда официант ушел.— Да и мы бы немедленно узнали.

— Послушай-ка...— попробовал вставить Малыш, но Сэм примиряюще похлопал его по рукаву.

— И ты платишь этой чувствительной натуре за то, что он околачивается возле тебя? — подтрунивал Сэм.

— У него свои достоинства.— Амбиелли потянулся за сметаной.— Ни для кого не секрет, что он убьет любого, кто на меня полезет.

— За деньги или просто так?

Не задумываясь. Это страховка, Сэм.

— Если я не ошибаюсь, до меня дошли слухи, будто бы организация на время распущена,— осторожно сказал Сэм.— За что купил, за то и продаю.

— Босс,— заныл Малыш,— неужели вам нравится этот длинноносый проныра?

— Помолчи.

— Э, да кто нынче не любит поговорить? — примирительным тоном заметил Сэм.— Успокойся, Малыш. Насчет длинноносого проныры ты, может, и прав, но только я не болтун.— Амбиелли стремительно вскинул на него глаза.— Например,— беззаботно разглагольствовал Сэм,— я мог бы черт знает сколько порассказать о неком Эммануэле, а я вот помалкиваю.

— В этом тебе не откажешь,— не совсем уверенно кивнул Амбиелли.

— Верно.— Сэм ухмыльнулся.— Мне нужно проникнуть в саму суть, иначе мои репортажи будут расплывчатыми.

— Понимаю,— сочувственно кивнул Амбиелли.

— И вот мне пришла мысль,— дерзко продолжал Сэм, в котором сидел демон любопытства,— что у такого человека, как ты, должны быть сбережения про черный день.

— Счета от доктора,— горестно вздохнул Амбиелли.— Не такая, Сэм, у нас профессия. Из нас доктора качают деньги. К тому же тьма расходов. На укрепление дисциплины.— Он слабо улыбнулся.— Это накладно.

— Да, ты всегда был истинным поборником дисциплины,— заметил Сэм. Он подсчитывал степень риска. При помощи некой сверхчувствительной антенны он мог улавливать настроение собеседника. Сейчас ему показалось, что человек напротив него томится от нетерпения поделиться своими соображениями, да только не с кем. Он решил воспользоваться случаем.— Иногда дисциплина может подкачать, верно? И надо же где случиться несчастью с этим стариком?

— С каким стариком, Сэм?

— Со сторожем, с ночным сторожем на складе. Умер в понедельник ночью. Газеты писали.

— А, тот сторож...— Амбиелли улыбнулся одними губами.— Читал, читал.

— Он-то пешка,— решительно заметил Сэм.

И по тому, как вращал глазами Амбиелли, во взгляде которого гордость за содеянное сменялась отрицанием своей причастности, а еще по напряжению, сковавшему тушу сидящего подле него Малыша, он понял правду, о которой лишь подозревал. Значит, так оно и есть. Теперь он в этом убедился. Смерть старика сторожа отнюдь не была результатом несчастного случая: когда дело касается Амбиелли, для него пешек не существует. Любого, кто встает на дороге, призывают к порядку.

Однако вряд ли можно считать уликой движение глаз или скованную от напряжения спину. Сэм-то все понял, но как докажешь?

Линч откинулся на спинку.

— Никак не могу понять, зачем им понадобился сторож у склада с печеньем? — Он усмехнулся, стараясь сохранить равнодушно-непринужденное выражение.— Загадочная ситуация. Старик начинает нервничать, видит в темноте таинственный черный автомобиль. Какое ему дело? Кому нужно его печенье?

— Да, нечего было соваться не в свои дела,— с некоторым сожалением заметил Амбиелли.

— Мне кажется, что именно этот сторож, который апеллировал к закону в ту прошлогоднюю ночь, испортил твою... твои планы.

— Ты думаешь?

— Ребята Эммануэля никогда не отличались особой сообразительностью,— спокойно продолжал Сэм.— Должно быть, там что-то стряслось, в противном случае им бы не представилась такая блестящая возможность.

Малыш Хохенбаум судорожно дернулся.

Его босс подался вперед на стуле, жестом предупреждая верзилу хранить молчание.

— Ты, Сэм, мог бы написать целую книгу,— сказал он. Слова так и отскакивали от жесткой линии его губ.— Тебе известно, что стало со мной. Ребята Эммануэля воспользовались столь блестящей возможностью и всадили в меня четыре пули.— В красновато-карих глазах блеснуло желтое пламя, и Сэма обдало жаром угрозы, таившейся в этом человеке.— Эммануэль позаботился, чтоб организация, как ты выразился, распалась, пока я отсиживался на Западе

с продырявленной грудью. Я не умер. Я вернулся. Но я сломлен. Болен. Выдохся. Хочешь написать книгу?

— Когда-нибудь напишу,— с уверенностью кивнул Сэм.— Однако подожду конца — еще не знаю, чем все кончится.

Карие глаза потеплели. Бледные веки захлопнулись, как ставни. Когда они поднялись, уже невозможно было заглянуть внутрь. Амбиелли снова приступил к еде.

— Знаешь, Сэм, небольшая придорожная закусочная где-нибудь в сельской местности — хорошее местечко для восстановления сил.

— Отличное,— кивнул Сэм.— Но на это тоже нужны деньги.

— Чертовски верно,— заметил Малыш. Он тоже чувствовал себя гораздо лучше в спокойной атмосфере.

— Нужен небольшой капитальчик,— продолжал Сэм.— Босс, у тебя есть покровитель?

— Считай, что есть — кивнул Амбиелли.

— Как ты думаешь сколько тебе потребуется для начала?

— О, всего-навсего тысчонок пятьдесят.

— Куча денег.

— Есть люди, у которых деньги куры не клюют,— неуклюже улыбаясь, заметил Малыш.

С минуту все трое молча пережевывали пищу. Сэм был доволен. Как охотник, подстреливший первую утку. Но его не покидало любопытство. К тому же, порывшись в мозгу, он припомнил кое-что из только что подслушанного. Что-то насчет харчей. И о какой-то дамочке.

— Так, значит, ты, Сэм, собираешься написать книгу, а? — Амбиелли изящно орудовал салфеткой.

— Понимаешь, это будет беллетристика. Большой роман. Тот самый, который я все время себе обещаю.

— И в нем ты собираешься использовать реальные факты? — хитро поинтересовался Амбиелли.

— Да,— признался Сэм.

Наступило настороженное молчание.

— Когда-то я начинал писать роман,— сказал с улыбкой Сэм, еще не зная, то ли он попадется, то ли пронесет.— Приключенческий роман. Это было так здорово, что я не смог его закончить. Не смог придумать, как разрешить одну загадку.

— А о чем он, Сэм? — поинтересовался Амбиелли.

— Естественно, об убийстве. Один парень выкрал банкира.

— Похищение? — оживился Малыш Хохенбаум, дернувшись всем своим массивным туловищем. Он был явно восхищен и удивлен столь очаровательным совпадением.

Воцарилась странная, довольно таки напряженная тишина.

— Интересно, куда я засунул эту рукопись? — вслух размышлял Сэм.— Теперь-то я набил себе руку. Нужно бы ее пролистать.

— А ты не смог бы ее теперь закончить? — как бы невзначай спросил Амбиелли.

— Не знаю.

— Предвижу, ты столкнешься в своем романе с проблемой передачи денег,— спокойно продолжал Амбиелли. — Как ты, Сэм, думаешь разрешить в романе проблему передачи денег?

— Ты имеешь в виду выкуп, — уточнил Сэм, стараясь показаться задумчивым. — Мне кажется, это не так уж и сложно.

— Пусть деньги выкинут из окна поезда,— предложил Малыш.— Я все еще остаюсь при мнении...

— Это уже было,— перебил его Сэм.— Слишком старомодно, Малыш. Ага, вспомнил. Кажется, я заставил их послать жену банкира по длинному запутанному пути. Ей пришлось направиться в одно место, найти там записку, в которой говорилось, что ей нужно ехать в другое место, и так далее. Потом ее попросту задержали. И отобрали деньги.

— Да,— начал Малыш,— но...

— Тебе что-то не нравится?

— А за ней не следили? — скептически поинтересовался Амбиелли.

— Нет, потому что в моем романе на это не осмелились.

— Вполне правдоподобно.

— Ну а если следили, тогда что?

— Скажем, неожиданное нападение,— предложил Амбиелли.

— Лажа,— протянул Малыш Хохенбаум.— Ведь ограбление считается преступлением.— Неожиданно он повернул голову назад и, выгнув спину дугой,

встал. Его громадная ручища крепко сдавила плечо официанта.— Ты? Чего тебе?

— Оставь его, Малыш. Пусть идет,— слабым, полным отвращения голосом приказал Амбиелли.

— Я хочу кофе,— заказал Сэм.

— Да, да, сэр.

— Слушайте, он подкрался как кошка...

— Пусти его.

Официант с проворностью мыши шмыгнул в свою нору. Малыш стоял, опершись ручищей о стол.

— А что, если он подслушал? — заговорщически прошептал он.

— Сядь,— устало приказал Амбиелли.— Ну сядь же.

— Тяжелое заболевание нервов,— изрек Сэм.— Опасно?

— Тупость всегда опасна.— На загорелом лице ярко белели веки.— Почти так же, как и чрезмерная сообразительность,— добавил Амбиелли.

— Предпочитаю что-то среднее,— весело заметил Сэм.

Он обрадовался, когда увидел, что кофе несет сам Ник. После приветствий, после амбиеллиевского: «На одно слово, Ник, чуть попозже», любезного ответа хозяина: «Ну разумеется, босс» и его ухода Сэм Линч, который все это время молча ерзал на стуле, медленно поднял с сиденья руку и посмотрел, что в ней.

Он щурился от дыма своей сигареты. Рука не дрогнула — уж кто-кто, а Сэм Линч знал, как скрыть потрясение. Он повернул обрывок с фотографией, и она проскользнула у него между пальцами.

— У вас что-то упало? — бесстрастным голосом спросил он.

ГЛАВА III

Он знал, что Малыш моментально протянул руку, но тут же ее отдернул. Он мог предугадать и вопрос Амбиелли, заданный ленивым безразличным голосом:

— Что там, Сэм?

Как доказать? Никак. Он положил обрывок на

стол и поспешно убрал руку — ведь потрясение можно скрывать лишь до тех пор, пока его импульсы не достигнут кончиков пальцев.

— Картинка,— пробормотал он.— Вырезка из газеты. Дюлейн. О, этот Алэн Дюлейн.

— Ты его знаешь, Сэм?

— Может, ты вообразил себе, будто он мой друг? — фыркнул Сэм.— Нет. Однако мне довелось с ним встречаться. Однажды целый час беседовал. Не могу спокойно видеть его физиономию.

— Что он тебе сделал? — заинтересовался Амбиелли.

— Абсолютно ничего. В том-то и вся соль. Тебе случалось невзлюбить кого-то с первого взгляда? — Сэм быстро провел ладонями по волосам.— Я этого парня просто не перевариваю.

— Почему, Сэм?

Амбиелли смотрел на него безучастным взором.

— Знаешь, кто он? Богатый сынок. Голубая кровь. Потомственный миллионер. Кровь быстро голубеет, если денег до черта. У него есть религия или ее сиюминутный эквивалент. Он учится делать добро. О, я ненавижу его со всеми его потрохами.

Амбиелли смеялся почти беззвучно.

— Да, нелепо,— сознался Сэм, готовый улыбнуться.— И что кипятиться в моем возрасте из-за ерунды? Он ничтожество. Юнец. Но это выше моих сил. Он поступил к Миллеру и Милфорду.

— Адвокаты?

— Сам он не адвокат. Но ему охота заполучить какую-то степень. Бегает по поручениям. Взад-вперед. И мнит из себя бог знает что. Преступления — вот что его, видите ли, занимает. Типы преступников. Преступления в обществе. У, он чертовски глуп.

Амбиелли засмеялся громче.

— Как-то заглянул к нему в контору,— не унимался Сэм.— Он хотел кое-что из меня выкачать. Правда, может, мне так показалось. Клянусь святой Иоанной, мы оба говорили по-английски, но...— Он замотал головой.

— Ты, Сэм, что-нибудь ему рассказал? — как бы между прочим спросил Амбиелли.

— Если бы я даже захотел обнажить перед этим Дюлейном свою душу и сообщить ему все, что знаю,

от «а» до «я»,— все равно я не смог бы сделать это,— честно признался Сэм.— Мы с ним говорим на разных языках. Будто живем в разных мирах.— Сэм подпер рукой щеку. Наконец-то он позволил себе взглянуть на вырезку.— Так, значит, Дюлейн собрался обзавестись семейством,— усмехнулся он.— Что ж, сжалься, Господь, над этой девушкой. Вот и все, что я могу сказать. Откуда у вас это?

— Ты девушку знаешь, Сэм?

— Я? Нет, ее я не знаю. Сэлсбери?

Не нужно было произносить фамилию. В мозгу тут же пронеслось воспоминание, и он боялся, как бы это не отразилось на его лице. Что-то связанное с каким-то словом, а за словом следует эта фамилия. Неизбежно. Так и вертится в голове. Как этот богач, Чарлз Сэлсбери, сколотил свой капитал?

Печенье Сэлсбери.

На мгновение ему показалось, что он произнес эти два слова вслух. Он вскинул глаза.

Маленький человек, похожий на кучку золы, внутри которой теплится огонек, спокойно восседал за столом, и по его лицу ничего нельзя было сказать.

— Сэм, а что значит багровый? — спросил Малыш.— Оттенок какого-то цвета?

— Красного,— пояснил Сэм. Он откинулся назад.— Ты знаешь, босс,— не глядя на Амбиелли, начал Сэм,— я зарабатываю на жизнь тем, что пишу всякие мелочи.— Он смотрел в никуда.

— Мелочи, Сэм? — это прозвучало очень тихо.

— Для того, чтобы существовать. Ты должен это понять...

Амбиелли сидел и слушал, казалось, не столько сами слова, сколько паузы между ними: Сэм мог что-то знать.

— В этом мире люди чем только не занимаются. Кое-кто, как и я, любит разузнавать новое. Наблюдать. Вникать в суть вещей. Но мы созерцатели жизни, зрители, а не действующие лица. Понимаешь?

Амбиелли слушал. Он не говорил, понимает или нет.

— А чем жизнь не спектакль? — усмехнулся Сэм.— По крайней мере, мне она представляется спектаклем. И я на самом деле получаю от него удовольствие.

Амбиелли заулыбался.

— Ты, Сэм, назвал меня поборником дисциплины. Хочешь, я открою тебе секрет дисциплины?

Сэм промолчал.

— Он вот в чем. До того, как кто-либо полезет в мои дела, я спокоен, но *после* мое наказание всегда достигает цели.

Сэм безмолвствовал.

— Вникаешь в мою систему, Сэм? — Это было сказано спокойно, но внушительно.— Я расплачиваюсь *после*. После того, как случится.

— Или если,— поправил Сэм.

— Если и после,— повторил Амбиелли. Его слова резали как нож.— А теперь мне нужно перекинуться парочкой слов с Ником, поэтому я с тобой прощаюсь. Рад был повидать тебя, Сэм.

— Прощайте, мистер Амбиелли,— тщательно выговаривая каждое слово, произнес Сэм. И осторожно добавил: — Желаю успеха вашей закусочной.

Коротышка положил руку на плечо верзилы, что означало — жди, и удалился.

Любая собака учуяла бы страх на физиономиях оставшихся, подумал Сэм. Могущество, кроющееся в глубинах духа этого маленького человечка и посылаемое им в окружающий мир, обжигающее, как огонь, и холодное, как лезвие ножа, повергало в дрожь каждую клетку. Физиономия Малыша покрылась капельками пота, он стал подергиваться. А сам с гордостью поглядывал по сторонам, будто хотел довести до сведения каждого: «Это мой босс».

— Ну и коротышка,— с ехидцей заметил Сэм.

— В нем страшная сила. Страшная.— Малыш вытирал ладони о свой пиджак.

«А я,— с горькой усмешкой думал Сэм,— слишком много знаю». Но времени на размышления уже нет. Его нет и для того, чтобы проверить правильность своих рассуждений. Он откинулся на спинку, заставил себя расслабиться.

— Совсем коротышка,— бормотал он.— Малыш, ты смыслишь что-либо в писанине?

— Кто? Я?

— Это зараза,— сказал Сэм.— Вроде микроба, сечешь? Грызет тебя. Жрет.

— Да что ты говоришь?

— Мне сейчас пришла в голову мысль: дай-ка

я достану из загашника этот свой приключенческий романчик?

— Да ну? — Малышу было совсем неинтересно.

— Понимаешь, легко одолеть первую часть. Как они выкрали своего банкира. У того особые повадки.— Концом ложки Сэм рисовал на скатерти треугольник.

— Какого банкира?

— Да ладно, пустяки. Не обращай внимания.— Сэм описывал ложкой круг.— Я думаю о своем. О романе, Малыш.

— Романы.— Малыш Хохенбаум произнес это с таким видом, будто ему хотелось сплюнуть.

— Если я когда-нибудь соберусь писать книгу о твоем боссе, я и тебя туда всуну.

— Послушай, Сэм.— Малыш насупил брови.— Что, этот роман у тебя про похищение, да?

— Ну да.

— Проныра.

— Точно.

— А что ты сделал с.. Ну, кто это был, кого в твоем романе украли?

— Банкир,— терпеливо пояснил Сэм.

— Ну да. Он у тебя живой остался?

Сэм скрипнул зубами. У него задрожали щеки.

— Если я тебя правильно понял,— медленно начал он,— ты спрашиваешь, правда ли, что они его спрятали, а как только получили деньги, велели ему убраться домой? Или нет?

— Да. Или нет?

Сэм молчал. Все свои силы он бросил на то, чтобы сохранить ровное дыхание.

— Мне интересно знать,— Малыш надул губы,— а какой от этого прок? Поверь мне, Сэм, можно здорово облегчить себе жизнь. Не придется возиться с...

— Провизией.— Сэм заерзал на стуле, уставившись на толстый, как сосиска, палец с грязным ногтем, царапавший скатерть.— Я тебя понял, Малыш. Я... оставил его в живых,— едва слышно сказал он.

— Зачем?

— Только ради того, чтобы был счастливый конец,— со свирепым видом пояснил Сэм.

— А, да. В романе.

Сэм следил за пальцем, размазывающим пепел по узору на скатерти.

— К тому же так выгоднее,— добавил он.

— Кому? — удивился Малыш Хохенбаум.

— Ладно! — сердито оборвал его Сэм.— Я же сказал тебе, что не смог его окончить! — Он стиснул руку в кулак, потом разжал его.— Никаких забот, если спрятать в безопасном местечке. Спокойном, безопасном местечке. Ты сам такое местечко знаешь. Пусть Малыш проболтается, где оно!

— Но ведь придется закрывать лица, не говоря уж о прочих мерах предосторожности. А зачем это? — не унимался Малыш.— Ведь все равно деньги достанутся им.

— Поверь мне, Малыш, я много над этим размышлял,— срывающимся голосом начал Сэм.— Основную опасность представляет само похищение. Лучше всего делать это в темноте.

— Нет,— презрительно сказал Малыш.— Ты, Сэм, отстал от жизни.

— Раз так, пиши книгу сам.— Он пожал плечами и прислонился к стене.

Малыш оттопырил в улыбке свои жирные губы.

— Ты, Сэм, большое дитя. Послушай, ведь ты сам сказал. Насчет привычек. Люди делают то же самое в одно и то же время, ну хотя бы раз в неделю. Ну хотя бы...

Сэм притворился, что до него не доходит.

— Ну скажем, ходят на уроки музыки,— пояснил Малыш.— Скажем...

— В школу?

— Нет, после школы...

— Скажем, играют в покер,— спокойно подхватил Сэм.— Люди раз в неделю играют в покер.

— Кто?

— Мой банкир. Он всегда...

— А, да, да.

— Конечно, у вас есть машина.

— Ну конечно.

— Все это ерунда,— горько заметил Сэм.— Ерунда. Но я так и не смог придумать, как закончить этот проклятый роман.

В конце зала у входа в кухню послышался вкрадчивый голос. Сэм привалился к стенке кабины, напустил на себя усталый вид.

До встречи,— протянул он, приподняв руку.— Свидимся когда-нибудь.

— Пока, Сэм,— любезно бросил через плечо Амбиелли.

Малыш двинулся за своим боссом.

Фред пришел убрать со стола. У него был оскорбленный вид.

— За что я должен такое терпеть, мистер Линч?— справедливо негодовал он.— За что?

Он протянул Сэму счет.

— Они всегда здесь питались. Я, вы знаете, могу и уйти. Если Нику так хочется повертеть хвостом, я могу и уйти. Мистер Амбиелли тут ни при чем. Он всегда такой обходительный. Всегда. Чем человек важнее, тем он умнее. Вы, конечно, знаете эту поговорку.— Он снисходительно оглядел Сэма.— Подумать только, как мистеру Амбиелли пришлось улепетывать... У него только и осталось, что этот хулиган, этот толстяк Хохенбаум. Мистер Амбиелли был таким опасным человеком. Но в умении себя вести ему не откажешь. Уж кто-кто, а я это знаю. Скверно выглядит, а? Я и говорю, он болеет. Как-то непривычно видеть его побитым...

Казалось, Сэм его не слушал. На самом же деле он не только слушал, а еще и делал свои выводы. *«Был* опасным»,— думал Сэм. Очень странно. Он и сейчас не знает человека опаснее Амбиелли, тем более побитого Амбиелли.

— Очень непривычно,— вслух сказал Сэм.— Я мог бы написать целую книгу. Но называлась бы она не «Время и жизнь Амбиелли». Нет, Фред: «Время и жизнь Сэмюэла Линча». Особенно время. Пятнадцать минут здесь, пятнадцать минут там. Очень забавно. Прибыльная вещь. Что скажешь, а?

— Еще что нибудь, мистер Линч? — покорно спросил Фред. Он привык к желчным, недоступным его пониманию излияниям посетителей — такая у него работа: слушать.

— Глоток водки,— приказал посетитель.

Сэм закрыл глаза. Он слишком много знал. Да, он знает все. Все до капельки. Вот только, наверное, не знает — когда. Вероятно, скоро. Такое ощущение, что из всех зрителей он один читал пьесу. И в этом есть что-то противоестественное. Почему бы ему, как и остальным, не следить из партера за ходом

событий? С интересом. И в то же время содрогаясь от ужаса.

Газетная вырезка так и лежала на столе. На фотографии она всего лишь обычная разодетая красотка. И ничего более.

— Кто это? — в самое ухо спросил Фред.— Ваши друзья печатают свои фото в газетах?

— Эти люди? — Сэм стукнул по бумажке костяшками пальцев.— Нет. Это просто люди. Два представителя человеческой расы. О, разумеется, из высшего света, но все равно муравьи из большого муравейника, песчинки на отмели, снежинки в воздухе.— Он залпом выпил водку.— Тебе случалось видеть собаку под колесами? — спросил он.

— Нет, сэр, — ответил Фред.— Не случалось.

— Мне тоже не случалось. Однажды, много лет назад, когда я был еще молод — а ведь я когда-то был молод, я совершил героический поступок. Я вытащил собаку буквально из-под колес.

— Да что вы говорите? — покорно удивился Фред.— А вы от этого что-то имели?

— Имел. И знаешь что, Фред? Сломанную ключицу. Наружный перелом. Штучки наивного сопляка, а?

Он провел ладонями по волосам.

Фред ждал, когда последует неизбежный в таком случае заказ. Да и к чему уходить? Посетитель наверняка потребует еще водки.

— Это была ваша собака? — любезно поинтересовался он.

— Даже не моя,— медленно произнес Сэм.— Но я... видел ее до этого. В общем-то знакомая псина. Понимаешь? Ну, не совсем чужая.

— Еще водки, сэр?

— Минутку,— Сэм облизнул губы.— Да, вот... тогда мне было восемнадцать лет от роду. С тех пор много воды утекло. Восемнадцать помножить на два будет тридцать шесть. Верно? Тридцать шесть разделить на два — получим восемнадцать лет от роду. Вот сколько мне было. И больше уже не будет никогда. Теперь я на столько лет знаю жизнь лучше.— Он потер лицо.— Живи и познавай, Фред. Главное в этом мире, Фред, уметь наслаждаться спектаклем. Наслаждаться, ясно? Ты получаешь один-единственный билет на это непрерывное представление — вот и сиди на своем месте. Так-то.

Сэм был испуган, и от страха у него развязался язык. Было страшно за эту маленькую девочку, эту молодую леди в голубом платье. Он весь взмок.

«Пьяница»,— скептически думал Фред.

Посетитель заслонил глаза ладонями.

— Похоже, у вас лихорадка,— с некоторым сочувствием заметил Фред. — Вам неможется, да? Принесу-ка я вам еще глоток, а?

Но посетитель уже вынул бумажник, отсчитал сколько полагалось плюс чаевые и взялся за шляпу. Он вовсе не собирался напиваться. Фред как будто остался доволен.

— Заходите к нам, — сказал он.

Посетитель прижал шляпу к груди и расхохотался.

— С удовольствием. С огромным удовольствием. Только не знаю, удастся ли.— Он похлопал Фреда по плечу.— Прошу прощения, старина. Я немного пьян. Я принимаю одно решение. Кажется, начинаю новую жизнь.

Фред ухмыльнулся.

— Тебе, небось, еще не доводилось слышать подобную чушь! — весело воскликнул Сэм.— В моем-то возрасте. Похоже, я появлюсь на сцене.

И он со смехом вышел вон.

ГЛАВА IV

Сэму Линчу стукнуло тридцать шесть. Он жил один. Когда-то Сэм был женат (эти три года были самыми несчастными в его жизни). Теперь он не знал, где его бывшая жена и жива ли вообще.

Подобно сотням молодых людей, Сэм приехал в Нью-Йорк из центральных штатов. И целый год честно посещал Колумбийский университет. Но его влек к себе и цепко держал в объятиях сам город.

Он получил работенку в газете. В те первые годы жизни в Нью-Йорке Сэму сопутствовал успех. Он стал репортером. Его привлекала проблема насилия, интересовали люди. Главным образом те, которые оказывают сопротивление насилию. Он пытался разобраться, как это происходит.

В тот период процветания он взял и женился. Лишь затем, чтобы убедиться в том, что его вовсе не трогают повседневные мелочи семейной жизни. По-

сле развода он еще глубже погряз в своей работе. А после войны, после скитаний по забытым богом уголкам планеты (ему так и не пришлось столкнуться с насилием в его чистом виде), он окончательно отдался во власть сидящего внутри демона: Сэм жаждал много знать.

Пробил тот неизбежный час, когда он стал говорить далеко не все из того, что узнавал, ибо научился читать в уголках губ, слышать в обычном покашливании. Эти сведения частенько смахивали на подозрения, в то время как попытка заговорить лишила бы его возможности разведать что-то еще. Тем более что его хозяева ему уже не доверяли.

По мере того как росло недоверие с одной стороны, другая сторона все больше и больше посвящала его в свои тайны. Профессиональные преступники Нью-Йорка не то чтобы доверяли Сэму — нет, просто в их глазах он был чудаком, который любит послушать, но при этом остаться в стороне. Складывалось впечатление, что он заглатывает услышанное и держит его в тайне. К тому же Сэм был одинок и ни с кем не водился.

Для газеты Сэм писал скучные серые заметки. Такие, как пишут все газетчики, но его начальство было им недовольно. Они тоже учуяли, именно учуяли, что Сэм *знает* очень много, и не могли простить ему такой скрытности. Он ни с кем не делился своими знаниями, никогда даже не сплетничал. И у них возникло подозрение, что он попустительствует беззаконию.

Сэм потерял работу. Вскоре сменил еще две или три. Его приняли в сомнительный полусвет, где ему никто полностью не доверял. Зато теперь у него была возможность собирать по мелочам: прислушиваться, догадываться и благодаря этому много знать. Сколько? Преступный мир, иной раз доверявший ему кое-какие из своих тайн, никогда не был уверен, насколько много ему известно. Мир праведный в своей злобе доходил до того, что незаслуженно обзывал Сэма косвенным и даже прямым соучастником преступлений,— так сильно их бесила его скрытность.

Сэм писал для самых разных изданий. В своих рассказиках он кратко пересказывал то либо иное сенсационное событие, и лишь благодаря как бы

невзначай оброненной фразе, на мгновение освещавшей все как вспышка, можно было догадаться о богатейшем тайном источнике информации. Так Сэм зарабатывал себе на жизнь. Он жил один.

Себя Сэм считал зрителем, он, можно сказать, и был им. Пробьет час, и он бросит собирать и заговорит И превратится в историка минувшего десятилетия. В историка – не более.

Сэм был высокого роста, но осанкой похвастаться не мог. В его походке чувствовалась усталость. В ту апрельскую среду он ссутулясь вышел от Ника и, как обычно, не спеша, побрел по городу. Но он уже не смеялся. Он знал: кончается целая эпоха в его жизни. А то и...

Сейчас, когда он знал, что перед ним открывается хорошая возможность покончить со старым, то есть отныне не видеть, не слышать и ничего не знать, мир показался ему светлым, родным. Как будто взгляд его стал различать тончайшие оттенки серого камня на тротуарах, радужно переливчатые грани стекла. Каждый кирпич, каждый камень хотелось прижать к сердцу. Старые спичечные коробки в урнах рассказывали ему трогательные человеческие истории.

Да, это неизбежно. А поэтому прощай уютное кресло в партере – его влечет к себе сцена. Со страшной силой влечет. А уж он-то знает, как это опасно. Опасен Амбиелли-победитель, но Амбиелли побежденный неизбежно становится убийцей.

Следует действовать предельно осторожно.

И все равно он не прибегнет к посредничеству телефона: это что-то легковесное, не приносящее никакого удовлетворения. Уж если нарушить правило своей жизни и заговорить, то хотя бы обставить это с помпой. Чтобы вкусить всю прелесть столь дерзкого поступка. Он сумеет убедить. Ему поверят.

Он нисколько не сомневается в том, что его жизнь окажется под угрозой. Стоит только Амбиелли догадаться, чьих рук дело...

Он будет осторожен. Не пойдет в полицейский участок. Уж он-то знает, с какой неизбежной быстротой распространяются сведения по каналам этого учреждения, напоминающим метастазы раковой опухоли. И просачиваются за его пределы. Нет, он все расскажет ее родителям, а те из благодарности, быть может, спасут его своим молчанием. Нужно

действовать предельно хитро и осторожно, но родителям рассказать придется.

У Сэма была машина — видавший виды автомобильчик, которым он пользовался от случая к случаю. Лучше воспользоваться им, чем брать такси, хотя бы даже пересаживаться из одного в другое, чтобы попасть в верхнюю часть города. Он не хочет оставлять ни следа, ни впечатления, будто старается этот след запутать. Нет, за ним еще не могут следить. И все равно на тротуаре Сэму было не по себе. Но ведь больше не существует никакой организации Амбиелли, если не считать Малыша Хохенбаума, этот последний лист на мертвой лозе. И все-таки лучше воспользоваться своей машиной — ее не смогут допросить ни завтра, ни в обозримом будущем.

Разумеется, ее придется оставить на стоянке, но если даже ее там заметят, вряд ли подумают именно о нем — машина в большом городе безлика и незаметна.

Лучше всего, вероятно, исчезнуть из города и добраться до лачуги у озера. И предаваться там воспоминаниям о своей юности, прошедшей в провинции. Сэм купил себе летний домик, ветхий, дешевенький и слишком холодный для апреля. До него часа полтора езды. Пусть его увидят в деревне. Об этой лачуге мало кому известно. Изредка Сэм привозил туда кое-кого из своих знакомых. Изредка. Человека три во всем городе знают о ее существовании и местоположении. Вот и будет у него отличное алиби.

Можно будет отвезти туда плотника. Подумают, что он уже съездил туда и понял, что нужно заняться ремонтом. Плотнику всегда найдется дело. Да пусть хотя бы оторвет от окон прибитые на зиму доски.

Худшее наступит потом, когда по его вине совершится преступление. Его станут расспрашивать, а он возьмет и заранее смоется на озеро, притворится невинным, ничего не ведающим. Настоящим младенцем. И у него будет хорошее алиби.

Номер дома Сэлсбери он узнал еще два месяца назад. Дом был в самом фешенебельном районе Ист-Сайда, на углу, неподалеку от реки. Парадное выходило в один из тех старомодных тихих кварталов, куда не докатываются бушующие волны го-

…ской жизни. Если жизнь сравнивать с водой, то здесь она была стоячей. Сэм оставил машину за углом. Очутившись на голом дне каменного каньона, он стал особенно подозрительным.

Сэм завернул за угол. Ощущение было такое, будто идешь по узкой дощечке, к тому же готовой обломиться. Прислуги в этом многоквартирном доме было несметное количество. У него спросили фамилию.

Ссутулившись в вестибюле, он прислушивался к раскатам теперь уже безвозвратного: «Мистер Сэм Линч пришел к мисс Кэтрин Сэлсбери». Эта фраза так и кричала о подстерегающей его опасности, о дисциплине, которая «никогда не подводит». Ему предстоит убедиться в этом воочию. Шея подставлена

— Поднимитесь наверх, сэр. Она дома.

Лакей впустил его в огромную прихожую, откуда его провели в гостиную, большую мрачную комнату, где окна больше чем наполовину прикрывали плотные шторы блекло зеленого цвета. «Мисс Кэтрин просит вас, сэр, минутку подождать. Она сейчас спустится».

Сэм увидел витую лестницу, раскручивающуюся прямо из гостиной. Настоящие апартаменты.

— Ладно,— кивнул он лакею. Тот достал пачку сигарет и предложил Сэму.— Спасибо, я буду курить свои.

Лакей, не меняя выражения лица, умудрился дать понять ему, что он снимает с себя ответственность за такого визитера. Но зажигалку все-таки поднес и тут же удалился.

Сэма поразил такой сервис. Он не сел. Он ходил по толстому серому ковру и, когда глаза привыкли к полумраку, стал разглядывать вытканные на нем узоры. Все в этом доме было предельно просто и при этом очень элегантно. Его визит стал казаться ему опрометчивым.

Он ощущал затылком, что по лестнице кто-то спускается и, чувствуя холодок в низу живота, ждал подходящего момента, чтобы обернуться. Женщина, грациозно спускавшаяся по ступенькам, оказалась не Кэтрин. Ее волосы были белы как лунь, а лицо такое молодое и румяное, что в первую минуту она показалась ему блондинкой. На женщине было

изящное платье из набивной ткани зеленого цвета, которое плавно колыхалось в такт движению ее красивых ног, обутых в легкие босоножки.

— Здравствуйте,— произнесла женщина.

— Моя фамилия Линч. Я пришел к мисс Сэлсбери.

— К Кэтрин? — Женщина, подпрыгивая на высоченных каблуках, крошечными шажками направилась в его сторону.— Вы друг Кэтрин? — спросила она, но это был не вопрос, а признание факта или, быть может, что-то вроде приветствия

— Да, мэм.

— Я мать Кэтрин.— Она протянула руку. Сэм был так удивлен, что не решился ее пожать.

— Не может быть!

— Да, это так. Я Марта Сэлсбери — Женщина рассмеялась.— Вы превосходно разыграли удивление. Мы с вами поладим.

— Да, мэм.

— Мне нравится это «мэм» — Она взяла со стула пеструю матерчатую сумку — Теперь многие молодые люди так говорят. Полагаю, всему виной война. Вы служили, мистер Линч?

— Служил,— кивнул он, не спуская глаз с женщины.— Однако я не так уж и молод, мэм

— Садитесь же, пожалуйста.— Он подождал, пока сядет она. В ее манерах было что-то решительное. Из синей с желтым сумки Марта Сэлсбери достала ярко-голубую пряжу, надетую на коралловые спицы.— Мне не приходилось слышать о вас, однако это, разумеется, еще ничего не значит. Вы давно знакомы с Кэй?

Ее прелестный ротик был подведен помадой кораллового цвета. Да, перед ним настоящая леди, хоть и в миниатюре. Ближе лицо уже не казалось таким молодым, но она безусловно красива: изогнутые ноздри, породистый носик.

— Я видел ее разик, мэм,— ответил Сэм. Он не знал, как ему быть.

— И она произвела на вас впечатление,— кивнула Марта Сэлсбери.— О, Кэтрин это может.

— Она ходит каждый день в школу Старка,— Сэм сказал это без всякого выражения.

Миссис Сэлсбери склонила голову набок, недоумевая, то ли он спрашивает, то ли констатирует факт.

— Да, мы не стали отдавать ее в интернат,— лепетала она.— Мы по ней скучаем. Вы познакомились с ней в школе, мистер Линч?

— На вечеринке,— пояснил Сэм. Ему не хотелось, чтоб создалось впечатление, будто он не хочет отвечать. Что же все-таки делать?

— Да, сейчас многие знакомятся на вечеринках.— Она ободряюще улыбнулась.— Не правда ли, какой чудесный день!

Сэм нервничал.

— Я, миссис Сэлсбери, старый газетчик.— Он старался хоть как-то поддерживать беседу. Она подняла брови и дразнила его взглядом своих серых глаз. «А я вас и не спрашиваю»,— было в них.— Да, вы меня не спрашиваете,— вяло заметил он,— но я все-таки представлюсь.

— Вы и сюда пришли в этой роли? — недоумевала она.

— Нет, нет, вовсе нет. Понимаете, миссис Сэлсбери...— Он не совсем представлял себе, как это сделать. Уж слишком она воздушна для такого сообщения. И это осложняет его задачу.

— Я спрашиваю это вовсе не потому, что принадлежу к числу подозрительных мамаш.— Она улыбнулась.— Но в вас есть что-то интересное.— Ее пальцы между тем ловко орудовали спицами.

Лицо Сэма посуровело.

— А сюда каждый может вот так запросто войти?

Она рассмеялась.

— Вы хотите спросить, часто ли я наталкиваюсь в своей гостиной на незнакомых людей? О да. Часто. И для меня это, признаться, необычно. У Кэй много друзей, и я, конечно, не всех их знаю. У вас есть пепельница, мистер Линч? — Она наклонилась, чтобы удостовериться.— О да, есть. Так о чем же вы пишете?

— Я специализируюсь исключительно на преступлениях.

— О боже мой! — Она будто в отчаянии прижала к груди вязание.— Да неужели? И вас это не приводит в уныние? На мой взгляд, изнанка жизни должна утомлять. Вам нравится ваша работа? Жених моей дочери,— продолжала Марта Сэлсбери, краешком глаза заметив, что для Сэма это не ново,— тоже очень интересуется преступностью.

— Правда? — словно в оцепенении спросил Сэм.

— Последнее время мы только об этом и слышим. Как раз сейчас Алэн изучает преступность. Одна из сторон его всестороннего образования. У Алэна на этот счет свои теории.

— Я в этом не сомневаюсь,— буркнул он.

— Алэн утверждает, будто чуть ли не любого подонка можно оправдать. А что думаете на этот счет вы, мистер Линч?

Лицо Сэма потемнело, в глазах что-то блеснуло, и миссис Сэлсбери в удивлении приоткрыла свои коралловые губки.

— Мне как-то не нравится это слово — «подонок»,— в смущении пробормотал он.— Даже не знаю почему. К некоторым словам я чувствую неприязнь.— Он окончательно растерялся.— Я его просто ненавижу.

— А ведь верно! — в восхищении воскликнула она.— Знаете, я просто никогда над этим не задумывалась, но я, оказывается, тоже ненавижу некоторые слова. Например, «проницательный». От него у меня мороз по коже. А у вас?

— Это слово мне безразлично, мэм.— Сэм постарался улыбнуться. Потер пальцами виски. От этой женщины у него кружилась голова. Будто он долго смотрел на лепесток, подскакивающий на гребне волны, прекрасный лепесток, которому всю жизнь суждено подпрыгивать на гребне волны.

— Вы писатель, и вы, разумеется, должны чувствовать слова.— Она улыбнулась, склонившись к своему вязанию.— Прелестно, когда мужчина поглощен своей работой. Алэн — выдающийся юноша. Такой серьезный. Я верю, что все это рано или поздно скажется и он станет крупным социологом или социальным психологом, не знаю, как правильно.

— Служителем добра,— сказал Сэм.

— Разумеется, преступность притягивает его к себе как один из социальных симптомов, понимаете? Однако боюсь, мистер Линч, меня она вовсе не притягивает. На мой взгляд, это большая беда. Если преступный мир про меня забудет, уж я про него не вспомню.

Она подняла головку и залилась веселым смехом.

Сэм положил руки на колени и сплел пальцы.

— Теперь вы решите, что я легкомысленная женщина.— Она вздохнула.— Может, оно так и есть. Или же я просто не принадлежу к числу радетелей за общественное благо. Преступность, как и бедность, все время о себе напоминает. По крайней мере, на моей памяти всегда так было. Я, мистер Линч, всего лишь женщина. Может, у вас, мужчин, и есть возможность что-то изменить, но у меня ее нет.

— Вы неправильно меня поняли, мэм. Я репортер. Не путайте одно с другим. Репортер — это человек, который наблюдает события и попросту излагает их.

— Понимаю, – нахмурилась она.— Вот, оказывается, как вы определяете работу газетчика? — Она задумалась над тем, как составлена его фраза. Он знал, она ее запомнит и повторит. Запомнит порядок слов, но не смысл. Подует ветер с другой стороны, и она переменит свои взгляды. Лепесток на поверхности.

— Наверное, это так и есть,— едва заметно кивнул Сэм. С ней спорить бесполезно.

— Разумеется, моя крошка Кэтрин тоже очень интересуется преступностью,— с нежностью заметила миссис Сэлсбери.

Сэм совсем сник.

— Да что вы говорите? — растягивая слова, сказал он.— А каким образом, мэм?

— О, ее, конечно, привлекает романтика. Понимаете, влюбленная женщина — тот же хамелеон. Двадцать лет назад мне, мистер Линч, казалось, что солнце встает и садится с печеньем Сэлсбери.

Он даже не улыбнулся.

— Мистер Сэлсбери занимается... скорее занимался...— одним словом, печенье Сэлсбери,— кокетливо пояснила она.— Вы, вероятно, знаете?

— Домашнее печенье, верно? — Сэм был мрачен.— Он хорошо на нем заработал, да? Я видел его склад, огромный склад, набитый до отказа печеньем, который сторожат день и ночь.

— Чарлз от этого дела ушел.— «Р» она выговаривала раскатисто.— Теперь он, можно сказать, никакого отношения к складам не имеет.

— Ему только так кажется,— буркнул Сэм.

— Простите?
Он не стал повторять.
— Так, значит, склад произвел на вас впечатление, мистер Линч?
— Он оказался связующим звеном,— тихо сказал Сэм.
— Вот ведь как интересно бывает!— воскликнула миссис Сэлсбери.— Вы и рассказы пишете?
По ступенькам легко сбежала ее дочь, Кэтрин.

ГЛАВА V

Девушка не шла, а пританцовывала. Она была до боли молода, ее ноги мелькали быстро и грациозно, а короткие блестящие волосы подпрыгивали в такт каждому движению. Фигурку облегали юбка шоколадного цвета и бежевый свитер, на ногах были коричневые туфельки без каблуков с круглыми носами. Да, она не шла, а танцевала.

— Привет. Извините меня. Я писала письмо и вот... вся в чернилах. Никак не могу оттереть. Как чудесно, что вы меня навестили.

Он поморщился от ее слов как от боли. Девушка подала ему руку, и он обратил внимание на пальцы, которые, по-видимому, долго терли щеткой и на которых все равно остались следы чернил. Что-то заныло у него в груди. Он вздрогнул, натянулся как струна.

— Мама, ты знакома с мистером Сэмом Линчем?

— Ну конечно же, милая. Он представился, причем очень мило. Мы поболтали как старые приятели.

Красивые маленькие руки миссис Сэлсбери уже засовывали вязание в сумку.

— Я хотел...— вдруг начал Сэм.— Я пришел...

— Повидать Кэтрин. Ну разумеется,— безмятежным голосом подсказала ее мать. Она встала, стройное маленькое тело закачалось на высоченных каблуках.— Ну а так как я пришла за своим вязанием, то я...

— Нет, мэм, прошу вас, останьтесь. Ведь я...

— Что ж, очень любезно с вашей стороны.— Она вскинула головку.— Однако я достаточно хорошо воспитана, чтобы знать свое место.

— Глупости! — Девушка наморщила носик.

Мать тронула указательным пальцем короткий прямой носик дочери, копия ее собственного, и та игриво оттолкнула палец.

— Он очень мил, дорогая, твой мистер Линч. Меня он называет «мэм», и это так забавно.— Она улыбнулась Сэму.— Надеюсь, вы у нас не в последний раз.

Сэм был словно в столбняке. Ему следовало сказать «спасибо», возможно, он сказал это «спасибо» — с ней невольно станешь воспитанным. Вцепившись в спинку стоящего рядом стула, он следил взглядом, как миссис Сэлсбери идет к лестнице, затем не спеша поднимается по ступенькам.

Кэй стремительно повернулась в его сторону.

— В чем дело?

— Ваша мама меня обезоружила. Сестра, мне страшно.

— Вам страшно? Это мама вас напугала?

— Угу,— раздраженно буркнул он.

— Но ведь она... самый безвредный человек на свете!

— Кто ее научил знать свое место?

Он плюхнулся в кресло.

— Вы ей понравились. Уж я-то знаю.

— Благодаря одному-единственному слову — «мэм». Разумеется, я старался соблюдать хорошие манеры.

В глазах девушки вспыхнули искорки.

— Мама не глупа. Она разбирается в людях.

— Выходит, теперь родители не смотрят за своими детишками? Значит, я отстал от жизни и мне не понять современного мира?

Девушка расхохоталась. Она залезла в кресло и устроилась там, поджав под себя одну ногу. Сэм снова заметил, что справа у нее один зуб немного выступает вперед.

— Но я ведь не ребенок! О чем вы говорили с мамой?

— Я сказал ей, что мы познакомились на вечеринке,— мрачно буркнул Сэм. Девушка насторожилась.— Больше она ни о чем не спрашивала.

— Вы не сказали ей, что это была за вечеринка?

Девушка порозовела.

— Она не спрашивала.

— Ну и ладно. Мама — прелесть, но такая болтушка. А папа бы, наверное, расстроился. Он очень старомоден. А вы... вы чудак. И вовсе вы не отстали от жизни.

— Папа дома? — отрывисто спросил Сэм.

— Наверное,— равнодушно ответила девушка. Она, по-видимому, отличалась упрямством.— В конце концов если бы я не пошла на эту вечеринку, мы бы с вами не познакомились. И сейчас вас бы здесь не было.

— Знаю,— кивнул он.

— А что вам там не понравилось?

— Когда вы ушли, о вас спрашивал один из гостей. Хотел выяснить, кто вы такая.

— Ну я польщена! — она просияла.

— Нечему радоваться...

Огонек в ее глазах погас, будто он ударил ее по щеке.

— Вы, как и ваша мама, не знаете, чем все это пахнет,— со злостью выпалил он.— Успех! Да ведь вам ничего не втолкуешь. Вы дитя!

— Вы пришли меня бранить? — жалобно спросила она.

— Я, кажется, пришел поговорить с вашим отцом,— огрызнулся Сэм.— Прямо сейчас. Будьте любезны, проведите меня к нему.

Она помрачнела, опустила ресницы.

— Выходит, вы пришли вовсе не ко мне? — Она сердито хмыкнула.— У нас с вами был такой интересный разговор.— Она вскинула на него глаза.— Я думала, мы славно провели время, и надеялась, что вы еще что-нибудь расскажете.

— Сестра, какой толк от наших с вами интересных разговоров? Сами понимаете — никакого. Давайте покончим с этим, а?

— Но я не знаю, я просто не пойму, почему...

— Вспомните, как все было,— перебил он.— Вы упросили своего кавалера позволить вам взглянуть на изнанку нашего мира, как выражается ваша мама. Вам показалось забавным увидеть на какую-то минутку его другую половину, верно? — Ее губы раскрылись.— И мы с вами поговорили. Но ваш кавалер, наверное, уже рассказал вам, что Сэм Линч якшается с подонками. Или даже сказал, что я сам мошенник, а? — Она поморщилась.— Ведь только

вы с вашей неискушенностью могли подумать: ах как забавно поболтать с этим человеком, послушать об этих людях. Вы сказали, что я так добр. Вы были уверены, что я очарован вами. И что бы вам ни говорили, вы всегда чувствуете себя всесильной, прямо королевой, не так ли, сестра? Очевидно, вы бы не возражали завести невинный маленький романчик с высоким темноволосым злодеем вроде меня. Стать моей маленькой принцессой, недоступной, незапятнанной, разумеется, ибо вы взываете к врожденной и только дремлющей во мне чести. Что, не так?

— Да, так.

Она смотрела ему прямо в глаза.

— Вы представили все в самом неприглядном свете.— Кэй улыбалась.— Но все равно, пожалуй, так оно и есть. Так уж вышло.

Он вскочил со стула, всплеснул руками.

— Где ваш отец? Я хочу с ним поговорить. Сию минуту.

Девушка не шевельнулась. Лишь что-то блеснуло в ее глазах и упрямо выдался вперед подбородок.

— Вам что-то от него нужно?

— Как это ни странно, но он со всеми своими деньгами не сможет сделать для меня ровным счетом ничего,— фыркнул Сэм.

— Тогда, значит, вы хотите ему наябедничать, что я была на этой вечеринке?

— Сестра, послушайте, вовсе нет!

Она улыбнулась, будто ей удалось его провести.

— Выходит, никаких оснований для беспокойства нет?

— Вам они просто могут быть неизвестны.— Он тихонько коснулся рукой ее макушки.— Вы ничего не понимаете в этой жизни. В общем так оно и должно быть. Послушайте, я не намерен рассказывать вам, зачем я сюда пришел, пока не повидаюсь с вашим отцом. Я только... Нет, лучше не надо.

— Я вас поняла,— кивнула она.

— Дело в том, что вы к себе притягиваете,— выпалил он.— Но не в том смысле, в каком вы подумали. Марш к отцу.

— А вы и не знаете, что я подумала,— чопорно заметила она.— А теперь, коль вы так жаждете, я позову отца.

— Да, именно жажду,— уставившись в одну точку, буркнул он.— Позовите его, пожалуйста.

Она как пружина выпрыгнула из кресла, сохраняя при этом серьезное и вместе с тем безмятежное выражение лица. Где-то звякнул колокольчик, но Сэм не обратил на это ни малейшего внимания,— ему в грудь хлынул поток свежего воздуха, он боялся за нее, спешил сообщить все, что знал, а сам не хотел, чтобы она уходила звать отца. Предчувствие уже подсказывало ему, что это краткое видение, этот кадр из фильма (стоит ему преодолеть свою тревогу, и вот они уже сидят рядом, и он осторожно объясняет ей, зачем пришел), больше никогда не повторится.

Он вздрогнул, когда сзади раздался мужской голос:

— Кэй? О, прошу прощения

— А, Алэн! Привет! — Она уже вышла за кадр, и Сэм медленно повернулся.

— Здравствуй, дорогая.

Светловолосый юноша поцеловал приподнятое ему навстречу личико девушки, обнял ее за плечи, а она отыскала его руку и вложила в нее свою.

— Вы знакомы с мистером Линчем? Ах да, припоминаю. Ну конечно же, знакомы.

Алэн был холоден и непроницаем.

— Как поживаете, Линч?

— Прекрасно,— протянул Сэм.— А вы как?

Девушка стояла в объятиях Дюлейна и кокетливо спрашивала:

— Где это вы успели познакомиться? Ничего, что я такая любопытная?

— Нет, что ты, Кэй.

— В его кабинете,— фыркнул Сэм.— Он сперва меня туда затащил, а потом вышвырнул вон.

— Что-то не припомню, чтобы я...

— Выражаясь образно. Так сказать, стирая разницу между желаемым и действительным.— Сэм кусал ноготь. Мужчины явно презирали друг друга.— Послушайте, у меня нет времени...

— Очень жаль,— чопорно сказал Алэн, убирая руку с плеча девушки.— Я не знал, Кэй, что ты занята.

— Я не занята. Нисколечко.— Она развеселилась.— Мистер Линч пришел к папе.

— А, понимаю.

— Ничего вы не понимаете. Но это не имеет никакого значения. Сестра, пожалуйста...

— Может, я могу быть чем-нибудь полезен? — предложил светловолосый юноша, загородив ее как щитом.

— Мне нужен Чарлз Сэлсбери, — огрызнулся Сэм.— Вы имеете что-то против? Где отец? — спросил он у девушки.

— Наверное, у себя в библиотеке.

Она собралась было провести Сэма прямо к отцу.

— Лучше сперва спросить, дорогая,— предостерегающе заметил Алэн.

— Ах, да.— Она была слегка возбуждена.— Я скажу ему, что вы здесь.

— Буду вам очень признателен,— мрачно кивнул Сэм и повернулся к Дюлейну спиной.

Алэн зажег сигарету.

— Вас, Линч, никто не вышвыривал из моего кабинета,— натянуто заметил он.

— На моем языке это называется именно так. Не знаю, как называется на вашем.

— Я со всеми людьми веду себя предупредительно.

— Разумеется. «Благодарю вас. Пожалуйста. Прошу прощения».

— Пусть будет по-вашему.

Покорность Дюлейна была не менее оскорбительна, чем сарказм Сэма.

— Мне вовсе незачем перед вами оправдываться,— заявил Дюлейн.

— Вот именно. Зачем же вы это делаете? — Сэм отвернулся.

У светловолосого юноши все внутри кипело, но он спокойно продолжал:

— Я объяснил мисс Сэлсбери, что вы нехороший человек.

— Кэтрин не мешало бы к этому прислушаться,— заметил Сэм.

Однако его собеседник обладал завидной выдержкой.

— Как вам известно, Линч, она молода, слишком неопытна и уж больно романтична, чтобы понять мои слова в их буквальном смысле,— терпеливо растолковывал он.— Так что все зависит от вас.

— Значит, я нехороший. А она неопытна. А вы можете отличить добро от зла? Раз вы поборник справедливости, то образумьте ее, что же вы?

— Образумлю,— огрызнулся Алэн.— Это я вам обещаю.

Они замолчали. Тянулось время, а вместе с ним натягивались нервы Сэма. Он подумал о своей машине, брошенной на стоянке,— она так и вопиет о том, что он здесь. А он безнадежно завяз в болоте, которое называется временем и которое здесь привыкли тянуть. Но время может сработать против него, ведь его шея уже подставлена.

ГЛАВА VI

У Чарлза Сэлсбери был опрятный и какой-то припудренный вид. Казалось, даже его волосы покрыты пудрой. Устрично-серые глаза оттенял серый костюм с белесыми, будто вытканными морозом полосками. Не человек, а морской пейзаж в пасмурный день: серое море, серое небо.

— Приветствую, Алэн.

— Добрый день, сэр.

Дюлейн, воспитанный юноша, встал с кресла.

— Папа, это мистер Линч,— теребила Кэй отца.— Он хочет с тобой о чем-то поговорить.

В холодных устрично-серых глазах был вопрос.

— Наедине,— дерзко вставил Сэм. Он слышал, как кашлянул Дюлейн.— Да, он предупреждает вас, чтобы вы были настороже, - поспешно пояснил Сэм.— Итак, все на своих местах, пора приступить к делу, верно?

— Я попросту хотел прояснить, что вы бывший газетчик,— елейным голоском оправдывался Дюлейн.

— Сам представлюсь, если сочту нужным.

— Итак, в чем дело? — натянуто поинтересовался Чарлз Сэлсбери.

— Я все скажу вам. *Наедине.*

— Тогда вам придется подождать.

Это он сказал отрывисто и даже грубо.

— Я спешу,— возразил Сэм.

— Папочка,— ласково начала девушка,— я забыла предупредить тебя, что мистер Линч — мой

друг.— Она сказала это с укором, который относился не к отцу, а к нему, Сэму. Он это хорошо почувствовал.

— Виноват.— Теперь отец потеплел.— Однако, сэр, ваши манеры...

— У меня их нет,— перебил Сэм.— Вообще нет, а сейчас еще и время подгоняет. Приступим к делу.

— Если это настолько конфиденциально,— начал Алэн, стараясь изобразить терпимость и снисходительность,— то, может, Кэй, мы с тобой...

— Нет, нет,— мягко перебил его Сэлсбери,— мы с таким же успехом...

— Послушайте. Вы все. Мне на минутку требуется остаться наедине с мистером Сэлсбери. Безотлагательно. Разве это так трудно устроить?

Сэлсбери нахмурил свои посеребренные сединой брови.

— Вы хотите сообщить мне что-то важное?

— Очень важное.

— Что ж. Уделю вам минутку. Прошу вас пройти со мной.

Этот безжалостный порядок, установленный Сэлсбери, его размеренный шаг, рассчитанные движения, как тисками, со всех сторон сдавили Сэма. К тому же он чувствовал себя последним грубияном, и это его бесило.

Сэлсбери обернулся назад.

— Да, Алэн, что касается этой лодки, ты, разумеется, можешь воспользоваться моей якорной стоянкой.

— О-о-о-о! — воскликнула девушка и захлопала в ладоши.— Так ты все-таки купил ее, Алэн?

— Да.— Светловолосый юноша был счастлив, что его невеста пришла в такой восторг, а отец задержался полюбоваться ликованием дочери. Сэм простонал.

— Возьмешь меня на Пески? Когда?

— Завтра. У тебя нет днем занятий?

— Нет. Но, черт побери, днем у меня урок музыки.

— А после?

— А это не слишком поздно?

— Да, это уже слишком поздно,— выдавил Сэм Линч, прислонясь к стене.

Мужчины шепотом обменялись какими-то репликами.

— Да... м-м-м... я... м-м-м,— тянул Сэлсбери. Потом вдруг сказал, обращаясь к Сэму: — Сюда.

Сэм шагнул к двери.

— Надеюсь, вы как-нибудь навестите меня,— долетело до него.

Слышал он и укоряющую реплику Дюлейна:

— Кэй!

Но она, открыто не повинуясь ему, любезно продолжала:

— Ну, так как, Сэм?

— Думаю, что нет, сестра. Скорее всего, нет. Все равно очень вам признателен.

Он проследовал туда, куда ему велели, не удостоив ни девушку, ни светловолосого юношу ни словом, ни взглядом, ни даже поворотом головы. Мужчины вышли в коридор и, спустившись на несколько ступенек вниз, очутились в небольшой, уставленной книгами и кожаными креслами комнате.

Чарлз Сэлсбери подошел к столу, опустил на его поверхность кончики всех своих десяти пальцев. В комнате царили мир и порядок. Вот и настало время говорить.

— Я вас слушаю, мистер Линч.

Он весь обратился в слух, и Сэм оказался целиком во власти этого человека, олицетворяющего респектабельность и порядок. Он решил сразу же приступить к делу.

— Мистер Сэлсбери, я пришел сказать вам, что кое-кто замыслил похитить вашу дочь Кэтрин.

— Этого не может быть! — слегка вздрогнув, воскликнул Сэлсбери.

Сэм пытался убедить себя в том, что такое не сразу можно осознать. Ему стало жаль этого человека.

— Я говорю о том, что готовится похищение вашей дочери,— довольно сухо, но терпеливо пояснил он.

— Должно быть, вы...— Чарлз Сэлсбери медленно опустился в кресло.

— Не пускайте ее на этот урок музыки. Не выпускайте ее на улицу без охраны.

Кажется, с этим он поспешил.

Оказывается, его собеседнику было незнакомо чувство растерянности. Он попросту недоумевал.

— У вас должны быть факты. Я не могу поверить...

— А вам и не надо ни во что верить,— сказал Сэм. Он еще не потерял терпения, однако уже избавился от чувства жалости.— Вы не можете позволить себе думать, что я могу ошибаться. Верно?

Отец молчал, словно оцепенев от недоумения. Сэм решил переменить тактику. Он пожал плечами, повернулся к мистеру Сэлсбери вполоборота. Он даст ему возможность переварить услышанное.

— Минуточку, молодой человек.— В устрично-серых глазах вспыхнул гнев. «Небось, пытается скрыть за ним страх»,— отметил про себя Сэм.— Какое вы имеете основание думать, что вам дозволено приходить в мой дом и делать такое ужасное, такое невероятное заявление без каких бы то ни было...— Руки отца беспомощно повисли в воздухе. Раковина его безмятежной упорядоченности дала трещину.— Вы должны подтвердить свое заявление фактами.— От испуга он говорил громко.— Вы ожидаете, чтобы я вам поверил?

— Ожидаю,— кивнул Сэм.— Может быть, вы примете во внимание то обстоятельство,— он старательно растягивал каждое слово,— что я оказываю вам любезность.

— Тогда вы можете оказать еще одну,— колко парировал Сэлсбери,— объяснив, каким образом вам довелось это узнать.

Он постукивал по столу кончиками своих безупречно чистых пальцев.

— А вам что до этого? — огрызнулся Сэм.— Я подслушал, рискуя собственной жизнью, и пришел вам это сообщить.

— Чепуха! — воскликнул Чарлз Сэлсбери.

— Чепуха? Что чепуха?

— И зачем? — Сэлсбери окинул Сэма враждебным и подозрительным взглядом. – Это смахивает на дешевенькую мелодраму.

— Вот именно.— Сэму казалось, будто он скармливает по маленькому кусочку какую-то новую, необыкновенную пищу сопротивляющемуся ребенку.— Так оно и есть.

Сэлсбери вспыхнул.

— Я в это не верю.

— Тогда какой мне был смысл сюда приходить? Чтобы вам соврать?

— Вот уж не знаю. Не знаю. Однако ваше дерзкое утверждение нуждается в подтверждении.

— Вы так думаете? — зловеще осведомился Сэм. Уж слишком долго он себя сдерживал.

— Кто это задумал?

— Этого я не могу вам сказать.

— Вы знаете?

— Да, знаю.

— Тогда почему не скажете мне?

Сэм пожал плечами.

— Потому что если я назову имена, моя песенка спета.

В этом он был убежден. И ему было трудно поверить в то, что такое объяснение может показаться его собеседнику сомнительным.

— Чепуха,— повторил Сэлсбери, встал с кресла и уперся руками в крышку стола, пожирая глазами смуглое лицо Сэма. Будто хотел просверлить дыру в его черепе и посмотреть, что внутри.

— Думаете, я ненормальный? Послушайте меня.

— Вы все твердите о какой-то якобы угрожающей вам опасности. Это уж слишком.

— Дело идет о моей жизни, а я ею дорожу. Она зависит от того, что я вам скажу. Вас моя жизнь, скорее всего, не волнует. Но ее жизнь вас должна волновать. Так в чем же дело? Разве вы не слышали того, что я вам сказал? Вы что, газет не читаете? Думаете, такое не случается?

В глазах Сэлсбери появилась тревога.

— Думаю, что случается. Но на каком основании...

— Основание.— Сэм расхохотался.— А деньги не основание? У вас есть деньги.

— Есть,— медленно и осторожно произнес Сэлсбери.— Но не у одного меня.

— А у вас найдется пятьдесят тысяч долларов наличными?

В его глазах что-то дрогнуло.

— Нет.

— Скверно,— процедил Сэм.— Они потребуют именно эту сумму.

Мужчина раскрыл от изумления рот. Его ладони, покоившиеся на крышке стола, судорожно сжались в кулаки. Упоминание о деньгах моментально разбудило его сознание.

— Мистер Линч, мне трудно в это поверить,— признался он.— Я не пойму, почему похититель выбрал именно меня, мою семью? Я вовсе не самый богатый...

— Не пытайтесь оспаривать,— сочувственно сказал Сэм.

— Но я... У меня не было никаких контактов... Я не... О нас не пишут в газетах. Как же эти люди смогли прослышать обо мне? О Кэтрин...

— Как-то прослышали. К тому же иной раз за грехи работника приходится расплачиваться его хозяину. О вас они прослышали совершенно случайно.

— Я не... Я вас не понимаю.

— У вас был сторож.— Сэм кусал губы.— Стоит мне раскрыть рот, как я выбалтываю лишнее,— пробормотал он.— Послушайте, не пытайтесь понять почему. Это не имеет никакого смысла. Вы спрашиваете у меня, почему жертвой выбрали именно вас, а я вас уверяю, что вы жертва. Она. Ваша дочь Кэтрин.— Сэм опять едва овладел собой.— Послушайте, не надо со мной спорить. Надо попытаться предотвратить беду.

Сэлсбери мужественно прилагал усилия подогнать сию нелепицу под свою выкройку.

— Я настаиваю на том, чтобы вы пересказали мне, что именно вы слышали,— потребовал он.— Минуточку. Не уходите.

Он опрометью бросился из комнаты.

«Нуждается в свидетеле,— невольно отметил про себя Сэм.— Что ж, вполне понятно». Он в унынии смотрел в окно на тесный, своеобразно окрашенный городской пейзаж, на громады зданий, расцвеченные с западной стороны солнцем в желтые, красноватые и еще какие-то неуловимо нежные переливы коричневого и серого. Где-то в этом переливчатом букете затаилась крошечная букашка, нездоровый, злобный карлик с коричневым лицом и вывернутым наизнанку умом, угрожающий этим респектабельным светским людям. И ему, Сэму Линчу, об этом известно.

Ну конечно же свидетелем будет Алэн Дюлейн.

Сэм круто повернулся.

— Мистер Линч, повторите, пожалуйста, то, что вы мне только что сообщили. И пожалуйста, в под-

робностях,— потребовал Сэлсбери.— Все, что вы сказали. Это жених моей дочери. Мы оба вас выслушаем.

Дюлейн драл нос кверху. У него была почти военная выправка.

— Я слышал, как два человека составляли план похищения мисс Кэтрин Сэлсбери. Они рассчитывают напасть на нее прямо на улице и увезти в машине, по всей вероятности краденой. Это может произойти даже завтра днем, когда она направится на урок музыки,— я не знаю из дома или из школы Старка. Они либо спрячут ее, либо тут же убьют. Вероятнее последнее,— с ужасающим хладнокровием подчеркнул Сэм,— потому что это менее хлопотно. За нее они потребуют по меньшей мере пятьдесят тысяч долларов выкупа. Вот, кажется, и все.

— Где вы могли такое услышать? — потребовал Дюлейн.

— Это к делу не относится.

— Кто эти люди?

— Не скажу.

— Не хотите или не знаете?

— Не хочу.

Отец оперся рукой о стол.

— Алэн, это возможно?

— Думаю, что да,— с едва заметным презрением изрек тот.— Он описал нам классический образец. Однако вы, Линч, очевидно, отдаете себе отчет в том, что весьма сложно понять мотивы вашей...

— Отдаю! — Сэм разъярился.— Ну и что из того? Желаете заняться рассуждениями?

— Возможно, я бы и поверил вашему рассказу, если бы уяснил, что это вы вдруг взяли на себя такую заботу?

— Какая тут забота? — отрезал Сэм.— Никакой. Одно удовольствие. Подставить под топор шею.

— Вашу шею.— Алэн скривил губы.— Не так-то уж много я о вас знаю, Линч, но, честно говоря, то, что знаю, не дает никаких оснований считать вас человеком чувствительным. Разумеется, не исключено, что к Кэтрин вы питаете особый интерес, но, клянусь вам...

— Боже мой! — Сэм воздел к небу трясущиеся руки.— Зачем я здесь? Чтобы выслушивать все это? Так вы собираетесь предпринять какие-то меры для ее защиты? Это единственное, что я хочу знать.

— Уж об этом не беспокойтесь,— надменно вымолвил Дюлейн.

— Ты это серьезно? А ты представляешь себе, красавчик, как ее защищать? Хоть бы отдаленно? Или от чего? Вот он,— Сэм указал рукой в сторону ее отца,— не представляет. Никто в этом волшебном замке по-настоящему не верит в то, что существует изнаночная сторона жизни. Надеюсь, ты-то хоть, по крайней мере, о ней слыхал.

— Прошу вас, прошу вас, не надо горячиться,— увещевал отец.— В данную минуту Кэтрин ничего не угрожает. Мы должны...

— Откуда вы знаете? — Сэм даже подскочил от ярости.— А вам известно, где она находится в данную минуту?

— Ну конечно же!

— Если вам это так интересно, она наверху дописывает письмо,— натянуто пояснил Алэн.

— Может, и нет! — огрызнулся Сэм.— Может, она передумала. Может, они передумали. Да мало ли что? Поверьте мне, именно сейчас она в опасности, как будто сидит в горящем доме. И что же вы собираетесь предпринять?

У отца был все такой же надменный вид. Алэн вскинул голову.

— Я не перестаю удивляться вашей участливости. Вы едва знакомы с мисс Сэлсбери.

— Послушайте, это сейчас неважно!

— Этот человек,— Алэн наклонился к ее отцу, который, казалось, с каждой минутой серел,— ужасно хитрый тип, сэр. Он писатель, специализирующийся на так называемых преступлениях...

— Так называемых? — саркастически передразнил его Сэм.— Проклятье, вы что, из загробного мира? Какая разница, чем я зарабатываю на жизнь? Или из каких соображений пытаюсь вас предупредить? Неужели до ваших ожиревших мозгов не доходит, что в эту самую минуту, в этом самом городе два живых человека сговариваются о похищении девушки, прикидывают, что сделать с ней, когда она окажется в их руках?

— Все это ужасно, но не будем впадать в панику, а думать,— Дюлейн оставался все так же невозмутим.— Все дело вот в чем: вы, Линч, насколько мне известно, никогда не занимались благотворительно-

стью. Поэтому я и не допускаю... не могу допустить, чтобы вы могли жертвовать собой.— Его тонкое, с резко очерченными чертами лицо сохраняло надменное выражение.— Боюсь, сперва мне придется уяснить себе, какими побуждениями вы руководствуетесь.

Давайте покончим с вашей психологией! — Сэм потерял всякое терпение. — Послушайтесь меня!

— Постойте,— вмешался ее отец.— Мы должны принять все меры, чтобы ничего подобного не случилось.

— Фу-у-у-у,— Сэм с облегчением выдохнул воздух.— Наконец-то. Больше от вас ничего и не требуется. Позвольте мне узнать,— он обращался к Сэлсбери,— представляете ли вы себе, насколько им просто ее выкрасть? Вы отдаете себе отчет в том, что вам придется посадить ее под замок? Приставить к ней человека, который бы ни на минуту от нее не отходил? Человека, способного...

Дюлейн закинул ногу за ногу.

— По-вашему, мы должны посадить мисс Сэлсбери под замок. Надолго, позвольте узнать?

Он описывал круги ступней правой ноги.

— Ну, вы слишком многого от меня хотите. Мне-то откуда знать?

— Если мы пообещаем вам это сделать, вы назовете имена заговорщиков?

— Это что? Сделка?

— Чтобы закон смог...

— Что сделать?

— Действовать. Решительно и...

— Тебе, сынок, еще познавать и познавать законы,— перебил его Сэм. - Какое дело ты собираешься завести, если единственная улика — интуиция? И на мои показания не рассчитывай. В них много дыр. К тому же меня вполне может не оказаться под рукой.

— Прямо не знаю, что и подумать.— Сэлсбери опустился в кресло возле стола.

— Вы правы, сэр,— наморщил лоб Алэн.

— Это возможно? Он что, в самом деле подвергает себя опасности?

— Не понимаю, каким образом, если не называет имен.

— Вы мне не верите, но в то же время и отмах-

нуться от моего сообщения не можете.— Сэм старался говорить спокойно.— Вот тут-то вся загвоздка. Но план-то существует. И если вы примете во внимание мое предупреждение и предпримете меры по обеспечению ее безопасности, а тут еще выяснится, что вас предупредил я, меня сотрут в порошок. А теперь решайте. Или я псих, или же оказываю вам громаднейшую услугу. Но класть голову на плаху я не хочу. Так что сделок со мной заключать не надо. Хотите верьте, хотите нет. Но только я должен знать о вашем решении.

Он повернулся к ним спиной и невидящим взором уставился в окно. Сзади, ему казалось, идет оживленная беседа при помощи взглядов и жестов. Но ему было не до того. Его взгляд прояснился, и он спокойно взирал на сверкающий город, волнующий, вечно меняющийся, населенный оравой неистовых и страстных людей. Смотрел и думал о том, что только безумный может молить о спасении.

Вдруг он услышал высокий и решительный тенор Дюлейна:

— Ладно, будем считать это услугой. А что вы требуете за эту вашу... услугу?

Сэм круто повернулся и закрыл глаза. В нем все кипело от негодования.

— Что ж, ничего не попишешь. Правильно вы меня надоумили. Не суй, дескать, нос в чужие дела.

Он открыл глаза, но только для того, чтобы отыскать выход.

— Нет, нет, не уходите,— хныкал отец.

— А вы мне верите? — просто из любопытства спросил Сэм.

— Сам не знаю... Вы ведь сами сказали, что это не важно. Мы безусловно должны предпринять все меры предосторожности. Однако вы, мистер Линч, должны понять, как все это неопределенно, как невероятно... Прямо руки опускаются. Ну посудите сами, что нам предпринять? И на какой срок?

— Понимаю, это сковывает,— сочувственно кивнул Сэм.— Но что делать?

— Так что же нам предпринять? — с мольбой взывал седовласый мужчина.— Разве нет оснований арестовать этих людей?

— Я их не вижу.

— Как и нет оснований поверить в их сущест-

вование,— ввернул Алэн Дюлейн.— Если только Линч не пожелает оказать нам незначительную услугу и назвать имена, число, место. Чтобы, по крайней мере, можно было навести кое-какие справки. Добыть хоть какое-то подтверждение его заявлению, опирающемуся на интуицию.

— Имен не назову,— хрипло отрезал Сэм.— И никаких справок навести нельзя. А меня здесь не было. Прошу простить за вторжение.

Он остановился у двери.

— Сообщите в полицию,— посоветовал он отцу.— Скажите, что вас предупредили. И если в вас есть хоть капля милосердия, не говорите кто. Но прежде всего приставьте к ней телохранителя. Сделайте что-нибудь. Ведь они не станут с ней возиться. Они ее убьют.

Он стремительно выскочил из комнаты, унося с собой образ растерянного седовласого человека.

ГЛАВА VII

Чарлз Сэлсбери судорожно стиснул руки.

— Что нам делать? Ты как думаешь? Кто он, Алэн?

— Я ведь говорил вам, сэр. Линч — бульварный писатель, специализирующийся на скандальных историях. Говорят, он в дружеских отношениях кое с кем из крупных мошенников. Вот такой это субъект. Да, он умен, но добра от него не ждите

— Но Кэй сказала, он ее друг.

— Моя вина, сэр. Я повел ее туда, где ей не следует бывать, вот... вот они там и познакомились.

— Я бы не хотел, чтобы моя дочь общалась...

Сэлсбери накрыл ладонью телефон.

— Знаю, сэр. Отлично знаю. Она меня упросила. И я подумал, пусть она разок увидит, как все дешево и безвкусно на подобной вечеринке...— Он заходил взад-вперед по комнате.— Понимаете, все дело в том, что этот тип действительно мог пронюхать о подобном. Это в его возможностях. Одного не пойму: зачем... зачем?! Он не из тех, кто болтает, сэр. То ли Кэй ему понравилась. Ей-богу, ничего не пойму... Там было полным-полно продажных женщин. Может, это какой-то грязный обман? Ведь Линч пишет для всяких мерзких журнальчиков.

Сэлсбери снял ладонь с телефона и снова стиснул кулак. Это был человек порядочный, который и окружающий его мир считал в целом порядочным.

— Я бы не простил тебе, Алэн, если бы из-за того, что ты куда-то затащил Кэй...

— Это не связанные между собой вещи,— решительно возразил Алэн.— Единственное, что произошло за те пятнадцать минут, так это ее знакомство с Линчем. А что, если за всем этим стоит Линч?

— Именно?

— Хитрый извращенный субъект. Черт его знает, что он надеялся от нас получить. Нам не удалось выяснить его побуждений. Еще хорошо, что я оказался под рукой.

— А вдруг его рассказ не выдумка и им руководит обычное благородство? — задумчиво предположил старший из мужчин.— Ты его недолюбливаешь. Я это заметил.

— Верно, такие субъекты выводят меня из себя. Мне кажется, он высмеивает попытку... м-м-м... людей объединиться, чтобы... м-м... воспротивиться злу. По некоторым причинам он здорово меня недолюбливает, а я всего лишь отвечаю взаимностью.— Светловолосый юноша горестно улыбнулся.— Тут трудно остаться беспристрастным. Между тем...

— Да, да. Что?

Алэн потянулся к телефонному справочнику.

— Разумеется, охрана. Есть одна очень солидная фирма. Частное сыскное бюро. Думаю, сэр, нам необходимо приставить к ней охрану. Однако мы, сэр, по мере возможности должны сохранять спокойствие.

— У меня есть связи в полицейском управлении,— вдруг сказал Сэлсбери.— Если мое влияние...

— По-моему, это самое правильное решение, сэр.— Алэн набрал номер. Сэлсбери с растерянным видом следил за его движениями. — У меня там есть знакомый, сэр,— пояснил Алэн.— Он на хорошем счету. Человека следует проверить, уж потом на него полагаться. Я бы не хотел, чтобы о Кэй судачила грязная толпа, если все это окажется выдумкой.

— Думаю, ты прав,— неохотно согласился Сэлсбери.

— Да, сэр, мне приходилось сталкиваться с подобными субъектами.— Алэн взял трубку.— Нужно объяснить все Кэй. Бедняжка. Не хотелось бы ее пугать.

Сэм Линч брел по коридору, едва волоча по ковру ноги. Он попал в большую комнату, в которой уже был, пересек ее наискосок и, очутившись в прихожей, остановился, обернулся назад.

В большой комнате не было никого, в прихожей тоже. Во всей квартире тепло, тихо, приятно попахивает мебельным воском. Он скользнул взглядом вдоль лестницы, но и там никого.

Сэм облокотился об обитую зеленой кожей стену и уперся руками в спинку стула. Полный провал. Роль оказалась труднее, чем он думал. Он ее плохо знал и все перепутал.

Он убеждал себя, что Сэлсбери не станет сидеть сложа руки, что он, несомненно, что-то предпримет и что будет действовать обстоятельно, с умом. Ну конечно же.

В пустых натопленных комнатах царили тишина и покой. Ни шагов, ни голосов, ни других звуков. От прикосновения его влажной ладони на поверхности красного дерева остался след.

Внизу за углом послушно стоит у обочины его старенькая машина. Слишком уж долго она там стоит. Обитателям этого дома и в голову не придет предупредить лакея в подъезде, чтобы никому не называли фамилию Сэма. Над ним нависла опасность. Она грозит ему из-за каждого угла. Что касается девушки, ему-то что до нее?

Нужно спуститься вниз и быстренько отсюда смотаться, если, конечно, ему дорога собственная жизнь. Он посмотрел на свои руки и вспомнил жирный грязный палец. Она погибнет, если к ней прикоснется этот палец. Тогда уже будет поздно. Может, попытаться поговорить с матерью?

Он сумеет ее напугать, по-настоящему напугать. Пусть она, как и он, начнет паниковать. Замок, воздушный замок. Вряд ли в жизни Марты Сэлсбери было что-нибудь, кроме чистоты и благопристойности. Если ей и довелось узнать, что на свете существует грязь и всякие извращения, то лишь теоретически. А если и пришлось соприкоснуться со всем этим, то только кончиком волшебной палочки, именуемой «деньги». Ручка у этой палочки длинная.

Изощренный садизм такого человека, как Амбиелли, его необузданные прихоти, грязные руки Малыша Хохенбаума — всего этого ей не понять.

Сплетни. Сказки. Анекдоты. Она живет в другой половине мира. А те двое и вовсе ничего не знают об этом беззаботном игривом изяществе. Однако в какой-то точке обе половинки неминуемо соприкоснутся.

Если даже ему удастся ее напугать, она обратится за помощью к своему будущему зятю, этому изящному молодому человеку, занятому изучением преступного мира и напичканному на сей счет всевозможными теориями.

- Здесь все спокойно...

Сэм потерял ощущение времени. Сколько он тут стоит: минуту, час? Какой-то звук...

Она пересекла огромную комнату, прошла мимо него в прихожую, но вдруг заметила его краешком глаза. Копна каштановых волос разлетелась на две стороны.

— Привет,— чуть слышно сказала Кэй.

Она набросила на плечи пальто, сбоку болталась сумка, в руке был конверт. Он выпрямился.

— Куда вы идете?

— Я? На угол, бросить письмо. А то потом забуду и...

— Я его брошу,— сердито перебил он ее.

— Благодарю вас, но мне это совсем нетрудно.— Она прижала письмо к груди и немного робко взглянула на него.— Папа пообещал сделать то, что вы просили?

— Не уверен. Вы его видели?

— Папу? Нет.

— А вашего друга Алэна?

— Нет. Может, я смогу чем-то вам помочь, Сэм? — услышал он.— Вы попали в беду?

— А вы поверите, если скажу?

— Разумеется,— кивнула она.

— Не надо,— разозлился он.— Не верьте всяким незнакомым...

— Не верить вам?

— Вы неискушенная. Ничего не знаете о жизни. Вы еще почти дитя.

— Интересно! — с негодованием воскликнула она.— Ну ладно, вы убеждаете не верить вам. Ваше дело. Я, может, и не поверю. Но почему только из-за того, что вы никому не верите, и я должна...

— Все знаю. Почему вы не выправите этот зуб?

— Потому что это больно. Да он мне и не меша-ет. И вообще это не так уж важно.

Она замолчала, прикусила губу и вдруг прыснула со смеху.

— Оставим этот разговор.— И совсем уже мяг-ко: — Сестра, я сглупил.

— Да? — Она приготовилась к серьезному раз-говору.

Он вышел из-за стула и взял ее за локоть.

— Да. Я по глупости взял и привез вам подарок.

— Подарок? Мне?

Она послушно повернулась, и они вместе напра-вились к выходу.

— А потом вдруг оробел. Все болтался тут, за-ставлял себя сказать вам... Он внизу.

— А что это?

— Я не мог внести его без... м-м... разрешения. Его не удержишь в кармане. Он в моей машине.

Они вышли в парадное. Ее руки уверенно и безза-ботно поворачивали ручки, отпирали замки.

— Я ни за что не позволю вам увезти его назад.

Сэм нажал кнопку лифта. Он нервничал.

— Вам это может показаться ужасно глупым. Я сам в него влюбился. Но откуда мне знать, понра-вится он вам или...

— А что это?

— Прошу вас, пропустите меня вперед.

— Зачем?

— Я... Мне надо кое-что приготовить.

— Подарок? — Он кивнул.— Но ведь вы хотите преподнести его мне, правда?

— Пойдемте со мной. Разумеется, если он при-дется вам по душе.

— Вы хотите, чтобы я пошла к вашей машине?

— Да, потому что... Пойдете?

— Ладно. А где она?

— Вон там, за углом. Скоро начнет смеркать-ся,— немного запинаясь проговорил он.

— А нам-то что? — У нее даже намека на подо-зрение не было. Она не защищалась, не обороня-лась, она нисколько не боялась, и это его заворожи-ло, повергло в ужас, показалось вызовом.

— А вас разве не учили не верить человеку, кото-рый предлагает вам конфетку? — Он был возбуж-ден.— Мама вас этому не учила?

— Но ведь это не конфетка,— с особым смыслом сказала она.

— Нет, не конфетка. Это еще послаще. Если только вы любите сладкое. А мне кажется, вы любите сладкое.

— Сэм, вы меня просто заинтриговали. Только к чему вся эта таинственность?

Подошел лифт.

— О, я сам сплошная таинственность.— Казалось, он дурачится.— Тс-с-с. Мы друг друга не знаем. Молчите. Идите за мной.

Девушка засмеялась.

Они вошли в лифт. Сэм старался на нее не смотреть. Где-то между этажами она со светской любезностью незнакомого человека заметила:

— День был чудесный, не правда ли?

— Да, чудесный,— не глядя на нее, небрежно кивнул он. Только бы перестало стучать сердце, а то еще, чего доброго, выпрыгнет из груди. Выглянув из парадного, он заметил у самой стены дорожку. По ней он и зашагал.

Шагал он очень быстро. Машина слишком близко. «Нельзя этого делать»,— думал он. И знал, что все равно сделает.

Все зависит от нее. Стоит этой маленькой глупышке пойти за ним...

Он нырнул в машину, отыскал в отделении для перчаток старый шарф, разорвал его вдоль на четыре части и откинул переднее сиденье. От любопытных глаз его заслоняла передняя дверца. Отступать некуда. Он согнулся, прислушался.

И тут услышал бодрое постукивание каблучков по тротуару.

ГЛАВА VIII

Алэн повесил трубку.

— Скоро? — спросил Сэлсбери.

— Сию минуту. Это надежный народ.

— И все равно денька два мы подержим ее взаперти. К тому же, хоть ты и против, я все-таки позвоню в полицию и изложу им суть дела. Пускай это перестраховка, все равно невинные люди не должны подвергать себя...

В дверь легонько постучали.

— Ты здесь, Чарлз? — спросила Марта. Мужчины переглянулись. Муж Марты взял себя в руки. Он боялся говорить ей о том, что сказал им Сэм Линч. Кто знает, как она прореагирует?

— Войди, дорогая,— сказал Сэлсбери. Тут же раздался телефонный звонок.

Алэн снял трубку и сразу ее положил.

— Спрашивают Кэй,— пояснил он.— Трубку снял Финни.

— Вам, ребятки, чаю или крепкого ликера? — поинтересовалась Марта Сэлсбери.

— Крепкого ликера,— сказал Сэлсбери. Он взял Марту под руку, и она в недоумении подняла на него глаза.

Алэн прошел вслед за ними в большую комнату.

— Простите, сэр, вы не знаете, где может быть мисс Кэтрин? — спросил Финни, лакей.— Ее просят к телефону.

— Она наверху,— ответил ее отец.

— Нет, мне кажется, она спустилась,— сказала ее мать.— Я думала, она с вами.

— Она, наверное, в музыкальной, — с трудом выдавил отец.

Лакей направился в музыкальную.

Марта Сэлсбери высвободила руку, выпорхнула в прихожую и пропела в трубку:

— Алло? О, Филлис? Минуточку, дорогая. Кэй где-то здесь.— Взгляд Марты остановился на застывших фигурах мужчин. Остановился всего лишь на секунду и скользнул дальше.

— А все-таки мне кажется, она наверху,— заметил Алэн.

— Должно быть,— кивнул Сэлсбери.

— По-моему, она могла выйти бросить письмо,— повернувшись в их сторону, предположила Марта.— Как вы думаете?

Ей никто не ответил. Фигуры так и остались неподвижны. Лакей вернулся из музыкальной и в ожидании дальнейших распоряжений молча стоял у двери.

— Я пойщу ее наверху,— сказал Алэн и взбежал вверх по лестнице.

— Фил, дорогая, она вам позвонит,— пообещала приветливо Марта.— Прошу прощения.— И повесила трубку.

— Кэй? — донесся сверху голос Алэна. И тревожней: — Кэтрин!

— В чем дело? — удивилась ее мать.

Сэлсбери хватал ртом воздух.

— Кэтрин! — позвал он. Как слепой прошел мимо жены и бросился по комнатам.— Кэтрин!

Лакей направился к окнам.

— В чем дело? — Марта семенила своими маленькими ножками. Сначала ее высокие каблучки застучали в направлении окна, потом в сторону лестницы.

— Я думал, она вышла на улицу,— сказал Финни, повернувшись от окна.— Но сейчас у почтового ящика никого нет.

Миссис Сэлсбери покачнулась. Побледневший Алэн кричал, перегнувшись через перила:

— Кэтрин!

Сэлсбери вернулся в прихожую.

— Кэтрин! — умоляющим голосом взывал он.

Марта Сэлсбери встретилась взглядом с мужем и подняла руки, как бы защищаясь.

— Кэтрин! — позвала она. Ее высокий чистый голос срывался от волнения.— Кэтрин!..

Было темно. Ночь, окутавшая дощатую хижину, шептала плеском озерной волны у покосившегося крылечка, шуршала листьями, топала торопливыми ножками маленьких зверюшек по тонкой крыше.

Кроме водопровода, здесь не было никаких удобств. Освещение — керосиновая лампа с грязным стеклом. От окон еще не отодрали доски, прибитые на зиму. Внутри царил беспорядок: неприбранные кровати, книги на столе и стульях, железная печка посреди комнаты. И никаких занавесок, ковриков, безделушек. Лишь пестрые индейские покрывала, брошенные на две койки, да и те разные.

Кэтрин Сэлсбери натянула на свои окоченевшие лодыжки краешек одеяла.

Мир рухнул на улице, прямо возле ее дома. Ей долгое время казалось, будто она кружит в какой-то пустоте, где не на что опереться.

Она была перепугана, растеряна, но и рассержена тоже. И теперь злость одержала верх над всем остальным. Она больше не боялась, что ей могут при-

чинить физическую боль. Но кровь ударяла ей в голову при одной мысли о том, что ни родители, ни возлюбленный не знают, что с ней и что ей запрещено сообщить им о себе. И она страдала, представляя себе их страдания.

Она была молода, здорова и уверена в себе, как и все юные существа, и теперь лежала на койке лицом к доскам, с мокрой головой, с подоткнутым с боков пальто и покрывалом на ногах, и старалась думать. Успокоиться и думать.

Он тоже молчал. Слишком много было сказано между ними. У нее болело горло от тщетных уговоров, бесполезных доводов. Он сидел на жестком стуле, облокотясь о стол и обхватив руками свою черную голову. Мрачный измученный человек. Они боролись — она была против его безумной затеи с ее волосами,— потом долго спорили

Он, Сэмюэл Линч, этот странный парень, был измучен. И как же легко он разгадал ее уверенность в собственной исключительности ее детское тщеславное довольство собой! Как легко провел ее, заставил поверить в то, что привез ей щенка. Наврал, что на полу в машине копошится что-то маленькое, живое. И она поверила, залезла в машину, потому что он хотел закрыть дверь, чтобы собачка не убежала.

И тут из-за спинки переднего сиденья на нее опустились его беспощадные руки. Горло сдавил шарф, не позволяя крикнуть. Она ехала лежа вниз головой в узком пространстве между передним и задним сиденьями. Полнейшая беспомощность, бессильная ярость, полный рот какой-то гадости. И не пошевелишься. Тьма под этим старым пальто была кромешная. Возмутительно.

Ее передернуло.

— Холодно? — не поднимая головы, поинтересовался он.

— Да.

Он с усилием встал, железкой сдвинул конфорку и подбросил в печку дров. Красноватые блики подсвечивали его лицо снизу, оттеняя впадины на скулах, глубокие глазницы. У него было трагическое и в то же время отрешенное выражение лица.

Она подняла воротник своего пальто.

— Хочется есть?

— Нет.

— Кажется, где-то есть бобы,— равнодушно заметил он и снова сел.

Сперва ей казалось, что ей хотят сделать больно, может, даже убить. Была минута, когда ее охватил ужас: а что если ее ждет смерть? Но теперь она все могла себе объяснить.

Этот рассказ о каком-то Амбиелли и его бесчеловечном приятеле казался ей вымыслом чистейшей воды. Он ей рассказывал, а у нее было впечатление, что он все на ходу сочиняет.

Сейчас она была готова поверить, что тут не все выдумка. Но что Сэм на их стороне. Это ей было не по душе. Где-то в глубине души сохранился страх за свою жизнь. Сэма силой заставили выполнить приказ этого Амбиелли. Он как-то зависит от Амбиелли, глубокомысленно решила она. Как — это ей не известно. Но это не имеет никакого значения. Такое бывает в жизни. Да, да, она где-то читала...

А его странные сердитые наказы не быть доверчивой можно объяснить тем, что он не хотел подчиняться приказу. Внять бы им. Она же пропустила их мимо ушей. Из этого она решила, что вовсе ему не безразлична.

Она и сейчас остается при этом мнении. Он выгораживает себя, вот и сочинил этот глупый рассказ о том, что похитил ее, желая уберечь, не хочет, чтобы она о нем плохо думала. Даже теперь ему это небезразлично. И все равно его никак нельзя уговорить.

Спорить с ним бессмысленно. Если бы он пытался уберечь ее от каких-то людей, он отвез бы ее назад, домой. И все это чушь, будто он предупредил ее родителей, но не доверяет им. Уж Алэн наверняка знал, как поступить в таком случае. Тут нет и тени сомнения.

Нет, это, конечно, не объяснение. Небось Сэм боится чего-то еще. Он ведь сам сказал, что трясется за свою жизнь. Ну разумеется, потому так и волнуется. Его принудили сделать это для Амбиелли. И он побоялся не подчиниться. «Он познакомился со мной. Его ко мне впустили, потому что его фамилия мне известна. Потому-то ему все и поручили. Может, он и не хотел, но был вынужден подчиниться, а теперь боится меня отпустить».

Она считала, что ее передадут в другие руки. Теперь им остается сидеть в этом укромном местечке и ждать приказа. Ее пронзила острая жалость. «Бедные родители! Но я не стану сидеть сложа руки. А что если попытаться убежать?!»

Она знала, что Сэм ей это не позволит. Но неужели он сможет причинить ей боль?

Перед глазами пронеслись все те ужасы, которые ей довелось пережить, и в мозгу зароились сомнения. «Не будь тщеславной дурочкой, – убеждала она себя.— Он, если потребуется, может и ударить».

— Высохли волосы? — Он встал и направился в ее сторону. Она постаралась не вздрогнуть, когда он не так уж и ласково положил ей на голову руку и потрогал пальцами ее завитки.— Сойдет. Ну и видок у тебя.

Она села, вытащила расческу и принялась расчесывать волосы. Без зеркала это было трудно.

— Можно? — спросила она.

Он указал рукой в сторону лампы. Она слезла с кровати, взяла лампу и, едва переставляя негнущиеся ноги, направилась в ванную. На дощатых стенках дрожали тени.

Лачуга одним боком прилепилась к восточному берегу озера, оказавшись зажатой между обрывом и водой. Вдоль ее задней стенки была отгорожена узенькая полоска для кухни и ванной. Отсюда не было выхода наружу, окнами служили узкие щели возле самого потолка. Каким бы юным, сильным и стройным ни было тело, протиснуться в эти две щели не представлялось возможным.

Когда Кэй начала расчесывать голову, она поняла, что обесцвечивание испортило ее волосы: они не слушались гребня. Этот поступок она не могла ни понять, ни подогнать под свою теорию.

Ему не терпелось это сделать. Он даже бросил ее в машине, связанную, головой вниз, бросил надолго, чтобы купить краску. И не уступи она в конце концов, он привязал бы ее к стулу и силой выкрасил волосы. Неужели это так важно? Теперь на голове настоящая копна, непокорная, жесткая, разноцветная. Она теперь совсем на себя не похожа: бесцветные волосы, бесцветное лицо.

— Сестра, не спрашивай для чего,— сказал он.— Этого я не могу тебе сказать. Сказать-то скажу, но

ты все равно не поймешь. Не сейчас. Оставим это. Просто я стараюсь выпутаться, не умереть из-за тебя. А если тебе так уж хочется, то думай, будто я хочу спасти от гибели тебя. У меня предчувствие, что нас навестят. Поэтому я думаю о будущем. Смешно: Сэм Линч думает о будущем. Не обращай внимания. Этого тебе не понять. Всему свое время. Но я вынужден сделать это сейчас, потому что за пять минут не успеешь. Не обращай, сестра, внимания. Считай, что я свихнулся, а ты боишься перечить сумасшедшему.

После он заставил ее пересмотреть всю свою одежду и отодрать номерки прачечной, монограммы, заставил вытряхнуть содержимое кошелька. Он сжег все ее документы, даже водительские права, потом обрушился с молотком на пудреницу: разбил монограмму на крышке и забросил пудреницу в озеро.

— Зачем? — изумилась она.

Он пихнул ее на кровать.

— Успокойся.— Сэм сел за стол и подпер голову рукой.— Если вдруг к нам кто-то зайдет, ты собралась уходить,— немного помолчав, сказал он.— И ты не Кэтрин Сэлсбери. Ни в коем случае не сознавайся в этом, пока не очутишься у себя дома.

— Но почему, Сэм?

— Поймешь, когда это случится.

— Что случится?

— Одна вещь. Со мной.

— М-м-м-м...— Она задыхалась от злости.

— Ладно, ладно. Дай мне передохнуть. Брось спорить. Глупее этого я в жизни своей не делал. У меня даже кружится от глупости голова. Перед глазами все плывет. Теперь я миллион лет не суну носа в чужие дела!

Он взглянул на нее, рассерженную, со спутанными волосами и горящими глазами.

— Да кто ты в конце концов такая? — заорал он.

Она задрожала под своим пальто, притихла.

Вот тогда-то она и стала выдумывать свои хорошо пригнанные теории, тогда-то ей и показалось, будто она почти все поняла. Теперь же, глядя на свое отражение в зеркале, поняла, что он хочет изменить ее внешность до неузнаваемости. Интересно, для чего? Откуда-то изнутри поднялась теплая волна

«Нет, он не соврал. Он хочет меня уберечь»,— шептал чей-то голос.

Она вышла из ванной. Его голова лежала на руке. Он не шевельнулся. Она тихонько поставила лампу на место и в ее свете отчетливо разглядела белые прядки на висках и возле уха.

— Сэм, ты седеешь,— заметила она.

— К утру я буду белее снега. Марш спать.

— Но...— Ей так хотелось высказать ему свои доводы.

— Я еще не знаю, что с тобой сделаю. Не знаю, что случится дальше. Не знаю, не знаю, не знаю.

— Сэм, отвези меня домой.

— Я знаю одно: чего я с тобой не сделаю. Я не брошу тебя волкам на растерзание. Успокойся.

Она забралась на кровать, свернулась калачиком и натянула на ноги покрывало. Она была непреклонна. Интересно, есть ли поблизости телефон? Заснет ли он? Где ключ? Сумеет ли она бесшумно отпереть дверь? Можно ли спрятаться где-нибудь в темноте?

У берега тихо плескалось озеро. По кровле протопали чьи-то маленькие лапки. В ночи шумели деревья, дрожал от ветра огонь лампы.

ГЛАВА IX

В ту ночь в квартире Сэлсбери так и не гасили свет. Наступил четверг. Он был напряженным и бесплодным.

Кэтрин Сэлсбери пропустила занятия в школе Старка. Не пришла она и на урок музыки.

Сэм Линч не появился ни в одном из своих излюбленных местечек.

Алэн Дюлейн не пошел в свою контору.

Чарлз Сэлсбери не пошел в клуб. Его жена, Марта, отказалась от завтрака.

Всему этому была приведена уйма оправданий, однако об истинной причине умолчали. Чарлз Сэлсбери принял решение. Он заявил, что в полицию не обратится. Нет, еще не время. Алэн был уверен, что не сегодня завтра преступники попытаются наладить связь с родственниками. Таков классический образец. Сэлсбери решил сидеть и ждать. Он сказал, но только один раз: «Верните мне мою девочку».

На рассвете Чарлз позвал к себе всех трех лакеев и попросил их никому ничего не рассказывать. Он поделился с ними своими опасениями, касающимися того, что мисс Кэтрин могла оказаться в руках преступников. Он предупредил их, что огласка может обернуться бедой. Он осторожно подбирал слова, потому что рядом была Марта. Тем не менее он особенно выделил это м о ж е т. И умолял их его послушаться.

А пока Сэлсбери притворился, что очень верит в эти звонки по больницам. Надеялся, что и Марта в них верит. Оба держались бодро: так принято в хорошем обществе.

Они выжидали.

Алэн со своими частными детективами всю ночь обзванивал больницы. И разыскивал Сэма Линча.

А что еще оставалось делать? Конечно же разыскать Сэма Линча, который был в курсе всего. Разумеется, это легче сделать полиции. Но и люди Алэна могут его найти, причем без лишнего шума. Сэм Линч мог кое-что рассказать. И тогда они будут лучше представлять себе, что делать, чтобы отыскать Кэтрин.

Отец добавил про себя и только для себя: если она еще жива. Перед Мартой он притворялся, что уверен в этом. Он убежден, что преступники следуют классическому образцу. Да, именно так, а значит, все кончится хорошо.

Он испытывал страх — ведь этот образец давно устарел. Так сказал Сэм Линч, и эти слова огнем жгли его мозг. Это так хлопотно. Что ж, он не станет причинять им хлопот. Будет ждать, надеяться. А потом натравит на них полицию. Чтобы отомстить.

Алэн порицал такое решение. Алэн был за то, чтобы задействовать полицию. Однако вынужден был уступить отцу и заняться поисками Линча. Взаимное согласие сказалось на них самым благотворным образом: Сэлсбери видел в этом надежду, Алэн гордился тем, что пошел на уступки, у Марты нашлись силы держаться.

Сэлсбери возлагал особые надежды на Сэма Линча. Еще бы, Линч их предупредил. Он знал все заранее. Теперь он им подскажет, где ее искать. Судя по всему, он на их стороне. Алэн с мрачной ухмылкой заметил, что Линч определенно на чьей-то стороне и что его просто необходимо разыскать.

Миновал четверг.

Кэтрин Сэлсбери пропустила урок музыки. Причины скрыли. В газетах ее фамилия не упоминалась. Полиция оставалась в неведении. Слуги молчали.

И все-таки в городе о ней говорили.

И не только нанятый Алэном Рейли, который в то утро прохаживался взад-вперед возле дома, где жили Сэлсбери, звонил в чьи-то двери, останавливал прохожих и показывал им фотографию Кэтрин. «Она сбежала из дому,— пояснял Рейли.— У родителей денег куры не клюют.— При этом он подмигивал собеседнику.— Вы не видели ее где-нибудь поблизости вчера вечером? Может, она садилась в какую-то машину, а?»

Похоже, никто ничего не знал. Одним было безразлично. Другие смеялись в глаза. Третьи смотрели на Рейли с подозрением.

В тот день в небольшой комнатке в самом сердце делового района сидели двое: коротышка у стола, верзила на кровати, от страха буквально влипнув в стену. Вот здесь-то и упомянули Кэй.

— Кэтрин Сэлсбери либо удрала, либо ее кто-то увез,— сказал Амбиелли, вращая налитыми кровью глазами.

— Они в самом деле со хватились, босс,— буркнул Малыш.

— Это я и без тебя знаю. Чего повторять-то? — Коротышка вскочил со стула и со злостью хватил верзилу ребром ладони по лбу.— Молчи, когда я думаю,— приказал он, окончательно сбрасывая свою притворно-любезную оболочку.

— Слушаюсь, босс.

Коротышку прямо-таки сжирало пламя мести — в нем ожил убийца.

— Если она сбежала сама — это совпадение,— вслух размышлял он.— Но если ее увезли, тогда кто-то стоит мне поперек дороги.

— Послушайте, босс,— Малыш на случай нового удара съежился в комок.— Вам не стоит волноваться. Украдем кого-нибудь еще.

Налитые кровью глаза Амбиелли остекленели.

— С этой все было готово,— с презрением заметил он.— А волноваться — я никогда не волнуюсь.

Сэлсбери ждали, отгороженные от всего в своем недоступном мире, а вокруг сновали люди...

Поздно вечером в четверг вместе с вечерними газетами пришло письмо. Сэлсбери его прочитали и теперь с робкой надеждой поглядывали друг на друга.

Когда в четверг где-то около девяти вечера их навестил Алэн, у него создалось впечатление, будто они окончательно обезумели от горя и не способны его понять. Он сказал, что у него нет ничего нового, что ни в одной больнице не оказалось девушки под вымышленной фамилией, но, похоже, его сообщение до них не дошло.

— Не вызывает сомнений, что ее где-то спрятали. Сэма Линча мы так и не смогли разыскать.— Алэн был мрачен.— Это о многом говорит.

— А ты действовал осторожно? — осведомился Сэлсбери, прикрывая ладонью от света свои воспаленные глаза. Он взял на себя страшную ответственность: действует на свое усмотрение, целиком и полностью полагаясь на этот классический образец. А понимает ли он законы, которыми руководствуются в этом враждебном мире, в этом чуждом, в этом чудовищном мире?

— Все сохраняется в величайшей тайне, сэр. Не волнуйтесь. Никто даже не подозревает о том, что она исчезла. Но вот Линча нет нигде. Правда, ходят слухи, будто у него есть машина. Пытаемся обнаружить ее местонахождение. Если и она исчезла, я бы посоветовал обратиться в полицию. Они, сэр, смогут обнаружить машину.

— Еще рано, Алэн.

— Но когда же? Я просто не в силах понять,— Алэн постучал ребром ладони по коленке,— почему они не дают о себе знать? Если дело обстоит именно так, как мы предполагаем, они вынуждены действовать быстро, пока не подключена полиция. Вы разве этого не понимаете? Им пора дать о себе знать.— Алэн недоумевал: почему такое отклонение от классического канона? Он не заметил, как затаился хозяин, как Марта локтем прижала к себе сумочку с вязанием.— Когда они дадут о себе знать, у нас появится новый материал для расследований. По крайней мере, мы сумеем определить род преступления. Нам предстоит кое-что обдумать...

— Ведь ты, Алэн, не станешь поступать против нашей воли, а? — тихонько спросил Сэлсбери.

Алэн сжал губы.

— Если б только я мог убедить вас. Это дело, сэр, не для вас. Она вам слишком небезразлична, слишком дорога. Дилетантам это не под силу. Мои люди, разумеется, не дилетанты, они из кожи лезут, но тут необходимо вмешательство целой организации.

— Верните мне мою девочку,— во второй раз сказал Сэлсбери. Говорил он тихо, но фраза прозвучала как вопль. Он тут же пожалел о сказанном и с беспокойством покосился на Марту.

Она вязала. Ее волосы были как-то неестественно взъерошены. Это производило странное впечатление. Она тихонько сидела возле лампы со своим вязанием, проворно мелькали руки, спокойно звучал голос. Будто она контролирует каждую клеточку своего существа, кроме седых волос, которые ее не слушаются и выдают ее истинное состояние.

— Только бы разыскать Сэма Линча,— вздохнула Марта.— Где он может быть? Он все знает.

— Разумеется, он должен знать,— буркнул Сэлсбери. «Ведь они запросили именно ту сумму, которую называл Линч, – мысленно добавил он.— Выходит, Линч все знает».

— Он не только знает,— ухмыльнулся Алэн.

— Однако он приходил нас предупредить,— робко напомнил Сэлсбери.— И хоть они и вышли из дома примерно в одно и то же время, они вышли порознь. Мне кажется, он на нашей стороне. И думаю, не отказался бы нам помочь. Ведь если это он задумал ее украсть, зачем ему было нас предупреждать?

— Этот человек настолько изощрен, настолько непостоянен и непостижим, что, на мой взгляд, нам с вами, сэр, не под силу его понять. Я просто убежден, что он в этом замешан. Но Линча найдут.— В устах Алэна это прозвучало как приговор.— И Линч заговорит.

У Сэлсбери такой уверенности не было. Порой ему казалось, что Линч вообще никогда не заговорит,— ведь мертвые молчат. Но он ни с кем не поделился своим предчувствием.

— Не думаю, чтобы вашим людям удалось уз-

нать сегодня что-либо новое,— пробормотал он.— Алэн, Марта совсем валится с ног. Ей бы что-нибудь принять, да в постель.

— И тебе, Чарлз. Нам обоим.

Они, казалось, опираются друг на друга, тем самым не давая друг другу упасть. И все время ободряют один другого.

— Да, надо отдохнуть,— пробормотал Сэлсбери.

Алэн не понял намека.

— Если бы только я (это «я» он выделил особо) слышал все, что говорил Линч. Кое-что вы могли пропустить мимо ушей. Вероятно, он сказал что-то еще.

— Я пересказал тебе все,— возразил Сэлсбери.

Светловолосый юноша переключил свое внимание на Марту:

— Расскажите мне все, что он говорил вам.

Ее руки остановились. Ее милое личико, обрамленное непокорными седыми волосами, утеряло прежние изящество и свежесть, зато теперь каждая его черточка казалась глубже, чище, а красота — возвышенней. Она рассказала, как Сэм Линч ей представился. Как они с ним беседовали и она так поверхностно и легкомысленно рассуждала о преступности.

— Потом поговорили о тебе и твоих интересах, Алэн. Я сказала, как увлечена криминалистикой Кэй. Как я в свое время делом Чарлза. Его печеньем. Он упомянул какой-то склад. Вот тут-то я и поняла, что он пишет беллетристику. Почему — не помню.

— Склад? — наморщил лоб Алэн.

— Да. Он сказал... Да, я точно помню его слова: «Кто-то стережет его день и ночь». Это прозвучало как-то странно.

— Сторож! — воскликнул Сэлсбери.— Минуточку. Мне запало это слово.

Алэн ждал затаив дыхание.

Дальше Сэлсбери заинтриговали его еще больше.

— Он сказал что-то насчет грехов работника, за которые должен расплачиваться хозяин.

— Работника? Сторожа? — Алэн так и подскочил.— Здесь что-то кроется. Кто караулит ваш склад ночью?

— Не знаю. Не имею ни малейшего представления.

— А выяснить можно?

— Разумеется, можно. Минуточку.— Сэлсбери взял телефон.— Его фамилия Перригрин. Он сейчас на месте. Работает всего неделю. С тех пор как погиб старик.

— Погиб старик?

— Да, несчастный случай.

— Постойте, а тот старик, сэр, давно там работал?

— Это можно выяснить.

— Нет, постойте. Помнится, в прошлом году там была какая-то пальба. Ваш сторож давал показания. Помните? Что-то показалось ему подозрительным. Стойте, вспомнил. Он позвонил в полицию еще до происшествия. Точно. Именно тогда чуть было не убили Амбиелли. Их была целая шайка. Классический образец мести, практикуемый в преступном мире. Всем было известно, что это дело рук Эммануэля. Амбиелли здорово досталось. Он уехал из Нью-Йорка.

— Но все это... какое это имеет отношение?..

— Амбиелли,— задумчиво произнес Алэн.

— Что Амбиелли? — сгорал от нетерпения Сэлсбери.

— Вернулся.

Медленно, шаг за шагом постигал Сэлсбери смысл слов Алэна. Так медленно, что даже заговорил вслух: «Сторож...» — Однако он не завершил фразы — мозг сработал быстрее языка.

— А что это был за несчастный случай? — услышал он вопрос Алэна.

Сэлсбери покачал головой. Он ничего об этом не знал. «Когда вернулся Амбиелли?» Этот вопрос так и вертелся на кончике языка, но он не осмелился его задать. Он опустился в кресло, раздумывая над услышанным. Чудовищная мысль! Старик, находясь на своем посту, заметил что-то неладное. Послушный долгу, он позвонил в полицию. Теперь он мертв. Только теперь. Много месяцев спустя!

— О нет, абсурд! — громко воскликнул он.

— Если Линч на кого-то и намекал,— размышлял Алэн,— то только не на Эммануэля. У того нет причин иметь против вас зуб.— Алэн кусал ноготь.— Не может быть. Это действительно абсурд.

Чарлз Сэлсбери воздел руки к небу.

— Зуб против меня? Но я-то здесь при чем? Ведь я не имею к этому ни малейшего отношения.

В нем закипало справедливое негодование. Но мысль уже вышла за пределы ограниченной логикой упорядоченности, и он теперь знал, что зуб зубом, а все дело в том, что волей капризного случая о нем услышали, узнали, его наметили жертвой. И все потому, что у него есть дочь. Веки Сэлсбери задрожали.

— Амбиелли снова в Нью-Йорке,— сказал Алэн.— Мне говорили.— Он покосился в сторону Сэлсбери.— Я не верю в грехи, за которые должен расплачиваться кто-то другой... Какой-то сенсуализм. Небось Линч хотел отвлечь ваше внимание.

Он презрительно скривил губы.

— Но если мистер Линч не солгал,— убитым голосом начала Марта, - если он подслушал именно этого человека, тогда где же он сам?

Сэлсбери отметил про себя, что если Линч не солгал, то теперь он, возможно, мертв. Как и старик сторож. Но он промолчал, только облизнул губы.

— О нет, просто он скрывается,— презрительно заметил Алэн.— Прячется по углам. Это вероятнее всего. Такие люди, как Линч, преувеличивают опасность Амбиелли. Разумеется, частично из восхищения. Но я не думаю, чтобы он был честен. Если же да, то почему бы ему не назвать имена?

— Линч боялся,— медленно пояснил Сэлсбери.— К тому же это имя никому ничего не говорило. Я хочу сказать — вчера.

— Или же он таинственно намекнул на это, чтобы увести нас с верного пути,— скептически предположил Алэн.

— Ты не допускаешь, что он может бояться. Однако ты считаешь вероятным, что ему известно, какой опасности он себя подвергает,— заметил Сэлсбери.

— А зачем ему подвергать себя опасности? — уже с издевкой спросил Алэн.

— Допустим, из добрых побуждений.

— Такое не в его натуре. Уверяю вас.

«Такая самоуверенность,— думал Сэлсбери.— Будто мы никогда не совершаем поступков, противоречащих нашей натуре. Так уж и возможно предугадать каждый свой шаг?»

— Разумеется, я не спешу делать выводы,— сказал Алэн, и Сэлсбери закрыл глаза.— Я лучше позвоню в агентство. Интересно, что там у них имеется на Амбиелли? Это может пригодиться.— У Алэна был деловой вид.

— Я хотел бы...— Сэлсбери, как щитом, прикрывал глаза ладонью, чтобы скрыть проглянувшую в них тревогу.— Алэн, повремени денек. Прошу тебя.

— Поверьте, я, как и вы, не хочу рисковать. Ничем, сэр. Но я не считаю, что тут есть риск. Вы не представляете себе, как осторожно работают эти люди. Не то что неуклюжие фанфароны-полицейские. К тому же я допускаю, что в полиции есть шпионы. Однако я уверен...

— А у меня этой уверенности нет,— оборвал его Сэлсбери.— Я не хочу ни малейшего риска. Никакого дополнительного риска.

Алэн поджал губы.

Марта тряхнула своей взъерошенной головой.

— Будь к нам снисходителен, Алэн,— решительно сказала она.

— Я понимаю ваши чувства. Все понимаю. Это парализует.— Он расправил плечи.— Такие вещи, как правило, сопряжены с нечеловеческими усилиями.

— Спокойной ночи,— отрывисто пожелала Марта, схватив обеими руками сумочку с вязанием.

Чарлз Сэлсбери проводил Алэна до двери. Вернувшись, он увидел, что его жена сидит с закрытыми глазами, зажав в обеих руках кусочек шелка, который она хранила в сумочке с вязанием.

— Я рада, что мы ничего ему не сказали,— пробормотала она и открыла свои затуманенные глаза.— Он действует мне на нервы.

— Мне тоже.

— Будто речь идет о ком-то постороннем, а не о нашей Кэтрин.

Сэлсбери коснулся багрового шарфа, который жена держала в своих руках. Этот знак пришел вместе с письмом. В нем заключалась их надежда.

— Еще один день,— вздохнул он.

— О, если бы это случилось сегодня вечером. Если бы в записке было сказано «сегодня вечером».

— Нет, нет. Ну как ты не понимаешь? Они дают

мне время, весь завтрашний день, чтобы я мог достать наличные. Им нужны деньги. Это их единственная цель.

— Ну конечно же. Конечно, Чарлз.

ГЛАВА X

Просто не верилось, что миновал четверг. Проснувшись, Кэй подумала: «Да ведь уже пятница! Не может быть!»

— Сегодня пятница? — спросила она.

— Насколько мне известно, пятница, и уже за полдень. И почему бы не спать по ночам? — Голос Сэма был хриплый. Она знала, что он не сомкнул глаз.

— Потому что я все думала, как бы убежать.

В черных глазах промелькнули искорки смеха. Он спокойно разъяснил ей, что это бесполезно.

— Почему, Сэм? Ну позволь мне бежать.

— Потому что ты слишком молода и глупа, вот потому и нет.— «Может, это всего лишь отговорка?» — мелькнуло в ее голове.— Одному богу известно, что с тобой может стрястись,— проворчал он.

— Богу известно, что со мной стрясется, а тебе нет.

— Верно. Вот кофе. И семга.

— Семга!

— С галетами, чтобы сытней. Это тебе, сестра, не «Уолдорф».

Она вошла в ванную и заперла за собой дверь. На уровне узкого грязного окошка росла буйная желто-зеленая трава. Она умылась, расчесала волосы, потом раскрыла дверь и сказала: «Тут настоящий свинарник». Подстегиваемая справедливым гневом, она быстрыми энергичными движениями заправила кровати, убрала на полках. Потом направилась в узенькую, лишенную удобств походную кухню и принялась воевать с царящим там беспорядком.

И тут ей бросилась в глаза дверь в левой внешней стене. Она тихонько подошла к ней, взялась за ручку. Не заперто. Всего-навсего стенной шкаф. Она вздохнула. Сэм следил за ней, привалившись к стене. Она накинулась на беспорядок в шкафу.

— Трудишься как пчелка.

Пропустив насмешку мимо ушей, она повернулась к нему лицом и начала серьезный, давно наболевший разговор:

— Ты никому не веришь. А я верю. Сэм, это глупо. Не будем же мы сидеть тут целую вечность. А все только потому, что ты не знаешь, что теперь делать. Я верю отцу и матери.

— Ну естественно. Алэну тоже?

— Господи, ну конечно же. Сэм, послушай меня, пожалуйста.

— Слушаю.

— Вот и хорошо. Я поверю всему, что ты мне сказал. И обещаю приложить все усилия, чтоб защитить тебя от них. Обещаю,— клялась она.— Никто не узнает, что ты сделал. Можешь на меня положиться.

— Ты меня защитишь, сестра?

Это было не удивление, а что-то еще. Она не могла прочитать по его глазам.

— И Амбиелли никогда про это не узнает.

— Слишком поздно.

— Почему? Ты ведь сказал.

— Не знаю. У меня предчувствие.

— Ты... ты боишься Амбиелли?

— Да. Боюсь.

— Но он не стал бы тебя винить, если бы думал, что я убежала сама.

— Нет.

Выражение его лица осталось прежним, но она знала, что он разочарован и грустит.

— Тогда поедем вместе к нам домой, и ты останешься у нас. Они смогут защитить нас обоих.

— Алэн придет в восторг, сестра.

— Но...

— А может, Алэну удастся меня оправдать? У него свои теории. Ведь он моральный сноб.

— Что?!

— Грязь, она липкая, всю ее не отмоешь. Этот парень прощает головой. А его сердце остается бесстрастным.— Он уперся головой в дощатую стену.— Слишком многого ты от него хочешь...

— Ты несправедлив к Алэну.

— А ты ему веришь, сестра.

— Верю. Разумеется, верю.

— Ты бы и первому встречному поверила.

— Вот и нет.— Она по-детски топнула ногой.—

Сэм, я могу поверить... может, и смогла бы поверить, что ты старался меня спасти. Но мне кажется, если бы не твоя слепая ненависть к Алэну Дюлейну, ты бы никогда не оказался в таком безвыходном положении.

— Может, и нет. Хитро сказано. Тонко подмечено.

— Вот видишь.

— Не придирайся.

— Ты устал.

— Чертовски,— согласился он.— Что и говорить, сестра, я чертовски устал.

— Кофе?

Они уселись за стол. На какое-то время воцарился мир. В комнате стало почти уютно.

— Послушай, сестра,— хрипло начал он,— когда увидишь свою маму, пожалуйста, скажи ей, что я к тебе не приставал.

Она подумала: «Мы заперты в таком тесном мирке, что читаем мысли друг друга».

— Почему ты все время прислушиваешься, Сэм? — громко спросила она, круто переменив тему.— И день и ночь

— Жду волков. Я все твержу тебе, что на свете водятся волки,— пробормотал он.— Самые настоящие волки. Я ведь рассказывал тебе о Малыше Хохенбауме.

— О Малыше Хохенбауме,— эхом отозвалась она.

— Он способен только на одно. Даже без денег. Босс для него — сам Господь Бог. И об Амбиелли я тебе рассказывал. Амбиелли — убийца. Для него убить — раз плюнуть. Ведь ему и терять нечего. Он страшен. Сама смерть. Сестра, не шути со смертью. Мертвые не воскресают.

— Знаю.— Она втянула в себя воздух.

— Поэтому молчи.— Сэм закрыл глаза. У него дрожали веки.— Пожалуйста, умоляю тебя. Если бы я мог придумать, как доставить тебя домой живой и невредимой, поверь мне, я бы моментально это сделал. Был бы только рад избавиться от тебя. Только не обижайся. Что ж, про нас, кажется, все забыли. Может быть, завтра, если будет тихо, я выползу на разведку.

— Еще целый день? — в унынии воскликнула она.

— И целую ночь,— вздохнул он.— Сестра, я и сам в замешательстве. И честно в этом признаюсь.— Он покачнулся на стуле.— Не надо было мне совать нос в чужие дела. Это не в моем стиле. Не в моих привычках. Репортер,— сказал я твоей маме,— это человек, который наблюдает за происходящим. Наблюдает, понимаешь? Со стороны. Вот это, признаться, больше в моем стиле.— Он потер лицо.— Я не человек действий. Не герой. А ты все никак не поверишь в волков. Никак. В этом вся беда.

«Какой у него измученный вид. Он так устал и запутался, что скоро сам меня отпустит»,— подумала она.

— Нет, не отпущу,— сработала магическая сила близости.— Я еще тебе не верю.

— Но почему?!

— Ты слишком неопытна, слишком романтична.

— Сэм...

— Так сказал Алэн. И вот, сестра, в чем разница между мной и Алэном. Я говорю прямо тебе, что думаю, а Алэн сказал это мне. Вот в этом между нами разница.

— Алэн — замечательный человек,— отрубила она.— Очень умный и образованный, поборник добра. Его идеал — служение человечеству. Мне не нравится, что ты на него нападаешь.

— Добра, говоришь? — взбесился Сэм.— Ну конечно же служитель добра. Собирается переделать сей бренный мир. Но в моем словаре это называется иначе. Послушай, а что если я скажу тебе, как надо делать добро? Я не утверждаю, что я делаю добро, но я знаю, как его делать. Мы рождаемся, растем, живем, познаем окружающий мир, извлекаем из нас то, что в нас заложено, предлагаем это другим. Извлекаем для того, чтобы другие могли этим воспользоваться, если оно им пригодится. Вот это и есть служение. Понимаешь, а?

Ей показалось, будто он трясет ее за плечи и у нее болтается голова.

— Это и есть добро, которое в твоих силах совершить, сестра. Я был чертовски сообразительным зрителем и, по всей вероятности, никогда бы не покинул своего места. Но это к делу не относится.— Он повысил голос.— Я знаю, мало проку сидеть и поучать других людей, как им себя вести. Совсем

никакого проку. Перевоспитание бедных бессловесных тварей. А как ты узнаешь, перевоспитались они или нет? Другими словами, думают ли они так, как думает Алэн? Иначе плевать на них. Понимаешь? Ну конечно же,— угадал он ее мысли.— Алэн хочет стать учителем. Но все дело в том, сестра, что прилежный учитель слушает других. Если же он не способен слушать, он быстро устаревает и становится посмешищем. И еще: учитель уважает других. А Алэн не слушает. Он на это не способен. И у него нет никакого уважения к другим.— Сэм стукнул по столу ладонью.— А других необходимо уважать. Как можно завоевать признание окружающих, если у тебя на все готовые ответы? Как? Если мне скажут: «я понял вот это» или «мне кажется», в таком случае я могу прислушаться. Но если у тебя нет ко мне уважения, я тебя и слушать не стану. Уважение — это умение прислушиваться к мнению других людей.

— Но Алэн...

— Даже тебя, сестра, он не уважает.— Сэм опустил плечи.— Нет, ни капельки не уважает. Он говорит мне, мне, понимаешь, по секрету, у тебя за спиной, как ты молода и глупа.

— Зато ты меня больно уважаешь! — со злостью выпалила она.

— Представь себе, уважаю. Я называю тебя глупым ребенком. Потому что я так думаю. Но я слушаю. Ты, сестра, можешь это подтвердить. Кое к чему я прислушиваюсь. Я настроился на твою волну.

Он потянулся к ее руке, но на полпути остановился. «Он ни разу не прикоснулся ко мне»,— с изумлением думала она. (Недавняя борьба между ними была не в счет.)

— Говоришь... кое к чему? — запинаясь спросила она.

— Не к словам.— Покачиваясь, он встал со стула.— Иначе мне пришлось бы проливать слезы.— Он потер глаза.— Потому что ты ух как сообразительна. Кажется, я брежу. Иду спать. Не пытайся достать ключи. Не убегай. Я посплю. И подумай. Понимаешь? Хорошенько подумай. Пошевели мозгами.

— Хорошая идея,— буркнула она.

Он заснул мгновенно. И теперь лежал на кровати

такой неуклюжий и далекий. Ей стало как-то не по себе, и даже чуточку закружилась голова, будто вдруг перерубили связывающий их канат.

Она тихонько вернулась на кухню и снова занялась восстановлением порядка. Мысли витали где-то далеко. А что если Сэм сказал ей правду? Если он и в самом деле подслушал в ресторане Амбиелли? Потом сказал ее отцу, а Алэн не поверил. Может, он в самом деле за нее испугался, а она оказалась такой дурочкой? Ведь если Амбиелли и в самом деле так опасен, тогда его страх и нерешительность вполне оправданны.

Их обоих волновала одна и та же мысль: как переправить ее домой? «Эти жестокие и мстительные люди,— думала она,— будут стеречь их дом как осы, готовые в любую минуту налететь и зажалить обоих до смерти. Особенно Сэма. Они наверняка разыскивают Сэма. Они догадываются, что ему известны их планы. И что именно он мог встать у них на дороге».

И ей стало казаться, что их могут навестить. Она со страхом подняла глаза к узенькому кухонному оконцу, гулко екнуло сердце: а вдруг из прибрежной травы на нее глянут чьи-то глаза?

«Но почему я непременно Кэтрин Сэлсбери? — думала она.— Ведь теперь я вовсе на нее не похожа. А если я другая девушка, тогда Сэм ни при чем». Нет, это невероятно. Нереально. Теперь ей стал ясен замысел Сэма. Если они вдруг за ним придут, ей надо бежать и прятаться.

И тут ее осенило, что раз она теперь на себя не похожа, будет очень просто и вовсе не опасно самой добраться домой. Сэм проснется, и она непременно скажет ему об этом. Вдруг ему не приходило это в голову?

В следующее мгновение она уже знала, что ему и это приходило в голову. Нет, осуществить подобное можно лишь тогда, когда она окончательно завоюет его доверие.

Она его завоюет. Кэй задумчиво оттирала тряпкой старую раковину. «Нас учат каким-то шаблонам,— думала она.— А почему бы не сказать нам, что на свете тьма непредвиденного, противоречащего общим правилам? А отсюда и непредвиденные поступки, совершаемые самыми неожиданными людьми бог знает ради чего. И может вдруг встать

у тебя на пути черноглазый незнакомец. За углом, на вечеринке, в толпе. Вот он вырастает перед тобою, ломает привычные устои, рушит старые опоры. Амбиелли тоже казалось, что он все знает наперед, а тут вмешался этот черноглазый».

К Сэму это тоже относится — один-единственный неистовый удар собственного сердца, и все летит кувырком.

ГЛАВА XI

Медленно тянулась пятница. Ни одна душа не знала, по каким делам ездил в этот день Чарлз Сэлсбери. Он делал все спокойно, без излишнего шума. Дела, сопряженные с огромными убытками.

Марта не вышла к Алэну Дюлейну, да и сам Сэлсбери постарался свидеться с ним как можно короче. От страшного напряжения отец был раздражителен и где то подсознательно чувствовал, что тем самым лишь усугубляет царящее в доме отчаяние. Но ничего не мог с собой поделать. Перед вечером, когда Алэн с обиженным лицом уходил от Сэлсбери, у последнего мелькнула мысль: бедный мальчик. Но эта мысль мучила его недолго.

В девять часов вечера Сэлсбери велел подать машину и сам сел за руль. Он не думал, чтобы сыщики, которых Алэн называл «моими людьми», следят за их квартирой. И тем не менее приложил все свое непрофессиональное умение, чтобы это проверить. И пришел к выводу, что за домом никто не наблюдает.

Слова, нацарапанные карандашом на клочке коричневой бумаги, таинственно запрятанном в складках мягкого шарфа Кэтрин, четко врезались в его память. В них была его надежда. Он точно помнил, что ему велели сделать, и намеревался выполнить все инструкции. Он будет честен, и уж теперь ничего не случится по его вине.

Он действовал в одиночку. Одна Марта была посвящена в тайну. Деньги, старые банкноты, как ему велели, он засунул в конверт, адресовал его Смиту и положил некоему на сиденье рядом с собой. Он хорошо рассчитал время и за несколько минут до условленного часа свернул в указанные жилые кварталы города. Он вел машину медленно,

осторожно, строго выполняя все правила,— не дай бог случится непредвиденная задержка.

И вот он едет и едет вперед, крепко стиснув зубы и собрав все свои силы. Это нужно выполнить так, как приказано. Если она жива — все зависит от того, будет ли он послушен. Если нет — какая разница, когда натравить на них полицию? А сейчас необходимо усыпить ум, чувства, воображение. Беспрекословное подчинение — и ничего более.

Но если все пройдет гладко и в течение восемнадцати часов она, как обещано в записке, будет дома, когда его девочка очутится дома, тогда он им покажет. Обрушит на них громы, молнии, закон — все, что в его силах, выкурит их из любой норы, пусть на это потребуется сто лет.

Сэлсбери свернул на Ван Кортленд Парк. И очутился на довольно-таки свободной улице. Теперь на север, уверенно и спокойно, в туннель под главной магистралью. (Предстоит левый поворот, хотя до него еще мили две.) Он затормозил на красный свет и стал в который раз перечитывать записку — не ту написанную на бумаге, а отпечатанную в его мозгу.

Мелькнула тень. Повернулась ручка правой дверцы. Могучее плечо, низко пригнутая голова в черной повязке, будто в собственной тени...

Неестественный фальцет:

— Ты Сэлсбери?

Он не смог кивнуть — окостенела шея.

— Да,— а сам подумал: «Человек Алэна? Нет, нет».— Пожалуйста, не задерживайте меня,— не слишком учтиво сказал он.

— Здесь деньги? — пропищал голос. Рука в коричневой перчатке завладела конвертом.

— Не трогайте!

На физиономии никаких выпуклостей. Все туго стянуто черной повязкой. Вместо профиля дуга. Рука с деньгами, голос, плечо ловко вывернулись. Хлопнула дверца.

Сэлсбери очнулся поперек переднего сиденья, голова болталась где-то снаружи. Машина по крайней правой дорожке стремительно сорвалась с места и свернула вправо. Быстро растаяли во мраке красные огоньки.

Из машины, которая, как он понял, только что подъехала сзади, высунулась жещина.

— Что-нибудь случилось? — бодрым голосом поинтересовалась она. За рулем сидел мужчина.

— Не знаю. Не знаю,— мямлил Сэлсбери.

— Может, подтолкнуть?

— Нет, благодарю вас. Не надо.

Машина дала задний ход и на мгновение застыла как вкопанная. Потом со свистом пронеслась слева, и красные огоньки исчезли вдали.

Сэлсбери сел за руль. Придется подождать: зеленый свет уже погас. Когда он загорелся снова, Сэлсбери медленно поехал вперед.

Он терялся в догадках. Больно уж все необычно. К чему теперь выполнять указания? И все-таки свернул, куда было указано. Нашел эту железную ограду. Прошел вдоль ее бетонного основания до десятой по счету от ворот пики. Никакого послания в назначенном месте не было. Поиски оказались безрезультатными.

Плохой это знак или хороший? — он этого не знал. И справился ли он со своим заданием? Если они все так замыслили с самого начала, тогда их молчание не просто жестоко — оно недоступно человеческому пониманию.

Марте он скажет, что не потерял надежды. А самого охватили жуткие опасения. Может, с самого начала им принято неверное решение? И с кем это он старался быть таким скрупулезно честным?!

На квадратном клочке бумаги было нацарапано карандашом: «в течение восемнадцати часов». Ночью Сэлсбери еще верили. «Кто,— спрашивали они друг друга,— мог знать, где деньги, кроме самого автора записки?» И подбадривали друг друга: «Ну конечно же. Так и должно быть». Вместе с рассветом прояснилось и у них на душе. В десять утра в субботу они даже выпили немного вина, чтобы легче перенести эти предстоящие полдня, самые для них трудные. Она должна прийти. Должна позвонить.

Когда они начали тормозить время, стараясь замедлить его стремительный полет,— одному богу известно. Когда осознали, что день близится к концу? Суббота мчалась по календарной прямой. «Во что же мы верим?» — с горечью подумал Сэлсбери. Но вслух этого не сказал. Минутная стрелка неумолимо вершила круг за кругом.

ГЛАВА XII

Субботний полдень. Малыш Хохенбаум ест спелый виноград. Бросает по одной ягодке в рот через равные промежутки времени. Босс сидит на роскошном синем стуле, коленки вместе, руки в карманах. Подбородком уперся в ключицу. Мылыш знает, что эта поза не предвещает ничего хорошего, поэтому время от времени косит глазами в сторону босса.

— И что нервничать? — замечает Малыш в промежутке между виноградинами.

Амбиелли, не изменив позы, зловеще вращает глазами.

— Если кто-то сболтнул, я вырву у него язык.

— Эх, босс.— Малыш любовным взглядом окидывает виноградную гроздь, будто на ней растут не ягоды, а доллары. - И зачем вы нервничаете?

— Я никогда не нервничаю. Я никогда не стреляю холостыми патронами.— Он поднимает голову.— Взгляни, там ли этот?..

Суббота после полудня. Они сидели в большой гостиной, и Сэлсбери, который так и не смог притронуться к ленчу, усердно жевал сэндвич — Марта заставила.

Она вязала. Из-под ее спиц выходило что-то ужасное, бесформенное. Аккуратные плотные ряды с каждым разом разъезжались все дальше, ткань, которая, если верить подсчету, должна равномерно увеличиваться, расползалась, закручивалась, топорщилась во все стороны и тряпкой свисала с коралловых спиц. Руки не прекращали своей работы, и ткань росла совсем как гриб: бесшумно, вкривь и вкось. Края этой шерстяной полоски были графическим изображением их отчаяния.

— Еще кофе, Чарлз?

— Нет, нет. Очень хороший сэндвич. С чем он?

— Спроси у Финни,— бодро ответила она.— Я рада, дорогой, что тебе понравилось.

Ни он, ни она так никогда и не узнают, с чем был сэндвич.

— Да.— Он чуть не подавился куском.— Очень хороший. Может, ты тоже съешь?

— Нет, дорогой. Я уже поела. И еще совсем не проголодалась.

Когда они замолчали, в комнате сделалось очень тихо.

— Тебе не кажется, что здесь прохладновато?

— Может, затопить камин, Марта?

— О нет. Спасибо, дорогой, не надо.

— Похоже, весна в нынешнем году поздняя.

— Судя по всему, да.

Их глаза встретились.

«О господи,— думал он,— да тут не выдержит самое закаленное сердце». Он подсел к ней, тесно прижавшись к ее боку.

— Покажи мне, как это делается, родная.

Ее руки задвигались увереннней.

— Очень просто. Просовываешь спицу вот сюда.

— Ага.

— Потом цепляешь нить, вот так.

— Понимаю.

— И протягиваешь ее вот сюда.

Раздался звонок в дверь, насквозь пронзивший их тела и перехвативший их дыхание в едином спазме. Они еще не успели шевельнуться, как к входу поспешил Финни. В комнату влетел Алэн Дюлейн.

Он, как на барьер, с размаху натолкнулся на их вопрошающие взгляды и замер как вкопанный.

— Что-нибудь есть? — спросил Алэн.

— Ничего,— откликнулась Марта.— Ничего.— Сэлсбери увидел, как вязание поползло со спиц, коралловые кончики которых уткнулись в колени, и он понял, что теперь в этой растущей ткани появится громадная дыра. «Очень скоро и мы вот так располземся»,— подумал он.

— Как вы себя чувствуете, миссис Сэлсбери? — Алэну было жаль ее.

— Алэн, ты ничего не узнал? — обычным голосом спросила она.

«Алэну следует быть осторожным. Он должен понимать, что мы потихоньку рушимся»,— думал Сэлсбери.

— Мы снова обзвонили все больницы, но безрезультатно. С ней ничего не могло случиться — такая возможность исключена. Я надеялся, вы узнали что-нибудь новое.— Он окинул их укоризненным взглядом.

— И мы надеялись,— выдавила она.

— Может, приляжешь, родная? Что-нибудь при-

машь? «Если рухнет она,— думал Сэлсбери,— со мной случится то же самое».

Она наконец отложила спицы и сказала:

— Четыре часа, Чарлз. Думаю, пора сказать Алэну.

— Да.

— Что пора мне сказать? — холодно поинтересовался Алэн.

— С нас потребовали выкуп, Алэн.

— Когда?

— В четверг.

— В четверг! И вы ничего мне не сказали! — На лице юноши были и обида, и злость. «Так я и подозревал»,— казалось, сорвется с его губ.— Где записка?

— Вот она.

Алэн схватил коричневую бумажку.

— А что было с ней?

— Ее шарф.— Марта достала его из сумки для вязания.— Этот.

И тут Сэлсбери почувствовал облегчение от того, что они рассказали Алэну. Как будто это был новый шаг. Новое действие

— Это ее шарф? — Алэн нахмурил брови.

— Конечно же.

— Она ничего не приписала?

— Нет.

«Ну не надо заострять на этом внимание»,— безмолвно умолял Сэлсбери.

— А тебе не кажется...— Марта выпрямилась, ее голос был чистым и звонким,— тебе не кажется, что на шарфе есть пятно?

Сэлсбери почувствовал, как по спине ползут мурашки. За все это время она впервые спрашивает об этом. Он был потрясен. Ему не приходило в голову, что его тоже могут щадить.

Алэн взял в руки этот кусочек изящной материи и, не глядя, отбросил его в сторону.

— Ради бога, сэр, расскажите мне, что вы сделали.

— Я сделал все в точности, как там сказано.

— Вы выходили из дому... вчера вечером? («Дурак! Старый дурак!» — это не было произнесено, но все равно Сэлсбери это услышал!) И нашли то место? Вручили деньги?

— Я не доехал до места. Человек с замаскированным лицом забрал деньги с сиденья.

— Что?!

— Я решил, что так и было задумано. Я поехал дальше. Нашел то место. Но там ничего не оказалось.

— Вы хотите сказать, что вас остановили? Обокрали?

— При красном свете, Алэн. Он сам взял. Он знал, что в конверте. Даже назвал мою фамилию.

«Эх ты, старый дурак!» — Сэлсбери казалось, что он это слышит.

— Как он выглядел?

— Кажется, здоровый парень. Я перепугался. Не смог разглядеть как следует. Лицо было замаскировано.

— Куда он пошел?

— К машине. Они сразу же свернули за угол.

— И вы за ним не поехали!

— Я слишком поздно сообразил. Я поехал дальше. Понимаешь, я не был уверен. Не мог соображать.

— Если бы в вашей машине был спрятан кто-нибудь из профессионалов! Или хотя бы ехал сзади. Если бы только вы поставили в известность меня!

— Я надеялся...

Марта рассматривала свое вязание.

— Я спустила несколько петель,— сказала она.— Послушайте...

Сэлсбери крепко ее обнял.

— Когда это было? — допытывался Алэн.— Уже прошло восемнадцать часов?

— Да.

— А ее нет.

— Нет.

— И она не звонила.

— Нет. Нет.

Отец наблюдал за ним и думал: «Господи, что еще из статистики он припоминает? Как ведут себя в подобных случаях?»

— Вы пометили деньги,— безапелляционным тоном сказал Алэн.

— Нет, я... все сделал, как там сказано.

— Чарлз! — вскрикнула Марта.

— Все в порядке. Все в порядке,— успокоил он ее.

Алэн расхаживал взад-вперед по комнате. Он был очень расстроен. Однако владел собой и говорил спокойно, учтиво.

— Очень жаль, что вы не поставили в известность меня. Вероятно, мы упустили прекрасную возможность. Профессионалы знают, как в таком случае поступить.

— Сделанного не вернешь,— с горечью вырвалось у Сэлсбери.

— Эксперт даже по почерку смог бы определить...— Алэн вдруг замолк.— И по отпечаткам пальцев. Ей-богу, сэр, мне кажется, мы должны обратиться в полицию. Я не знаю, что еще можно предпринять. Ее нет. Уже поздно. Потеряно столько времени. Мои люди отыскали Амбиелли, однако...

— Твои люди отыскали! — Наконец до Сэлсбери дошел смысл этих слов, и он встал со стула.— Но ведь я же просил тебя!

— Мне видно со стороны, что вы оба на грани помешательства и, как сами выражаетесь, не способны соображать.

— Какое тебе дело...— громко начал Сэлсбери.— Разве ты не слышал моей просьбы?

— А вы, сэр, должны были сказать мне об этой записке.

— Я обещал тебе, что если они свяжутся...

— Вы мне ничего не обещали.

— Ты меня не слушал! — отрубил Сэлсбери.

— Причин для беспокойства нет,— примиряюще заметил Алэн.— Мои люди просто установили, где он проживает. Никакого вреда от этого не будет. Отыскали комнату, которую он снимает. Они работают спокойно, без шума.

— Никакого вреда! — воскликнул Сэлсбери.— А я держал слово. А ты, ты нарушил его, действуя от моего имени. Может быть... может...

— Вовсе нет. Амбиелли не подозревает, что за ним следят.

— Как ты можешь за это поручиться? А что если подозревает? Что если он думает, что вчера вечером я был не один? Что за мной кто-то ехал? Что, если он решил, будто я его не послушался? — Сэлсбери слышал собственный голос, эхом прокатившийся по всему дому.— Как ты не понимаешь! Ее ведь нет!

— Я не верю, чтобы...— насмешливым голосом начал Алэн.

— Отзови своих людей!

— Если вы так настаиваете, сэр,— принужденно согласился Алэн.— Однако мне кажется, в этом нет никакой необходимости. Я хочу сказать, в такой предосторожности. Думаю, нам стоит побольше разузнать об Амбиелли. Особенно теперь. Вы ведь сами сказали, что ее нет.

ГЛАВА XIII

Сэлсбери сжал виски двумя кулаками. Он смотрел на седую головку своей жены. Ее голова подергивалась, вздрагивала.

— Амбиелли — ниточка ужасно заманчивая,— сказал Алэн.— Пока мы не разыскали самого Линча, надо уцепиться за нее. Я был вынужден сделать то, что считаю в данном случае разумным. Для блага самой же Кэтрин. Вчера вы были совсем беспомощны, опустили руки. Если бы только вы доверяли мне.

— Доверял,— буркнул Сэлсбери.— Неужели ты этого не понимаешь?

— Эти люди осторожны. Они специально этому обучены. Вы просто в этом не разбираетесь, сэр. Всю ответственность я беру на себя.

— Ответственности не возьмешь! — отрезал Сэлсбери.— Это бессмыслица. Один звук. Сделанного не переделаешь. Будем надеяться, что они и в самом деле действовали осторожно. Ты можешь с ними связаться?

— Могу, почти мгновенно. Одним словом, они знают, где я. Кто-нибудь из них мне позвонит. Но я этим не довольствуюсь. Мы, сэр, должны обратиться в полицию, и я думаю, вы с этим согласитесь. Это, сэр, уже касается не только вас. Мне очень жаль. Но правде надо смотреть в глаза.

«Мальчик прав,— с грустью и не совсем уверенно подумал Сэлсбери.— Я считаю, он прав».

— Нет еще,— спокойно возразила Марта.— Еще не настало время. Может быть, они не оттуда считают. Нет еще. Понимаете, если она...

— Не надо, Марта.

— Это уже не так важно,— бормотала она.— По-

этому подождем еще, еще капельку.— Марта встала.— Не отчаивайтесь,— прерывающимся голосом сказала она.— А я, кажется, поднимусь наверх.

— Ну, конечно же, родная,— с облегчением кивнул Сэлсбери.— Правильно. Давно бы так. Я пошлю к тебе Элен.

— Да, пошли ко мне Элен. Такая, Алэн, хорошая девушка. Она расчешет мне волосы. Чарлз, когда Кэтрин придет...

— Я тебя немедленно позову,— серьезно ответил он.

Когда она ушла, Сэлсбери на мгновение даже стало легче.

— Ну уж коли твои люди наводили справки,— решительно начал он,— что же они разузнали?

— Скоро я доложу вам об этом, сэр. Им известно, где я.

— А как с Линчем?

— Пока никак. Его просто нет в городе. Машина тоже исчезла. Однако...

Зазвонил телефон. В прихожей раздались шаги Финни. У Сэлсбери снова перехватило дыхание.

— Спрашивают мистера Дюлейна.

— Спасибо.— Алэн направился к телефону.— Это, наверное, Уорнер

«Очевидно, я не должен подчиняться голосу собственного сердца,— размышлял Сэлсбери.— Это связывает по рукам и ногам. Нельзя было слушаться их приказов. На вероломство следует отвечать вероломством, на тайны — тайнами, на обман — обманом. Может, сила этого юноши в том, что он цепляется за каждую шероховатинку втайне, все время старается что-то предпринять. Я стар. Невежествен. Я окостенел. И чересчур уж осторожен».

— Что?! — выкрикнул в трубку Алэн. Забегали глаза на его возбужденном лице. Сэлсбери подбежал к нему. То, что он бегал в своей собственной квартире, среди этих стен, по своему ковру,— одно это было уже катастрофой.— Амбиелли внизу!

— Что?!

— Это Уорнер. Говорит, этот Хохенбаум затащил его к Амбиелли и тот... А теперь Амбиелли хочет поговорить со мной!

— Скажи, чтоб он поднялся... поднялся.

Сэлсбери шатался, как пьяный.

— Я не понимаю...— Алэн тряхнул головой.— Уорнер, приведите его. Да, тогда их обоих.— Алэн положил трубку.— Этого я не могу... Это ни в какие рамки не укладывается.

«Что бы это могло значить? Что бы это могло значить? — мучительно раздумывал Сэлсбери.— Не все можно засунуть в рамки. Мир не подчиняется никаким правилам».

— Я сам не знаю, сэр.

— Выходит, Амбиелли застукал твоего человека! — воскликнул Сэлсбери.— Твоего осторожного человека.

Казалось, Алэн расстроен.

— Но я ничего не понимаю.

— Ты... ты...— Сэлсбери поднял руки.— Ты думаешь, твой человек — послушная твоей руке стамеска. Но этот Уорнер вовсе не стамеска, Алэн. Он сорвался. И что теперь будет с Кэй!

— Ничего. Она не у Амбиелли. Если она у него, зачем ему сюда приходить? Слишком уж смело. Что ему здесь нужно?

— Если она у него,— плаксивым голосом тянул Сэлсбери,— я должен ему все объяснить. Разумеется, если я скажу ему, что сдержал слово. Если я так ему и скажу...— Слова, как и мысли, теснили друг друга. «Божья милость, - думал он,— что Марта ушла к себе».— Милость,— сказал он вслух.

— От Амбиелли, сэр, милости не дождетесь,— сочувствующе заметил Алэн.— С ним особенно не распространяйтесь. Думается, мне удастся скрыть ваши страхи. Давайте я поговорю с ним с глазу на глаз.

— Нет. Нет. Нет.

— Несложно будет разыграть, будто мы стали следить за ним не из-за записки и не из-за вашего поступка, сэр. Я об этом ничего не знаю. Просто по какой-то причине я заподозрил Амбиелли.

Сэлсбери взял коричневый клочок и сунул себе в карман. У него голова шла кругом.

— Ладно, пусть будет по-твоему...

— А вы моих подозрений не разделяете.

— Ладно. Договорились.

— Оставьте все мне. Следите за ним. Проверьте свои подозрения. Я не верю, что она у него. Зачем

тогда ему сюда приходить? В то же время, если она не у него, это тоже не имеет никакого смысла.

— Не знаю, ничего не знаю,— твердил Сэлсбери.— Разве во всем должен быть смысл? — Он прошел в дальний конец комнаты, сел на кресло и прикрыл глаза ладонями. В голове медленно вращалось колесо.— Не говори ему, что здесь был Линч.

— Почему? — Алэн облизнул пересохшие губы.

— Да как ты не понимаешь? А если это тот самый человек?.. Если Линч не солгал?.. Если Линч еще жив?.. Если ты скажешь, мы никогда его не найдем.

Сэлсбери обезумел от горя.

— Успокойтесь. Вы знаете, что я...

— Не знаю. Ничего я не знаю.

Алэн постарался прикинуться большим хитрецом и сузил по-лисьи глаза.

— Думаю, вы правы. К чему выдавать, что мы знакомы с Линчем? Когда мы его разыщем и заставим заговорить, вот тогда этим можно будет давить на Амбиелли. На таких, как он, сэр, можно действовать лишь угрозами.

«А Кэтрин где-то в чужом месте, ей плохо,— думал Сэлсбери.— Надо еще раз справиться в больницах».

— К тому же, как правило, эти люди — жуткие трусы,— разглагольствовал Алэн.— Моментально друг друга выдают.

Сэлсбери заслонил лицо рукой, приготовившись наблюдать за этим Амбиелли сквозь пальцы.

Уорнер отошел от телефона.

— Босс, я не нахожу в этом ничего занятного.— У Малыша был такой вид, будто у него отняли конфетку.

— Нам ничего не грозит. Успокойся.

— Босс, они сами ничего не знают. Что они вам-то скажут?

— Ну уж мне-то они кое-что скажут,— ухмыльнулся Амбиелли.— Будь спокоен.

Когда Финни впустил их, Сэлсбери обратил внимание, что первым в гостиную вошел коротышка в изящном темном костюме. За ним шел верзила, который и на месте продолжал переваливаться с но-

ги на ногу, будто хотел, чтобы его огромные ступни засосал пол. Третьим был худой человечек с жиденькими волосиками и хитрой физиономией. Он и представил вошедших:

— Дюлейн. Амбиелли.

— Мистер Дюлейн? — У коротышки был приятный голос.

— Мистер Амбиелли? — Алэн напустил на себя чопорный и высокомерный вид, и Сэлсбери подумал, что Амбиелли это только забавляет.— Вы хотели со мной поговорить?

Коротышка оставил его вопрос без внимания. Он смотрел вдаль, туда, где сидел Сэлсбери.

— Наш хозяин? — любезно поинтересовался он.

— Мистер Сэлсбери ничего об этом не знает,— высокомерно процедил Алэн.— Я бы хотел, чтобы мы встретились в моей конторе.

Верзила переступал с ноги на ногу.

— Босс хочет с вами говорить,— буркнул он.— Вас видели тут.

— Я пришел сюда следом за вами,— промурлыкал Амбиелли.

На верзилу Алэн не обращал никакого внимания.

— Вы желаете поговорить со мной наедине? — спросил он у коротышки.

— Необязательно.— Амбиелли сел. Верзила как-то неловко подошел и встал у спинки его кресла. Худому, который, судя по всему, был Уорнером, тоже было явно не по себе. И только коротышка с загорелым лицом и белыми веками чувствовал себя как дома.

— Вы хотели со мной поговорить? — повторил свой вопрос Алэн.

— Если вас интересуют я и мои занятия,— вкрадчиво начал Амбиелли,— я бы посоветовал вам обратиться непосредственно ко мне. Малыш, вот он, очень чувствителен к окольным действиям всякого рода.— Малыш хрюкнул.— Мне-то наплевать. Так что вас интересует?

Его слова и манеры произвели на Сэлсбери впечатление: деловой и смышленый человек. Воспитанный. Вот только смущал этот верзила.

— Я бы хотел выяснить, где вы были и что делали в среду.

— Ага. Так я и думал,— с удовлетворением от-

метил Амбиелли.— Что ж, пожалуйста, отвечу. Только, чур, сначала скажите, зачем это вам.

Сэлсбери стало ясно, что хозяином положения является вовсе не Алэн. В этом коротышке было еще одно измерение, которое Алэн не учуял. Алэн гнул свою палку, забыв о гордости, даже о любопытстве этого коротышки.

Алэн растерянно кашлянул.

— О, понимаю,— пришел на помощь Амбиелли.— Значит, в среду произошло что то такое, в чем, вы подозреваете, могу быть замешан я. Не будем терять время на выяснение. Что случилось, Дюлейн? И почему подозрение пало именно на меня?

— Угу,— преданно прорычал верзила. — Что за мысль?

Но тут с подлокотника кресла взметнулась рука Амбиелли. Он просто распрямил сжатые в кулак пальцы. Рык замер где-то в гортани верзилы.

Пока странным было только это.

Алэн закинул ногу на ногу, сложил обе руки на лодыжке и попытался выдавить мальчишескую улыбку.

— Мне помнится, несколько месяцев назад была какая-то стрельба.

«Нет,— подумал Сэлсбери,— это ему не под силу. Он не может изобразить непринужденность. Не может говорить елейным голоском. Да и вряд ли он разбирается в людях».

— Человек, нанятый «Сэлсбери бисквит компани» в качестве сторожа, находился на дежурстве неподалеку от места происшествия.

— Ага, теперь я понял,— кивнул Амбиелли.— Вы говорите о той ночи, когда в меня стреляли. Продолжайте.

— Вспомнили? — Алэну казалось, что его глаза насквозь пробуравливают собеседника, и Сэлсбери стало за него неловко.

— Ну конечно же вспомнил,— рассмеялся Амбиелли. И тут Сэлсбери, наблюдавший за коротышкой из-под руки и еще толком не разобравшийся в том, что это за человек, впервые заметил, как по-волчьи блеснули его глаза.— Кстати, я видел то место, где погиб этот сторож,— тоном светского сплетника заметил Амбиелли.— Это случилось всего несколько дней тому назад.

Тут оба они — Амбиелли и Алэн — произнесли одновременно: «Несчастный случай».

— Мне кажется, это был несчастный случай,— улыбнулся Амбиелли.— Так, по крайней мере, пишут газеты. Очень печально. Конечно, он человек старый.

«За этим что-то кроется,— подумал Сэлсбери.— Почему так неподвижен этот здоровенный детина? Разумеется, это не улика. Но почему все-таки он так неподвижен?»

— Я хотел бы знать,— надменным голосом начал Алэн,— нет ли таких, кто... ну, будучи обижен на сторожа, имеет теперь зуб против мистера Сэлсбери?

— Против этого мистера?

Уж слишком это походило на щелчок, щелчок-пренебрежение, щелчок-насмешку. Сэлсбери убрал руку от лица. Этот человек прекрасно знает, кто из них мистер Сэлсбери. Старик напрягся. Его глаза, старавшиеся увидеть невидимое, казалось, вот-вот вылезут из глазниц.

— Очевидно,— буркнул Алэн.

— Прошу прощения. Взгляд коротышки метнулся в сторону Сэлсбери

— Не только у меня есть деньги. Неужели вы считаете, что здесь была моя вина?

— Я? — Амбиелли шевельнул пальцем, и верзила, рычавший, как дикий зверь, повиновался с покорностью дрессированного животного и затих.

— Ну? — спросил Дюлейн.

— Так что вы хотели бы узнать? Настроен ли я против мистера Сэлсбери? Довольно-таки шаткая улика.— Алэн надменно уставился на Амбиелли.— Уж не ваша ли это идея, мистер Дюлейн? Нет, вижу, что не ваша. Зуб! — Амбиелли пожал плечами.— Да, честно говоря, первое время я злился на того сторожа. И на кой черт он вмешался? Но такие вещи быстро забываются.— Алэн передернул плечами.— Мы залечиваем раны и идем дальше. Глупо засиживаться на таких вещах. Как вы считаете, а?

Его взгляд снова скользнул в сторону Сэлсбери. Безразличный, ничего не выражающий взгляд. И все-таки уж слишком он покорен, слишком любезен. А где-то за всем этим притаилась насмешка. Что-то беспокойное, пытливое. Сэлсбери хрустнул суставами пальцев.

Алэн молчал, сохраняя надменное выражение лица. Тут тощий, Уорнер, вставил:

— Я могу сказать вам, что они делали в среду.

— Думаю, мы все сэкономим на этом время,— сострил Амбиелли.— Прошу вас.

— Где-то около часу тридцати они отправились на Лонг-Айленд с агентом в его машине. Они пробыли там до восьми вечера, осматривали какой-то участок. Так показал агент. И теперешний его владелец, который находился при этом, тоже это подтверждает. Адвокат, с которым они беседовали на месте, трое дорожных рабочих, полицейский, который подумал, что дом заперт, и захотел выяснить, имеют ли они право там находиться, все говорят одно и то же. У меня в наличии десятки свидетелей. Они все в то время были там.

— Это было в среду. А что же произошло в среду с мистером Сэлсбери? — Амбиелли буквально сгорал от жадного любопытства.

— Так, значит, они не могли?.. Эти люди не... Выходит, это исключается? — не удержался Сэлсбери, в котором зажглась новая надежда.

— Не забывайте, что существуют наемники,— заметил Алэн Дюлейн.— Люди такого типа частенько заботятся о своем алиби.

Казалось, Амбиелли развеселился.

— Вы занимаетесь изучением людей моего типа? — съязвил он.

— Выходит, вам неизвестно, где она? — отрывисто спросил Сэлсбери.— Если же вы знаете, прошу вас. Я свое слово сдержал. Если это вы, то деньги должны быть у вас. Почему же ее нет? Почему она не вернулась? Мне плевать на все остальное. Пусть только она вернется.

«Какой же я жалкий старикашка!» — думал он.

— У вас кто-то пропал? — поинтересовался Амбиелли.

— Моя дочь. Моя дочь. Моя дочь.

— У вас была дочь?

Это «была» пронзило грудь Сэлсбери и ранило в самое сердце.

— Ее украли, да? — В голосе Хохенбаума звучало искреннее удивление. Амбиелли слегка повернулся в кресле и взглянул на него.— Вам что-нибудь известно? — спросил Малыш. Амбиелли улыбнулся.

Алэн встал.

— Ладно. Вот что произошло в среду. Вы оправданы. Совершенно.— Он постарался вложить в следующие слова угрозу.— А где вы, Амбиелли, были вчера вечером?

— Я, мистер Дюлейн? — переспросил Амбиелли. Он не страшился угроз. Этот маленький человек сам был ходячей угрозой.

— Уорнер, свяжитесь с Рейли или кем-нибудь еще. Пусть они установят, где эти двое были вчера вечером.

— Очень интересно понаблюдать, как работают люди вашего типа, мистер Дюлейн,— съязвил Амбиелли.— А что такое могло произойти вчера вечером?

«Он-то знает,— думал Сэлсбери.— Разумеется, он все знает. Но ведь я ему сам об этом сказал. Он или не он? Если он, то прощайте все надежды».

— Это он? — услышал Сэлсбери голос Алэна.— Это Хохенбаум? Мистер Сэлсбери! — Старик встрепенулся.— Этот человек взял у вас деньги?

Но Сэлсбери никак не мог сосредоточиться.

— У вас создалось впечатление, что это был здоровый парень,— допытывался Алэн. У него была физиономия обиженного ребенка.— Ну а голос?

— Это был фальцет,— сказал Сэлсбери.

— Скажите что-нибудь фальцетом.

— У-у-у? — прорычал Малыш.

Амбиелли затрясся от беззвучного смеха.

— Вроде этого,— пропищал Алэн.

— Иди ты к черту,— буркнул Малыш.

Амбиелли утирал пальцем слезы.

— Прошу прощения,— давясь от смеха, выговорил он.

— У вас хватает наглости смеяться в моем доме? — напустился на него Сэлсбери.

— Прошу прощения,— повторил Амбиелли, однако в его голосе не было ни раскаяния, ни угрызений совести. В нем было что-то острое, зловещее, как стальное лезвие ножа. Оно рассекало все на своем пути. И вдруг Сэлсбери открылась нагло заявляющая о себе суть этого коротышки. «Я делаю то, что хочу,— кричало в нем все.— Если хочу, я смеюсь. Я... я... я...» Этот человек — ходячая угроза. Бомба. Да, этот способен на все.

— Вы, сэр, так мне и не ответили.— Алэн нерв-

ничал.— Хорошо, если вы не в состоянии его опознать, как вы думаете, человек, который вас ограбил, мог быть Хохенбаумом?

— Я не знаю,— уже совсем другим голосом ответил Сэлсбери,— он это или не он. Может, и он.

— Вас ограбили? — удивился Амбиелли.— Любопытно. И довольно-таки хитро, а? — Он тряхнул головой.— Малыш, этого не было в книге?

— Да,— кивнул Малыш.— Кажется, было, босс.— Заходили мускулы на могучих плечах. И снова взметнулся палец.

— Как вы думаете, почему ее нет? Ведь я заплатил.— Теперь Сэлсбери мог говорить спокойно. Отчаяние проявляло себя не так бурно, как надежда. «Если это сделал он — эта мина замедленного действия, эта тонкая скорлупа обходительности вокруг звериного «я», тогда никакой надежды нет».

— Я и в самом деле ничего не могу сказать.— Амбиелли был сама любезность. И отчужденность.— Мне, мистер Сэлсбери, ничего не известно о вашей дочке.

— Нам об этом ничего не известно,— возмущенно вторил Малыш Хохенбаум.

Уорнер отошел от телефона.

— Они все проверят. В конторе говорят, что Рейли поехал к нам.— Но Уорнер не все сказал. Он загадочно вращал глазами.

— Вы сообщили в полицию? — промурлыкал Амбиелли.

— Нет.

Амбиелли поднял указательный палец.

— Деньги, разумеется, пометили.— У Сэлсбери вырвался стон.— Или, по крайней мере, записали номера банкнот? — Ему никто не ответил. Амбиелли щелкнул языком.— Вы должны заявить в полицию.— Он вроде бы их упрекал, а на самом деле насмехался над ними.

— Мы это знаем,— сказал Алэн.

— Тогда я их подожду здесь,— Амбиелли вздохнул.— Ведь придется повторить все с самого начала. Всю эту ерунду насчет зуба против мистера Сэлсбери.

— Думаю, полиция сама может навестить вас.— сказал Алэн.

— Поинтересоваться по поводу зуба?

— Поинтересоваться, не вы ли похитили Кэтрин Сэлсбери.

— Вы задаете мне вопросы,— улыбнулся Амбиелли,— а сами не слушаете моих ответов.

— Вы так и не сказали мне, где были вчера вечером.

— Да дома я был,— пожал плечами Амбиелли.— Со мной был Малыш. — Раздался звериный рык верзилы. Амбиелли встал.— Так вы считаете, что у меня мог быть зуб? — задумчиво произнес он.— Вы задаете вопросы. Небось вы в отчаянном положении.— Глаза цвета красного дерева с любопытством разглядывали Сэлсбери.— Выходит, она не сбежала? Вижу, вы это исключаете.— Складка между бровей так и не распрямилась.

Зазвонил телефон.

Спрашивали Алэна. Он взял трубку. Сэлсбери медленно перевел дух. И когда он перестанет замирать от каждого звонка? Когда его сердце поверит в то, что она больше никогда не позвонит?

Алэн положил трубку, и Уорнер, который во время телефонного разговора стоял рядом с ним, выскользнул из прихожей. Исчез, будто его здесь и не было. Алэн вернулся в гостиную.

— Мне кажется, Амбиелли, на сегодня все.— Он был оживлен. Будто ждал кого-то еще.

Хохенбаум хотел было оскорбиться, но Амбиелли только улыбнулся.

— В любое время. Если понадоблюсь — в любое время, господа.— Амбиелли с готовностью направился к двери, однако уходить не спешил.— Только, пожалуйста, обращайтесь непосредственно ко мне. И вполне возможно, что в следующий раз встретимся у меня в кабинете. Кстати, я покупаю недвижимость, которую в сопровождении целой свиты свидетелей так удачно присмотрел в среду.

Где-то притаилась насмешка.

— Если вы...— Сэлсбери хотелось ему пригрозить. Но чем? Они-то ничего точно не установили. Нет доказательств.

— Я вас слушаю, мистер Сэлсбери.— Теперь грозил он.

— Если за этим стоите вы...

— За кем? — Гласная в местоимении была раскатистой и певучей.

Сэлсбери беспомощно затряс головой.

— Минуточку...— Алэн облизнул губы.

— Я вас слушаю?

— Пусть идет,— не выдержал Сэлсбери.— Не задерживайте его.— Ему казалось, он вот-вот набросится на этого наглеца с кулаками.

— Как вы понимаете, мы обратимся в полицию,— проблеял Алэн. – Вы ничего не имеете против? — Угрозы не получилось. Вообще было непонятно, для чего он это сказал. Чтобы еще задержать Амбиелли?

Но Амбиелли не стал задерживаться. Не оглядываясь, он направился в прихожую. Малыш неотступно следовал за ним. У входной двери их ждал Финни. Алэн снова облизнул губы.

— Постойте!

Амбиелли стремительно повернулся и ни с того ни с сего выпалил:

— Вы знакомы с Сэмом Линчем?

Спроси он это секундой раньше, и у него была бы возможность вдоволь насладиться их растерянностью. А тут едва прозвучал вопрос, как раскрылась дверь и в прихожую с черного хода вошел Сэм Линч.

Он замер как вкопанный.

— Босс? Не ожидал встретить вас здесь.

Абмиелли, наклонив голову, разглядывал Сэма из-под нахмуренных бровей. Он едва заметно шевельнул рукой, усмиряя огромного зверя сбоку.

— Не ожидал?

По спине Сэма пробежал холодок. Повернув голову, он проводил Амбиелли взглядом. С ним рядом шагал Малыш. Они вышли. Рейли, который поднялся по черной лестнице вслед за Сэмом, в удивлении спросил:

— Неужели это Амбиелли? Здесь? Чего ради?

— Задать вопрос,— пробормотал Сэм.

— Ответить на вопрос, – возразил Алэн.

— Даю голову на отсечение,— пробормотал Сэм.

ГЛАВА XIV

«Сработало,— про себя отметил Сэм.— Теперь у Амбиелли не останется и тени сомнения».

Сэм сел.

Ему казалось, что Алэн Дюлейн не разговаривает, а как цепной пес с лаем набрасывается то на него, то на этого Рейли, то на кого-то еще. И вообще здесь царили смятение и нервозность, но он мог думать лишь об одном: его приговорили к смерти.

Роковая встреча. Специально не подстроишь. И почему этот Уорнер, который провел его в кухню, не предупредил, кто здесь? Может, они и в самом деле все подстроили?

— У Амбиелли свои принципы,— говорил он девушке.— Сама понимаешь, что они несколько отличаются от общепринятых. И все равно они у него есть. Он бы убил меня за одни слова. Тут замешана какая-то пижонская честь. За то, что мы с тобой, ты и я, здесь, он бы меня убил. И рука бы не дрогнула. Но прежде он должен убедиться, что это так. Хоть пижонское, но все-таки какое-то представление о добром имени. Ну а если уж он посчитает нужным, то непременно «воспитает». Ошибаться ниже его достоинства, а люди типа Амбиелли своим достоинством гордятся. Не тем достоинством, которое подразумеваем мы, но все равно это их достоинство. Оно влияет на их поступки.

Проснувшись где-то около полуночи в пятницу, он почувствовал стыд за свою болтливость. Молол как пьяный, думал он. Девушка заснула. Теплое маленькое тельце на другой кровати. Он испытывал к ней какую-то расслабляющую нежность, и это его смущало. Он задул лампу.

Тут так тихо. А он так неосмотрительно заснул. Но ведь их никто не навестил. И ей ничего не угрожает. Сэм дремал в темноте, сквозь сон улыбаясь от радости, что она в безопасности и эта тайна принадлежит только ему. Потом он снова заснул.

Они проснулись лишь в субботу на рассвете, причем одновременно. Она поделилась с ним своими соображениями, и Сэм ее выслушал. Он сощурил глаза и нахмурил брови — согретая дыханием сна,

она порозовела, растрепались волосы, и Сэм снова испытал к ней эту расслабляющую нежность.

Он с ней согласился. Да, вполне разумно. Если ее переодеть и загримировать, ей и в самом деле безопасней добираться домой одной.

— Но только в том случае, если ты веришь в существование большого злого волка. А я чувствую, что теперь ты в самом деле в него веришь.

— Если бы я в него не верила, я бы не смогла тебя понять.

— А ты можешь меня понять? — поддразнил он.

Она кивнула, и у него сжалось сердце.— Мне больше нечего сказать.— Он улыбнулся ей.— Думаю, ты, сестра, права. Я твоя погибель.

— Прости меня,— ни с того ни с сего сказала она.

Он вышел на кухню поставить кофе. Побрился. Они позавтракали.

— А когда мне можно идти, Сэм? — немного погодя спросила она.— Сейчас?

— Неужели ты не понимаешь, что я в данный момент слеп и глух? Ведь я просидел взаперти, отрезанный от всего мира, весь четверг и пятницу! Я просто с ума схожу. А бросать тебя одну я не осмелился. Знай Амбиелли об этом местечке, он бы уже был здесь. По крайней мере, мне так кажется. Сначала я должен выйти сам.

Тут она расплакалась, разрыдалась. Он был неумолим.

— Мне надо разведать. Не могу же я отпустить тебя одну? Вопрос исчерпан. Я сказал нет. Я ведь подставил свою шею только для того, чтобы спасти тебя. И не брошу все на полпути. Думаешь, приятно умереть просто так, ни за что?

Тут-то он и рассказал ей о принципах Амбиелли.

Она плакала навзрыд. Наконец он ее отстранил, вышел и запер дверь перед самым ее носом. Потом прислушался к ее рыданиям.

Ему было жаль девушку. Но что еще оставалось делать? Ей выходить никак нельзя. А он мог сюда не вернуться, поэтому оставил ей в банке с кофе запасной ключ и записку. Что еще он мог придумать? Со временем она выпьет весь кофе. Он не был человеком решительных действий. Не был и героем. Однако не привык действовать наугад. И терпеть не мог неизвестности.

Ни в коем случае нельзя отдавать ее в лапы Амбиелли. Уж лучше прийти за ней с полицией. А может, к этому не придется прибегать. Ужасно ненадежный мир. Такое в нем может случиться... А он к тому же потерял с этим миром всякую связь. Может, Амбиелли уже в морге. Ведь рано или поздно Амбиелли возьмется за воспитание Эммануэля, и один из них непременно попадет в морг. Все может быть. А тут сидишь в этой берлоге. Узнать, во что бы то ни стало все разузнать.

Он вывел машину из гаража — обычный навес на четырех ножках — и стал взбираться вверх по ухабистой, прорытой в склоне холма дороге. Утро было свежее, зеленое, пронизанное солнечными лучами, золотом отливающими в траве.

Ее рыданий не услышит ни одна живая душа. Сейчас апрель. Все хибары на берегу озера пустуют. Погода ему благоприятствует. Настоящая игра. Он старается уйти от своей судьбы. Любая игра хороша. Любая. Он прыгнул в суп, сейчас он муха в тарелке с супом, но эта муха еще и вынуждена вести борьбу.

Теперь, сидя в гостиной Сэлсбери, Сэм подумал, что ничего героического он не совершил. Герои не ведут себя как мухи. Они должны смело идти навстречу судьбе. Что ж, зато какой только что был спектакль!

Он благополучно добрался до своей квартиры. (Как прекрасен утренний город!) В комнатах было душно, уныло. Все здесь такое чужое. Зачем он здесь? Да, надо взять револьвер у соседа наверху. Теперь он лежит у Сэма в кармане. Так оно спокойнее. Сэм не был метким стрелком.

Он бродил по городу. Прислушивался. Этот Рейли пристал к нему у Ника. Жаль, никто не видел этой блестяще сыгранной сцены: Сэм прикинулся невинным дурачком. Зачем он понадобился Алэну Дюлейну? Ехать куда-то в верхний город? Тут он прикинулся, что им овладело любопытство. Что вполне естественно. Удачный ход. Итак, он притворился, что им всецело завладело любопытство. Рискованная игра. Но Ник мог и промолчать. А любая игра стоит свеч.

Может, мухи в супе тоже обманывают себя — мол, не все еще потеряно?..

Пусть лучше думают, что его затащили сюда си-

лой. А уж он решит на месте, сказать им или нет, где она.

Да, теперь он решил. Придется сказать. Все предрешено. Ему предназначено умереть. Что ж, они, по крайней мере, заберут ее домой. От этого делалось легче на душе.

Но Сэму не хотелось умирать. Хотелось еще поболтаться по этому свету. Поприсутствовать на представлении. Здесь все так удивительно, а там вечная слепота и глухота. Он сидел в кресле и смотрел вниз. Даже нити, из которых соткан ковер, так удивительны, так неповторимы.

И все равно он знал, ему придется сказать, где она, они ринутся туда, оповещая на своем пути всех и вся. Она-то будет спасена, а вот Сэм умрет. Просто так Амбиелли не засадишь. Амбиелли ничего не сделал. За что же его сажать?

Может, Сэму Линчу еще отпущено прожить сколько-то в вечном ужасе. Это в лучшем случае. У Амбиелли особая репутация: он зол и беспощаден и с рук такое не спустит. Это выше него. И нечего на это надеяться.

Если бы только эти люди позаботились о безопасности Сэма, но нет, не станут они этого делать. Алэн Дюлейн на такое не способен. И этот жалкий отец тоже. Они не считают его героем. Нет, Сэм, этого от них не жди. Однако они могут его посадить. И, небось, с радостью. Посадить его, Сэма Линча, в отличную безопасную камеру.

А может, пока молчать? Он уставился на свои туфли. Как удивительно сделаны туфли. Ну и ну! И додумалось же человечество изобрести всю эту обувку!

Тут до него дошло, что Алэн Дюлейн трясет его за плечо и орет в самое ухо.

— Где Кэтрин?

— Разве ее здесь нет? — Сэм снова прикинулся дурачком. Выиграть еще немного времени, еще несколько минут. Все на этом свете так удивительно. Ей ничего не угрожает. Амбиелли за ней не поедет. Теперь Амбиелли будет торчать внизу, поджидая Сэма.

— Черт побери, вам прекрасно известно, что ее здесь нет. Вам все было известно заранее.

Сэм плевать хотел на этого Дюлейна.

— Вы хотите сказать, ее похитили? — в изумлении протянул он.

— Что вы об этом знаете? Говорите, Линч.

— Когда я в прошлый раз говорил вам об этом, вы не удостоили меня особым вниманием.

— Говорите сейчас. И на этот раз всю правду.—

Лицо светловолосого юноши исказилось от гнева.

Сэлсбери, ее старый папа, сказал:

— Перестань, Алэн. Линч, вы нам скажете? Мне кажется, вы пытались нас предупредить. А что вы можете сказать сейчас?

— Что вы сказали Амбиелли?

Он искал лазейку: так не хотелось умирать.

— Не ваше дело,— отрубил Дюлейн.

— О, братцы мои.— Сэм откинулся в кресле.— Вы так думаете?

Сэлсбери простонал.

— Выходит, вы в тот день подслушали Амбиелли! — воскликнул Дюлейн.— Вы это хотите сказать? Ну теперь вам не отвертеться. Вы сами проговорились. Я так и думал, что если свести вас обоих, это непременно случится. Вы в этом замешаны, Линч. Я подозревал вас с самого начала.

— Уберите руку с моего плеча,— потребовал Сэм.— Сейчас же уберите. Вот так лучше. Итак, в чем дело?

— Вы работаете на Амбиелли,— кипятился Дюлейн.— Вы выполнили грязную работу. А он тем временем позаботился о своем алиби.

— Так у Амбиелли алиби, а? И хорошее?

— Великолепное,— вмешался Уорнер.

— Вы проверили, Уорнер?

— Да, Сэм.

Теперь Алэн обращался к Рейли.

— Где вы взяли Линча?

— Видел, как он пошел к себе.— Рейли пожал плечами.— Просто он вернулся.

— Где вы были?

— За городом,— ответил Сэм. Его черные глаза сверлили Дюлейна. Тот и в самом деле обеспокоен. Кэтрин Сэлсбери собралась стать женой этого Дюлейна. К чему класть свою голову за Кэтрин Дюлейн?

— А ваше алиби? — потребовал Дюлейн.

— На какой день, парень?

— На среду. Она исчезла одновременно с вами.
— Неужели? — прикидывался Сэм.
— Куда вы направились?
— За город,— раздраженно буркнул Сэм.— Минуточку. Дайте собраться с мыслями.— Где-то в мозгу зародился новый страх. Все равно ему погибать. Его мутило. Амбиелли ни за что отсюда не уйдет. Итак, в канун победы гибнет один-единственный солдат из всей армии. А на них он положиться не может: наверняка сделают что-то не так.

— Подумайте,— умолял старик.— Может, сможете нам чем-нибудь помочь?

«Вам-то я помогу, папочка, — думал Сэм.— А вот кто поможет мне? А если вы не поможете мне, кто тогда поможет ей, убережет ее от Амбиелли?»

— Что сказал Амбиелли? О чем здесь шла речь? — спросил Сэм.

Дюлейна корежило от бешенства и нетерпения, но тут вмешался отец:

— Алэн сказал, что он вспомнил об этом стороже и что у Амбиелли может быть зуб против...

«Его глаза,— подумал Сэм,— капельку похожи на глаза Кэтрин: в них та же серьезность, честность».

— Вы решили, Амбиелли в этом сознается? — вслух спросил он.— Неумно. Зачем вы ему это сказали? — Сэм с интересом взглянул на Дюлейна.— Что это вам вдруг пришло в голову покрывать меня?

— Я вас вовсе не покрывал. Я старался защитить мистера Сэлсбери.

— Я и не думаю, что вы заинтересованы в том, чтобы покрыть меня.

— Вы правы. Мне плевать на то, что с вами случится. Мне нужна Кэтрин.

— Надеюсь, это так и есть,— буркнул Сэм.— Искренне надеюсь.

— Я посажу вас за одно это, Линч, если даже не окажется...

— Постой! - перебил отец.— Послушайте, Линч, это все потому, что...

Он достал из кармана обрывок коричневой бумаги.

— За городом! — со злостью передразнил Алэн.— И мы должны этому верить? — Он схватил бумажку.— Дайте ему карандаш. А теперь, Линч, пишите под мою диктовку.

— Ты собираешься что-то диктовать, мальчик?
— Да, а вы будете писать.
— Зачем?
— Не ваше дело. Пишите.
— Что это? — поинтересовался Сэм.
— Пишите. «Первый поворот налево после третьего светофора. Три четверти мили на запад до железной изгороди».

Карандаш выскальзывал из потных пальцев. Он почувствовал, как губы начинает кривить непроизвольная усмешка. Избитая вещь. Высунув от усердия язык, он занялся писаниной.

Рейли заглянул через плечо Дюлейну.

— О! — вырвалось у него.

— Это случайно не из требования о выкупе? А? — Сэм заметил, как Сэлсбери прикрыл глаза рукой.— Продолжайте,— буркнул он.— Виноват, папочка.

— Так вы ничего не узнаете,— заметил Рейли.— Обычный трюк. Берете картонку, вырезаете в ней квадратную дырку и обводите по ней каждую букву. А как с отпечатками?

— Я их уже исследовал,— фыркнул Алэн.

— Лучше сам этим займись,— посоветовал Сэм. Вдруг этот парень не читает книг и не ходит в кино? Может, он умеет писать, но не может читать? — Стойте, а когда вы это получили? — Сэм распрямил пальцы и прижал желтый карандаш большим пальцем к ладони. «Удивительно! — думал он.— Карандаш! Ну и ну! Вот так штука!»

— В четверг,— выдавил Сэлсбери.— Восемнадцать часов давным-давно истекли. Почему ее нет? Вы не знаете?

— Не может быть! — вырвалось у Сэма.— Неужели вы заплатили?

— Не говорите ему... — начал было Алэн.

— Я хочу это знать, солнышко,— оборвал его Сэм.— Закройся на минутку. Не мешай.

Сэлсбери рассказал все, и Сэм откинулся на спинку. Отдался уюту кресла. Закрыл глаза. «О, как все удивительно!» — думал он.

— А от нее что-нибудь пришло? Вы бы наверняка не стали платить, не будь там что-нибудь из ее вещей.

— Пришел ее шарф

Сэм смотрел на ее шарф.

— Не нужно было спешить с деньгами. Надо было заявить в полицию. Непременно.

— Что я вам говорил,— ввернул Алэн.

Блуждающий взгляд Сэлсбери встретился со взглядом Сэма. Сэм увидел в его глазах боль и поспешил отвести свои.

— Это, сэр, надо было рассматривать как убийство,— угрюмо сказал он — С самого начала. С первого слова. Ладно, долой сантименты.— Он покрутил карандашом.— А когда, по их словам, она должна вернуться?

— Она уже должна быть здесь. Час назад. - Старик был спокоен.— Почему ее нет, мистер Линч?

— Не отчаивайтесь,— автоматически сказал Сэм.— Могла произойти какая-то задержка. Не все бывает так, как мы ожидаем. Мы живем в таком ненадежном мире.

Мозг Сэма работал лихорадочно. Вот лиса! Этот Амбиелли! Должно быть, шатался тут, подстерегая ее, может, даже в четверг. Она не появлялась. Он стал вынюхивать. И просочилось. Может, через слуг. Просочилось, что она исчезла. Или же пронюхал, что обзванивают больницы. Задают вопросы. Да мало ли откуда мог узнать Амбиелли об ее исчезновении.

Небось его сжигал внутренний огонь. Кто-то перехватил его добычу. И вот он вступает в игру и перехватывает деньги. О, как все удивительно! Жалко оставлять мир, в котором случается такое!

А теперь деньги у Амбиелли, и плевать ему, где девушка. У него не было с ней никаких хлопот. Малышу не пришлось идти в бакалейную лавку, их физиономий никто не видел. Она совсем для них не опасна, и теперь Амбиелли нет до нее дела. Будто ее не существует. Теперь ему только до одного есть дело: воспитать Сэма Линча. Если это его рук дело. Если Амбиелли в этом убедится.

Но теперь, думал Сэм, все больше и больше возбуждаясь, теперь ей, по крайней мере, ничего не грозит и она может спокойно вернуться домой сама. Она даже смогла бы... девушка... сама... она бы сделала это, если бы смогла... маленькая сероглазая сестренка... она сама это предложила... она бы спасла Сэма Линча!

И ему бы не пришлось умирать!

Вот бы сию минуту вернуться туда, выпустить ее, научив предварительно, что ей говорить. Сказать, что она никого не разглядела. Выкуп заплачен, она свободна. Что может быть проще? Пусть даже она кого-то опишет, не обязательно Сэма и Линча. Хоть один шанс спастись. Единственный. Может, и окажется счастливым.

Случилось так, что Сэм выполнил грязную работу, а заплатили за нее Амбиелли, который обзавелся себя по их выражению [illegible] великосветскими [illegible]. «А ведь я мог продать этого Амбиелли,— думал Сэм, но тут же отверг такое предположение. — Нет, тут дело его чести. Он и [illegible] бода за тем, чтобы разнюхать по мере [illegible] кто для него старался. Деньги [illegible] Воспользовался моим советом. [illegible] И сюда его привел не вопрос [illegible] нать. А [illegible] Он пришел разуз[illegible]

— [illegible] силось? — спросил Сэм. Ему ни[illegible]тил. Он обратился к Уорнеру: — [illegible] Джо?

— Амби[illegible]л, Сэм.

— А они? Вы?

— Только когда [illegible]

— Угу. У [illegible]?

— Она с [illegible] приехали в моей.

— Угу.

«Но они [illegible] Сэм. — Она у них уже есть».

Алэн слушал, [illegible] «Не просто слушает [illegible] с неприязнью [illegible] подумал Сэм, — а [illegible] слышать то, что ему хочется».

— Вы можете нам чем-нибудь помочь? — тихонько спросил Сэлсбери.

— Может, и да, — ответил Сэм.

— Помочь! — не выдержал Дюлейн. — Да он все знает. Он сам приложил к этому руку. К[illegible] понимаете? Он соображает, как бы еще вас потрясти. Он...

— Алэн, теперь я склонен поверить, что Линч благородный...

— Тогда вы, сэр, простофиля. Он не благородный. И он все равно не с нами. Зачем вы выболтали ему все, что знаете? Потому что все ему говорят все?

А он нам ничего не сказал. Ни слова. Не могу вас понять.

— Мальчик, твоя правда,— вмешался Сэм. Он ставился на свои туфли. «И чего ради мне гибнуть из-за Кэтрин Дюлейн?» — вновь пронеслось в мозгу.

— Если он сможет, он поможет нам,— не унимался старик.

— Не слушайте его, сэр. Нам без него помогут. Он хочет отговорить вас обращаться в полицию. Люди его типа не любят вмешательства властей. Он будет темнить. Это обманщик! Он будет тянуть, сэр. И разумеется, потребует еще денег. В то время как ее, вы это сами хорошо знаете, уже, возможно, и нет в живых.

— Ты прав, Дюлейн,— сердито сказал Сэм.— Благодаря всем твоим стараниям ее могло бы вполне не быть в живых.

— Вы...

— Когда я прихожу с предостерегающим воплем: «Волк!», ты говоришь: «Я не могу понять побуждений этого парня, потому как он должен быть лжецом». А если это недоступно пониманию Алэна Дюлейна, то, значит, это негуманно. Ты чертовски глуп. Почему вы не обратились в полицию еще в среду?

— А вы почему? — огрызнулся Дюлейн.

— Потому что я боялся. А чего бояться такому герою, как ты? Ну же, зови их немедленно. Натрави их на Амбиелли. А почему бы и нет? Вперед. Смелей. Сделай наконец хоть что-то полезное — Сэм скрипнул зубами.— Немедленно вызывай их.

— А вы поклянетесь, что вы подслушали Амбиелли, замышляющего...

— Я не могу его процитировать,— буркнул Сэм.— Ей-богу, он ничего не сказал.

— В таком случае как же я смогу натравить на него полицию?

В чем обвинить Амбиелли? Этот вопрос не давал Сэму покоя. В вымогательстве или как еще это назвать? В вымогательстве денег, что является преступлением. И Амбиелли его совершил. Уж это Сэм знает. Но как это доказать? «Потому что я поделился с ним сюжетом,— скажет он,— и Амбиелли поступил точно так». Ничего себе доказательство. Ему

уже слышалось саркастическое: «Итак, мистер Линч, вы утверждаете, что одному вам и больше никому не могло прийти это в голову? Вы хотите сказать, что за все эти годы, мистер Линч (а сколько лет прошло?), вы никому, кроме мистера Амбиелли, о нем не рассказывали?» Сэм простонал.

Тогда может предъявить Амбиелли обвинение в убийстве сторожа? Это уже преступление, и его совершил Амбиелли. Сэм это твердо знает. Знает, чувствует, но нет ни улик, ни свидетелей, ни доказательств.

Ладно, может в похищении? Это ведь тоже преступление. О, несомненно. Но *Амбиелли его не совершал*. У Сэма воспаленно горели глаза.

— Как вы ду[illegible] [illegible]рин жива? — услышал он голос отца.

— Я это выясню,— осторожно пообещал Сэм.— Если вы позволите мне уйти. У меня есть связи. Дюлейну извес[illegible] моя репутация. Подумайте. А пока проведите меня в ванную.

— Финни,— позвал Алэн.— Проводите, пожалуйста, мистера Линча.

— Благодарю за понимание,— съязвил Сэм.

«Хочет по[illegible]ться,— решил он.— Рад выставить меня за дверь. Порассуждать захотелось».

Он заперся в ванной. Окно было непрозрачное. Никто не видит, как он пишет на листке бумаги, пишет смело, не задумываясь. Где она и как туда добраться. Этот воздушный замок — ванная комната — содержится в идеальной чистоте. Нигде ни пятнышка. Очень скоро кто-нибудь из слуг придет наводить здесь порядок. Он положил записку в шкафчик под коробочку с лекарствами. Если бы он оставлял записку, ей подумал Сэм, он мог бы предупредить, что эту записку необходимо уничтожить. «Если у меня не получится, если я умру, они очень скоро на нее наткнутся. Или же она выпьет весь кофе».

«Я, как великий человек, везде оставляю записки,— пронеслось в голове.— Очень верю в написанное. Вполне понятно».

Он снова вспомнил о мухе в супе. Маленькая муха только и может, что махать крылышками. Однако некоторым мухам удается выбраться. Некоторым. Если у них не слишком липкие крылышки.

«Я еще не встречал мухи,— подумал он,— которая бы не попыталась это сделать».

ГЛАВА XV

Он щелкнул задвижкой и вышел из ванной. В доме чувствовалась суматоха. Сэм учуял в воздухе бензинные пары, пыль, поднятую автомашинами. Юркий маленький сыщик, Рейли, исчез.

— Ну что, мне можно идти? — раздраженно спросил он.— Или, может, хотите поджарить мне пятки?

— Можете идти,— сказал Дюлейн.

— Ты, мальчик, сидел на телефоне? — Сэму нужно было еще несколько минут. Он еще не приготовился. К тому же им овладел демон. Хотелось выяснить, почему они его отпускают. — Что это вы задумали? — спросил он.

— Чарлз? — Все подняли головы на Марту Сэлсбери. Она увидела Сэма Линча и ринулась прямо к нему. Он совсем о ней забыл. Если бы он вспомнил о ней раньше, он решил бы, что ее напичкали успокоительными таблетками и держат в полумраке среди тишины и роскоши, где она может спокойно пребывать в полудреме.

А она здесь, бойко стучат ее каблучки.

— Мистер Линч, я так рада, что вы наконец-то к нам зашли. — Голос звучал вполне нормально. Правда, ее прелестное кукольное личико осунулось, но таблеток она, видимо, не пила — глаза все такие же ясные.

— Вы не знаете, где может быть Кэтрин? — вежливо спросила она.

— Мэм, я постараюсь это...— Он оборвал себя на полуслове. Ему стало стыдно. «Я был к ней несправедлив,— думал он.— Она заслуживает уважения».

Сэлсбери очутился рядом с ней.

— Линч думает, что он сможет оказать нам помощь. Он считает, что могла произойти небольшая задержка. Не всегда можно уложиться во времени, говорит он...

Маленькая леди его не дослушала.

— Я сама об этом думала,— сказала она Сэму

Линчу. Она говорила с ним таким тоном, будто из всех присутствующих лишь они двое взрослые.— Люди, которые этим занимаются, не станут дорожить своим словом. Я в это не верю.

— Все... все бывает, мэм. Кое-какие обещания...— Он уклонился от ответа. С ней он не мог разговаривать, да и не хотел.— Все может случиться. Трудно что-либо предвидеть до конца.

— Но ведь для них безопаснее всего ее убить...

— Марта,— в бессилии простонал Сэлсбери.

— Когда я об этом думаю, Чарлз, мне все кажется так просто. Возможно, мистер Линч, который более сведущ в таких делах, докажет мне, что я ошибаюсь?

— Да, для них опасно оставлять ее в живых,— почтительно начал Сэм.— Она может слишком много увидеть. Но и то другое, о чем вы говорите, мэм, чревато опасными последствиями. Если вы убедитесь в том, что она больше не вернется, вы мир перевернете. - У Сэлсбери блеснули глаза. Но Сэму нужно было досказать свою мысль.— Хотя так или иначе вы это сделаете.

— Я тоже так думала.— Она тряхнула головой.— Нам больше не надеяться на ее возвращение?

— О нет, нет, нет,— вырвалось у Сэма. Он коснулся ее плеча.— Не теряйте надежду, мэм. Не терзайтесь. Старайтесь не...

Она вывернулась и схватила багровый шарф.

— Но этот шелк, мистер Линч, он мертвый. Если бы только я смогла объяснить вам, откуда я это знаю. Просто это не Кэй. Она плоть, она жизнь. А этот шелк мертвый.

— Марта. Марта.

— Да, Чарлз, да, все в порядке.

— Мне кажется, мэм, с ней все в порядке,— едва выдавил Сэм.

— Вам известно больше, чем нам?

— Я не думаю, чтобы она была очень счастлива,— как можно беспечней сказал Сэм,— но и не думаю, чтобы ей причинили какое-то зло. Мне кажется, она вернется.

— Спасибо,— вымолвила она, не сводя с Сэма глаз.

— Присядь, дорогая.

— Сейчас, Чарлз. И *скоро?*

— Не знаю,— Сэм окончательно растерялся.— Не могу сказать. Я и в самом деле ничего не знаю. Ему не надо было смотреть в сторону Дюлейна, чтобы видеть эту самодовольную улыбку, это выражение «я так и знал», эту ухмылку во весь рот.

— Вы лжец,— произнес Дюлейн.

— Угу,— согласился Сэм. Он очень устал. Он был изобличен.— У тебя, Дюлейн, не хватает такта. Но ты, как всегда, прав. Я лжец.

ГЛАВА XVI

Сэлсбери молчали.

— Вы человек Амбиелли,— сказал Алэн.— Вы назвали его боссом.

— Оговорился. Обычная любезность,— ядовито заметил Сэм.— Это только слово, мальчик. Арестуй меня. Вызови шайку полицейских. Машину. Сделай одолжение. Пожалуйста.

— Зачем? — Алэн пошел на попятную.

— Господи, а почему бы и нет? Я мошенник. Обманщик. Похититель.

— Тогда, значит, она у Амбиелли, и вы...

— Нет, я этого не говорил.

— Вы лжец.

— Поезжайте к озеру Шопин. Там у меня хибара. Она там.

Сэлсбери подскочил, не выпуская руку жены.

— Кто ее там спрятал? — потребовал Дюлейн.

— Я.

Марта не проронила ни звука, мужчины враждебно хрустнули суставами пальцев.

— Кто ее караулит? — спросил Алэн.

— Никто.

— Вы лжец. Это невозможно.

Сэм разглядывал свои ботинки. Он знал, что вокруг него идут жаркие дебаты, но больше не вникал в смысл слов. «Итак, я стал героем,— думал он.— Меня увенчают славой». Он не мог сдержать усмешки.

Марта так и осталась сидеть с шарфом в руках. А Сэлсбери тряс Сэма и орал ему в самое ухо:

— Проводите меня туда! Проводите меня туда! Сию минуту!

— Сами найдете,— вяло бросил Сэм.
— Нет, нет, проводите меня туда, сию же минуту.
— Вам хочется еще пожить?
— Что?
— Тогда лучше не ездите со мной в одной машине.
— Он отвезет нас туда! — воскликнул Алэн.
— Почему ты так думаешь? — удивился Сэм.— Ты уже большой мальчик. Вот и отправляйся туда сам.
— Вы работаете на Амбиелли. Это лишь очередная хитрость.
— Да? Ты так думаешь? — Сэм чувствовал, как стекленеют его глаза.
— Почему вы хотите заманить нас за город? Чего вы хотите [illegible]добиться?
— Ни черта. Разве что сложу свою голову.
— Кто на нее покушается?
— Босс.
— Значит, вы ведете двойную игру.
— Не совсем так.
— Кто получил деньги?
— Амбиелли.
— Бессмыслица,— сказал Алэн.
— Так точно. Точнее не скажешь. Ты, Дюлейн, однако, частенько бываешь прав. Пусть хоть кто-нибудь туда поедет.— Он откинулся назад.
— А где будете в это время вы?
— Надеюсь, что в тюрьме. А?
— Брось, Алэн,— сказал Сэлсбери.— Поспешим туда.
— Минуточку, сэр. Не попадайтесь на эту удочку. У него должно быть оружие.
— Это присуще моему типу? — спросил Сэм.
— Кэтрин! — воскликнул ее отец.— Я поеду за Кэтрин.
— Постойте.
— Да, постойте,— сказал Сэм.— Не забудьте сперва упрятать меня. Вызовите кто-нибудь полицию.
— Нам некуда спешить,— хитро заметил Алэн.— Вот будут доказательства, кроме ваших слов, тогда и упрячем.
— Есть куда,— с беспокойством возразил Сэм.— Я ведь сознался в присутствии свидетелей.

— Итак, вы признаетесь, что похитили ее? — нахмурил брови Алэн.

— Признаюсь. Я ведь уже сказал тебе об этом.

Алэн задрал нос кверху, на его тонком лице появилось совсем новое выражение. Жалость? Сэм незаметно следил за ним. Алэн опустил глаза и подошел к Сэму. *Опустив глаза.* Сочувствующе положил руку ему на плечо.

— Расскажи мне все, Сэм. Мне хотелось бы тебя понять. Что тобой повелевало?

Сэм молча разглядывал его пальцы, чистые квадраты ногтей.

— Угадай,— ухмыльнулся он.

— Когда-то у тебя была жена, верно, Сэм? У тебя были дети? Может, Кэй напомнила тебе?.. Может, несчастная любовь?..

Сэм высвободил плечо. Черные глаза горели злым огнем.

— Снова догадка. Одни догадки. Не будешь слушать — никогда не будешь знать правды. Будешь всю жизнь гадать.

— Почему ты сердишься? — робко спросил Алэн.— Потому что не можешь обвести меня вокруг пальца?

— Тебя, Дюлейн, не так уж и трудно обвести вокруг пальца вместе со всей твоей системой. Если тебе что-то неясно, ты уже считаешь это бессмыслицей.— Он встал.— Эй, Уорнер, вы сдадите меня полиции?

Уорнер взглянул на Дюлейна, тот затряс головой.

— Не сейчас, — сказал Уорнер.

— Я мог бы уйти,— пробормотал Сэм.— Ускользнуть. Чего я жду.

— Это место. Это озеро.— Сэлсбери ничего не понимал, может, он не верил, что она там. Ему было не под силу соображать. Он цеплялся за каждую ниточку, пусть самую тонкую.— Как попасть на озеро Шопин?

— Автострада номер 6,— пояснил Сэм.— Посмотрите по карте.

— Мы туда направимся,— высокомерно заявил Дюлейн.

— Не сомневаюсь. Что ж, пока.— Сэм кивнул головой, будто прощаясь с ними. На самом деле он знал — это конец.— На случай, если я больше с вами не увижусь.

Увидишься,— пообещал Алэн. Сэм слышал, [illegible] сказала. «До свидания».

Дверь захлопнулась.

— Алэн, где твоя машина? — воскликнул Сэлсбери. Он ни о чем не хотел больше думать. Только туда, за Кэтрин.

— Уорнер, идите,— приказал Алэн.— Попытайтесь связаться с Рейли. Не упускайте Линча из виду.

— Попытаюсь, если Рейли еще не уехал,— сказал Уорнер.

— Звоните сюда.

— Есть.

— Куда поедет Линч, там, полагаю, она и есть.

На мгновение Сэлсбери оказался целиком во власти этой мысли. Потом [illegible] заколебался. Нет, это было бы слишком [illegible] минуту туда. Он стал рыться в шк[illegible]

— Я [illegible]

— Я [illegible] Алэн.— Само собой разумеется, мы будем [illegible] звонить. Если это хитрость... Я почти уверен, [illegible]

— Чарлз! — в[illegible]рта, указывая пальцем на пол.— Что это? [illegible] и нагнулся посмотреть.

Это был шарф [illegible]

Марта нагнула[illegible] багровый шарф. Все взгляды устрем[illegible]у дивана, где лежал второй шарф.

— Еще один шарф? — Алэн был в недоумении.— А это чей шарф?

Марта погрузила лицо в шарф, выпавший из шкафа.

— Этот ее.— Сэлсбери это твердо знали. (От этого пахнет. Пахнет ее живой плотью.)— Что... Что все это значит?

Алэн побелел от гнева.

— Линч знал, что тот другой шарф — подложный. И не сказал! Это какая-то ловушка, и ему об этом известно! Он чертовски много знает, потому и молчит. Я не верю ни одному его слову. Он так толком ничего и не...

— Поспеши,— умоляла Марта мужа.

— Позвони в полицию.

— Да, Чарлз.

— Не занимайте этот провод,— предупредил Алэн.

— Хорошо, Алэн.
— Мы вам позвоним.
Сэлсбери коснулся ее руки.
— Ты веришь Линчу?
— Я верю, что она жива,— отвечала Марта.
В городской сутолоке сновали грузовики, такси, автобусы, частные автомобили.

Сэм вышел из каменного парадного многоквартирного дома. До его машины полквартала. Что ж, может, он до нее дойдет, а может, и нет. Он не смотрел по сторонам. Каждый новый шаг его удивлял, даже пугал. Сэм влез в свою машину. Она вздрогнула от прикосновения его нетвердых рук и ног.

Уорнер выскочил с черного хода, свернул в боковую улочку, подбежал к машине, в которой уже сидел Рейли, и на ходу захлопнул дверцу.

Тут с места сорвалась еще одна машина, из которой просматривались оба выхода.

— Теперь? — спрашивал себя Сэм.— Нет. Теперь? Нет.— Он знал, что за ним следует машина. Он свернул на запад, потом на север, потом снова на запад.

— Спокойно,— говорил Уорнер.

— Ты сам знаешь, что это не так просто,— отвечал Рейли. Оба были поглощены своим делом и назад не оглядывались.

Сзади Малыш спрашивал Амбиелли:

— Когда пойдем на сближение, босс?

Амбиелли, ловко крутя баранку краденой машины, сказал:

— Когда останемся одни.— Он хмурился.

Малыш зарычал.

— Мы от них быстро отделаемся,— успокоил его Амбиелли.

— Еще нет? — спрашивал сам себя Сэм. Он даже решился на обман. Но тут же понял, что это глупо. Их не провести.

— Он пытается их провести, босс,— заметил Малыш.

Амбиелли закусил губу.

— Он едет на озеро, босс.

— Если бы только он от них сумел отцепиться, тогда бы я мог поехать туда.

— Она там, босс?

— Вероятно,— кивнул Амбиелли. А сам его [illegible] хмурился.

ГЛАВА XVII

Оказывается, когда остаешься в [illegible] слезы льются сами собой. Можно [illegible] ся, пока самой не покажется глупо[illegible]

Всю свою злость на Сэма она обрушила на лачугу. Она выберется отсюда. Такая молодая [illegible] ная — разве ее тут удержишь? Да ни за что! [illegible] приложит все свои силы, она обрушит всю [illegible] ярость. Она никогда не испытала на себе [illegible] кую сущность заточения. И не могла в это поверить.

Кэтрин обнаружила, что дверь прочная [illegible] в замке она разобраться не смогла. С двойным языком. Ковыряясь в замке, она сломала кухонный нож и только сейчас подумала, как опасна летящая сталь. Она вспомнила было о болтах, на которых подвешены петли, но болты были снаружи. Скоро она пришла к выводу, что через дверь ей не выбраться.

Окна забиты досками, причем они прибиты снаружи. Она [illegible] деревянный [illegible] полезно. [illegible] не оказалось [illegible] ного. Она [illegible] но дерево [illegible]. С таким [illegible] проковыр[illegible]

Она набросилась на стены. Опять то [illegible] нет ничего под рукой. Где-то непременно должен быть топор или [illegible]. Ну, [illegible] убрали. И молоток тоже. [illegible] достанет.

Чудовище!

Дымохода здесь нет, а в дырку, пробитую [illegible] ше для трубы чугунной печки, ей не пролезть.

Все это какое-то кошмарное [illegible]. Не существует никакого Амбиелли. Никакого [illegible] только сумасшедший по имени Сэм Линч, который сам не знает, что делает, и не только не спасет [illegible], напротив, становится причиной всех неприятностей, которые с ней случились. «Ну и идиотка!

[по]думала она.— Маленькая романтичная идиотка! Да разве я когда-либо вырвусь...»

Но вырваться она не могла.

В голову лезли жуткие мысли. Сначала об огне. [Вс]е сгорит! Она бросилась к чугунной печке. Но задвижка, которой открывают конфорку, исчезла.

«Чудовище! — Она рассвирепела.— Ведь я замерзну! Или умру с голоду». У нее застучали от страха зубы, и пришлось успокаивать самое себя. «Кэтрин, послушай! В кухне есть пища, в кране — вода. Ни с голоду, ни от жажды ты не умрешь. А замерзнуть не замерзнешь в апреле. На кроватях есть одеяла. И сгореть не сгоришь, потому что нечем поддержать огонь в печке». А к этой керосинке на кухне она ни за что не прикоснется.

Может, кто-нибудь будет проходить мимо: нужно следить за улицей. Она присела у окна и выглянула сквозь щели между досок. Отсюда видны листья и часть холма, круто обрывающегося к озеру. Шоссе, если оно и есть поблизости, должно быть где-то там, вверху. Отсюда его даже не видно.

Может, она что-нибудь услышит. Поначалу кажется, будто здесь, в гуще деревьев, царит полная тишина. А потом начинаются эти жуткие таинственные звуки: кто-то скребется, чем то шуршит, скрипит. Змеи? Она утешала себя, что в эту темницу даже змея не проберется.

Сэм вернется. Непременно. Он должен вернуться. И не такое уж он чудовище. А ей лучше не суетиться, а чем-нибудь заняться, чтобы не думать об этих волках в лесу, змеях и траве, психах в городе. Она встала и перемыла тарелки. «Ну и пусть ты заперта в этой глухой дыре,— страстно убеждала она себя.— Ну и что из этого?»

Добравшись до кофейника, она выпила капельку кофе. Эту грязную, хлипкую, совершенно незнакомую ей керосинку она зажигать побоялась. Поэтому пила кофе холодным.

Весь день она либо лежала, к чему-то прислушиваясь, что-то обдумывая, либо наблюдала за улицей, либо суетилась по лачуге. Мимо не прошло ни души. Сэму Линчу на нее плевать. Все-таки с самого начала она была права. Он работает на Амбиелли. Если такой человек существует в природе.

Да и зачем Сэму Линчу о ней беспокоиться? Алан

говорит, что он чуть ли не мошенник. И правда, у него почти мошеннические. Что ему до какой-то Кэтрин Сэлсбери?

Обращается к ней [illegible] А она то, маленькая [illegible] что из себя возомнила. Что могло его [illegible] влечь? Что? Она [illegible] тивной. «Он, [illegible] (Просто у него [illegible] Либо он су[illegible] ными видениями [illegible] в ужасном пол[illegible] небезразлична»

Сэм [illegible] не прикоснулся, и она разумее[illegible] совсем не хочет. «Тут [illegible] все [illegible] объяснить [illegible] загвоздка. И Алэн бы [illegible]

О, если бы [illegible] лось у нее в мозгу [illegible] Алэн! Алэн знает, как ведут себя [illegible] он, где она, он бы тут же примчался.

«Все очень [illegible] героем [illegible] всего тогда тебе ясно, когда надо умереть»

Сэм твердит, что не хочет умирать.

И она [illegible]

Она лежала на кровати с широко раскрытыми глазами. В [illegible] таилась тьма. В этой забитой досками хибар[illegible] мрачно. Темнеет тут совсем рано. А что [illegible] когда спустится непроглядная ночь?

Ничего. Спать. Она [illegible] шимости и упрямства.

Какой толк от страха? Он лишь затмевает рассудок. Она [illegible] мгновение [illegible] взяла лампу [illegible] стила смятую [illegible] узнала в зеркале лицо [illegible] «Старею,— подумала она. [illegible]»

Она засмеялась, но одиночес[illegible]

«Черт возьми, неужели я так [illegible] керосинки? Сделаю себе ужин. [illegible] Сварю-ка кофе».

Она направилась в большую комнату и тут-то наконец услышала шум машины.

Сэлсбери стоял в грязной телефонной будке.

— Марта? Они звонили? — кричал он в трубку.

— Да, Чарлз,— моментально отозвалась Марта.— Звонил мистер Рейли. Они потеряли Сэма Линча. Из-за какого-то лихача в них врезался грузовик. Он считает, что этот лихач — Амбиелли. Где вы?

— Мы попали на противоположный берег озера. Линч не придупредил, где сворачивать. Теперь нам придется объезжать вокруг. Полиция?

— Тут сейчас человек от них.

— Ты ему все рассказываешь?

— Да, Чарлз.

— Я тебе позвоню.

Когда Сэлсбери повесил трубку, ему пришло в голову, что разговор между ним и его любимой сводился к смелому, откровенному обмену неудачами. Оба не щадили друг друга. Не подбадривали. И все равно они сильны, они верят.

Сэм заметил какую-то сутолоку позади — образовалась пробка; он юркнул за угол и ушел от преследователей. Теперь он пробирался на запад. Еще несколько минут, и он свернул на обочину и замер, стараясь прикрыть свои широко распахнутые глаза. Веки вздрагивали, летели вверх. Им не до отдыха. Но ему он нужен, хоть минута — он только что ушел от верной смерти.

Что теперь? Ее отец поспешит к лачуге. Сэм туда не поедет. Скоро она будет дома. А Сэм останется в стороне. В какую бы забиться дыру, где его не услышат и не увидят, а он сам сможет подглядывать?

В футах пятидесяти от него двигался на север поток автомашин. И в этом потоке синяя машина. Вдруг, будто подчиняясь какому-то внутреннему толчку, она свернула в левый ряд. И двинулась на запад по соседней от Сэма улице, потом свернула налево, налево и еще налево, обратившись носом на юг. И снова развернулась. Носом на север. Как раньше.

Пронзительные вскрики клаксона подействовали на его водительское чутье. Сэм открыл глаза. Вроде бы ему ничего не угрожает. Теперь свет у светофора сменился. Медленно тронулась с места и поехала на

север синяя машина в ближайшем от Сэма [illegible] ее окна высунулся Малыш Хохенбаум, [illegible] сматривая свое переднее крыло. Да, это он. [illegible] клаксон их машины извергает звуки [illegible] лающий кашель.

Сэм справился с шоком. Либо это [illegible] тастическое совпадение, либо [illegible] ние. Черт его знает, что это!

— Он свернул? — спросил Амбиелли.

— Да, босс. Потихоньку выезжает оттуда

Амбиелли осклабился.

— Спроси у фараона,— велел он [illegible] рость — как проехать к озеру Шопин.

— Без него знаю как.

— Я тебе говорю — спроси.

Рев автомобиля нарушил тишину леса. Кэй бросилась к своей цели, приготовившись заголосить во всю [illegible] бы ее услыхали. И выпустили [illegible] Там спасение

Но [illegible] машина Сэма. Он [illegible] ла до навеса и замерла под ним.

— Ага,— гром[illegible] сказала она,— они соблаговолили вернуться.— Ее бесило.

[illegible] обернулась

— [illegible]

Он повернул ее к себе лицом.

[illegible] Хоро[illegible] в [illegible]

— Ну что теперь? — усмехнулась она.— [illegible] небось.

— Ты права. Ты с ума сошла. Слушай, за мной целая [illegible] сбежала [illegible] днего хода. Они [illegible] Может, хотели, [illegible] лили приехать [illegible] их, чтобы окон[illegible] но. Тебе надо отсюда уходить. Иди домой

— Ура! — Только это она и поняла. [illegible] стью.

— Не мешкай,— предупредил он.— Сделай это для меня, сестра. Мне как-то не улыбается встреча со смертью.

— Ты уже это говорил,— презрительно заметила она.

— Надень пальто.— Он стал засовывать ее руки в рукава.— Деньги есть? Вот возьми. Поднимешься наверх. Дальше очутишься на дороге. Это тупик. Но иди по ней. Потом будет поле. Перейди его. За ним проходит мощеная дорога. Свернешь по ней направо. Дойдешь до поворота, это с милю. Там шоссе. Найдешь?

— Что хочешь найду, только бы выбраться отсюда,— выпалила она.

— Ты на меня злишься,— с грустью сказал он.— Послушай, по шоссе ходит автобус. Сядешь в него. Остановки через две можешь сказать полицейскому, кто ты.

— Скажу первому полицейскому, которого встречу.

— Правильно сделаешь,— кивнул он.

— Я могла это сделать сто лет назад.

— Знаю. Знаю.

— Ты вовсе не думал о моей безопасности.

— Немножко думал. Послушай, сестра, не надо сходить с ума. Может, ты солжешь ради меня? — Они оба шли к двери.— Я все рассказал твоим родителям. Они решили, что я врун. Ты можешь их в этом убедить.

У нее дрогнуло сердце.

— Ты рассказал? Ты их видел? Как они там? — выспрашивала она, заглядывая ему в глаза.

— Твоя мать — настоящая маленькая леди. Смотрит прямо в лицо.

— В какое лицо?

— В лицо твоей опасности.

— Ты моя опасность,— яростно выпалила она, желая сделать ему больно.— Со мной бог знает что могло случиться. Я могла сгореть.

— Ты жива-здорова,— грустно произнес он.— Ключ в банке с кофе.

— Это все бессмыслица,— не сдавалась она.

Он ничего не понимал. Откуда ему было знать, что она имеет в виду его страх?

— Да, да, я твоя опасность,— согласился он.— Поторопись уйти от меня.

— Сэм...

— Убирайся. Чтобы ноги твоей... Подожди. Ты ничего не слышишь? Я ничего не слышу.

— Сэм, ты... Ты считаешь, я твоя опасность, да?
В его глазах засветился тревожный огонек.
— Да. Я не намерен из-за тебя умирать. Хочу [illegible], сестра. Я мог бы написать книгу
— О, ты... О чем ты говоришь? Мне кажется, ты не в себе.
— Да, да. Не обращай на меня внимания. Убирайся. Вон отсюда, пока никто не явился. Наконец то тебе ничего не грозит.
— А кто сюда может приехать?
— Не знаю!
— Чего ты так боишься, Сэм?
— Я тебе говорил. За мной целая процессия. Я [illegible] родителям. Алэн тоже едет [illegible]
— [illegible]
— Бог знает, кто приедет первым. Может, Алэн [illegible]
— [illegible] нашел Амбиелли
[illegible] радостно воскликнула она.
— [illegible] в порядке — Он был удручен. [illegible]
И их [illegible] вести себя осторожно [illegible] сестра? Меня здесь не будет. [illegible] Поспеши же.
Она [illegible]
— [illegible] было страшно,— призналась она. [illegible] Отвратительное чувство.
— Кому ты это говоришь?
— Но [illegible] воскликнула она.— Почему бы тебе не побороть это, Сэм? Ты окончательно потерялся. Встряхнись.
— Не тот герой, кто ищет смерти. Поверь мне, я уже тысячу раз умирал. Пожалуйста, сейчас же.
— Нет, я никуда не поеду, раз сюда едет Алэн.
Он сел, упершись в стол спиной, закрыл глаза.
— Сэм, пошли вместе. Мы оба сможем спрятаться за деревьями и поглядеть, кто приедет первым.
— Я твоя опасность.— Он покачал головой.— Уходи от меня. Или хочешь, чтобы на тебя охотились в темноте? Не прячься вместе со мной.
Она затрясла головой. Опять он бредит! Ей было его жаль.
— Если бы только не твое сумасшествие. А мне

казалось, ты прислушаешься,— тихонько размышлял он.— Будешь ради меня лгать.

— Сэм, я... я тебя слушаю.

— Раз Амбиелли знает, что ты у меня, он...

— ...Тебя убьет. Да, я это знаю.

— Но ты ему больше не нужна. Твой папа заплатил Амбиелли выкуп. Не ломай себе голову. Все равно никогда этого не поймешь. Просто теперь ты можешь спокойно отправляться домой. Уходи пожалуйста, уходи от меня. Если ты уйдешь, я попытаюсь спастись.

— Ты боишься Амбиелли,— задумчиво сказала она,— потому что ты спас меня.

— Да, я тебя спас, сестра.— И грубо добавил: — Я твой герой. Но ты не обольщайся на мой счет. Я самый жалкий герой на свете, сестра. Я спас тебя, вот и все. А теперь снова швыряюсь твоей жизнью.— Он схватил ее обеими руками.— Хочешь быть свидетелем? — в ярости орал он.— Амбиелли не выпустит свидетеля живым. Ради бога, поверь этому. *Убирайся отсюда!* Теперь нельзя ждать Алэна!

— Что я должна делать, Сэм? — участливо спросила она.— Что... соврать для тебя?

— Ну скажи, что не разобрала лиц. Не знаешь, кто тебя украл. Скажи это полицейским, газетчикам и всем остальным.

— И Амбиелли тоже врать, Сэм?

— Всем. Особенно Алэну.

— Разве я смогу солгать Алэну? — удивленно спрашивала она.

— Не вечно же. Ведь Амбиелли не вечен. Я не прошу лгать вечно.— Наконец она сдвинулась с места. Он подталкивал ее к двери.— Амбиелли должен в это поверить. Ты сможешь солгать ради меня, сестра, если сейчас уйдешь.

Она жалела его и по-настоящему верила лишь в его ужас.

— Сэм, я останусь. Я не боюсь.

Он вдруг ее отпустил.

— Я ничего не слышу. А ты?

— Нет.— Она спокойно стояла посреди комнаты и трясла головой.

— Пора бы уж им,— с беспокойством заметил Сэм. Вдруг он попятился к столу и плюхнулся на

12 Заказ № 1828

[illegible] — Мать родная, я вконец запутался. Может, это была вовсе не его физиономия. Может, я не разглядел. Может, полицейский назвал другое озеро. Мне уже начинает чудиться. Да, ты права. Я совсем никуда не гожусь.

— Сэм, ну как ты не поймешь? — успокаивала она его.— Я ведь смогу все объяснить и Алэну, и папе. Бео лжи Амбиелли ни за что от нас не узнает.

— Ну конечно же нет. Конечно. Это только фантазия. Куда ему. — Он глубоко вздохнул.— Ладно. Я, может, и в самом деле слишком хитер. Убегу, ускользну, спрячусь. Но, сестра, уши у меня есть. Да, пятьдесят на [illegible] по крайней мере, что. Ты не боишься. И [illegible]. Это бессмысленно.

Она [illegible].

— Я [illegible] хитер — лихорадочно твердил Сэм. — Так [illegible] Алэн. Он прав. Ты заметила? Нас он [illegible]. Правильно. Я ненавижу его, потому [illegible], чтобы он оказался прав. Факт. Я хочу [illegible] мы все такие сложные, противоречивые [illegible]. Я хочу верить, что у нас есть свои отклонения, что не все потеряно, потому что мы можем друг друга слушать, вот потому-то наш мир — такое [illegible]ное место. Я отказываюсь быть типом, об[illegible] делать то, что мне предписывает этот [illegible] Алэн. Я отказываюсь верить в то, что ты рож[illegible] дурака, что это все пройдет. Уж слишком [illegible] просто! Не верю, не могу, не хочу!

— И я тоже, — негодующе заявила она. Ей хотелось его успокоить.

— Что ж, тебе придется побыть ею, соврать для меня. И как это хитро! — Он уронил голову на стол.— Я ничего не слышу. Бог — свидетель, я ведь тоже иной раз ошибаюсь.

— Я не много о тебе знаю, Сэм,— ласково начала она.— Я только знаю, что ты влип в эту историю, что ты боишься, и все из-за меня.

— Я тоже не знаю, что это было,— признался он.— Я просто не хотел, чтобы ты умерла. Поддался капризу.

— Ради незнакомого человека.

— Ради кого-то,— загадочно кивнул он.

— Ты не тип,— сказала она.— Мы с тобой просто люди. Это забавно.

— *Иди домой. Иди домой. Беги. Не оставайся здесь. Я боюсь.*

Вдруг она обернулась.

Снаружи к высокому кухонному окошку прижималась чья-то физиономия. Это было точно так, как она когда-то себе представляла. Настоящая физиономия. Глаза, нос...

— Сэм,— абсолютно спокойным голосом сказала она,— там лицо.

ГЛАВА XVIII

Он не пошевелился.

— Сэм, это Алэн? — Она стояла рядом, слегка касаясь рукой его плеча.

— Нет, не он. Потому что я ничего не слышал.

— Что нам делать?

— Садись мне на колени.— Он обернулся, притянул ее к себе, и она очутилась в его объятиях. Но он ее не касался. Он сидел как Линкольн на постаменте, изогнув свое длинное тело. Такой же неподвижный, как изваяние.

Она обняла его левой рукой за шею.

— Сестра, я этого не хотел,— пробормотал он.— Знаешь, что делать?

— Я это не я? — шепотом спросила она.

— Маленькая надежда. Но каждая муха пытается...

— ...Ускользнуть,— подхватила она.— Это Амбиелли?

— Должно быть, он.

— Но сюда едет Алэн.

— Постарайся... потянуть время. Они могут подоспеть. Как флотилия.

Он поцеловал ее. Но это было как в театре. На самом деле он к ней даже не прикоснулся.

Она засунула пальцы в его волосы.

— Сэм, у тебя есть оружие,— прошептала она.— Да? Чувствую в кармане.

— Тебя зовут Бонни Мэй. Мисс Мэй.

— Ладно, Сэм. Почему они не войдут?

— Это к лучшему. Время-то идет.

Она выпрямилась и зажала его лицо в своих ладонях. В его воспаленных глазах был ужас.

— Ты дурачок, Сэм, — громко и спокойно сказала она. Поцеловала его в губы, потом скользнула своими губами вдоль его щеки к уху.

— Почему ты не убьешь Амбиелли? — серьезно спросила она.

Он откинул голову, чтобы заглянуть ей в глаза. В его взгляде больше не было обреченности.

— Думаешь, это так просто? Вот что значит быть невежественной маленькой богачкой.

— Не станешь же ты сидеть и ждать, пока тебя самого убьют?..

— Рискнуть? Спровоцировать Амбиелли и укокошить в порядке самозащиты? Кто тебя этому научил? Твоя мама? Сестра, типов не существует. Не существует.

Он смеялся, и она покачивалась в его руках.

— Ну-ка, мой кровожадный ягненок, дай-ка я вот что сделаю.— Она больше не нуждалась в объяснениях. Оба давно устали плутать в дебрях языка, подбирая нужные слова. Под прикрытием ее тела он засунул оружие в ящик стола. Его нужно спрятать, это оружие, которое может им пригодиться, если...

Теперь их сердца бились в унисон. Это было удивительно. Будто одно большое сердце.

Вдруг он убрал свои руки, и она чуть не грохнулась об пол.

— Там кто-то есть, — сказал он, в совершенстве имитируя удивление.

Ей тоже удалось прекрасно сыграть. Она повернулась, в испуге уставилась на дверь.

Он спустил ее на пол. Она подчинилась ему с неохотой, будто ничего не слышала и не верит в то, что он что-то слышал. Сэм осторожно встал.

— Черт возьми, за дверью кто-то стоит,— сердито сказал он.

В дверь постучали.

— Кто это? Кто там? — моментально отозвался Сэм.

За дверью раздался спокойный прозаический голос:

— Сэм?

— Фу! Минуточку, Бонни. Приятели, черт бы их.

— Что за приятели? — сварливо спросила Кэй.— Ты ведь обещал, что никого не будет.

— Минуточку,— Сэм подошел к двери.— Черт

...возьми, ты, что ли, босс? — высоким от удивления голосом спросил он.

— Я, Сэм,— ответил голос Амбиелли.

Кэтрин Сэлсбери метнулась к кровати.

— Что ж ты не пригласишь профессора войти, Сэм? — фыркнула она.— Меня не стесняйся.

Сэм покосился в ее сторону, едва сдерживая смех, она облокотилась о стенку, выпятила грудь, закинула ногу за ногу, а в голове, груди, по всему телу разлилось предчувствие беды — удивительно пьянящее ощущение. И тут как бы в подтверждение ее ощущению прозвучали его слова:

— О, удивительно!

Он распахнул дверь.

— Привет, Амбиелли, и тебе тоже, Малыш. Что ж, заходите, милости просим.

Этот худой, нездорового вида коротышка, стоявший на пороге, был опасен. Верзила сзади него был всего лишь оружием, послушным движению его пальцев, покорным его гневу.

— Смирно, Сэм,— тихо приказал маленький.

Сэм в удивлении открыл и закрыл рот. Верзила вломился в комнату и бросился хлопать Сэма по бокам, ощупывать его карманы.

У Кэй округлились глаза. Нет, она не ошиблась: он прощупывал карманы Сэма. Это движение ей так знакомо! Будто она снова дома, в понятном ей мире. Уже какие-то нормы поведения, какие-то условности.

— Кто твои дружки, Сэм? — постаралась прогнусавить она.

— Послушай, Бонни...

— Смирно.

Сэм замер.

Верзила обернулся в ее сторону, губы скривились в недовольной гримасе, брови нахмурились, дескать, как несправедлив этот мир. Сэм ссутулился, будто ему на все плевать, будто он смирился с этим временным недоразумением.

— Ну и манеры же у этих типов, ничего не скажешь,— заметила Кэй.

— Минуточку, Бонни, прошу тебя,— Сэм не смотрел в ее сторону. И правильно делал. Так было лучше. Зато теперь она чувствовала на себе обжигающий взгляд красно-карих глаз маленького. Она

прислонилась к стенке у изголовья кровати, заставила себя раскрыть глаза и дерзко уставилась на Амбиелли. А про себя твердила: «Ты за кого меня принимаешь?»

— Это Амбиелли,— представил Сэм. Кэй подумала про себя, заставила несколько раз мысленно повторить: «Кто Амбиелли? Который из них? Верзила или коротышка?» Она знала, что ее мысли известны всем собравшимся в комнате.

— Что здесь делает эта девица? — острым как лезвие голосом спросил Амбиелли.

— Неужели не догадались? - натянуто буркнул Сэм.

— Нет.

— Да неужели? — задумчиво изрек Сэм и будто по рассеянности шагнул вперед.

— Смирно! — скомандовал Малыш Хохенбаум.— Слышал, что тебе [illegible]

— Прошу [illegible] Малыш. Виноват. Сэму будто надоели [illegible] Все такой же нервный, а?

Амбиелли [illegible] Кэй. Верзила за ним. Она чувствовала [illegible] фокусе их перекрещивающегося внимания. [illegible] могла выдержать оба взгляда сразу.

— Сэм, кто эти ребята? — с тревогой во взгляде и голосе спросила она.— Послушай, мне не улыбается... Что все это значит? Если это налет, отдай им свой бумажник. Пускай выкатываются.

— Это налет, Амбиелли? — спокойно спросил Сэм.

Амбиелли обернулся.

— Не мудри, Сэм. Не стоит.

— Я вижу, ты не в настроении,— быстро парировал Сэм.

— Успокоить его, босс?

— Не надо.

— А как насчет нее? — поинтересовался Малыш.

Амбиелли снова перевел взгляд на девушку.

— Кто она, Сэм?

— Приятельница,— ответил Сэм.— Подружка. Мисс Мэй, это мистер Амбиелли. А это мистер Хохенбаум.— Никто из них и не подумал сказать «Здравствуйте». Сэм переступил с ноги на ногу.— Что вам нужно, босс?

Тут вмешалась Кэй.

— Плевать мне на то, что им нужно.— Она взвилась на кровати.— Предупреждаю тебя, Сэм, они или я.

— О Бонни...

— Тоже мне, спокойный вечерок.

— Поверь, киса, мне это тоже не по душе.

— Тогда пусть они проваливают.

— Проверь ее сумку,— спокойно приказал Амбиелли. А сам с нее глаз не спускал.

— Не посмеете! — Она спрыгнула с кровати и схватила лежавшую на полке сумочку. Огромная лапа Малыша опустилась на ее плечо. Она взвизгнула и набросилась на него с кулаками.— Сэм!

— Ничего не могу поделать, киса. Не принимай близко к сердцу.— Сэм расправил плечи.— Они что-то затевают. Ты тут ни при чем. Потерпи, пожалуйста.

Она села, изобразив обиженно-терпеливый вид. Руки Малыша копались в ее сумке. У него была обиженная физиономия.

— Она какая-то подозрительная, босс,— хныкал Малыш.— Прислушайтесь к ее разговору.

— Да. Слышал. Значит, это Бонни. Уик-энд, да, Сэм?

— Деликатно сказано,— раздраженно буркнул Сэм.— Что-то тебе не по себе. Хотел бы я знать, в чем...

— Не строй из себя идиота, Сэм.

— Тогда скажи, в чем дело.

— А ты говоришь, Сэм?

— А что ты хочешь от меня услышать? — Он шагнул вперед, ближе к столу.

— Может, ты уже заговорил, а, Сэм?

Сэм не стал отрицать. Казалось, на минуту он ушел в свои мысли. Потом его вдруг будто осенило:

— Понял, что ты хочешь,— воскликнул он.

— Я так и знал,— промурлыкал Амбиелли.

— Ты был у Сэлсбери.— Казалось, Сэм сгорает от любопытства.— Ну и как там?

— Ты там тоже был, Сэм.

— Хотел кое-что разнюхать. Ты тоже?

Любопытство было таким неподдельным.

— Если это ты, Сэм, им сказал, ты ведь знаешь, я тебя убью.

— Самолично? — с дрожью в голосе спросил Сэм.

— Может, даже самолично,— ответил коротышка Верзила издал недовольный звук.

— Какая для меня честь,— усмехнулся Сэм

И тут впервые Кэй поверила. Маленький сдержит слово, в этом она не сомневалась. Стоит ему убедиться, и он тут же убьет Сэма Линча. Что-то мерцало и подрагивало внутри его тщедушной оболочки, называемой телом Что-то жаждущее крови. Сгорающее от нетерпения.

Однако она заставила себя прикинуться любопытной. Показать это всем своим видом, настроить мозг на волну любопытства

«В чем дело? В чем тут дело?» — твердила она в мыслях

— Ну и что дальш[illegible] раздраженно спросил Сэм.

— Посмотри, может, это парик,— велел маленький, и Кэй почувствовала как верзила запустил свою лапу ей в воло[illegible]рнул, крутанул — какая боль! Она схвати[illegible] за голову, а он тащил ее за волосы

Он отпустил, он[illegible]а колени, упершись руками в пол, чтобы не у[illegible] Глаза застлали слезы боли, но верзиле было наплевать на ее ощущения.

— Волосы,— буркнул он

Она вскочила на ноги, вытерла глаза и поддалась чувству неподдельного гнева. Взвизгнув, набросилась с кулаками на верзилу, и он сдавил ее своими ручищами. Она что то быстро тараторила.

Сэм, повинуясь вполне естественному побуждению, отодвинулся от дерущихся Он уселся у стола и расхохотался, раскачиваясь взад-вперед на стуле Вцепился пальцами в край стола, чтоб удержать стул в равновесии на двух задних ножках И умирал от смеху. Эта ее борьба с верзилой, думала девушка, действительно занятное зрелище, но Амбиелли не сводил глаз с Сэма, а тот все смеялся и смеялся.

— И что тут смешного? [illegible] вильнув в его сторону, визгливо спросила она. – Ну говори. Ты, Сэм!

— Бонни,— стонал от смеха Сэм. — Отпусти ее, Малыш. Кусается, а? Хочешь испортить мне личную жизнь?

Отпусти ее,— велел Амбиелли.

— Фу! — с глубоким отвращением изрек Малыш.— Это не Кэтрин Сэлсбери.

Будто раздался свист хлыста или барабанная дробь, призывающая к тишине. Все стихло. Только слышалось ее учащенное дыхание.

Сэм напряг мышцы, уперся ногами в пол. Туловище качнулось вперед, потом назад.

— Так вы ищете Кэтрин Сэлсбери? — прерывающимся голосом спросил он. Глаза сузились, чтобы не дать хлынуть из них потокам бешеного веселья. Превосходно сыгранное изумление. Превосходная реакция, которой, как и положено, сопутствует веселье. Слишком уж все безупречно.

— Заткнись,— приказал Амбиелли, и в чем-то и без того хрупком появилась еще одна трещинка.

— Виноват,— испуганно сказал Сэм.— Прошу меня простить. Я не хотел. Я думал... Виноват, босс.

«Теперь он умрет,— думала Кэй.— Из-за того, что это показалось ему забавным». Она и в самом деле так думала. Комната, казалось, зависла над пропастью.

Малыш убрал свои лапищи. Малыш дрожал. Он ждал приказа своего босса. Она откинула с лица волосы. «А ведь мы обдурили его,— думала она.— И жаль все испортить. Нет, нет». Она с решительным видом встала между Сэмом и Амбиелли, очутившись на линии напряжения, прямой линий, пролегающей между ними, нагнулась над столом.

— Дай мне ключи,— потребовала она.

— У?

— Ключи от твоей машины. Я уезжаю отсюда, Сэм.

— Послушай, Бонни, неужели из-за этого недоразумения...

— На мой взгляд, это слишком. Дай ключи. Вы, мальчики, сами между собой договоритесь.

— Бросаешь меня,— желчно заметил Сэм.

— На случай, если здесь произойдет убийство.— Ей удалось произнести это с презрением.

— Никто никого не собирается убивать.

— Мало ли что взбредет в голову этому твоему дружку,— сказала она.— Он не похож на шутника. Где ключи? В ящике? — Она потянулась к ящику.

Сэм положил руку на ящик. Их холодные пальцы встретились.

Он спокойно мог выдвинуть ящик -- она стояла между ним и Амбиелли

Малыш что то проворчал Но тут Амбиелли заговорил приятным голосом Лезвие снова спряталось в ножны.

Не уходите, Бонни Сэм, я хочу с тобой поговорить Молодая женщина может остаться тут.

Ага, может, они его и провели! Они обменялись быстрым пожатием холодных пальцев «Уж слишком легко, — думала она.— Может, не совсем провели, но хотя бы заронили сомнение Может он уже колеблется»

— Кажется, на той двери есть запор, — заметил Амбиелли.— Закрой ее там Малыш Она отвлекает Глянь-ка, она оттуда не уйдет?

— Вы не посмеете меня закрыть! — Она вывернулась. Она будет драться и отвлечет этого верзилу Но она все еще стояла на этой самой линии между Сэмом и Амбиелли и не успела отступить в сторону как Малыш поднял ее в воздух Болтая ногами в воздухе, она увидела, что в руках у Амбиелли будто по мановению волшебной палочки оказалось оружие

— Успокойся, Бонни, — Сэм был спокоен и суров. — Слушайся мужчин Все и в самом деле пора поставить на свои места Попытка не пытка

ГЛАВА XIX

Малыш отнес ее в ванную и бросил на пол. Она не протестовала Он закрыл дверь Запер снаружи В ванной была кромешная тьма Она подняла голову туда, где была полоска стекла. Слабо отсвечивало в темноте ночное небо И больше никаких физиономий. Ночь безмолвна, ее тишину не тревожит рев машины.

Зато она слышала голос Амбиелли

Кто натравил на меня Дюлейна Сэм?

— Этого я не знаю,— незамедлительно ответил Сэм.

Почему ты к ним пошел?

— Потому что они узнали, что я завтракал с вами в среду.

— И что им до этого?

Не могу сказать.

— Ты, Сэм, как правило, ничего не говоришь. Нарушь его.

— Это просьба?

— Совет.

— Я говорю, – возразил Сэм.— А ты меня слушаешь?

— Ты не сказал о картинке в газете?

— Я оставил ее у Ника, – решительно заявил он. Наступило молчание. – Ник складывает два и два и получает четыре, а, босс?

Молчание.

Верзила заворчал.

— А тебе не кажется... начал было Сэм.

— Спрашиваю я. Ты отвечаешь. Что произошло?

— Где?

— У них.

— У Сэлсбери? — Кэй слышала, как скрипнул деревянный стул.— Дюпейн спросил, хорошо ли я с тобой знаком.

— И?

— Я сказал, что, разумеется, знаю, кто ты. Он спросил, правда ли, что мы вместе завтракали в среду. Я ответил «да». Спросил, договаривались ли мы о встрече. Я сказал, что нет, я зашел к Нику случайно. Еще спросил, не известно ли мне, куда вы пошли потом. Я сказал, что вы ушли раньше меня. Поэтому я не знаю. Спросил, где Кэтрин Сэлсбери. Я удивился, что ее нет дома.

— И это все, Сэм?

— Нет. Наверно, я что-то забыл. Да. Они заставили меня писать под диктовку какую-то ерунду. Какие-то наставления. Из требования о выкупе. Знаешь, что я подумал?

— Ну, деньги у нас,— ввернул Малыш.

Амбиелли на него цыкнул.

- Да неужели! — с благоговейным трепетом воскликнул Сэм. Его почтительность росла пропорционально удивлению. - Кто-то выполняет грязную работу, а деньги достаются вам. Да это... это... Удивительно! Ну и сноровка! Ну и ловкачи! Кто?..

— Именно это я и хотел узнать,— сказал Амбиелли.

— А тебе не все равно?

— Мне бы хотелось знать.

— Вижу. И все равно, вас избавили от стольких хлопот,— осторожно развивал мысль Сэм.

— Я не против хлопот, Сэм. Я против вмеш[illegible]тельства.

— Ага. Понимаю. Кто-то больше чем сказ[illegible] кто-то сделал. — Сэм говорил с живейшим интер[illegible]сом. — Если бы все ограничилось обычным предуп[illegible]реждением, Сэлсбери бы попросту посадили ее под замок. И никто бы ее не достал. Но в таком сл[illegible] они бы не стали платить.

— Может, они вовсе и не собирались платить,— спокойно заметил Амбиелли.— Понимаешь, Сэм, он не ожидал, что мы заберем деньги по пути. Мне пришло в голо[illegible], что дальше может быть засада.

— Настоящи[illegible] деньги? — быстро спросил Сэм.

Ответа не последовало.

— По крайней мере, они могли записать их номера. Деньги небось меченые.

— Мы пр[illegible] [illegible]ухо пояснил Амбиелли.

— И прошло? — Сэм, казалось, безмерно удивлен.

— Ну разумеется,— кивнул Малыш и весело заржал.

— Ты знаешь немного больше того, чем тебе следует знать, чтобы я спал спокойно, Сэм. Понимаешь?

— Я знаю не [illegible]го больше, чем в прошлую среду,— возрази[illegible]. Помню, тогда ты говорил, что никогда не нер[illegible]аешь.

— Я сказал — до поры до времени, Сэм.

— Думай сам,— [illegible] буркнул Сэм. — Зачем я стану влиять на твое решение? Я только скажу, что лучше бы моей ноги не было у Ника. Попасть в беду за каких-то пятнадцать минут. И все твое проклятое будущее делает зигзаг. Лучше бы я ограничился чаем с тостом. Не только ты думаешь, будто я имею к этому отношение.

— Кто еще, Сэм?

— Этот Дюлейн.

— Мы знаем. Он приставил к тебе шпионов.

— Да,— спокойно согласился Сэм.— Но я от них ушел.

— Да, Сэм, ушел. Мы слегка посодействовали. Встряли между вами.

— Ты был там, босс?

— Полно, Сэм, ты сам знаешь, что мы там были.

— Да? Что ж, может быть.

— И как тут не подозревать, Сэм?

— Да. Никак нельзя. Вы всю дорогу ехали за мной, да, босс?

Тут Амбиелли, должно быть, рассмеялся, хотя Кэй и не услышала никакого смеха, лишь как-то неуловимо изменился его голос.

— Это совсем ни к чему. С самой среды мы наводим справки. Нам сказали, что у тебя есть вот это гнездышко. Естественно, у меня закрались подозрения.— В голосе появились стальные нотки.— Я бы убедился в них, не шпионь они за тобой в открытую. Я бы все понял относительно тебя, Сэм. Что ты...

— Неужели я?

— ...Выкрал в среду Кэтрин Сэлсбери и где-то ее припрятал. Что ты заодно с этим Дюлейном. Что ты разрешил отцу поступить согласно нашему посланию. Что ты для пущей убедительности держишь его в неведении. И он действовал, как подобает в таких случаях. Что ты устроил засаду, которая не удалась. Что ты сегодня поехал на очередное совещание с ними. Составить план, как бы обвести меня вокруг...

Стоя в кромешной темноте на коленях у двери, Кэй видела по глазам этого коротышки, что она для него ничто. Пешка, кусочек дерева, который он, обуреваемый жгучей жаждой выиграть, передвигает с клетки на клетку в игре на кровь и деньги. И Амбиелли полагает, что для Сэма она то же самое, что Сэм тоже передвигает эту деревяшку, играя на другой, вражеской половине поля.

Но она-то знает, что Сэм заодно с этой пешкой, которая не из дерева, а которая Кэтрин.

Она услыхала твердый голос Сэма:

— И тем не менее они устроили за мной слежку. Что-то здесь не вяжется, а?

— А может быть, ты тот ловкий...

— Тот хитрый,— буркнул Сэм.— Лестная похвала. Не спеши хвалить. Скажи, босс, ради чего я бы стал тратить столько сил? Мне кажется, люди моего типа так не поступают.

— Мне так не кажется, Сэм.

— Ведь у меня, насколько тебе известно, своя репутация.

— Ты завоевал репутацию молчуна. Но сегодня ты говоришь. А, Сэм?

— Говорю то, что знаю,— медленно выдавил Сэм.— Это потому, что у меня была возможность наблюдать. Я мог бы достать для тебя Кэтрин Сэлсбери.

— А ты уверен, что она не там, в ванной? спокойно поинтересовался Амбиелли. — А вот я Сэм, нет. Совсем не уверен. Умная девчонка если это Кэтрин Сэлсбери. Но ее словарь показался мне уж больно грамотным, а?

Молчание

— Руки по швам, Сэм. Советую тебе не шевелиться.

Молчание

— Как бы нам это установить? — мурлыкал Амбиелли

И тут в необъятном мраке ночи раздался рокот мотора. Наконец-то сюда снова приближается машина. Жалобно скрипнула входная дверь. Стоя на коленях, Кэй прислушивалась ко всем этим шумам. В темноте, обступившей ее со всех сторон, ей представилось, как верный пес, послушный легкому щелчку пальцев своего босса, выскакивает за дверь разнюхать. Ведь рокот машины не стих, а Амбиелли еще здесь.

— Сиди спокойно, Сэм,— услышала она его голос.

И едва уловимое бормотание Сэма:

— Черт возьми. Босс придет в восторг. Небось этот проклятый Дюлейн. — Потом громкое: — Кто там, Малыш?

— Похоже на Дюлейна. А с ним старик.

— Что? — это сказал Сэм.

— Одни? — протянул Амбиелли.

— Да, босс.

— Еще одно совещание, Сэм?

— Откуда мне знать, какого черта им здесь нужно? — взорвался Сэм.— Босс, если они увидят нас вместе, а они и так уже считают.

— Так ты намекаешь, чтобы я убрался, Сэм? — изумился Амбиелли.

Сэм промолчал.

У Кэй ныли пальцы и зубы. Она не могла заставить себя подумать о том, что будет. Ее воображение наталкивалось на непроницаемую стену.

— Выгляни наружу, Малыш. Держись в тени.—

Амбиелли двигался по стенке.— Что там? А, кухня. Подойдет.

Вдруг где-то над ухом щелкнул запор. Она чуть было не вывалилась на свет.

— Сюда, пожалуйста,— пригласил Амбиелли. Она неуклюже поднялась на ноги. Сэм сидел все в той же позе на стуле. Но теперь все казалось таким блеклым. Амбиелли быстро запер дверь опустевшей ванной, а ключ взял себе. Она недоумевала.

— Горю желанием узнать, что им от тебя нужно, Сэм,— вкрадчивым голосом пояснил он. И улыбнулся. Он держал в руке револьвер.— Горю желанием увидеть, как они отнесутся к твоей подружке, которая будет в комнате у всех на виду. А ты знаешь, от того, как они отнесутся к ней, зависит мое дальнейшее отношение к тебе, Сэм.

Он улыбнулся. Вышел в кухню и закрыл за собой дверь.

Кэй взглянула на Сэма. Теперь она все поняла. Ей не спрятаться. Ее увидят, ее узнают. И тут в голову пришла другая мысль: Амбиелли, вероятно, решил, что это не шкаф, а дверь на улицу. А это не так. Из кухни на улицу не выйти. Значит, он попался. И он там в ловушке.

«А я здесь в ловушке,— думала она.— Мне некуда спрятаться. Как только они меня увидят, все сомнения Амбиелли рассеются».

«И Сэм в ловушке, подумала она. А потом исступленно: — Да мы все в ловушке. И кто-то непременно поплатится жизнью!»

Теперь поздно бежать за дверь. По деревянному крыльцу уже топают ноги. Да и верзила там. Притаился во мраке. И никак их не предупредишь. Сэм говорит, что все им рассказал, и теперь они ожидают увидеть ее здесь. Собственного отца не обманут обесцвеченные волосы. Все они в ловушке.

Кухонная дверь из фанеры. Нет в ней ни замка, ни ключа, ни замочной скважины. Амбиелли все слышно, но ничего не видно.

— Сэм, мне это не нравится,— взвизгнула она.— Мне кажется, кому-то не поздоровится. Я не хочу участвовать в...

У него в руке уже был револьвер. Он ей кивнул.

— Не волнуйся,— успокаивал он ее.— Только не нервничай. Посмотрим, что здесь нужно этой шай-

ке.— Его глаза смотрели мимо нее не на входную дверь, а на дверь в кухню

Кто-то непременно поплатится жизнью

— Я сказала, что не хочу в этом участвовать, визжала она Ты не имеешь права впутывать меня в эту канитель .

С крыльца доносился [illegible] зов ее отца «Кэтрин? Кэтрин?», а она не могла этому радоваться

— Господи, простонал Сэм, только их тут не хватало!

— Я покажу вам Кэтрин! - вопила она - Всем вам! Всем до единого! Давай! Открой эту проклятую дверь! Впусти их!

Сэм не шевелился Его взгляд не изменил своего направления Револьвер в руке не дрогнул Дверь открыла она сама

ГЛАВА XX

Когда ее отец вошел в полосу света, она бросилась к нему навстречу и приложила палец к его уже было раскрывшимся губам. Она прижалась к нему и почувствовала как его пальцы больно сдавили ей плечи Но он тут же прореагировал на ее предупреждение и быстро [illegible]. Он понял, что ему нельзя говорить, что [illegible] что-то не так Она удивилась, каким он оказался [illegible]

Алэн протолкнулся в дверь следом и направился прямо к Сэму. Сэм не повернул в его сторону ни головы, ни даже взгляда Он так и сидел лицом к кухонной двери, и Алэн не видел револьвера в его руках. Если бы только она могла заставить молчать и Алэна! Она бросилась за ним

— Ну, Дюлейн,— устало и негодующе начал Сэм,— что теперь?

Кэй подскочила к Алэну сзади и закрыла ему рот рукой.

— Странные у тебя приятели, Сэм, — с усмешкой сказала она.— Взгляни на этого, что уставился на меня. А кто эта Кэтрин, которую они все ищут? - Алэн разжал ее руки. - Все вокруг ищут только эту Кэтрин. Что она за птица, Сэм?

— Бонни, сядь. Сэм даже не шевельнулся

Отец снова приблизился к ней, она попыталась

было объясниться с ними жестами, но тут Алэн облокотился о стол и заявил:

— Вы и в самом деле не солгали, Линч.

— Да. Вот сюрприз,— фыркнул Сэм.

Так не могло продолжаться долго. Ниточка должна была вот-вот оборваться. Что-то должно произойти. Кто-то должен поплатиться жизнью.

— Я вам не поверил,— сказал Алэн. А после ласково: — Кэй, дорогая, тебе ничего плохого не сделали?

Ей показалось, что она видит сквозь эту фанерную дверь, сквозь кромешную тьму за ней. Видит, как Амбиелли открывает шкаф. Посыпятся банки с консервами, когда он станет нащупывать руками выход. Хоть одна должна упасть. А что будет дальше? Что? Что будет, когда он узнает, что оттуда ему не выйти?

Она стояла обескураженная, прижав ладони к щекам, как вдруг Сэм оттолкнул ее в сторону. И ее отца тоже. Оба зашатались, цепляясь друг за друга, чтобы сохранить равновесие. И завалились вместе в угол. Алэн что-то проворчал, но Сэм оттолкнул и его.

Фанерная дверь дрожала. «Не медли, Сэм, не медли!» — мысленно твердила она. А Алэн кричал, стараясь подняться с пола:

— Сюда! Берегитесь! У него оружие!

— Нет, Алэн, нет! — изо всей мочи кричала Кэй.

Амбиелли распахнул дверь ногой.

Едва она успела разглядеть лицо коротышки, как револьвер Сэма грохнул два раза. Этого оказалось достаточно.

Сэм секунду или две пристально всматривался в труп на полу. Потом положил револьвер на стол, брезгливо отдернул руку, будто от револьвера скверно пахло, снова было потянулся к нему, потом отнял руку и почти бегом бросился в дальний угол комнаты. Там он сел, опершись спиной о стену.

Потерявший равновесие Алэн барахтался на полу, делая безуспешные попытки встать.

Сэлсбери вышел на середину комнаты.

— Кэтрин, пойдем отсюда. Ты не должна... Не смотри туда! — Он дрожал от радости, что нашел ее. Она прижалась головой к плечу отца.

Не сводя глаз с Алэна, она обратилась к Сэму:

— А большой, этот Малыш? — обеспокоенным голосом напомнила Кэтрин.

— Я устал,— признался Сэм.— Пусть другой герой охотится за Малышом Хохенбаумом.— Он закрыл глаза. Она заметила: Сэм дрожит как в лихорадке.— Я выдохся. Такое не для меня,— бормотал он.— Я по профессии посторонний.

Тут они услышали далекий рокот еще одной машины.

«Наверное, верзила удирает,— подумала она.— Мы так и не услышали, как они подъехали. Ничего не услышали, а уже увидели физиономии. Но ведь у них должна быть машина». Ее била дрожь.

— Я тоже устала,— призналась она.— А сама не сводила глаз с Алэна и все никак не могла разглядеть его лица.— Алэн, почему ты меня не поцелуешь? — жалобно спросила она. Широко раскрыв глаза, она попыталась разглядеть его. Он стоял в какой-то неестественной позе между столом и Сэмом Линчем.— Алэн, не глупи...

Послышался топот ног по крыльцу, и в дверях показались два незнакомых ей человека. Это были Уорнер и Рейли.

— Что вас задержало? — гневно и в то же время с облегчением спросил Алэн.

— Потеряли его. Попали в аварию. Привет!

— Приветствую вас, ребята,— отозвался Сэм.

— Это Амбиелли подстроил нам аварию, а, Сэм?

— В этом нет ничего удивительного,— сказал Алэн.

Один из вновь прибывших, тот, что посолидней, хрюкнул, заметив труп. А тощий выкрикнул изменившимся голосом:

— Это Амбиелли? Здесь?

— Да, это был он,— подняв веки, ответил Сэм.— Вы, ребята, не видели Хохенбаума?

— Нет, с тех пор как...— Уорнер быстро обернулся назад.

— Я хочу сказать — здесь, поблизости?

— Здесь нет, Сэм.

— А его машину?

— Только мистера Дюлейна. Стоит наверху.

— Кто это так поднес Амбиелли? — с благоговейным трепетом поинтересовался Рейли.

— Линч,— ответил Алэн.

— Самооборона?

— Убийство,— поправил Алэн.

Кэй подпрыгнула на кровати, куда ее бережно уложил отец.

— А это она? В порядке?

— Все в порядке,— ломающимся голосом сказал Сэлсбери.

— У кого она была? У Амбиелли?

— У Линча.— Облизнув губы, Алэн начал распоряжаться: — Рейли, на крыльцо. Стойте на страже. Если Хохенбаум и был здесь, то теперь, я уверен, он удрал.

— Ты уверен,— буркнул Сэм.

— Он постарается спасти свою шкуру,— фыркнул Алэн.— Не волнуйтесь. Мы его схватим. Мы всех вас схватим.

— Алэн...— Кэй попыталась сесть.

— Тебе надо домой, дорогая,— сказал ей отец.— Доченька, поехали домой.

— Уорнер, ступайте и позвоните из ближайшего телефона в полицию. Теперь они уже в курсе дела. Можете их встретить. Скажите, что мы взяли Амбиелли мертвым, а Линча живым.

— Алэн! — в тревоге воскликнула Кэй. Сэм лишь уронил подбородок на грудь.

— Пожалуйста, Кэтрин, успокойся. О твои чудесные волосы...

— Только не нервничай, сестра,— не глядя в ее сторону, попросил Сэм. Не надо нервничать.

— Минуточку, Уорнер,— вмешался Сэлсбери.— Алэн, я хочу отвезти ее домой.

— Подождите меня, сэр.

— Но здесь...

«Папа небось имеет в виду труп,— решила Кэй.— Как интересно. Теперь это неопасно».

— Я не имею права выпустить его из виду,— сказал Алэн. - Это недолго. Только передам все дела полиции.

— Тогда позвоните Марте. Дайте Марте знать.— Сэлсбери бросился за Уоркером.— Я не могу оставить Кэтрин. Вы должны позвонить миссис Сэлсбери.— Он и оба сыщика застряли в дверях.

— Я тоже не могу бросить Кэтрин,— сказал Алэн.— А то еще что-нибудь случится.— Он наконец приблизился к ней. Обнял. Поцеловал.— У тебя все в порядке? Правда?

— Все превосходно,— кивнула она, не переставая дрожать.— Не бросай меня.

— Нет, дорогая. Мы должны все довести до конца. Это недолго.

— Алэн, мне кажется, ты не понимаешь...

— Он понимает.— Голос Сэма эхом раскатился по лачуге.— Я украл тебя, сестра. Я убил Амбиелли. Он прав.

— Но, Алэн! Сэм должен был это сделать!

— Должен?!

— Конечно, должен. Кто-то должен был умереть.

Алэн коснулся ее лба.

— Ты не голодала?

— Конечно, нет. Алэн, разве ты не видел его физиономию?

— Чью физиономию, дорогая?

— Того человека. Амбиелли.

— Успокойся, Кэй. Теперь он не сделает тебе ничего дурного.

— Я знаю, что говорю.— Она постаралась сесть повыше.— Вас здесь не было. Вы ничего не знаете. Он хотел убить Сэма и меня, а может, и тебя с папой...

— Я был здесь, Кэй,— сочувствующим голосом сказал Алэн.— Успокойся.

— Алэн, послушай...

— Расскажешь все судье,— глухо буркнул Сэм.— Напиши письмо прокурору.

— Иди ты к...! Нет! Ничего такого не будет! — Ее нервы были на пределе.

Сэлсбери вернулся с улицы. Он стиснул кулаки и прижал их к груди, будто для того, чтобы не дать выход гневу.

— Линч, я заставлю вас страдать, как никто никогда не страдал.

— Вы ничего не понимаете! — воскликнула Кэй.— Послушайте! Амбиелли за мной охотился. Тот человек.— Она не глядела туда, где лежит труп.— И тот еще... огромный. Они бы меня убили. Разве вам это не ясно? Сэм спрятал меня от них.

Они смотрели на нее в недоумении. Ее слова попросту отскакивали от них. Как будто их уши были не способны услышать такое.

— Это у тебя не получится, дорогая,— мягко ска-

зал Алэн.— Это невозможно. Тебе не удастся выгородить...

— Он прав, даже очень прав,— заметил Сэм.

— Он весьма ошибается, Сэм, и ты это знаешь. Ведь это было не настоящее... Это ведь все нарочно.— Она спустила ноги на пол, откинула с лица волосы.— Тебе придется сделать это для меня, Алэн. И тебе, папа, тоже. Времени для пререканий нет. Пока в это дело не вмешалась полиция. Нет, нет, послушайте! Вы с Сэмом спасли меня от Амбиелли.

— Кэй, я боюсь...

— Вам придется представить все это именно так.

— Это неправда,— чопорно возразил Алэн.

— Нет, это достаточно правдиво. Правдивее, чем ты...

— Правда — его абсолют,— заметил Сэм.— Он очень даже прав. Оставим это, сестра.

— Сэм, ты хочешь, чтобы тебя судили за похищение и убийство?

— Нет, не слишком — Он пожал плечами.

— Тогда...

— Успокойся,— посоветовал он.— Не надо себя заводить. Ты ничего не сможешь сделать. Все пойдет своим чередом.

— Почему?

— Потому что в этом Дюлейн прав. Не веди себя по-бабьи, сестра. Разве тебе не известно, что мои поступки полагается судить обществу?

— Обществу,— фыркнула она.— Уж кто-кто, а ты бы об обществе помалкивал.

— Оставь, сестра — Казалось, Сэм просто изнемогает от усталости.— Давай попросту радоваться тому, что остались живы. Не трать силы впустую. Он не способен слушать.

— Кэй, я тебя слушаю,— вмешался Сэлсбери.— Скажи мне всю правду. Что сделал Линч?

— Ему показалось, что вы не вняли его предостережениям. Он ужасно за меня боялся. Этот Малыш не хотел со мной возиться. Стоило им меня украсть, и они бы...— Лица оставались все такими же непроницаемыми.— Вы не видели Малыша Хохенбаума?..

Рейли стоял на крыльце и пристально вглядывался в темноту, но никого не видел. Уорнер во второй

раз проехал мимо глубокой темной просеки и снова не заметил спрятанной там машины. Малыш Хохенбаум лежал на берегу над лачугой, надежно спрятанный от всех взоров. Он держался в тени. Он знал, что случилось внутри. Знал, кто это сделал. Знал, что нужно делать ему. Он лежал, прижав к земле свою детскую физиономию с надутыми губами.

— Да, я... я [illegible] видел,— нерешительно начал Сэлсбери. Похож [illegible] пса. Он посмотрел на согнутую спину Сэма, на его понуро опущенную голову.

— А вы видели [illegible] Амбиелли? — не унималась она.

— Да, я...

— Значит, я им [illegible]. А вы знаете, что они искали здесь [illegible]?

— Кому достались деньги? — спросил Алэн.

— Им.

— Тогда все [illegible],— фыркнул он.— Зачем тогда им было [illegible]?

— Потому что [illegible]. Сэм, объясни им почему.

— Чур, не я. Оставим это.

— Он бы убил [illegible] что тот вмешался. Из-за своей гордости [illegible] понятия о чести.

Алэн вздохнул, изобразив [illegible] терпение.

— Амбиелли погиб, [illegible] свою честь?! Послушай, Кэй...

— Сэм, прошу тебя, расскажи им.

Линч даже не пошевелился, не раскрыл своих черных глаз.

— Однако если то, что ты говоришь... — Ее отец уже не был таким сердитым, хотя еще сильнее нервничал.— Ведь Линч мог бы нас пощадить.

— Были возможности получше,— заметил Сэм.— Много возможностей. Я же все здорово напутал. Мне нельзя было покидать свое место возле прохода. Что ж, сажайте меня в тюрьму. Буду рад. Спокойное местечко. Только не подогревай себя, Кэтрин.

— Не называй меня Кэтрин! — она чуть не плакала.

— Прошу прощения, мисс Сэлсбери.

Она разрыдалась.

— Кэй, у меня есть уши, и я все выслушал,— вмешался Алэн.— И то, что я услышал, обыкновенная бессмыслица. Ну допустим, он, как ты говоришь, боялся за тебя. И рисковал, как ты говоришь, из-за тебя своей жизнью. Зачем такому человеку, как Линч...

— Человеку моего типа,— буркнул Сэм.

— Заткнись, Сэм Линч. Я тебя слушаю, Алэн.

— Зачем ему делать это ради тебя, Кэй?

Алэн и в самом деле спрашивал зачем? И ждал ответа. Она взвесила свой ответ.

— Да потому, что он меня любит,— медленно произнесла она.— Только этим я могу объяснить.. Алэн задрал подбородок.— Не в обычном, общепринятом смысле этого слова, Алэн!

— Какой же тут может быть другой смысл?— Дюлейн побелел.— Я думал, вы виделись всего раз. Я, должно быть, ошибся.

Сэм опустил голову на руку.

— Сдаешься, сестра?

— Нет!— вскипела она.

— Прошу тебя, уступи.— Сэм раскачивался на стуле.— Пощади нас. Меня пощади. Пусть все идет своим чередом.

— Одно человеческое существо,— медленно начала Кэй,— может попросту переживать за другое.

— Я думаю,— в сильном волнении начал Сэлсбери,— я думаю, ты считаешь его своим другом, Кэй. Так ли я...

— Спасибо тебе, папа.— Она заставила Алэна посмотреть ей в глаза.— Ну, ты согласен повернуть все так, как предлагаю я?

Его глаза оставались непроницаемыми.

— Слишком поздно.

— Тебе хочется, чтобы все это смаковали в суде?

— Кэй, прошу тебя. Естественно, ты...— Она ждала этого слова.— Возбуждена,— сказал Алэн.

Кэй встала, встревоженная, рассерженная. Она знала, что ее глаза теперь мечут громы и молнии.

— Может, тут произошло нечто большее, чем вы думаете,— холодно начала она.— Для такой романтичной невинной искательницы приключений, как я, Сэм — личность, полная очарования. Может, меня вовсе никто и не крал. Я пошла сама. Может, это

был... обыкновенный уик-энд. Любой суд быстро за это ухватится, как и ты, Алэн. Вы хотите, чтобы это получило огласку?

Алэн то бледнел, то краснел.

— Почему, почему ты за него так сражаешься?

— За Сэма? Да потому, что я его люблю,— спокойно сказала она.— Хоть и не в том смысле, какой вкладываешь в это слово ты.

— Лучше мне угодить в тюрьму, чем слушать всю эту чертовщину,— самым прозаичным тоном заметил Сэм.— Все равно спасибо. Хорошее намерение, сестра. Мы бы тебя распяли, если бы ты на это пошла. Я и Дюлейн.

— И ты?

— Только успокойся. У нас у каждого своя репутация. И мы оба ею дорожим.— Он встал со стула.— Но ты умный ребенок.

Она разрыдалась, и Алэн прижал ее к себе.

ГЛАВА XXI

— Так вы позволите мне уйти?— тихо спросил Сэм.— Вам не кажется, что мне лучше уехать?

— Вас еще ни в чем не оправдали,— фыркнул Алэн.

— Разреши мне увезти Кэй.— Отец страдал за нее.— Она так рыдает. Сама не своя.

— Она возбуждена,— буркнул Сэм и опустил голову.

— Алэн, ради нее,— умолял Сэлсбери,— отпусти его.

— Я не могу.

— Это не выходит за рамки закона,— заметил Сэм.— Я плохо на нее действую.— Он скривился.— Естественно, она возбуждена.

— Она была так... напугана, так ужасно перенервничала,— говорил Сэлсбери.

Сэм посмотрел в ту сторону, где девушка рыдала в объятиях Алэна.

— Объясните это тем, что она перенервничала. Это ведь вполне логично, не так ли? Что вы хотите от юного существа?— У него дрожали руки, и он засунул их в карманы.— И все равно она умный ребенок. За нее не жалко погибнуть, ясно вам? Мужчине героического склада.

— Она так молода,— говорил отец,— и так запугалась. Ужасное испытание.

— Да, да, да. И романтическое. И я ее расстраиваю. Ей кажется, будто она мне чем-то обязана. Лучше отпустите меня.

— Кэй, дорогая.— Алэн смотрел поверх ее головы, она отвечала ему рыданиями.— Реакция.— Он скривил гримасу.— Линч, мы вас разыщем.

— Ну конечно же.— Сэм выпрямился.— Это очень просто. Я буду неподалеку. Вы меня найдете. Примерно там, где вы рассчитываете.

— Тогда убирайтесь! — рявкнул Алэн.

Сэм обернулся и посмотрел на дверь. С улицы просунулась голова Рейли.

— Линч хочет уйти,— сказал Алэн Дюлейн.— Думаю, мы можем его отпустить.

На лице Сэма появилось загадочное выражение.

Малыш Хохенбаум подполз поближе к крыше навеса, под которым стояла машина Сэма. Отсюда ему была видна дверь лачуги. Он, не шевелясь, лежал на холодной земле. Холода он не чувствовал. Он вообще почти ничего не чувствовал. Босса больше нет, но он знает, что ему делать.

Кэй слышала только свои бурные рыдания, но в то же время знала, что Алэн с кем-то разговаривает. Она почувствовала, как он кивнул головой.

— Тогда, говорю вам, прощайте,— тихо-тихо, чтоб не слышала девушка, сказал Сэм.— Прощай, сестра. Ты была удивительна.

Отец робко протянул руку. Но Сэм стремительно вышел вон, быстро закрыл за собой дверь и очутился в кромешной тьме.

— Сэм, я ничего не могу понять,— сказал Рейли.

— Ничего, поймешь.

Он направился к своей машине.

Кэтрин рыдала.

— Успокойся. Все в порядке. Я понимаю. Успокойся, дорогая.— Алэн гладил ее по голове.— Теперь все позади.

— Он ушел, Кэй,— успокаивал ее отец.— Ну, ну, мы тоже скоро уедем. Тебе станет лучше. Мама будет...

— Ушел?

Она перестала рыдать. Перестала слышать их голоса. Ее уши вслушивались в то, что происходит за стенами лачуги. Ночь жила своими звуками. Что-то ползло по крыше. Во тьме плескалось озеро. У Кэй зашевелились волосы.

— Кто-то должен умереть,— сказала она.

И отпрянула от Алэна.

— Ушел? Сэм ушел? Но он не должен этого делать! До прихода полиции. Вы ничего не понимаете!

Отец попытался ее задержать, но она увернулась, проскользнула мимо человека на крыльце. Она знала: Сэму одному уезжать нельзя. Где-то здесь болтается этот верзила.

Кто-то должен умереть!

Она знала это теперь, как знала тогда. Смерть бродила где-то рядом. Револьвер Сэма остался на столе. У него нет оружия. Его поджидает смерть. Где-то поблизости.

Нет, нет, он должен остаться. Должен сидеть за стенами, ждать охрану. Она задержит его здесь. Как угодно. Хотя в ее распоряжении нет ничего. Слова тут не помогут. Слишком они неуклюжи, затрепаны, затасканы миллионами языков.

Она бросилась из кромешной тьмы прямо на него, обхватила его негнущиеся скованные плечи, и это неожиданное прикосновение ее нежного ласкового тела, налетевшего на него откуда-то из тьмы, повергло его в изумление и разрушило его оборонительные укрепления. Он коснулся ее плеча. Она ощутила нежное объятие его рук, исчезла эта мучительная отчужденность, их захлестнула целительная волна нежности. «Так вот что такое безопасность,— пронеслось в ее мозгу.— Полная, вечная. Это когда оберегаешь друга от боли...»

Но тут на выручку подоспел Алэн Дюлейн. Стук его каблуков по земляной дорожке разрушил эту неземную гармонию. Вспыхнул фонарь. Его бесстрастный луч прорезал тьму, нащупал их сплетенные тела, и спала защитная пелена ночи.

Туша на крыше зашевелилась. Дуло револьвера

Малыша, как змеиное жало, высунулось между ветхими черепицами. И замерло в боевой готовности.

Как только была разорвана эта броня мрака, в воздухе зазвенела угроза, и у Сэма захватило дух. Он прижал ее руки по швам и прикрыл ее всю собой. Повернул. Образовал вокруг нее прикрытие, широкое, как его костяк, плотное, как его тело, и бренное, как его жизнь.

Револьвер выстрелил, тьму пронзил хриплый крик, луч света в смятении улетел прочь.

— Крыша! Крыша! — хриплым от волнения голосом завопил Рейли.

Малыш уполз, но его настиг мятущийся свет. С первого раза Рейли лишь ранил Малыша в руку. Вторым выстрелом он уложил его на месте.

В темноте Кэй медленно прижималась к холодному металлу машины, спину больно царапала ручка дверцы. Тёплое слабеющее тело Сэма тянуло ее к земле.

ГЛАВА XXII

Проснувшись, Кэй тотчас же сердито сказала:

— Вы меня чем-то напоили. Усыпили.

— Пришлось, родная моя,— сказала ее мать.— Ты дома. Уже утро.

Кэй села в кровати, ее захлестнула волна скорби.

— Он умер?

— Нет... еще, дорогая.

— Где он, мама?

— Успокойся, он в больнице. Неподалеку отсюда.

— Здесь? Так недалеко?

— Кэтрин.— Лицо матери было искажено до неузнаваемости.— Родная моя, он умирает... По крайней мере, это вполне может случиться.

— Я знаю, мама, знаю. Я это знаю.— Она огляделa свою комнату.— Здесь все так странно. Не так, как раньше.

— В первое время тебе все будет казаться странным. Как и мне.

— Да, наверное. А у меня странный вид? Мама, ты-то понимаешь?

— Кое-что,— выдавила Марта.— Сыщик, который пришел со мной говорить, нашел записку. Я не понимаю, я ничего не понимаю.

— Сэм... Сэм велел тебе передать...— Кэтрин не закончила.

— Мне... мне он нравился,— сказала мать.

Кэтрин поцеловала ее.

— Который теперь час?

— Еще не поздно. Здесь Алэн. У тебя вполне нормальный вид, родная. Не слишком странный.

— Я хочу встать. Мама, вы туда звонили?

— Только что. Папа звонил.

Алэн с отцом сидели в большой комнате.

— Тебе лучше? — Алэн был нежен. Предупредителен.— Теперь ты больше похожа на себя,— одобрительно кивнул он.

— Сэм не умер? — Он скривился от ее вопроса, от ее взгляда.— Что будет, если он выживет, Алэн?

— Я не знаю, дорогая. Давай не будем...

— Что касается Амбиелли, то тут никаких затруднений возникнуть не может,— неуверенно начал ее отец.— Это случилось в порядке самозащиты, я это покажу.

— Хохенбаум мог бы кое что рассказать,— возразил Алэн.

— Он же мертв.

— Кэй, если Линч выживет, мы сделаем все возможное, чтобы уберечь тебя от всякого рода неприятностей,— сказал отец.— Но это сенсация. В газеты и не заглядывай...

— Не хочу.— Их взгляды встретились. Два взрослых человека — она и ее отец. Оба знали, что могут возникнуть неприятности.

Она села завтракать. Родители, хотя их руки сами тянулись к ней, удалились. Оставили их вдвоем с Алэном. Она попыталась что-нибудь съесть. Но не смогла прикоснуться к еде. Чашка чуть не выскользнула из ее пальцев.

— Принюхиваешься, откуда подует ветер? Умрет он или нет?

Она обеими руками зажала себе рот.

— Кэй, дорогая,— ласково начал Алэн,— мы все понимаем. Вчера вечером ты была немного исте-

ричная. Мы попросту об этом забудем. Только прошу тебя, больше не надо. Ты дома, дорогая. Теперь ты в безопасности.

— И ты простишь меня, Алэн? Мою истеричность?

— Разумеется.

— И поймешь?

— Разумеется, я все понимаю,— буркнул он.— Сэм Линч убил человека, которого ты так боялась. Ты видела, как он это сделал. Конечно же ты была ему благодарна.

— Это... великолепный шаблон,— медленно проговорила она,— но это не так. Понимаешь, он убил человека, которого боялся сам. Это я его заставила так поступить, и за это он мне благодарен.— Она взглянула на Алэна. Тот нервничал.— Я все еще истерична?

— Была вчера вечером. Доказательство тому то, как ты безрассудно выскочила за дверь.

— Так, по-твоему, стремление спасти кого-то от гибели — истерия? Тогда, значит, Сэм тоже истерик.

— Он только все усложнил.

— И все-таки я здесь,— задумчиво произнесла она.— А ты, Алэн, не был истеричен по поводу меня?

— Ты говоришь обидные вещи, Кэй. Я делал все, что в моих силах. Старался не потерять голову.

— И не... ошибался?

— Почему ты придираешься ко мне, Кэй? Хочешь сделать мне больно?

— Нет, не хочу. Но сделаю. Потому что я не смогу выйти за тебя замуж, и лучше, чтобы ты об этом знал.— Его будто хлестнули по щеке.— В тебе нет уважения,— с серьезным видом пояснила она.— Ты не уважаешь меня. Я это чувствую.

— Виноват. Я испытываю к тебе искреннее уважение.

— И простишь мне мою истеричную благодарность?! Ты вовсе ничего не понял...

— Я знаю, что тут дело не только в благодарности,— решительно начал он.— И это я тоже понимаю. Я ведь видел вас.— Она с изумлением на него посмотрела.— Я мог бы поверить, что всему виной твоя юность, твои романтические порывы и общий накал эмоциональной атмосферы. Фактически так оно до сих пор мне и кажется.— Он задрал нос кверху.— Я подожду.

— Не жди.

— Но вот что я тебе скажу. Если Линч поправится, обдумай, прежде чем решиться, Кэтрин. Подумай о его возрасте и положении. Более неподходящей партии...

— Партии! — воскликнула она. — Ты думаешь, мы могли бы пожениться? Я и Сэм? Мне даже в голову такое не приходило. Ему тоже. Это не... Это не то.

— Не будь дурочкой, — не сдавался Алэн. — Это всегда то. Будем называть вещи своими именами. Какие бы невинные девичьи представления ни были у тебя сейчас, о каком-то платоническом чувстве...

— Ты можешъ всему подыскать определение, Алэн. Правда? — Она рассматривала свои руки. — Я не особенно хочу, чтобы ты оказался прав. Он бы тоже не захотел. Разумеется, это был бы сумасшедший брак. Самый опрометчивый. Но ты, может, и прав. Сэм говорит, ты всегда прав.

— Прошу прощения, — любезно извинился он. — Зря мы затронули эту тему сегодня. Ты так потрясена. Я тебя не виню. Ты тут, конечно, ни при чем.

«Деревянная пешка», — подумала она.

— Забудем о том, что я говорил. Все остается по-прежнему. Просто постарайся повременить и обдумать.

— Да, я повременю. И подумаю, — серьезно сказала она. — Я была потрясена. Но я не выйду за тебя замуж, Алэн. Слышишь меня?

Он поднялся и вышел вон. Она проводила его взглядом.

Чарлз Сэлсбери повел ее сам. Он настоял, чтобы с ними поехал Рейли.

— Ее нельзя оставлять без охраны, — заявил он.

Внизу им пришлось пройти сквозь целую толпу любопытствующих.

— Доброе утро, мистер Рейли. Папа, может, запрешь гараж? — Кэй постаралась улыбнуться.

— А что, может, ты и права. — Отец был непроницаем. — Это такой ненадежный мир.

— Вы хорошо выглядите, мисс Сэлсбери, — заметил Рейли.

— Мистер Рейли, что случится, если он выживет?

— С ним никто ничего не сделает. Он еще сможет написать книгу.

— Но может и не написать,— возразил Сэлсбери.— Ты к этому готова?

— Я просто должна идти.

— Я внутрь не пойду, но пусть с тобой идет Рейли. Мне кажется, я понимаю. Ты считаешь это своей обязанностью. Он совершил ради тебя смелый поступок.

— Он не смелый,— сказала она. — Не герой. Вот почему это далось ему труднее.

— Понимаю, понимаю, — кивал отец.

Частная больница помещалась в большом старом доме, окрашенном белой краской. Здание приветливо проглядывало сквозь листву обступивших его деревьев. Трое мужчин защелкали аппаратами, но она смело шла вперед, сопровождаемая Рейли. Внутри не было никого, кроме женщины в белом халате, сидевшей за столом.

— Я пришла к мистеру Линчу.

Женщина была спокойна, но тверда.

— Прошу прощения, но никаких посетителей. Мистер Линч у нас в списках критических пациентов. Мы никого не можем к нему впустить.

— Вы не скажете, он...

— Никто ничего не может сказать.

— Или хотя бы как долго это продлится? — Женщина покачала головой. Кэй стояла не шевелясь, проникаясь больничной атмосферой. — Он в сознании?

— Мне кажется, он не приходил в сознание.

— А доктор?

— Сейчас его нет. Но сделано все, что возможно.

— Мистер Линч... придет в себя перед смертью?

— Неизвестно, моя дорогая.— Женщина была вежлива, спокойна. — Вы его родственница?

— В какой-то степени, — отвечала Кэй.

— Вам ни к чему здесь сидеть. Мы можем вам позвонить. Так будет лучше. — Глаза женщины излучали благожелательность.

— Пожалуйста, позвоните.— Кэй дала ей номер своего телефона.— Если он придет в себя, не смогли бы вы ему кое-что передать? Скажите, Кэтрин...

— Кэтрин...— В руке у женщины был карандаш.

— Нет. Не говорите — Кэтрин. Скажите... — Горло

перехватил спазм, глаза застлал туман.— Да, скажите, была сестра.

«Младшая сестра мистера Линча»,— вышло из-под карандаша.

— Это очень важно. Не могли бы вы передать ему, что я его уважаю?

— Мы передадим, что вы его любите,— успокаивающе сказала женщина.

Кэй хотела было ее поправить, но вместо этого пробормотала:

— Возможно, это одно и то же.

Она отвернулась от стола. Здесь все так чисто, так спокойно. Она снова постаралась проникнуться атмосферой больницы. Нет, смертью здесь не пахнет. Ее здесь нет. Как и в этом утре. Да, надо подождать, обдумать, убеждала она себя. В этом Алэн тоже прав. Ведь это такой ненадежный мир.

Она направилась к двери. Рейли молча к ней присоединился. Кэй потрясла головой, что означало: еще ничего не известно.

И вышла в залитое ярким солнечным светом утро.

ШАРЛОТТА АРМСТРОНГ (1905—1969). Замечательная американская романистка и драматург. Родилась в городе Вулкан (шт. Мичиган), скончалась в Глендейле (шт. Калифорния). В начале 20-х годов училась в университете штата Висконсин.

Шарлотту Армстронг в США часто называют «гранд дамой» детективного романа. Литературная критика характеризует ее стиль как «мягко струящийся, очень личностный». Ее произведения настолько легко воспринимаются, что читатель, сам того не заметив, очень скоро с напряженными до предела нервами, замирая от ужаса, оказывается в самом средоточии захватывающего сюжета.

Наиболее известные произведения Ш. Армстронг — «Положись на Мак Даффа» (1946), «Дело сестер-предсказательниц» (1943), «Невинный цветок» (1945), «Вне подозрения» (1946), «Черноглазый незнакомец» (1951) и др. В сороковые годы писательницей создан ряд пьес, которые были с успехом поставлены на Бродвее — в Америке для драматурга это счита-*

* В данном сборнике публикуется под названием «Такой ненадежный мир» *(Примеч. сост.)*.

ется высшим достижением. Ш. Армстронг также автор нескольких талантливых теле- и киносценариев.

Как-то раз Шарлотта Армстронг так выразила свою оценку популярности детективной литературы: «Все мы — потенциальные убийцы, и чтение детективов дает определенный выход накопившейся в нас энергии убийства».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ
ФАНТАСТИКА

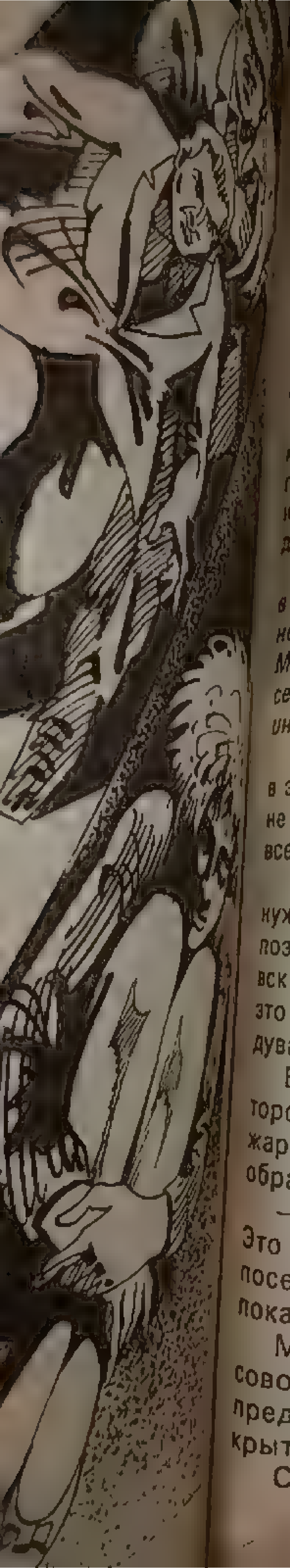
Жорж Сименон

СМЕРТЬ ЭМИЛЯ ГАЛЛЕ

Перевод *К. Дмитриевой*

Глава I. ТЯГОС

...ое знакомство ко...
...оизошло 27 июня
...х обстоятельствах.
...ей ранее уголовн...
...нять меры по ох...
...вшего в тот день
...тора были направле...
...а то утро была пол...
...эль Галле, комм...
...Фаржо (департ...
...мертвым в оте...
...странного. Про...
...для опознания. Ес...
...тора из Парижа».
...о ничего не оста...
...Сен-Фаржо, о сущ...
...озревал, несмотря
...5 километров.
...Лионском вокзал...
...ему поезд отпра...
...пришлось бежа...
...ь в последний ва...
...о нелегко, так ч...
...и вытирал лоб пл...
...ен-Фаржо кроме н...
...время комиссар,
...фальте перрона,
...ся с вопросом.
...алле? — переспро...
...там, где распла...
...Вилла «Маргар...
...только она одна
...о снял пиджак,
...паток, чтобы н...
...ало пройти до...
...местности, Гл...



Глава I. ТЯГОСТНАЯ МИССИЯ

Первое знакомство комиссара Мегрэ с этим делом произошло 27 июня 1930 года при не совсем обычных обстоятельствах.

Неделей ранее уголовная полиция получила приказ принять меры по охране испанского короля, прибывавшего в тот день с визитом в Париж, и все инспектора были направлены в район вокзала. Между тем в то утро была получена телеграмма:

«Эмиль Галле, коммивояжер, проживавший в Сен-Фаржо (департамент Сены и Марны), найден мертвым в отеле «Луара» в Сансерре. Много странного. Просим пригласить членов семьи для опознания. Если возможно — прислать инспектора из Парижа».

Мегрэ ничего не оставалось, как самому ехать в этот Сен-Фаржо, о существовании которого даже не подозревал, несмотря на близость к Парижу — всего 35 километров

На Лионском вокзале комиссар выяснил, что нужный ему поезд отправляется через две минуты, поэтому пришлось бежать во всю прыть, чтобы вскочить в последний вагон. При его комплекции это было нелегко, так что всю дорогу Мегрэ отдувался и вытирал лоб платком.

В Сен-Фаржо кроме него никто не вышел. Некоторое время комиссар, стоя на размягченном от жары асфальте перрона, озирался, выясняя, к кому обратиться с вопросом.

— Галле? — переспросил начальник станции.— Это вон там, где распланирован будущий дачный поселок. Вилла «Маргаритки», вы сразу увидите, пока там только она одна и есть.

Мегрэ снял пиджак, свесил из-под шляпы носовой платок, чтобы не припекало затылок, ибо предстояло пройти добрых два километра по открытой местности, где не было никакой тени.

Солнце палило вовсю, мошки нещадно кусали,

что предвещало грозу. На всем пути не встретилось ни одного человека.

Вилла «Маргаритки» была построена в псевдоанглийском стиле, с крышей из красной черепицы. Занимаемый ею участок был отгорожен от леса каменной стеной.

Мегрэ позвонил. Служанка лет тридцати, прежде чем открыть, посмотрела на пришедшего в глазок. Тем временем комиссар надел пиджак.

— Мадам Галле дома?

— А вы от кого?

Но хозяйка уже появилась на пороге.

— Вы что-то уронили! - заметила она, когда Мегрэ снял шляпу, забыв, что под ней — носовой платок, который тут же упал на землю.

Подняв его, комиссар представился.

— Мне надо кое-что сообщить вам, сударыня.

Мадам Галле сразу ему не понравилась. Лет примерно пятидесяти, она, несмотря на жару, была в шелковом платье; волосы, уже седеющие, аккуратно причесаны, лицо холодное, настороженное. На шее — золотая цепочка, на груди брошка, на руках несколько браслетов и колец.

С явной неохотой она предложила посетителю пройти в гостиную, где вся мебель была в вышитых чехлах. На стене увеличенная фотография высокого, худого юноши с лицом таким же неприятным, как у хозяйки, в очках и черном костюме, какой надевают в день первого причастия. На пианино другая фотокарточка: пожилой мужчина в плохо сшитом пиджаке, с густой шевелюрой и бородкой с проседью. Судя по чертам лица, это был отец юноши. Мегрэ обратил внимание на неестественную тонкость губ у обоих.

— Это ваш муж?

— Да, мой муж. Хотелось бы знать, что здесь нужно полиции?

— Я вынужден сообщить вам плохую весть, сударыня... Ваш муж в отъезде, не так ли?

— Ну да. Говорите же, что случилось?

— Несчастье... И большое... Соберитесь с духом! Ваш муж убит в Сансерре, в ночь на 26-е.

Лицо мадам Галле выражало крайнее недоверие, но пальцы ее руки, опиравшейся на стол, чуть заметно дрожали.

— Вы сказали: в ночь на 26-е? Ну, так ошибаетесь, это не он! Я только что получила от него открытку из Руана, с почтовым штемпелем от 26-го! Сейчас покажу!

Она принесла открытку и торжествующе взглянула на непрошеного гостя.

— Очевидно, это однофамилец!

— Но его зовут Эмилем? И он коммивояжер?

— Да, представитель торгового дома Ниель для всей Нормандии.

— Боюсь, что вы успокоились слишком рано. Я вынужден просить вас поехать со мной в Сансерр.

— Да вот же!

Она настойчиво протягивала открытку с видом старого рынка в Руане.

— От души желаю, чтобы известие оказалось ошибочным. Однако в кармане покойного были документы, удостоверяющие, что это ваш муж.

— Они могли быть украдены у него!

Однако в голосе мадам Галле уже не было прежней уверенности.

— Если вы еще не завтракали, я могу зайти за вами через час,— сказал Мегрэ.

— Нет... Раз вы считаете это необходимым, я готова ехать. Эжени, мое манто сумочку, перчатки

На этот раз Мегрэ пришлось идти до станции, не снимая пиджака, и более получаса ждать поезда. Лишь в три часа он уселся напротив мадам Галле в купе первого класса. Благодаря открытым окнам и быстроте движения было не так жарко.

Он вынул трубку из кармана, но, взглянув на спутницу, отказался от намерения закурить.

Ехали молча добрый час Наконец она спросила:

— Как вы это объясняете?

— Пока ничем не могу объяснить, сударыня, мне самому еще ничего не известно Ваш муж часто посылал вам открытки?

— Всякий раз, как уезжал!

— И часто он уезжал?

— Примерно три недели в месяц он проводил вне дома. Сначала отправлялся в Руан, где останавливался в отеле у почтамта. Оттуда он ездил по всей Нормандии, но обычно на ночлег возвращался в Руан.

— У вас только один сын?

— Да, он служит в парижском банке.
— Но не живет с вами в Сен-Фаржо?
— Это слишком далеко, чтобы ездить ежедневно, но воскресенья он проводит с нами.

Достоинство, с каким держала себя мадам Галле, было врожденным. На предложение подкрепиться купленными в станционном буфете бутербродами и фруктами она холодно ответила: «Нет, благодарю вас!», словно ей сказали дерзость.

— За что могли бы убить моего мужа? — спросила она, помолчав.

— У него не было врагов?

— Ни врагов, ни друзей. Мы живем уединенно, как все, кто знавал лучшие времена.

— Вот как!

Поездка тянулась нескончаемо долго. Несколько раз Мегрэ выходил в коридор курить. Его воротничок взмок от пота. Он завидовал спутнице, которая как будто не замечала жары и сидела, не меняя позы, выпрямившись, положив сумочку на колени.

— Как... каким образом был убит этот человек?

— В телеграмме не сказано. По-видимому, его нашли мертвым утром.

— Это не может быть мой муж! Разве открытка не доказательство? Я могла бы остаться дома...

В семь часов вечера кондуктор объявил: «Сансерр!» Отель «Луара» находился на противоположном берегу, за мостом. Река так обмелела, что от нее осталось лишь множество ручейков, струившихся между песчаными островками.

На террасе отеля, под стеклянной крышей, сидели отдыхающие, приехавшие сюда целыми семьями. Между столиками сновали официантки в белых передниках и шапочках.

Перед главным входом расхаживал взад и вперед мужчина, в котором легко было угадать представителя местной полиции. Увидев Мегрэ со спутницей, он подошел к ним.

— Вы комиссар из Парижа? Тело перевезено в мэрию. Поспешите, вскрытие назначено на восемь часов. Вы как раз успеете.

• • •

— Извините, где тело умершего? — спросил Мегрэ уборщицу, мывшую пол в коридоре мэрии.

— Там, во дворе. Пройдите вон туда!

Мадам Галле, не колеблясь, направилась к указанной двери, но решительность ее походки не могла скрыть волнения.

Врач в халате, с папиросой в зубах, и еще двое мужчин разговаривали около стола, на котором под белой простыней лежал труп.

Подойдя к столу, мадам Галле на секунду остановилась и, затаив дыхание, резким жестом откинула край простыни, закрывавшей мертвеца.

Она не вскрикнула, не пошатнулась, а только спросила прерывающимся голосом, окинув злобным взглядом врача, обоих мужчин и Мегрэ:

— Кто посмел? Как это могло произойти?

Но самообладание изменило ей, и она приникла к телу мужа. Ее пришлось увести насильно.

Вскрытие длилось недолго, врач очень торопился. Лицо убитого было сильно обезображено выстрелом, а на левой стороне груди зияла глубокая рана.

Один из мужчин оказался инспектором полиции Гренье, из Невера.

— Вы что-нибудь обнаружили? — спросил его Мегрэ.

— Решительно ничего. Дело чрезвычайно запутанное. Никакой кражи, никто ничего не слышал и не видел. Невозможно догадаться, за что его убили. Лишь одна зацепка, но она кое-что дает: этот Галле всегда останавливался здесь не под своим именем, а выдавал себя за Клемана, рантье из Орлеана.

Они вернулись на террасу отеля и заказали по кружке пива. Публика почти вся уже разошлась. Из окна донесся женский голос: «Видишь толстого дяденьку за столиком? Он из полиции. Если будешь шалить, он посадит тебя в тюрьму!»

Инспектор продолжал говорить, но Мегрэ почти не слушал. Почему-то в его память врезалось лицо убитого, но не то, которое он увидел на столе, а то, что на фотографии, с мешками под глазами.

— Держу пари, что у него была болезнь печени! — сказал он.

— Во всяком случае, смерть последовала не от нее! — усмехнулся Гренье.— Если бы хоть что-нибудь было украдено! Все объяснялось бы просто. По воскресеньям здесь ярмарка, приезжает много жуликов. Здесь, в провинции, попадаются такие типы — не хуже парижских...

— Если бы не ярмарка,— прервал Мегрэ,— то убитого обнаружили бы сразу.

— Что вы хотите сказать?

— Запускали хлопушки, был открыт тир, и это помешало услышать выстрел. Но вы говорите, что он не был смертельным?

— По словам врача, с такой раной можно было прожить два-три часа. Он умер от удара ножом в сердце. Нож нашли рядом с трупом.

— А револьвер?

— Его нигде не могли отыскать.

Значит, не будь ярмарки, Галле остался бы жив! Эта мысль поразила Мегрэ. Если бы не шум карусели, хлопушки, тир, выстрел услышали бы, люди сбежались бы и, может быть, дело не дошло бы до удара ножом.

— Почему-то он жил здесь под чужим именем,— сказал Гренье.— Целых десять лет ездил сюда, примерно раз в полгода, выдавая себя за Клемана.

— Был ли у него с собой чемодан, как у всех коммивояжеров?

— Нет, в комнате такого чемодана не оказалось. Надо спросить хозяина отеля. Вот и он... На минутку, мсье Тардивон! Это комиссар Мегрэ из Парижа. Ему нужно спросить вас кое о чем. Скажите, у Клемана был с собой чемодан?

— С образчиками изделий из накладного серебра! — уточнил Мегрэ, знавший, что торговый дом Ниель занимался сбытом недорогих подарков, кубков, блюд, всяких позолоченных и посеребренных безделушек.

— Нет, только саквояж с туалетными принадлежностями. Покойный весьма заботился о своем внешнем виде. Выпьете по рюмочке?

— Не откажусь.

Принеся бутылку, хозяин сел за стол.

— Какая неприятность, да еще в самом начале сезона! Меня уже покинула одна семья, переселилась

...ись в Коммерческий отель. Так вы будете вести следствие, комиссар? За ваше здоровье, господа! Что же представлял собой этот Клеман? Я привык называть его так. Кто бы мог подумать, что это не настоящее имя?

Терраса совсем опустела. Официант расставлял стулья и кадки с лавровыми деревцами. На противоположном берегу реки прогрохотал товарный поезд, и все трое машинально проводили его глазами.

— Не будь одного обстоятельства,— продолжал Тардивон,— преступление не совершилось бы.

— Ярмарки? — воскликнул Гренье, взглянув на комиссара.

— Не знаю, что вы имеете в виду. Нет, дело в том, что я поместил мсье Клемана в комнату, окно которой выходит на Крапивную аллею, как мы ее называем, ибо она вся заросла крапивой.

— Почему же ею не пользуются? — спросил Мегрэ.

— Она упирается во всегда запертые ворота в стене парка за отелем. Это парк вокруг виллы господина Сент-Илера, которую у нас называют «маленьким замком», чтобы отличить от старого Сансеррского замка — вон вдали его башенки... Когда отеля еще не существовало, то Крапивная аллея вела к главному въезду в парк; сейчас въезд с набережной. Словом, я предложил Клеману комнату на первом этаже с окнами на ту сторону. Он просил комнату с окнами во двор, но свободных не было. Если б я мог выполнить его просьбу, он остался бы жив.

— Почему?

— Вам сказали, что выстрел был произведен с расстояния не менее шести метров? Значит, убийца стоял снаружи. Он воспользовался тем, что на Крапивной аллее никого не бывает. Со стороны двора он выстрелить бы не смог — его сразу бы заметили... Еще по рюмке, господа? Я угощаю.

— Значит, преступлению способствовали два обстоятельства,— заметил Мегрэ.— Во-первых, из-за ярмарочного шума выстрел не был услышан. Во-вторых, все комнаты с окнами во двор были заняты... Скажите, как проводил время этот Клеман?

— Затрудняюсь ответить. Ходил куда-то пешком. Одно время я думал, что у него здесь внебрачный

ребенок... Впрочем, это лишь предположение. Он был очень вежлив, всегда грустен. Никогда не обедал за общим столом, только за отдельным столиком.

Вынув из кармана блокнот, Мегрэ делал записи:

1. Телеграфировать в Руан.
2. Телеграфировать торговому дому Ниель.
3. Осмотреть двор.
4. Узнать, что представляет собой поместье Сент-Илера.
5. Отпечатки пальцев на ноже.
6. Список жильцов.
7. Кто уехал из Сансерра в воскресенье 26-го.
8. Сообщить через глашатая, что лицам, могущим указать, где они видели Галле (Клемана) в субботу 25-го, будет выдано вознаграждение.

Гренье внимательно следил, как комиссар пишет.

— Вы уже наметили план действий?

— Ничего особенного. Отправлю две телеграммы и лягу спать.

Глава II. МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК В ОЧКАХ

С большим облегчением Мегрэ утром узнал, что вдова уехала первым же поездом в Сен-Фаржо. Туда же на грузовой машине повезли гроб с телом Эмиля Галле.

Уехали и инспектор Гренье, и судебно-медицинский эксперт. Комиссар остался один. Нужно было, во-первых, получить ответ на отправленные накануне депеши; затем осмотреть место убийства и, наконец, заняться всеми, на кого могло пасть подозрение.

Ответ из Руана не заставил себя ждать. Кассирша отеля у почтамта Ирма Страусс призналась, что Эмиль Галле присылал ей в конвертах открытки, которые затем отправлялись ею в Сен-Фаржо. За это он платил сто франков в месяц. Так длилось в течение пяти лет; по-видимому, так делала и кассирша, служившая до нее.

Через полчаса пришла телеграмма от торгового дома Ниель: «Эмиль Галле не является нашим представителем с 1912 года».

Вскоре после того, как глашатаем было прочтено

объявление о розыске свидетелей, явился один шоссейный рабочий.

— Будучи на дороге в Сен-Тибо, я увидел в субботу этого Клемана, которого встречал и раньше. Он ожесточенно спорил с каким-то молодым человеком. Я находился метрах в ста от них и не слышал, о чем они говорили. Через полчаса этот молодой человек попался мне на глаза в Коммерческом отеле.

— Как он выглядел?

— Высокий, худощавый, в очках.

— А как был одет?

— Не могу припомнить.

Мегрэ дал ему обещанные 50 франков и отправился в Коммерческий отель, где расспросил администратора и официанток.

— Да, в субботу у нас завтракал юноша, похожий на описанного вами, с нездоровым цветом лица.

— И тонкими губами?

— Да, да... Заказал одну лапшу без масла. Ни кофе, ни ликера.

— Он был в очках? - Мегрэ вспомнил фотографию Галле-сына.

— Да, кажется.

— Не ночевал у вас?

— Нет, иначе его имя было бы записано.

В три часа Мегрэ сел на парижский поезд. После его отъезда мсье Тардивон разводил руками:

— Такой пожилой, серьезный человек, и ведет следствие так скоропалительно! Даже не зашел в комнату убитого, только велел ничего там не трогать...

* * *

На другой день должны были состояться похороны Эмиля Галле, и Мегрэ вновь выехал в Сен-Фаржо.

По дороге от станции к вилле «Маргаритки» его обогнал пустой катафалк, потом встретился мужчина с тачкой. У виллы не стояло ни одной машины. Колокольчик у ворот был обмотан тряпкой, входная дверь задрапирована черной материей с вышитыми серебром инициалами покойного. На блюде для визитных карточек лежала лишь одна — мэра Сен-Фаржо.

Гроб находился в гостиной, где двумя днями раньше мадам Галле принимала комиссара. Стены и здесь были затянуты черной тканью. Лишнюю мебель вынесли в столовую. Гроб окружали горящие свечи; по одну сторону стояла жена, по другую сын — Анри, оба в трауре. Лицо мадам Галле прикрывала креповая вуаль, в руке четки. Ни родственников, ни знакомых. Только одна-единственная визитная карточка!

Мегрэ подошел, поклонился, омочил веточку букса в освященной воде и окропил гроб. Мать и сын взглянули на него, но не промолвили ни слова.

Он встал в углу, следя за выражением лица молодого человека. Приехавшие с катафалком говорили вполголоса за окном, их лошади иногда стучали копытами. Черты лица Галле-сына при слабом пламени свеч казались еще более неправильными, его болезненная бледность подчеркивалась черным костюмом. Волосы, гладко причесанные, с пробором, были словно приклеены к черепу. Лоб высокий, но шишковатый. За черепаховой оправой очков трудно было разглядеть близорукие глаза.

Иногда мадам Галле подносила платок к покрасневшим векам. Анри явно избегал взгляда Мегрэ, и последний с облегчением услышал шаги людей из похоронного бюро.

Они вынесли гроб и поставили на катафалк. Из груди вдовы вырвалось рыдание. Сын успокаивающе погладил ее по плечу.

Пышный катафалк резко контрастировал с двумя одинокими фигурами, которые плелись за ним. Было по-прежнему жарко. Мужчина с тачкой перекрестился и пошел своей дорогой, а похоронная процессия направилась к кладбищу по столь широкой просеке, что по ней мог бы дефилировать целый полк.

Пока траурная церемония шла своим чередом, Мегрэ зашел в мэрию, но застал лишь заместителя мэра.

— Что вам сказать? Вот все сведения, какие у нас записаны: Эмиль-Ив-Пьер Галле, родился в Нанте в 1879 году, женился в Париже в 1902 году на Авроре Прежан. Сын Анри родился в Париже в 1906 году, закончил школу в IX округе..

— Местные жители их не любят?

— Видите ли, эти Галле, построившие виллу еще в 1910 году, когда лес только что разделили на

участки, не хотят ни с кем знаться, очень замкнуты и горды. Мне случалось по воскресеньям удить с лодки поблизости от ялика Галле, и за весь день мы не обменивались даже парой фраз.

— Как по-вашему, они много тратили?

— Нам неизвестно, сколько он тратил во время своих поездок, но здесь не меньше двух тысяч франков в месяц. Если вы побывали на вилле, то видели, как она обставлена...

* * *

Вновь подойдя к дверям виллы вскоре после того, как ее хозяева вернулись с кладбища, Мегрэ позвонил и велел открывшей ему служанке:

— Скажите месье Анри, что мне нужно поговорить с ним.

Его впустили. Через минуту молодой человек показался в прихожей.

— Вы не могли бы отложить этот визит до другого раза? Моя мать крайне удручена.

— Я должен побеседовать с вами сегодня. Извините мою настойчивость.

Поколебавшись, Галле-сын пригласил комиссара в столовую, где еще стояла в беспорядке мебель, вынесенная из гостиной. Не приглашая посетителя сесть, он снял очки и протер их стекла, щурясь от яркого света.

— Вам, без сомнения, известно, что мне поручено найти убийцу вашего отца.

— Именно поэтому меня удивляет, что вы здесь в такой день, когда следовало бы оставить меня и мою мать одних!

Надев очки, Анри поправил накрахмаленную манжету на руке, поросшей такими же рыжеватыми волосками, как и грудь трупа в Сансерре. И брови у него были такими же густыми. Его угрюмое лошадиное лицо не выражало никакого волнения. Он облокотился на пианино, с которого уже была убрана фотография его отца.

— Я хотел бы выяснить кое-что о покойном и вашей семье. Прежде всего скажите, где вы были в субботу, 25 июня, в четыре часа пополудни?

— Сначала я задам вопрос: обязан ли я в такой момент принимать вас и отвечать вам?

Голос молодого человека был совершенно спокоен, но в нем звучала плохо скрытая досада.

— В ваших собственных интересах мне ответить.

— Очевидно, вам уже известно, что я был в Сансерре.

— И поссорились с отцом на дороге к старому замку? — Мегрэ нервничал больше, чем его собеседник, который и глазом не моргнул.— Можете ли вы объяснить, что вы делали в Сансерре?

— Ездил повидаться с близкой мне Элеонорой Бурсан, которая проводит отпуск в пансионате Жермен, по дороге из Сансерра в Сен-Тибо.

— Вы не знали, что ваш отец в Сансерре?

— Если бы знал, то постарался бы избежать встречи.

Ответы были так немногословны, что требовали новых вопросов.

— Ваши родители были в курсе этой связи?

— Отец догадывался о ней и был настроен против.

— О чем вы разговаривали?

— Вас интересует убийца или убитый? — процедил молодой человек

— Я узнаю, кто убийца, когда буду знать все об убитом. Отец стал бранить вас?

— Нет, это я стал возмущаться, зачем он шпионит за мной.

— А потом?

— Это все. Он назвал меня плохим сыном. Благодарю вас за то, что вы напомнили мне об этом именно сегодня.

Мегрэ с облегчением услышал шаги на лестнице. Вошла мадам Галле, как всегда полная достоинства, с тройным ожерельем из матовых камней на шее.

— В чем дело? — спросила она, переводя взгляд с комиссара на сына.— Почему вы не позвали меня, Анри?

— Мне нужно было получить кое-какие сведения, чтобы найти преступника, — сухо сказал Мегрэ.— Конечно, момент выбран неудачный, как справедливо заметил ваш сын. Но каждый упущенный час делает поимку убийцы более затруднительной.

Он взглянул на по-прежнему угрюмого Анри.

— Скажите, сударыня: выходя за Эмиля Галле, вы были богаты?

Она помедлила, затем с гордостью заявила:

— Я дочь Огюста Прежана!

— Извините, но...

— Бывшего секретаря последнего Бурбона, редактора легитимистского журнала «Солнце». Мой отец тратил все свои деньги, до последнего сантима, на издание журнала, который он возглавлял.

— У вас есть родственники?

— Должны быть. Выйдя замуж, я с ними порвала.

— Они возражали против вашего брака?

— Все члены моей семьи — роялисты. Мои дяди занимали, а некоторые до сих пор занимают видные посты. На меня рассердились за то, что я вышла замуж за простого коммивояжера.

— Вы не получили наследства после отца?

— Он умер через год после моего брака. У мужа было тогда тысяч тридцать франков.

— А у его семьи?

— Я ее никогда не знала, он о ней не говорил. Мне известно только, что у него было тяжелое детство и он провел несколько лет в Индокитае.

По губам Галле-сына скользнула презрительная усмешка.

— Я задаю эти вопросы потому, что согласно полученным мной сведениям, ваш муж вот уже восемнадцать лет как не работает в торговом доме Ниель.

Мадам Галле с удивлением взглянула на комиссара, потом на сына.

— Как?

— Это подтвердил сам Ниель.

— Но это ложь! Я сейчас докажу, пойдемте!

Куда девалась ее невозмутимость! Она провела комиссара в кабинет мужа на втором этаже.

— Вот, взгляните на образцы! Эти изделия выпущены совсем недавно. Вот книга заказов, которую вел мой муж, вот письма от торгового дома Ниель, все время приходившие на его имя!

Действительно, письма были на фирменных бланках, такого содержания:

«Уважаемый г-н Галле! Нами получено ваше письмо от 15-го сего месяца, с перечнем заказов на январь. В конце месяца ожидаем вашего приезда, чтобы произвести расчет с вами и дать некоторые

указания о расширении сферы вашей деятельности. Примите и проч. Жан Ниель».

Мегрэ положил несколько писем в портфель.

— Ну что вы теперь скажете? — вызывающе спросила вдова.

Комиссар обратил внимание на слесарные тисочки и разные инструменты на столе.

— Что это такое?

— Мой муж любил мастерить всякие поделки. Вот старые часы, которые он разобрал. В сарае много сконструированных им приспособлений для рыбной ловли. Он тратил на это все свободное время; отчетность занимала у него не больше часа или двух в день.

Мегрэ выдвинул ящики стола. В одном из них лежала толстая папка с надписью: «СОЛНЦЕ».

— Это осталось от моего отца! — объяснила мадам Галле.— Полный комплект журнала, от первого до последнего номера

— Разрешите взять эту папку

— Возьмите. Хотя что она вам даст? Я храню ее просто как память о прошлом Но скажите: неужели письма от Ниеля тоже подложные, как открытки? Вчера я получила еще одну. . Почерк мужа, я уверена! Отправлена из Руана, как и остальные.. Смотрите: «Все в порядке, приеду в четверг».

Волнение вдовы росло. У нее брызнули слезы, но она быстро справилась с собой и вытерла глаза платочком с черной каймой.

— Завтра четверг .

Они вернулись вниз, где рабочие приводили все в порядок, перетаскивали пианино в гостиную, убирали черные полотнища. Один из них нес фотографию умершего.

— Вы мне позволите взять и ее? — спросил комиссар.— Она может мне понадобиться.

Анри снова презрительно улыбнулся:

— Возьмите! Хотя у нас очень мало его снимков.

— Обещаю вернуть.

Мадам Галле бросилась к переносившим большую вазу.

— Осторожнее. Не заденьте о косяк!

— Еще раз извините меня, сударыня. Я ухожу. Пусть ваш сын немного проводит меня.

Мать взглянула на Анри с плохо скрытой трево-

гой, но тот спокойно снял с вешалки свою шляпу с траурной лентой.

Отойдя метров на триста от виллы, комиссар сказал:

— Будьте добры дать ваш парижский адрес и адрес Элеоноры Бурсан.

Анри удовлетворил эту просьбу.

— Теперь все?

— Да, благодарю вас.

— Надеюсь, что вы наконец займетесь поимкой убийцы!

Не заботясь о том, какое впечатление произвели его слова, он дотронулся до края шляпы и неспешными шагами пошел к вилле.

Глава III. АГЕНТ ЛЕГИТИМИСТОВ

Мегрэ вновь остановился в отеле «Луара», где Тардивон сообщил ему, что какая то женщина уже три раза приходила и спрашивала комиссара, желая дать показания. Кроме того, его просили позвонить в жандармерию.

— Кто эта женщина?

— Жена Каню, садовника из «маленького замка», — помните, я вам говорил?

— Пошлите за ней и соедините меня с жандармерией.

Через несколько минут состоялась беседа по телефону, из которой Мегрэ узнал, что все бродяги на десять лье окрест арестованы и могут быть им допрошены.

— Кто нибудь из них представляет интерес?

— Нет, бродяги как бродяги.

Комиссар не успел произвести осмотр ни комнаты, где произошло убийство, ни одежды убитого. Со двора крикнули: «К вам можно?»

Вошла полная женщина, принарядившаяся по этому случаю, и окинула Мегрэ недоверчивым взглядом истой крестьянки. Это была тетушка Каню.

— Вы можете рассказать что-нибудь о месье Клемане?

— О том, которого убили, чей портрет в газете? А вы дадите за это пятьдесят франков?

— Да, если вы видели его в субботу, двадцать пятого.

— А если я его видела дважды?

— Тогда, возможно, дам и сто франков.

— Сначала обещайте ничего не говорить моему мужу, а то он пропьет эти сто франков. И пусть наш хозяин, месье Тибурций, тоже не узнает, о чем я расскажу. Я видела этого господина с ним. Сначала утром, часов в одиннадцать... Они прохаживались по парку.

— Вы уверены, что это был Клеман?

— Да уж точно! Похожих на него не найдешь. Они разговаривали добрый час. А вторично я видела, заглянув в окно гостиной, как они ругались.

— В котором часу?

— Часов около пяти. Получается два раза, не так ли?

Она не спускала глаз с Мегрэ, когда тот вынимал из бумажника стофранковую купюру, и вздохнула, как будто жалея, что видела убитого только дважды.

— А потом на моих глазах месье Тибурций проводил его до ограды... Но это не считается?

— Не считается! — отрезал комиссар.

Закурив трубку, он отправился к владельцу отеля за дополнительными сведениями.

— Как давно Сент-Илер живет в «маленьком замке»?

— Около двадцати лет.

— Что это за человек?

— Очень симпатичный толстяк небольшого роста. Веселый, простой. Летом, когда у меня много постояльцев, мы с ним почти не видимся, но когда начинается охотничий сезон, часто наведывается.

— Семейный?

— Он вдов. Мы зовем его просто по имени — месье Тибурций. Ему принадлежат все окрестные виноградники на холмах. Он не гнушается сам работать на них, иногда ездит покутить в Париж, а потом опять надевает подкованные башмаки... Что вам наплела о нем тетка Канью?

— Он сейчас дома?

— Возможно. Его машина сегодня не проезжала мимо.

Мегрэ позвонил у ворот виллы. Ему открыл мужчина в рабочем комбинезоне, с отвислыми усами. От него попахивало спиртным, из чего комиссар заключил, что это муж тетушки Канью, садовник.

— Хозяин у себя?

Тот молча указал на человека без пиджака, возившегося поблизости с насосом.

— Вы ко мне?

— Комиссар Мегрэ, из парижской полиции. Не уделите ли вы несколько минут для разговора?

— Опять насчет этого убийства? — проворчал владелец виллы, мотнув подбородком в сторону отеля.— Чем могу быть полезен? Войдите же! Не приглашаю вас в гостиную, там слишком жарко, лучше сядем в беседке. Батист, принесите бутылку шипучего и стаканы!

Он выглядел именно так, как описывал Тардивон: коренастый, низенький, краснолицый, с короткими, неухоженными руками, в простом спортивном костюме защитного цвета.

— Вы были знакомы с Клеманом? — спросил Мегрэ, усевшись в плетеное кресло.

— В газете пишут, что это не настоящая фамилия. Как его? Греле? Галле?

— Да, Галле. Это неважно. У вас были с ним какие-нибудь дела?

Сент-Илеру, видимо, очень хотелось уклониться от ответа. Он выглянул из беседки, бормоча:

— Этот болван Батист может принести полусухое... А вы, вероятно, предпочитаете сухое, как и я? Относительно Клемана — будем по прежнему называть его так — что вам сказать? Утверждать, будто у меня были с ним дела,— преувеличение. Будто я совсем его не знал — тоже неверно.

Какая разница с Анри Галле! Сын убитого совершенно не старался вызвать симпатию к себе и нимало не беспокоился о том, какое впечатление производит; угрюмый, замкнутый, он цедил слова. Сент-Илер, наоборот, был болтлив, улыбался, жестикулировал, строил из себя добряка. Но и в том и в другом чувствовался затаенный страх — оба боялись проговориться.

— Знаете, у меня бывают всякие люди — и бродяги, и коммивояжеры, как этот Клеман... А вот и вино! Можешь идти, Батист. Я сам починю насос, не трогай его!

Болтая без умолку, Тибурций откупорил бутылку, разлил вино по стаканам, не дав пене перелиться через край.

Словом, он как-то посетил меня, это было очень давно... Вам, без сомнения, известно, что Сент-Илеры — древний род, последним отпрыском которого я имею честь быть. Но если б не наследство от кузена, разбогатевшего в Азии, я корпел бы клерком в какой-нибудь парижской конторе... Короче, мое имя фигурирует во всех сборниках родословных. Мой отец лет сорок назад был одним из лидеров легитимистов. Ну а я...

Он улыбнулся, осушил стакан, прищелкнул языком и, когда Мегрэ последовал его примеру, наполнил стаканы вторично.

— Так вот, этот Клеман, которого я раньше и в глаза не видывал, явился ко мне с рекомендательными письмами от наших и зарубежных аристократов и дал понять, что он официальный представитель французской легитимистской партии. Затем попросил две тысячи франков на пропаганду. Я отказал. Тогда он стал клянчить сто франков в пользу одной очень нуждающейся знатной семьи, для которой пожертвования собирались по подписному листу. В конце концов я дал пятьдесят франков... Ваше здоровье! В ту субботу он имел наглость прийти опять...

— И даже два раза.

— И все-то вам известно, комиссар! Совершенно верно, два раза. Утром я его не принял. После обеда он поймал меня в парке.

— Просил денег?

— Конечно. Опять для поддержки монархистов. Пейте же! Вам не кажется, что он покончил с собой? Бедняга, по-моему, дошел до точки.

— Выстрел был произведен с расстояния не менее шести метров, и револьвер не найден.

— Тогда конечно... Кто же убийца, по-вашему? Какой-нибудь бродяга?

— Это трудно допустить. Аллея, на которую выходят окна комнаты, ведет к вашей вилле.

— К наглухо запертым воротам! — возразил Сент-Илер.— Их не открывали уже несколько лет, я даже не знаю, где ключ... Давайте, пошлю Батиста за второй бутылкой?

— Спасибо. Полагаю, выстрела вы не слышали?

— Нет, я ложусь рано. О преступлении узнал лишь наутро, от слуги.

— Почему же вы не сообщили полиции, что Клеман побывал у вас?

Собеседник комиссара принужденно засмеялся, чтобы скрыть смущение.

— Когда носят такое имя, как мое, то не любят, чтобы в газетах оно фигурировало где-нибудь, кроме светской хроники!

Но его смех звучал фальшиво.

— Вы остановились в отеле Тэрдивона? Он когда-то был у меня поваром, а теперь разбогател. Еще стаканчик? Этот дурак садовник испортил насос, и когда вы пришли, я его чинил. Все приходится делать самому... Если вы останетесь еще на несколько дней, заходите вечерком поболтать! Туристы в отеле — неподходящая для вас компания.

Он обеими руками потряс руку, которую ему не протягивали.

Возвращаясь в отель, Мегрэ отметил два обстоятельства. Во-первых, Сент-Илер не мог не знать об объявлении, сделанном городским глашатаем, и о том, как важно для полиции выяснить, что делал и где побывал Эмиль Галле в субботу. Однако он признался во встречах с убитым, лишь обнаружив, что комиссару уже известно о них.

Во-вторых, он солгал, сказав, что утром в субботу отказался принять посетителя и тот позже поймал его в парке. На самом деле они встретились в парке утром, а после обеда спорили о чем-то в гостиной виллы. Значит, и все остальное тоже может быть враньем!

Мегрэ пошел осмотреть Крапивную аллею. С одной ее стороны возвышалась выбеленная известкой стена, окаймлявшая участок Сент-Илера, с другой здание отеля «Луара». Все здесь заросло сорняками, крапивой, кустами терновника, в которых жужжали осы. Аллея шла между двумя рядами дубов и упиралась в ворота из железных прутьев, образовывавших красивый ажурный узор.

Комиссар дошел до ворот, которые, по словам владельца виллы, не отпирались уже много лет, даже ключ был утерян. Бросив взгляд на замочную скважину, а затем внимательно рассмотрев ее в лупу, он разглядел на толстом слое ржавчины совсем свежие царапины, по-видимому, от ключа.

Он вернулся в отель, погруженный в задумчи

ность. Что же представлял собой этот Эмиль Галле? Его поведение было загадкой. Письма на бланках фирмы, где он давно не служил... Ежемесячные отчеты, которые он составлял в течение 18 лет, давно бросив профессию коммивояжера... Чемодан с образцами изделий так и не был найден.

— Восемнадцать лет! — пробормотал комиссар, отгоняя осу, которая упорно кружила у его головы, жужжа, как маленький самолет.— Целых восемнадцать лет — подложные письма от главы фирмы, открытки, отправляемые из Руана, а в периоды пребывания дома, в Сен-Фаржо,— банальная скучная жизнь.

Мегрэ хорошо знал склад ума преступников, мошенников, воров, у любого из них можно было обнаружить пристрастие к чему-либо. Чем же занимался в свободное время этот бесцветный пожилой мужчина с бородкой и мешками под глазами? Мастерил приспособления для рыбной ловли, разбирал старые часы? Нет, ради этого не лгут восемнадцать лет, не ведут двойную жизнь, которую нелегко наладить. Вот что было самым странным! Иногда люди ухитряются прожить так несколько месяцев, даже несколько лет... Но почти два десятилетия? За это время его жена успела состариться, сын — вырасти, достичь совершеннолетия, найти место в Париже, обзавестись любовницей... А Эмиль Галле продолжал посылать самому себе письма от фирмы, где давно не служил, жене открытки из Руана, где давно не бывал, терпеливо составлять списки несуществующих заказчиков.. И за восемнадцать лет ни разу не попался! Невероятно!

Возвращаясь, комиссар заметил на белой ограде виллы, как раз напротив окна комнаты убитого, кое-то темное пятно. Подойдя ближе, он увидел, что это выемка между камнями. Если упереться в нее ногой и подтянуться с помощью нависавшей ветви, то легко можно было взобраться на стену.

Глава IV. РАСЧЕТЛИВЫЕ ЛЮБОВНИКИ

В обязанности местного полицейского инспектора входила периодическая проверка списков живущих в отеле «Луара». Когда он закончил ее, Тардивон предложил:

— Не зайти ли вам к комиссару Мегрэ? Он сейчас как раз в комнате, где произошло убийство.

Инспектор постучался.

— Извините! Узнав, что вы осматриваете место преступления, я весьма заинтересовался, комиссар. У вас в Париже, как мне известно, применяют новейшие методы исследования, и если я не помешаю, то хотелось бы посмотреть, как это делается.

Окно было распахнуто, но лучи солнца освещали аллею, в то время как комната оставалась в полутьме. Мегрэ, без пиджака и галстука, с расстегнутым воротником, был благодушно настроен.

— Садитесь! Но ничего интересного не увидите.

— Не скромничайте, комиссар!

Мегрэ улыбнулся. На столе перед ним лежала груда документов и фотоснимков. На дубовом паркете были намечены мелом контуры тела в том положении, в каком нашли убитого.

Из-за окна доносились шелест листвы, щебет птиц, жужжание пчел, кудахтанье кур на аллее, мерные удары молота по наковальне, голоса с террасы отеля.

— Однако сколько писанины!

Комиссар не слушал, занятый странным делом: он раскладывал по полу в соответствии с меловыми контурами одежду убитого. Сначала черные суконные брюки, немного потертые, но способные прослужить еще десяток лет, настолько добротен был материал; затем тиковую рубашку с накрахмаленной манишкой. Мегрэ приложил к концам штанин туфли на резиновой подошве. Получилось столь карикатурное подобие тела, что инспектор невольно усмехнулся.

Однако Мегрэ не смеялся. Серьезный, сосредоточенный, он взял пиджак покойного, но, убедившись, что тот не продырявлен, повесил назад на вешалку. Жилет, у левого кармана пропоротый ножом, он положил на манишку, добавил высокий воротничок из целлулоида и черный атласный галстук.

— Вот как он был одет! Видите? В субботу поужинал в восемь часов, причем ел из-за больной печени только диетические блюда. Потом прочел газету, выпил минеральной воды. Около десяти часов вошел в свою комнату, снял пиджак, но остался в туфлях и воротничке...

В сущности Мегрэ говорил не столько для инспектора, внимательно его слушавшего, сколько для самого себя.

— Где мог быть тогда нож? Это складной карманный нож, какой носят с собой многие. Постойте-ка!

Он сложил нож, находившийся на столе вместе с другими вещественными доказательствами, и сунул его в правый карман брюк, лежавших на полу.

— Вот так! Судя по складке, нож был у него в кармане. Согласно заключению врача смерть наступила между одиннадцатью часами и половиной первого. На подошвах обуви мелкая пыль, содержащая крупинки извести и песчаника. Напротив окна, на стене виллы Сент-Илера, я обнаружил следы от такой же обуви.

Может быть, он снял пиджак, чтобы легче было перелезть через стену. В камине пепел от сожженной бумаги. Итак, запомним, что он делал: снял пиджак, сжег какие-то бумаги, вылез зачем-то из окна, держась за подоконник, вскарабкался на стену, затем вернулся обратно тем же путем.

Очень скоро, между одиннадцатью и половиной первого, он снова здесь. Окно распахнуто. Раздается выстрел, которым он тяжело ранен в лицо. Здесь сомнений нет: пуля предшествовала удару ножом и стреляли издалека.

У Галле все же остались силы выхватить нож и раскрыть его. На рукоятке — отпечатки лишь его пальцев. Очевидно, убийца вошел в комнату — ведь не бросаются же с ножом на противника, находящегося за окном на расстоянии семи метров. У окна нет кровавых пятен: они на полу и показывают, что раненый сделал не более двух шагов.

Что еще отмечено в акте вскрытия? Большой синяк на левом запястье. Видимо, убийца схватил руку с ножом, чтобы повернуть лезвие к жертве. Оно вонзилось в сердце, и Галле упал, уронив нож. Бумажник в его кармане не тронут, ничего не похищено. Однако эксперт установил, что кое-где, в частности на саквояже, есть микроскопические частички резины, словно их брали, надев резиновые перчатки.

— Любопытно!

Мегрэ умолк и присел на подоконник. Над его головой поднимался синеватый дымок от трубки.

— Мои бродяги вам не нужны? — робко спросил инспектор.

— Можете их выпустить. Есть у вас велосипед? Попрошу вас съездить на вокзал и выяснить, в котором часу в субботу, поздно вечером, уехал парижским поездом высокий, худой и бледный молодой человек в очках с черепаховой оправой.

Когда инспектор направился к двери, в нее постучали, и Тардивон сообщил

— К вам пришли, комиссар. Мадемуазель Бурсан хотела бы поговорить с вами.

— Попросите ее сюда.

Элеонора Бурсан была в светлом костюме, перчатках, соломенной шляпке и казалась старше своих тридцати лет.

- Извините, если я вам помешала, комиссар!

Мегрэ с любопытством взглянул на нее.

— Садитесь!

— Анри, вероятно, рассказывал вам обо мне Вот почему я позволила себе побеспокоить вас.

Она говорила не спеша, с достоинством. В ней было что-то напоминающее мадам Галле. Будучи моложе и привлекательнее, посетительница, несомненно, принадлежала к тому же типу женщин.

— После этой ужасной драмы я хотела уехать из Сансерра, но Анри письмом попросил меня остаться. Я узнала, что вы ведете следствие. Удалось ли обнаружить убийцу? Обращаюсь к вам, хотя сознаю щекотливость своего положения: ведь официально я для Анри и его семьи лицо постороннее.

Ее речь, видимо, заранее отрепетированная, текла гладко.

— Вы стараетесь это выведать по поручению своего любовника? — спросил Мегрэ довольно грубо.

— Он мне ничего не поручал. Смерть отца глубоко потрясла его. А я даже не имела права быть на похоронах рядом с ним... Разве это не ужасно?

— Вы давно близки?

Она не могла не заметить, что беседа похожа на допрос, но ее голос оставался таким же ровным.

Три года. Мне тридцать лет. Анри только двадцать пять. Я вдова.

Вы родом из Парижа?

Нет, из Лилля Мой отец был бухгалтером на

прядильной фабрике. В двадцать лет я вышла замуж за инженера той же фабрики. Меньше чем через год он погиб из-за несчастного случая. Мне полагалась пенсия, но дирекция фабрики утверждала, что мой муж стал жертвой собственной неосторожности. Пришлось зарабатывать на жизнь самой, а оставаться в городе, где меня все знали, не хотелось. Я переехала в Париж и поступила кассиршей в магазин на улице Реомюра. Только через два года удалось выиграть процесс, с тех пор и живу на свою пенсию.

— Вы были кассиршей, когда познакомились с Анри Галле?

— Да, он часто заходил к нам по делам своего банка.

— Почему же вы не поженились?

— Сначала разговор об этом был, но если бы я вышла за него, то мои шансы выиграть процесс значительно уменьшились бы.

— И вы сделались его любовницей?

— Это слово меня не пугает. Мы все равно что муж и жена, хоть и не побывали в мэрии. Вот уже три года как ежедневно видимся, обедаем у меня.

— Но живете отдельно?

— Из-за его родителей. Это люди строгих принципов, точно так же, как и мои. Анри предпочитает избегать ссор с ними и скрывает нашу связь. Но мы решили пожениться, лишь только обстоятельства изменятся и у нас будут средства, чтобы поселиться на юге.

Она свободно отвечала на самые нескромные вопросы. Когда взгляд комиссара скользнул по ее ногам, одернула юбку.

— Вы сказали, что Анри обедает у вас. Он дает вам деньги на хозяйство?

— А как же! Я записываю все расходы, и в конце каждого месяца он возмещает мне половину.

— Вы хотели бы поселиться на юге. Анри собирался дать для этого деньги?

— Так же, как и я. Благодаря службе в банке он в курсе биржевых дел, и мы используем наши небольшие сбережения, чтобы играть на бирже.

— Каждый отдельно?

— Разумеется. Ведь мы не можем знать, что нас ожидает в будущем.

— Сколько же удалось скопить вам лично?

— Это трудно сказать, ибо наш капитал в акциях, стоимость которых все время меняется. Тысяч сорок—пятьдесят.

— А у Галле?

— Больше. Он не советовал мне заниматься некоторыми рискованными спекуляциями, например с акциями рудников Ла-Платы в августе прошлого года. У него сейчас тысяч сто.

— И до каких размеров вы хотите довести свои сбережения?

— До пятисот тысяч. Для этого надо работать еще года три.

Мегрэ взглянул на свою собеседницу с уважением, но вместе с тем его что-то коробило. Ей было уже тридцать, Анри — двадцать пять, они любили друг друга, готовились к совместной жизни и в то же время вносили в свои отношения трезвый расчет, словно участники торговой сделки.

— Как давно вы в Сансерре?

— Я приехала двадцатого июня на месяц.

— Почему не остановились в «Луаре» или Коммерческом отеле?

— Слишком дорого для меня. В пансионате Жермен я плачу всего двадцать два франка в день.

— Анри приехал двадцать пятого? В котором часу?

— Он свободен лишь по субботам и воскресеньям. Воскресенья проводит в Сен-Фаржо. Поэтому приехал в субботу утром, а уехал вечером последним поездом.

— То есть?

— В 23.32. Я провожала его на вокзал.

— Вам было известно, что его отец здесь?

— Анри рассказал мне о встрече с ним. Он очень расстроился, так как думал, что отец приехал выследить нас, а Анри не хотел, чтобы его семья вмешивалась в нашу личную жизнь.

— Его родители не знают об этих ста тысячах франков?

— Конечно, нет! Анри совершеннолетний и вправе устраивать свои дела, как считает нужным.

— Что он говорил о своих отце и матери?

— Сетовал на недостаток честолюбия у отца. По мнению Анри, заниматься в таком возрасте прода-

жей «побрякушек», как он выражается, просто позорно.

— Так Анри не знал, что его отец был агентом монархистов?

— Агентом? Эмиль Галле?

— И что уже восемнадцать лет он не занимался продажей «побрякушек»?

— Это невозможно!

Ее удивление было неподдельно.

— Я поражена, комиссар! Чтобы этот человек, с его старомодной одеждой, манерами нуждающегося отставного чиновника, был представителем аристократов?!

— Что вы делали в субботу после обеда?

— Мы с Анри гуляли на холмах. Расставшись со мной, он пошел в Коммерческий отель и по дороге встретил отца. Потом в восемь вечера мы встретились снова и опять гуляли, на этот раз по другому берегу, до самого отхода поезда.

— Вы не проходили мимо отеля «Луара»?

Нет, чтобы избежать нежелательной встречи

— Какой дорогой вы шли от вокзала?

— Через мост. Потом я сразу повернула налево, к пансионату Жермен. Не люблю ходить ночью одна.

— Вы знакомы с Тибурцием Сент-Илером?

— Кто это? Никогда о нем не слышала. Надеюсь, комиссар, вы не подозреваете Анри?

Ее лицо порозовело, но оставалось спокойным.

— Он часто болеет, сделался мрачным, недовер
чивым, иногда целыми часами молчит. Отца он
встретил случайно, но эта случайность, я понимаю,
может показаться странной. А он слишком горд,
чтобы оправдываться. Не знаю, что он вам говорил.
Во возможно, даже не хотел отвечать на вопросы.
Во всяком случае, с восьми вечера до отхода поезда он
был со мной. Нервничал, так как боялся, что его
мать тоже узнает о нашей связи. Он очень ее любит
и опасается, что она сделает попытку разлучить нас.
Ведь я на пять лет старше! Вот почему мне не
терпится выяснить, найден ли уже убийца. Ведь для
Анри ясно, что его встреча с отцом дала повод для
самых ужасных подозрений.

Убийца пока не найден.

Элеонора Бурсан направилась к двери.

— Разрешите мне, комиссар, и в дальнейшем осведомляться о ходе следствия.

— Пожалуйста!

Инспектор терпеливо ожидал в коридоре.

— Что вам сказали на вокзале? — спросил Мегрэ.

— Молодой человек уехал в 23.32, с обратным билетом третьего класса.

— А убийство было совершено между одиннадцатью и половиной первого! — пробормотал комиссар.— Отсюда до вокзала десять минут быстрой ходьбы. Преступник мог использовать время между одиннадцатью и двадцатью минутами двенадцатого. Галле мог быть убит также между двенадцатью и половиной первого кем-нибудь пришедшим с вокзала... Но что убитому понадобилось на стене?

Глава V. ЗАГАДКА СТЕНЫ

Мегрэ прогуливался по Крапивной аллее. Проникая сквозь листву дубов, солнечные лучи рисовали на земле прихотливый узор из светлых и темных пятен.

«Анри и Элеонора могли убить Галле до того, как отправились на вокзал,— размышлял комиссар.— Могла убить и одна Элеонора после отъезда Анри. Но при чем тут стена и ключ от калитки?»

Несколько раз он подходил и осматривал замочную скважину. Наконец, сняв пиджак, решил сам взобраться на стену. Несмотря на его стокилограммовый вес, это легко удалось, лишь только он ухватился за нависавший здесь сук стоявшего по ту сторону стены дерева. Верхний ряд кирпичей порос мхом, и кое-где сквозь него даже пробивались травинки.

Комиссар встал на колени, не без труда сохраняя равновесие, так как стена была довольно узка, и внимательно осмотрел слой мха на ней. Он констатировал, что как раз над выбоиной в нижних камнях мох был сильно смят, а частично выдран совсем, по бокам же остался нетронутым. Очевидно, Галле не передвигался по стене ни направо, ни налево. Оставалось узнать, соскакивал ли он с нее в парк?

Со стороны парка в этом месте у стены было

нечто вроде свалки: валялись старая косилка, ржавые части сельскохозяйственного инвентаря, пустые бутылки, картонные коробки, несколько порожних бочонков.

Прежде чем спрыгнуть со стены, Мегрэ убедился в том, что внизу нет никаких следов. Вдали сквозь листву виднелась вилла, жужжал мотор насоса.

Поверхность стены, обращенная к парку, была совершенно гладкой, выбеленной, без всяких щелей между камнями. Метрах в десяти у самой стены стоял бочонок, явно придвинутый к ней намеренно. Комиссар взгромоздился на него. Оказалось, что с этой позиции легко заглянуть в окно комнаты, где произошло убийство. Мох на верху стены в этом месте был смят, как будто на него опирались локтями.

Итак, Эмиль Галле не перелезал через стену, но кто-то, пришедший из парка, взбирался на бочонок с целью посмотреть, что делается в комнате. Уж не был ли это Тибурций Сент-Илер? Но он уже дважды виделся в тот день с Галле не таясь. Зачем им было встречаться в третий раз при таких условиях, в темноте? Они даже не могли разговаривать, находясь довольно далеко друг от друга. Значит, появились здесь отдельно, в разное время. Расстояние от бочонка до окна было около семи метров — как раз такое, с какого был произведен выстрел.

Обернувшись, Мегрэ увидел садовника Батиста, который тупо уставился на него.

— А, это ты? Хозяин дома?

— Нет, удит рыбу.

— Тебе известно, что я из полиции? Как мне отсюда выйти, не перелезая через стену? Открой мне калитку, что в конце Крапивной аллеи.

— Это можно.

— Ключ у тебя?

— Нет, но он поблизости. Сейчас покажу.

Подойдя к колодцу, он нагнулся и засунул руку в щель сруба.

— Вот те на! Пусто...

— Ключа нет?

— Нету. А ведь я сам положил его туда последний раз, когда отворял ворота, чтобы вывезти три спиленных дуба.

— Твой хозяин знал, где спрятан ключ?

— Разумеется.
— Он отпирал когда-нибудь калитку?
— С прошлого года ни разу.
Складывалась новая версия: Сент-Илер, взобравшись на бочонок, стреляет в Галле, а потом через калитку и окно проникает в комнату своей жертвы... Но это было неправдоподобно. Не говоря о том, что замочная скважина заржавела и не поддавалась ключу, нужно было не меньше трех минут, чтобы добраться до комнаты. Неужели за эти три минуты тяжелораненый Галле не закричал, не упал, а только выхватил нож, чтобы встретить нападавшего? Нет, тут что-то не так.

Во всяком случае, за стеной кто-то стоял. Но доказательства, что это был Сент-Илер, отсутствовали. В то же время два человека, не чужие Эмилю Галле и, может быть, заинтересованные в его смерти, находились той ночью в Сансерре, а именно его сын и Элеонора. Неопровержимого алиби у них не было.

Прежде чем выйти из парка через главный вход с набережной, Мегрэ толкнул калитку. Сверх ожидания, она открылась.

— Вот так штука! Да она не заперта! — удивился садовник.

* * *

Когда комиссар вернулся в отель, Тардивон вручил ему телеграмму из Парижа. В ней сообщались запрошенные сведения: завещания Эмиль Галле не оставил; свою жизнь он в 1925 году застраховал на триста тысяч франков в пользу жены, Авроры Галле.

— Гм... В 1925 году ему было уже за сорок пять, и он страдал болезнью печени... Сколько же ему надо было платить страховых взносов? Минимум двадцать тысяч франков в год.

Мегрэ взглянул на портрет умершего, стоявший в рамке на камине.

— Двадцать тысяч! А он тратил не более двух тысяч в месяц... И даже не мог прилично одеваться!

Он перевел взгляд на лежавшие на полу поношенные черные брюки, потертые на коленях, и вспомнил шелковое платье мадам Галле, перстни на ее пальцах, золотую цепочку на шее...

— Видно, этот бедняга очень ее любил...

Какой-то мальчишка с любопытством заглянул в окно. Его лицо было усеяно веснушками, он широко улыбался. Послышался женский голос:

— Оставь этого господина в покое, Эмиль!

— Еще один Эмиль! – пробурчал Мегрэ. – По крайней мере, живой. А этот...

Он не смог заставить себя еще раз взглянуть на портрет умершего.

Изучение толстой папки кое-что дало комиссару. После смерти тестя весь архив «Солнца» поступил в распоряжение Эмиля Галле. Этот журнал выходил весьма ограниченным тиражом, и подписчиков у него было очень мало; на его страницах Прежан внушал мелкопоместным дворянам из провинции надежду на восстановление монархии и восшествие на трон одного из Бурбонов.

Листая номера, Мегрэ увидел, что почти в каждом из них полстраницы уделялось списку пожертвований в пользу какой-нибудь обедневшей знатной семьи или для того, чтобы достойно отметить ту или иную годовщину, а иногда просто в фонд роялистов. Вот где Галле брал исходные данные для своих вымогательств! У него были адреса жертвователей, он мог судить по подписным листам, сколько можно было выудить у каждого, к какому чувству воззвать, чтобы заставить раскошелиться..

Выглянув в окно, комиссар заметил на Крапивной аллее садовника, прочесывавшего траву граблями.

— Что ты тут делаешь?

— Хозяин велел...

— Найти ключ?

— Вы угадали.

— Он послал тебя сюда?

— Сам он тоже ищет в парке, а кухарка и слуга — в доме... Ого! Нашел-таки!

Мегрэ, улыбаясь, высунулся в окно и протянул руку.

— Дай-ка мне его!

Это был огромный старый ключ причудливой формы, который доставил бы радость любому антиквару. На покрывавшей его ржавчине виднелись свежие царапины.

— Скажешь хозяину, что отдал ключ мне.
— Но...
— Иди, иди!
И Мегрэ бросил ключ на стол.

Глава VI. СНОВА В СЕН-ФАРЖО

— Погоди, Аврора! Нельзя, чтобы люди видели тебя такой расстроенной.
— Не могу, Франсуаза! Как вспомню о человеке, привезшем мне горестную весть, и о поездке с ним... Ты не понимаешь...
— Да, не понимаю, как можно оплакивать человека, который довел тебя до позора, лгал тебе столько лет, мужа, которому можно поставить в заслугу лишь то, что он застраховал свою жизнь в твою пользу...
— Замолчи!
— Он заставлял тебя жить чуть ли не в бедности, утверждая, будто зарабатывает не больше двух тысяч франков в месяц. Но страховой полис доказывает, что он получал по крайней мере вдвое больше и скрывал это от тебя. По-моему,он вел двойную жизнь; у него, наверное, была где-нибудь любовница, а может быть, и дети.
— Ради бога, Франсуаза!
Мегрэ находился в гостиной виллы «Маргаритки», куда служанка пригласила его, а потом вышла, забыв закрыть дверь. Голоса женщин доносились из столовой, выходившей в тот же коридор. Вся мебель стояла на прежних местах, но комиссар не мог забыть, что неделю назад он видел на этом большом дубовом столе гроб, покрытый черным сукном и в окружении горящих свечей.
— Я не могу молчать! Разве это не касается и меня тоже? Ведь я твоя сестра. Жак скоро получит назначение на важную должность. И вдруг все узнают, что его зять был шантажистом!
— Зачем же ты приехала? Двадцать лет не приезжала...
— Потому что не хотела его видеть. Когда ты выходила замуж, я не скрывала своего мнения о нем, Жак тоже. Если носят такое имя, как Аврора Прежан, если мужу одной сестры принадлежит са-

мый большой кожевенный завод в Вогезах, а муж другой вот-вот будет начальником канцелярии министра, не выходят за какого-то Галле! За простого коммивояжера! Задаю себе вопрос: как мог наш отец дать согласие на этот брак? Впрочем, догадываюсь, в чем тут дело. Последние годы он был одержим одной мыслью: во что бы то ни стало продолжать издание «Солнца». У Галле было немного денег, его заставили вложить их в журнал. Попробуй сказать, что это неправда! И ты, моя сестра, получившая такое же воспитание, как и я, так похожая на покойную маму, вышла за этого ничтожного человека! Не смотри на меня с укором, я хочу лишь доказать тебе, что нечего горевать о нем. Разве ты была с ним счастлива? Скажи по совести!

— Не знаю... Не знаю

— Признайся, что ты мечтала о большем!

— Я все время надеялась, что он добьется лучшего положения в обществе. Пыталась воздействовать на него...

— С таким же успехом можно было пытаться воздействовать на камень! И ты смирилась, даже не зная, что не будешь нуждаться после его смерти. Ведь если бы не страховка...

— Но он позаботился обеспечить меня до конца моих дней.

— Не хватало еще, чтобы он этого не сделал! Можно подумать, будто ты его любила!

— Замолчи! Комиссар может нас услышать. Мне надо принять его.

— Я пойду с тобой, ты не в состоянии сделать это сама. Что он за человек? Прошу тебя, Аврора, не будь такой подавленной! А то комиссар подумает, что ты была соучастницей, что ты боишься...

* * *

Мегрэ едва успел отойти в сторону: обе женщины вошли через боковую дверь. Вдова держалась почти так же высокомерно, как при первой встрече. Ее сестра была на два-три года моложе, волосы крашеные, на лице избыток косметики, претенциозно одета. Видно было, что характер у нее напористый.

— Что у вас нового, комиссар? — спросила ма-

дам Галле устало.— Сядьте, прошу вас! Познакомьтесь с моей сестрой: она приехала вчера из Эпиналя.

— Ее супруг — управляющий кожевенным заводом, если не ошибаюсь?

— Владелец, а не управляющий! — сухо уточнила Франсуаза.

— Вы не были на похоронах, правда? А как только узнали из газет, что сестра получит по страховому полису триста тысяч...

Мегрэ говорил медленно и резко

— Хочу задать вам один вопрос, сударыня! — обратился он к вдове.— Ваш муж знал, что брак с ним приведет к разрыву с вашей семьей?

Франсуаза ответила за сестру

— Это неправда, комиссар! Первое время мы его принимали. Мой муж несколько раз советовал ему заняться чем-нибудь дельным, предлагал поддержку. Мы стали избегать его, лишь окончательно убедившись, что он человек посредственный, заурядный, не способный сделать карьеру ни в какой области... Близость с ним причинила бы ущерб нашей семье...

— А вы, сударыня? — повернулся Мегрэ к мадам Галле.— Вы тоже упрекали его? Или давали какие-нибудь советы?

— Мне кажется, что это относится к личной жизни. Я вправе не отвечать вам.

Трудно было поверить, что это говорит женщина, только что изливавшая свое горе. Сейчас она держалась с таким же презрительным достоинством, как и при первом его визите.

— Ваш сын ладил с отцом?

Сестра вмешалась снова.

— О, Анри добьется своего! Это настоящий Прежан, хоть внешне и напоминает отца. Он хорошо сделал, что вырвался из этой гнетущей обстановки, как только вырос. Вы хотели что-либо сообщить нам, комиссар?

— Нет, извините за беспокойство, я ухожу. Еще вопрос мадам Галле: не найдется ли у вас фотоснимков мужа, сделанных в Индокитае? Ведь он до встречи с вами служил там?

— Фотографий нет. Муж почти никогда не рассказывал о том периоде своей жизни.

— Каков был уровень его образования?

— Очень высокий. Помнится, он часто беседовал с моим отцом о латинских писателях.

— Вам неизвестно, какое учебное заведение он окончил?

— Нет, знаю только, что он был уроженцем Нанта.

— Благодарю вас! И еще раз прошу извинения.

Мегрэ взялся за шляпу.

— Надеюсь, комиссар, что газеты не будут трепать наше имя! — заметила Франсуаза безапелляционным тоном.— Может быть, вам неизвестно, мой муж — генеральный советник, имеющий большое влияние в высших сферах!

У Мегрэ не хватило решимости оборвать ее. Он ограничился тем, что смерил нахалку холодным взглядом и, вздохнув, откланялся.

Проходя по садику, он пробормотал: «Бедняга Галле!»

*

На обратном пути в Париж ему стоило большого труда отогнать неприятные впечатления от визита на виллу в Сен-Фаржо, от разговора сестер и думать лишь о том, что непосредственно относилось к поискам преступника. Но стоило ему связать между собой несколько звеньев из цепочки фактов, как он вспомнил эту Франсуазу, чей муж был генеральным советником — как она это подчеркивала! — приехавшую в Сен-Фаржо лишь тогда, когда стало известно, что ее сестра — владелица капитала в триста тысяч франков...

«Близость с ним причинила бы ущерб нашей семье...»

С самого начала Эмилю Галле вбивали в голову, что он обязан не торговать «побрякушками», а поддерживать честь Прежанов, как оба других зятя! А он не побоялся застраховать свою жизнь в пользу жены на столь крупную сумму, выплачивать огромные страховые взносы целых пять лет. Это вызывало невольное уважение комиссара, у которого складывалось совсем не такое, как прежде, представление об умершем.

— Значит, он любил свою жену, хотя она, конечно, пилила его за неумение создать достойные, по ее понятиям, условия жизни...

Какое лицемерие! За дверью она была сама собой, он хорошо это почувствовал. А выйдя к нему, снова превращалась в типичную представительницу буржуазного класса, точно такую же, как ее сестра. Сын тоже хорош! В двадцать два года не женился на Элеоноре, чтобы та не лишилась пенсии, получаемой после смерти первого мужа... Сидит сейчас в своем банке и занимается спекуляциями, чтобы поскорее превратить накопленные сто тысяч франков в полмиллиона. Вспоминает ли он, что его отца нет в живых? Эмиль Галле лежит в могиле, его лицо обезображено пулей, сердце пробито ножом, а глаза широко раскрыты — ведь никто не позаботился опустить ему веки...

«Последняя аллея налево, возле памятника из розового мрамора, там могила покойного мэра!» — сказал сторож кладбища. А владелец похоронного бюро в Корбейле долго чесал затылок, затрудняясь выполнить полученный от вдовы Галле заказ: «Очень простое и скромное надгробие, недорогое, но все же красивое».

В Сен-Фаржо, чтобы утешиться, подчеркивали посредственность умершего, забывая, что его смерть принесла барыш в триста тысяч франков...

Глава VII. ШУТЕЙНАЯ СВАДЬБА

Вернувшись в свой кабинет на набережной Орфевр, Мегрэ нашел на столе письмо от Круазо, налогового инспектора из Невера. Оно гласило:

«Если вы потрудитесь навестить меня в Невере, дом № 17 по улице Крез, то я смогу дать вам в высшей степени интересные сведения об Эмиле Галле».

На другое утро комиссар сразу же поехал в Невер. Налоговый инспектор принял его с заговорщицким видом.

— Я отослал служанку, так будет лучше... Если кто-нибудь придет, то вы мой кузен из Бокера.

Он кидал многозначительные взгляды, а может быть, страдал нервным тиком, отчего казалось, будто он подмигивает сразу обоими глазами.

— Вы тоже служили в колониях? Нет? Жаль, это

облегчило бы вам понимание того, что я расскажу

Голос у него был вкрадчивый, а выражение лица — и хитрое, и испуганное

— Я прослужил десять лет в Индокитае в те времена, когда в Сайгоне еще не было широких бульваров, похожих на парижские. Там я и познакомился с Галле. Что меня заставило вспомнить о нем? Удар ножом, от которого он погиб, как я прочел в газете. Сейчас вы поймете Покамест вы ничего не нашли, держу пари! И ничего не найдете, ибо в этой истории может разобраться лишь тот, кто побывал в колониях!

Мегрэ уже составил себе вполне определенное мнение о налоговом инспекторе. С такими людьми надо вооружиться терпением и не прерывать их, а только кивать, пока они не выговорятся.

— Этот Галле был продувной малый... Одно время он служил клерком у нотариуса. Заядлый спортсмен. Решил во что бы то ни стало организовать футбольную команду, заставил всех нас вступить в нее, но за неимением противников она распалась. Женщин любил еще больше чем футбол, не упускал ни одного случая И весельчак, каких мало... Что за розыгрыши он устраивал!

Инспектор на цыпочках подошел к двери, распахнул ее с целью убедиться, что никто не подслушивает.

— Но однажды он перегнул палку, и я не особенно горд тем, что был соучастником. Дело было так: один плантатор выписал две или три сотни рабочих-малайцев; некоторые приехали целыми семьями. У одного из них была дочка — ну просто прелесть! Не помню уж, как ее звали Как раз тогда мне попалась книга Стивенсона о дикарях островов Тихого океана. В ней рассказывалось об одном белом, который, чтобы покорить сердце красивой туземки, предложил жениться на ней. Разумеется, брак был фиктивным.

Эмиль так и загорелся. Поставил целый спектакль. Снарядил торжественное шествие сватов к отцу этой крошки, засыпал всю семью дешевыми подарками; играть роль мэра поручил однокашнику, который совершил брачную церемонию, написал соответствующее свидетельство, вручил его, произнес уморительную речь... Потом свадебный кортеж

проводил новобрачных к построенной для них хижине.. Все было разыграно как по нотам, и если бы не необходимость сохранять серьезность, мы от смеха катались бы по земле, схватившись за животы... Большой шутник был этот Галле!

На минуту Круазо посерьезнел.

— Мы были молоды и неразумны, иначе не позволили бы себе такой жестокой шутки Ведь малайцы не прощают. Вы их не знаете, комиссар! Короче, Галле прожил со своей липовой женой три или четыре месяца, а потом уехал во Францию, даже не простившись с ней. Она долго ждала, когда он вернется... Через несколько лет я встретил ее в трущобах Сайгона. Она превратилась в старуху.

И вот я прочел в газете о смерти Галле. Заметьте, я целых двадцать пять лет его не встречал и ничего о нем не слышал

Смерть от удара ножом! Это месть, ясно как божий день Чтобы отомстить, малайцы готовы отправиться на край света, и ножами пользоваться они умеют.. Думаю, это был брат или сын покинутой Сначала он пустил в ход револьвер, потом инстинкт одержал верх, и он схватил нож..

Мегрэ слушал со скучающим видом, не делая попыток прервать разглагольствования налогового инспектора. При расследовании любого преступления попадается добрый десяток таких свидетелей, воображающих, будто они что-то знают. Если сейчас нашелся только один, то потому, что в парижских газетах об этом убийстве было лишь несколько строк.

— Поняли, в чем дело, комиссар? Я вызвал вас сюда, так как если бы убийца пронюхал, что я вам сообщил, мне не сдобровать бы!

— По вашим словам, Галле играл в футбол?

— Да, завзятый футболист! И веселый парень! С ним нельзя было соскучиться он был способен весь вечер рассказывать всякие истории, одна другой забавнее.

— Почему он уехал из Индокитая?

— Утверждал, что не в состоянии жить на доход менее ста тысяч франков. Это было перед войной... Сто тысяч! Ишь чего захотел! Мы над ним издевались, но он говорил на полном серьезе: «Вот увидите!» Ну что же, до ста тысяч так и не дотянул...

А я вернулся из-за лихорадки, она до сих пор дает знать о себе. Выпьете стаканчик, комиссар? Я принесу вино сам, так как нарочно велел служанке уйти на весь день...

Он еще долго бы тараторил и подмигивал, но Мегрэ, через силу улыбнувшись, поблагодарил и откланялся.

Эмиль Галле был весельчаком? Заядлым футболистом? Странно!

Почему он попросил в «Луаре» номер с окном во двор? Боялся, что его убьют? Кто?

* * *

Через два часа комиссар вышел из поезда в Сансерре и, не заходя в «Луару», позвонил у ворот виллы Сент-Илера. Тот выглянул из окна и приветствовал его дружеским жестом.

— Это вы? А ключ-то нашли... Ну как идет следствие?

Мегрэ даже не поздоровался.

— Как давно служит у вас Батист?

— Года три-четыре.

Владелец виллы был удивлен резкой переменой в манерах комиссара, суровым выражением его лица, жестким тоном.

— А где сейчас садовник, работавший до него?

— У него трактирчик в километре отсюда, по дороге в Сен-Тибо. Этот каналья успел нагреть руки, пока служил у меня.

— Благодарю вас.

— Уже уходите?

— Еще вернусь.

И Мегрэ зашагал по дороге в Сен-Тибо.

«Итак, ему срочно нужно было двадцать тысяч для уплаты очередного страхового взноса. Он не мог достать такую сумму у своих обычных клиентов и посетил Сент-Илера, при этом дважды в тот день. Потом влез на стену... Зачем, черт побери?»

Таверна бывшего садовника находилась у шлюза канала, примыкавшего к Луаре; в ней было полно речников.

— Я из полиции, веду дознание по делу о преступлении в Сансерре. Бывал ли убитый у вашего хозяина, когда вы служили в «маленьком замке»?

— Этот Клеман, как мы его звали? Да, бывал.

— Часто?

— Не очень. Примерно каждые полгода. Но этого хватало, чтобы испортить хозяину настроение на добрых две недели.

— Когда начались эти посещения?

— Лет десять, а то и пятнадцать тому назад.

— Ссорились ли они когда нибудь?

— Не когда-нибудь, а всякий раз. Однажды даже подрались на моих глазах.

«И все-таки вряд ли его убил Сент-Илер! — думал Мегрэ, направляясь к отелю. — Но зачем толстяку было выходить ночью за ограду?»

У церкви он заметил Элеонору и отвернулся, чтобы избежать встречи. Однако она подошла к нему.

— Извините, комиссар...

Мегрэ взглянул на нее так сердито, что у нее не повернулся язык задать вопрос.

— Ну?

— Мне хотелось бы только узнать...

— Ничего нового!

И он зашагал дальше, не простившись, заложив руки за спину.

«Убили ли бы Эмиля Галле, будь у него номер с окном во двор?» — думал комиссар, вытирая платком лоб, влажный от пота. У него было такое ощущение, что разгадка тайны совсем близка, но найти ее никак не удавалось. Данных о покойном было более чем достаточно, но концы с концами не сходились, в особенности после рассказа налогового инспектора. Весельчак! Футболист! Бабник! Это Галле-то?

Он вернулся в комнату, где произошло убийство, и стал прохаживаться по ней, поглядывая то в окно, то на фотографию убитого, стоявшую на камине.

— Подите-ка сюда! — вдруг крикнул он в окно.

Листва над стеной затрепетала, и в ней показалось лицо Сент-Илера.

Первым движением владельца «маленького замка» было спрятаться. Преодолев смущение, он, делая вид, что шутит, спросил:

— Спрыгнуть к вам, что ли?

— Зачем? Через калитку куда проще. Она не заперта.

Найденный садовником ключ лежал перед Мегрэ на столе.

Когда Сент-Илер подошел к окну, от его сконфуженности не осталось и следа.

— Невозможно скрыться от вашего рысьего взора, комиссар! Это дело настолько меня заинтриговало, что я, увидев, как вы вернулись, решил подглядеть за вами с целью узнать, что вы делаете, а потом поразить своей осведомленностью... Обойти здание?

— Нет, лезьте в окно!

Сент-Илер без труда взобрался на подоконник и обвел комнату глазами.

— Любопытно! Вы восстанавливаете условия, в которых произошло убийство. Одежда на полу... — Это вы ее разложили?

Мегрэ нарочито медленно набивал трубку, приминая в ней табак указательным пальцем.

— Есть у вас спички?

— Зажигалка. Спичками я никогда не пользуюсь.

— Оказывается, вы левша! — сказал комиссар, беря протянутую зажигалку.

— Я? Нет, это случайно. Право не знаю, почему я подал ее вам левой рукой.

Будьте любезны закрыть окно!

Мегрэ внимательно проследил, как его собеседник медленно, с видимым напряжением поворачивал шпингалеты правой рукой.

Глава VIII. ПОМОЩНИК СЛЕДОВАТЕЛЯ

— А теперь откройте окно!

— Но вы только что просили закрыть его?

Сент-Илер растерянно улыбнулся. Но комиссар был серьезен, как никогда.

— Поскольку вас интересует следствие, прошу быть моим помощником. И давайте без церемоний! Позовите хозяина отеля!

Сент-Илер послушно открыл дверь и позвал: «Тардивон! Эй, Тардивон!»

Когда тот явился, Мегрэ сидел на подоконнике и смотрел на пол.

— У меня к вам вопрос, месье Тардивон. Скажите, Галле, то есть Клеман, был левшой? Постарайтесь вспомнить!

— Я как-то не обращал внимания... А что, при рукопожатии левша подает левую руку?

— Разумеется.

— Ну так он не был левшой, а то я заметил бы. Ведь он часто здоровался со мной за руку, как и другие клиенты.

— Расспросите официанток, может быть, они подметили у него эту особенность?

После ухода хозяина отеля Сент-Илер поинтересовался:

— Вы придаете большое значение этому обстоятельству?

Но комиссар, не ответив, крикнул вдогонку Тардивону:

— И вызовите, пожалуйста, к телефону Круазо, налогового инспектора из Невера!

Затем он подошел к разложенной на полу одежде убитого.

— Теперь за работу! Итак, Эмиль Галле не был левшой. Скоро мы узнаем, какую роль это играет. Сначала возьмите этот нож, послуживший орудием убийства, и передайте его мне. Так! Вы опять сделали это левой рукой...

Теперь представьте себе, что на меня напали и я защищаюсь с помощью этого ножа. И я не левша! Конечно, я держу его в правой руке. Подойдите! Я бросаюсь на вас... Вы сильнее меня, хватаете меня за руку. За какую? Очевидно, за правую.

Взгляните на фотоснимок, сделанный судебно-медицинским экспертом. Что мы видим? Кровоподтек на запястье левой руки..

Это вы, Тардивон? Звонок из Невера? Пока нет? Что вы сказали? По словам официанток, Клеман не был левшой? Спасибо, можете идти.

— Ну-с, месье Сент-Илер! Как вы это объясните? Галле не был левшой, но тем не менее держал нож в левой руке. Осмотр комнаты показал, что в правой у него ничего не было.

По-моему, решение загадки таково. Смотрите: я хочу вонзить лезвие в свое сердце. Как это сделать? Следите за моими движениями! Беру рукоятку

ножа левой рукой, она играет роль направляющей. Правая у меня сильнее, ею я пользуюсь, чтобы толкать левую. Глядите: обхватываю левое запястье пальцами правой руки, сжимаю с огромной силой, так как я лихорадочно возбужден и мне надо превозмочь боль. Посиневшие места на запястье — следы моих собственных пальцев...

Мегрэ положил нож на стол.

— Если мое предположение правильно, то мы имеем дело с самоубийством. Но как же с пулей? Ведь он не мог стрелять в себя с расстояния в семь метров? Пока — стоп! Поведем следствие иначе..

Сент-Илер все так же принужденно улыбался, но его зрачки расширились, он не спускал с комиссара глаз.

— За мной! Вылезем из окна. Вот мы на Крапивной аллее. Представьте себе, что сейчас вечер субботы, темно, слышен шум ярмарки, карусели. Эмиль Галле, сняв пиджак, взбирается на стену, что в его возрасте, с больной печенью не так-то легко. Идите-ка сюда!

Мегрэ подошел к калитке, приотворил ее и снова закрыл.

— Итак, калитка была заперта, ключ находился, как обычно, у колодца, в щели сруба. Ваш садовник сказал мне об этом. Теперь представьте себе, что в парке находится человек, которого интересуют действия Эмиля Галле. Ведь выдающий себя за Клемана вымогатель; бог знает, что он может затеять. Назовем этого человека Иксом. Икс ходит вдоль стены и вдруг замечает на ней Клемана. А может быть, Икс подтащил к стене, как я сейчас, пустой бочонок и забрался на него, чтобы заглянуть в комнату Галле... Вот так! Думаю, что Галле не заметил Икса, ведь было темно. Он спустился со стены и вернулся в свой номер. Как разворачивались события дальше — сказать трудно. Может быть, Икс выстрелил ..

— Что вы говорите!

Мегрэ слез с бочонка.

— Дайте-ка огоньку! Так, опять левой рукой. Попробуем, не доискиваясь, кто выстрелил, проследить действия Икса. Он берет ключ из того места, где тот спрятан, открывает калитку. В кармане у него — пара резиновых перчаток. Кстати, спросите

у вашей кухарки, не пропали ли у нее те, в которых она чистит овощи?

— Не понимаю, к чему вы клоните.

— Дальше! Выйдя за калитку, Икс подходит к окну и видит труп. Ибо Эмиль Галле уже мертв! Удар ножом последовал сейчас же после выстрела, как утверждает врач. Этот удар был нанесен самим погибшим. В камине еще теплый пепел от сожженных бумаг, мы нашли и обгорелые спички. Икс роется в саквояже и, вероятно, в бумажнике и уходит, забыв запереть калитку и положить ключ на место. Мало того, он его обронил.

— Да, ключ нашли в траве.

— Это еще не все. Никогда мне не попадалось столь запутанное и в то же время столь простое дело. Нам известно, что выдававший себя за Клемана вымогал деньги, мы видим, что он позаботился уничтожить перед смертью все следы шантажа... Но вернемся в отель. Кто там? Это вы, Тардивон?

— Телефонный звонок из Невера.

— Кто звонит? Налоговый инспектор?

— Да.

— Идите сюда, Сент Илер! Раз вы решили мне помогать, то должны принять участие во всех стадиях расследования. Возьмите вторую трубку! Алло! Говорит комиссар Мегрэ. Не пугайтесь, мне надо задать вам лишь один вопрос: ваш друг Галле был левша? Что? Вы говорите, стопроцентный левша? По мячу бил левой ногой. Играл на левом краю? Вы уверены в этом? Спасибо! Еще вопрос. Знал ли он латынь? Вы смеетесь? Ни в зуб ногой, говорите вы? Любопытно... А скажите, у вас есть его фотокарточки? Нет? Конечно, он с тех пор сильно изменился. У меня только одна. Но, может быть, я на днях познакомлю вас с человеком, который очень на него похож. Всего!

Мегрэ повесил трубку и рассмеялся.

— Видите, как легко впасть в заблуждение! Все, что я рассказал о действиях Эмиля Галле, имеет смысл лишь при одном условии: что он не был левшой. И вдруг нам сообщают из заслуживающего доверия источника, что он был левшой! Вот и верь показаниям хозяина и официанток!

Услышавший это Тардивон обиженно поджал губы.

— Обед подан!

— Сейчас, мы уже кончаем. Не стану злоупотреблять вашим терпением, Сент-Илер. Вернемся в комнату, где произошло убийство. Вы знали Эмиля Галле лично... Вот его фотография. Не правда ли, жалкий тип! Доктора пророчили, что ему осталось жить не более трех лет. Он отличался скрытностью, не был откровенен даже с женой. Ей было известно лишь, что он родом из Нанта и провел несколько лет в Индокитае, но не привез оттуда никаких сувениров и даже фотоснимков, никогда не рассказывал о своем пребывании в тех краях.

Это заурядный коммивояжер, у него не больше тридцати тысяч франков. В тридцать лет уже болезненный, склонный к меланхолии неудачник. Он встретил Аврору Прежан, влюбился и задумал жениться на ней. Прежаны — люди с амбициями, но денег у них — кот наплакал. Отцу не на что издавать журнал. Но он был личным секретарем претендента на трон, переписывался с принцами, герцогами. Младшая дочь замужем за фабрикантом. Наш Галле для этой семьи — сущее ничтожество, и с ним породнились, вероятно, лишь потому, что он согласился вложить свой небольшой капитал в издание «Солнца». Но все равно к нему относятся плохо: Прежанов компрометирует зять, продающий в провинции сувениры из накладного серебра. Ему пытаются внушить более честолюбивые стремления. Он противится, не чувствуя себя способным сделать карьеру. Его здоровье уже расстроено, он мечтает о спокойной жизни в деревне с женой, которую очень любит. Но та тоже постоянно пилит его: сестра упрекает ее за невыгодный брак, третирует как бедную родственницу.

Прежан умирает, его журнал терпит крах. Эмиль Галле продолжает сбывать нормандским крестьянам «побрякушки». В свободные часы удит рыбу, мастерит приспособления для ее ловли, разбирая старые будильники и часы. Сын похож на него, так же болезнен, но с амбициями Прежанов.

В конце концов Эмиль Галле решает кое-что предпринять. Он располагает архивом журнала «Солнце» и выясняет, что многие аристократы делали в фонд монархистов более или менее значительные пожертвования. И вот он начинает вымогать у них

деньги якобы для тех же целей, совмещая сначала эту деятельность с основной профессией коммивояжера.

Дело пошло на лад... Вскоре ему удалось приобрести участок в Сен-Фаржо, выстроить там виллу. Разумеется, он скрывал от семьи источник своих доходов, делая вид, будто, по-прежнему является представителем фирмы Ниель в Нормандии.

Правда, он открыл вовсе не золотое дно: легитимисты немногочисленны, некоторые из них бедны, а другие скуповаты. Но жить все таки было можно. Шли годы, его здоровье ухудшалось, бывали приступы болей, и он понял, что смерть не за горами. Чтобы жена и сын, которых он очень любил, жили в полном достатке и после того, как он умрет, Галле застраховал свою жизнь на очень крупную сумму. Страховые взносы велики, и ему приходилось все чаще посещать приверженцев старого режима, выклянчивая у них пожертвования.

Для очередного взноса ему срочно понадобилось двадцать тысяч франков. Такую сумму у монархистов в один прием не заполучишь. Он и не пытается, а просит их у вас, дважды за один день. Вы ответили категорическим отказом. Все надежды Галле рухнули. Что ему оставалось делать? Покончить с собой? В этом случае жена не получит страховку...

Губы Сент-Илера дрожали.

— Но при чем тут я?

— Сколько вам было лет, когда ваш отец умер?

— Шел двенадцатый год.

— А мать?

— Умерла вскоре после моего рождения. Зачем вам это?

— Вас воспитали родственники?

— Никаких родственников у меня не было, я последний Сент-Илер. Отец успел заранее оплатить стоимость моего обучения в коллеже. До его окончания у меня было на что жить. Но потом, если бы не неожиданное наследство после кузена, о котором все забыли...

— Он жил в Индокитае?

— Да. Дальний родственник, седьмая вода на киселе, даже фамилия у него была другая.

— В каком возрасте вы получили наследство?

— В двадцать восемь лет.
— А до того?
— Сильно нуждался. Но мне нечего стесняться этого.
— А теперь подите и принесите мне револьвер!
Голос Мегрэ был твердым, как сталь.
— Но...
— Я сказал: принесите револьвер, из которого был произведен выстрел. Быстро!

И комиссар облегченно вздохнул, как человек, закончивший тяжелую работу. Затем стал поднимать и аккуратно развешивать одежду Эмиля Галле, лежавшую на полу

Глава IX. ПРИЗНАНИЕ

Стоя спиной к Сент-Илеру, Мегрэ не видел выражения его лица, на котором можно было прочесть и страх, и злобу, и в то же время самоуверенность

— Чего вы ждете?

Владелец «маленького замка» вылез в окно, вошел в калитку своего парка и не показывался так долго, что комиссар начал беспокоиться и прислушался. С террасы доносился стук ножей и вилок, голоса обедающих

Наконец ветви по другую сторону стены раздвинулись. Уже совсем стемнело, и Мегрэ с трудом различил появившийся силуэт. Ветви снова зашелестели, и Сент Илер сказал вполголоса:

— Вот, возьмите.

Комиссар пожал плечами и не сдвинулся с места, пока его «помощник» не влез назад в окно и не положил револьвер на стол. Затем, сохраняя полное самообладание, он спросил у Мегрэ:

— Что вы скажете насчет двухсот тысяч?

Однако небрежное благородство знатного бари на давалось ему с таким трудом, что он закашлялся

— Гм... Или трехсот?

Вместо того чтобы рассердиться или вознегодовать, Мегрэ смерил его с ног до головы взглядом полным сарказма. «Знатный барин» сразу сник. Его оглянулся кругом, как будто ища точку опоры. Его зрачки тревожно заблестели. Он явно нервничал

— Все равно у вас ничего не выйдет. Вам известно

но, что я никого не убивал... А остальное спишется за давностью.

— Сядьте!

— Я предпочитаю стоять.

— А я сказал: сядьте!

Сент-Илер повиновался. Глаза его бегали, лицо то краснело, то бледнело.

— Полагаю, нет надобности приглашать сюда налогового инспектора Круазо из Невера, чтобы он узнал своего старого сослуживца, Эмиля Галле? Я уже давно чувствовал, что дело нечисто. Слишком много подозреваемых в убийстве... Синяк на левом запястье, потерянный ключ... Вся эта фальшь, которой были пропитаны и жизнь, и смерть Галле... Я добрался бы до сути и сам, только затратил бы больше времени. Стал бы копаться в его прошлом вплоть до лицея, который он якобы окончил... Впрочем, в нантском лицее вы были недолго.

— Всего два года, потом меня исключили.

— Вероятно было за что? Вы уже и в футбол играли, и за девчонками волочились. Взгляните на фотографию: мог ли этот человек так себя вести? У него уже тогда болела печень!

Я знаю главное. он приехал в Сансерр, чтобы достать у вас двадцать тысяч франков. Вы виделись с ним дважды, а вечером отправились следить за ним, догадываясь, что он покончит с собой. Может быть, он предупредил вас об этом?

— Нет, но был сильно возбужден, голос у него при нашей последней встрече срывался.

— Вы ему отказали?

— Надо же было положить конец вымогательствам. Я не обязан расплачиваться за него из собственного кармана.

— О наследстве, которое ему предстояло получить, вы узнали еще в Сайгоне?

— Да. Моего нотариуса посетил один старый маньяк, проживший в джунглях больше двадцати лет, почти не встречаясь с белыми людьми. Его организм был подточен лихорадкой и опиумом. Разговор велся в моем присутствии. «Я скоро околею,— сказал он.— Не знаю, есть ли у меня родственники? Когда я уезжал из Франции, из Сент-Илеров оставался лишь один, да и тот дышал на ладан... Моим наследником является его сын, если таковой имеется».

— А вы уже тогда мечтали сразу разбогатеть... Дальше!

— Я был вынужден срочно вернуться во Францию из-за своих похождений по амурной части, чтобы избежать мести со стороны мужей, братьев и отцов...

На миг Мегрэ представил себе, что перед ним не пожилой толстяк, страдающий одышкой, а разбитной, беспринципный малый, устроивший потешную свадьбу, чтобы завладеть юной туземкой.

— Я начал разыскивать Сент Илера. Это оказалось нелегко. Следы Тибурция нашлись в коллеже, который он окончил. Мне рассказали, что он был унылым, замкнутым, болезненным юношей, ни с кем не дружил...

— Еще бы! — насмешливо воскликнул комиссар.— Ни гроша в кармане, лишь заранее оплаченные отцом обучение, квартира и стол!

— Моим намерением было завладеть хотя бы частью наследства. Как — я еще не знал. Но скоро выяснилось, что легче заполучить все целиком, чем заставить его поделиться. Понадобилось около трех месяцев, чтобы найти его в Гавре, где он собирался поступить переводчиком или хотя бы стюардом на трансокеанский пакетбот. У него оставалось лишь 10 или 12 франков. Я предложил ему выпить, а потом начал вытягивать из него нужные сведения. Он отвечал односложно, но все же я выведал, что он был домашним учителем, корректором типографии, продавцом в книжном магазине. Поношенный костюм, жидкая рыжеватая бородка...

Я решил пойти ва-банк. Рассказал ему, что хочу сделать карьеру в Америке, а там больше всего ценят титулы, в особенности до них охочи женщины. Предложил продать мне его имя. Деньги у меня были, так как отец, конский барышник в Нанте, оставил мне малую толику. И я уплатил тридцать тысяч франков за право называть себя Тибурцием Сент-Илером...

Мегрэ снова взглянул на портрет умершего, затем на собеседника, продолжавшего с лихорадочным возбуждением:

— Я поступил как биржевик, покупающий акции, за которые через месяц можно получить впятеро больше, а быть может, и ничего не получить. Ждал

наследства целых четыре года. Старый хрыч никак не умирал... А я, истратив все свои деньги, чуть не подох с голоду.

Мы были почти одного возраста, так что оказалось достаточным обменяться документами: фотографии на них тогда отсутствовали. Настоящему Сент-Илеру нужно было лишь не бывать в Нанте, где он мог встретить людей, знавших меня. А мне почти не понадобилось принимать меры предосторожности: друзей у него никогда не было и служил он под вымышленными фамилиями. Ему не хотелось трепать свое [illegible] имя, разве продавца книжного магазина [illegible] Тибурцием де Сент-Илером?

Наконец я прочел в газетах объявление об открывшемся наследстве. Людей, имевших на него право, просили сообщить свой адрес. Ну разве я не заработал миллион десяти тысяч, которые оставил этот старикан?

Ободренный молчанием комиссара, владелец «маленького замка» искоса взглянул на него, начиная обретать прежнюю самоуверенность.

— Конечно, Галле, который тем временем успел жениться и не катался как сыр в масле, явился ко мне с претензиями, осыпал упреками. Я даже испугался, как бы он меня не убил, дал ему, чтобы откупиться, десять тысяч франков, и он на время оставил меня в покое. Но через полгода пришел опять, потом снова, угрожал мне разглашением нашей сделки. Я резонно ответил, что он несет такую же ответственность, как и я. А у него была семья, и он ее боялся.

Мало-помалу он сбавлял тон, быстро старел. В кургузом пиджачке, с бороденкой, желтым цветом лица и мешками под глазами он производил жалкое впечатление. Вскоре этот отпрыск знатного рода превратился в попрошайку. Каждый раз он вымогал по пятьдесят тысяч франков, клянясь, что больше не будет меня беспокоить, и уходил с тысячью или двумя. Сколько я ему выплатил за восемнадцать лет! Если б не проявлял твердости, то разорился бы. А ведь я не сидел сиднем, а работал! Все окрестные виноградники посажены мной. Он тем временем собирал у роялистов подачки и присваивал их, выдавая за свой заработок коммивояжера. Ну что мне

оставалось делать? В субботу он потребовал двадцать тысяч франков, вынь да положь! Даже если б я согласился — это было невыполнимо, так как банк уже не работал. И я решил, что хватит ему меня эксплуатировать. Сказал это ему напрямик, добавил, что он выродок. Но он пришел вторично, с таким униженным видом, прямо с души воротило. Опуститься так низко! Можно рисковать жизнью, играть со смертью, но надо же сохранять гордость!

— Вы сказали ему это? — спросил Мегрэ неожиданно мягко.

— Конечно! Я надеялся вразумить его. Предложил пятьсот франков.

Облокотившись на камин, комиссар взглянул на фотографию умершего.

— Пятьсот франков, — повторил он.

— Могу показать записную книжку, куда мной заносятся все расходы. Вы убедитесь, что он вытянул у меня общим счетом свыше двухсот тысяч франков... Вечером я пошел в парк.

— У вас было неспокойно на душе?

— Я нервничал, не знаю почему. Услышал, как он взбирается на стену, и увидел: он прилаживал что-то к толстой ветке. Подумал, уж не собирается ли в пику мне повеситься в моем парке? Но он внезапно исчез. Я вскарабкался на бочонок и разглядел, что он вернулся в свою комнату и застыл у стола в напряженной позе, повернувшись лицом к окну. Заметить меня он не мог. Я ничего не понимал. Признаюсь, мне стало страшно.

Через минуту в десяти метрах от меня раздался выстрел, но Галле не шелохнулся, хотя его лицо обагрила кровь. Он стоял, как будто выжидая чего-то...

Мегрэ взял со стола револьвер. Под дулом было какое-то приспособление, соединенное проволокой с курком. Комиссар откинул металлическую крышечку. Перед ним был часовой механизм вроде того устройства, которое позволяет фотографу снимать самого себя. Для этого достаточно, чтобы пружина сработала через определенный промежуток времени.

— Рассчитано на два выстрела, но после первой пули пружину, видимо, заело. Вы сказали: «Стоял, как будто выжидая чего-то...» Он ждал, когда раз-

...дается второй выстрел! Не будучи уверен в точности прицела, он хотел гарантировать трагический исход. А когда второго выстрела не последовало — выхватил нож...

— Шатаясь, вонзил его в грудь и упал мертвым,— подтвердил Сент Илер.— Первой моей мыслью было, что он решил отомстить и оставил записку, где разоблачает меня и, быть может, обвиняет в своей смерти.

— Вы осторожный и хладнокровный человек! Не поленились сходить на кухню за резиновыми перчатками...

— Разве можно было оставлять отпечатки пальцев? Я отпер калитку, проник в комнату через окно. Но поиски были напрасны: он сжег свои бумаги. Его широко раскрытые глаза внушали ужас... Я вернулся, забыв запереть калитку. Револьвера не тронул, так как если бы меня заподозрили, то он стал бы доказательством моей невиновности. Конечно, мне не следовало предлагать вам деньги...

Мегрэ чуть не засмеялся. Мнимый Сент-Илер был жалок в своем стремлении оправдаться.

— Если его жене будет трудно, то я готов в меру своих возможностей оказать ей негласную помощь...

Он знал, что его нельзя преследовать за истечением срока давности, но все-таки не был спокоен, и дорого дал бы за то, чтобы Мегрэ перестал играть с ним, как кошка мышью.

— Покойный сам позаботился, чтобы его жена была обеспечена! — сказал тот.

— Да, я читал в газетах... Страховка в триста тысяч франков! Невероятно!

Комиссар не мог больше сдерживаться.

— По-вашему, это невероятно? У этого человека в юности не было ни сантима на мелкие расходы... Он учился в Бурже вместе с сыновьями аристократов и носил такое же громкое имя, как любой из них. А потом работал приказчиком, корректором... Ему даже нечего было заложить. Только имя, которое он и продал... Став Эмилем Галле, он по крайней мере выбился из нужды, обзавелся семьей. Но жена и сын упрекали его за то, что он не сумел выдвинуться, зарабатывать много денег, занять важный пост, как шурин. А ведь имя, проданное им за

тридцать тысяч, стоило больше миллиона. А бывший Галле, пройдоха и весельчак, время от времени сует ему подачку...

Невероятно, вы сказали? Да, он редкостный неудачник. Как он должен был терзаться! Никто, никогда ему не помогал. Родной сын — и тот против него: лишь только смог — уехал, чтобы самостоятельно пробиваться в жизни. Есть лишь жена, вынужденная его терпеть. Она не оказывает ему поддержки, не утешает, только терпит, потому что у нее нет другого выхода. И он решает оставить ей триста тысяч франков! Пусть по крайней мере без него будеть жить в полном достатке. Эти триста тысяч примирят ее с сестрами, их мужьями, которые так косятся на него.

Пять лет он выбивается из сил, чтобы платить страховые взносы. У роялистов много не урвешь... Он чувствует, что долго не выдержит. Бедняга! Он не вовремя родился в разорившейся семье, не вовремя продал свое имя, не вовремя встал на сторону роялистов, теряющих свои позиции. Даже не может вовремя умереть собственной смертью. А если покончит с собой — страховку не выплатят...

Между тем срок очередного платежа близок. Никакой надежды достать деньги! И все же он вновь обратился к тому, кто заграбастал его миллион. Безрезультатно!

У Галле рождается хитроумный замысел имитации убийства. Чтобы осуществить свой план, он взбирается на стену. Но неудача преследует его и тут: первая пуля лишь ранит его, второй он не дождался, так как механизм заело. Пришлось взяться за нож...

Мегрэ так сильно сжал свою трубку зубами, что она сломалась. Собеседник, избегая встретиться с ним взглядом, пробормотал:

— Все-таки он был вымогателем...

Комиссар с минуту молча смотрел на него, потом поднял руку. Владелец «маленького замка» съежился, ожидая удара. Его испуг как будто доставил удовлетворение комиссару, чья рука задержалась в воздухе, а потом похлопала мнимого Сент-Илера по плечу.

— Вы правы, это был вымогатель. А на вашей стороне давность, не так ли?

— Вы знаете законы лучше, чем я, но мне кажется...

— Ну да, конечно! Никакого преступления нет. Нет убийцы, сажать в тюрьму некого. Во всем виноват погибший... Но он благоразумно укрылся от правосудия под недорогим, но достаточно красивым могильным камнем на кладбище Сен-Фаржо... Дайте-ка огоньку! И не стесняйтесь больше пользоваться левой рукой!

Вдруг выражение лица Мегрэ резко изменилось.

— Катитесь отсюда!

— Но...

— Я сказал: проваливайте!

Сент-Илер медлил, не зная, как себя вести.

— Вы хватили через край, комиссар... Когда...

— Не в дверь, а в окно! Скатертью дорога! И заберите ключ!

— Когда вы успокоитесь, я постараюсь...

— Постарайтесь прислать мне ящик шипучего, которым угощали меня!

Шутит комиссар или говорит серьезно?

— У меня нет вашего адреса...

— Я вам его сообщу. Ну! Для своего возраста вы, оказывается, довольно проворны.

Мегрэ с силой захлопнул окно и остался один в комнате, ярко освещенной электрической лампочкой. Взяв фотографию Эмиля Галле, он положил ее в конверт, запечатал и надписал адрес его вдовы, затем направился к выходу.

Было около десяти часов. Парижане, приехавшие на собственной машине, шумели на террасе, включили музыку для танцев. Курортники, уже отправившиеся спать, выражали возмущение. Навстречу попался Тардивон.

— Что нового, комиссар?

— Будьте добры отправить мои вещи на вокзал.

— Вы уезжаете поездом в 23.32?

— Да.

Мегрэ пожал руку хозяину отеля и предоставил ему самому улаживать конфликт между старыми постояльцами и вновь прибывшими. В вагоне он забылся тяжелым сном.

* * *

— У тебя такой унылый вид, как будто ты был на похоронах! — заметила мадам Мегрэ.

Ее муж с удовольствием оглядел привычную обстановку.

— В сущности так оно и есть. Я предпочел бы иметь дело с настоящим убийством... Разбуди меня в одиннадцать, надо будет написать отчет.

Но заснуть ему не удалось. Мешали мысли о том, что написать в отчете. Всю правду? Тогда вдова Галле потеряет триста тысяч страховки, затеет, может быть, процесс против Сент-Илера. Суд потребует извлечь тело Эмиля Галле из могилы для повторного осмотра... «Нет уж, пусть лежит спокойно! Это все, что он хотел!» — решил комиссар.

И явившись с докладом к начальству, он, пожав плечами, сказал:

— Дело придется сдать в архив. Найти убийцу не удалось.

А про себя подумал: «По словам врача, Галле прожил бы не более трех лет... Значит, страховая компания потеряла шестьдесят тысяч франков. Но капитал-то у нее девяносто миллионов!»

ЖОРЖ СИМЕНОН (1903—1989). Этого писателя нет необходимости представлять советским читателям: его произведения широко переводятся и издаются в нашей стране. Однако включенная в данный сборник небольшая повесть «Смерть Эмиля Галле» публикуется впервые. Здесь поклонники прославленного комиссара Мегрэ получают возможность еще раз повстречаться с любимым героем.

Жорж Сименон родился в бельгийском городе Льеже, скончался в собственном доме в Швейцарии. Всемирную известность писателю принесла серия произведений, главное действующее лицо которых — комиссар парижской полиции Жюль Мегрэ. Литературная критика оценила эпопею о Мегрэ как своеобразный симбиоз традиций американского детектива и французского реализма.

Самым существенным вкладом Ж. Сименона в развитие жанра «полицейского детектива» принято считать очень живое, достоверное изображение повседневного, даже человеческого взаимодействия детектива и преступника. Полицейский комиссар Мегрэ вживается в каждую деталь расследуемого дела, его отношение

к происходящему можно определить знаменитым французским изречением: «tout comprendr, c'est tout pardonner» («все понять — значит все простить»).

Помимо серии о комиссаре Мегрэ перу Ж. Сименона принадлежит немало других литературных произведений, среди которых наиболее известны: «Роман машинистки» (1924), «Питер-латыш» (1931), «Семейные мемуары» (1981) и др. Творчество Ж. Сименона всегда порождало между критиками споры: является ли оно лишь данью жанру детектива или же его следует отнести к так называемой «серьезной литературе»? Как бы там ни было, десятки миллионов читателей во всем мире по-прежнему отдают свою любовь и внимание комиссару Мегрэ и замечательному писателю, создавшему этого симпатичного героя.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАКОЙ НЕНАДЕЖНЫЙ МИР

Сборник зарубежных детективов

Составитель *Л. Ф. Корнеева*
Редакторы *А. С. Белоконь, Н. М. Мышковская*
Художник *Л. Х. Насыров*
Технический редактор *Н. Н. Калиничева*
Корректоры *Е. Ишаева, Л. В. Шаховская*

Сдано в набор 15.03.91. Подписано в печать 16.08.91. Формат 84 х 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Универс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 22,83. Усл. кр.-отт. 23,52. Тираж 200 000 экз. Заказ № 1828. Цена 8 р. 50 к.

Издательство «Новгородская правда»,
173001, г. Новгород, ул. Лермонтова, 27
МП Производственно-творческое объединение «Скит»
173001, г. Новгород, ул. Ленина, 4

Набрано и отпечатано в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская ул., 16.

СЕРИЯ

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ — ДЕТЕКТИВ — ФАНТАСТИКА»

Выпуском трех сборников зарубежных детективов — **«Головоломка»** (25 л., цена 5. р. 90 к.), **«Если бы смерть спала»** (26 л, цена 7 р. 50 к.) и **«Женщина в озере»** (26 л., цена 8 р.) — в 1990 г. начата публикация серии иллюстрированных изданий «Приключения — Детектив — Фантастика». Они подготавливаются к выпуску коллегией составителей при МП Производственно-творческое объединение «СКИТ» (г. Новгород).

В первом из названных сборников помещены остросюжетные произведения таких прославленных мастеров этого жанра, как *Ник Кварри* (США) «В «Опиумном кольце», *Эд Макбейн* (США) «Головоломка» и *Дик Френсис* (Англия) «Последний барьер».

Во втором сборнике опубликованы *Рэкс Стаут* (США) «Усопший Цезарь» и «Если бы смерть спала», *Агата Кристи* (Англия) «Почему не позвали Эванс?».

В третьем сборнике опубликованы *Рэймонд Чандлер* (США) «Женщина в озере», *Рекс Стаут* «Слишком много клиентов» и *Эд Макбейн* (США) «Вдова Додж».

На 1991 год подготовлены к публикации сборники:

«Заговор» «ОДЕССЫ» (26 л.)

В составе сборника: Фредерик Форсайт (Англия) «Заговор «ОДЕССЫ», Дик Френсис (Англия) «Подлость».

«Такой ненадежный мир» (25 л.)

В составе сборника: Рэймонд Чандлер (США) «Сестричка», Шарлотта Армстронг (США) «Такой ненадежный мир», Жорж Сименон (Франция) «Смерть Эмиля Галле».

«Дорогой, это смерть» (25 л.)

В составе сборника: Ричард Скотт Партер (США) «Дорогой, это смерть», Ньейо Марш (Англия) «Пение под покровом ночи», фантастика — Рон Гуларт (США) «Дар быть невидимым».

Книгой неоднократного чемпиона мира по плаванию Владимира Сальникова, написанной в сотрудничестве с журналистом Александром Елисейкиным **«Меня называли «Монстр в воде»** (10 л.), открывается серия «Человек — частица Вселенной».

В 1992 — 1993 гг. коллегия составителей намерена продолжить публикацию включенных в серию книг по три названия ежегодно. В новые сборники войдут ранее не публиковавшиеся произведения уже упомянутых выше авторов, а также работы таких признанных во всем мире писателей, как Дж. Х. Чейз, Г. Гаррисон, Р. Шекли, Г. Каттнер, П. Андерсон и других.

ЗАКАЗЫВАЙТЕ И ЧИТАЙТЕ
СБОРНИКИ СЕРИИ
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ — ДЕТЕКТИВ — ФАНТАСТИКА»

ВНИМАНИЮ КНИГОТОРГОВЫХ ФИРМ И ДРУГИХ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Предварительные заказы на коллективный заявки на намеченные к выпуску в 1991 — 1993 гг. сборники серии «Приключения — Детектив — Фантастика» просьба направлять по адресу:
173001, г. Новгород, ул. Ленина, д. 4. МП ПТО «СКИТ», отдел распределения.

Возможна допечатка тиражей ранее выпущенных сборников зарубежных детективов при размерах заказа не менее 50 тысяч экземпляров.

Условия распространения — на договорной основе.

Уважаемые товарищи!

Ввиду малочисленного состава организации МП ПТО «СКИТ» не имеет возможности высылать желающим книги в единичном экземпляре.

В сборнике представлены произведения двух выдающихся американских мастеров остросюжетного жанра — Шарлотты Армстронг и Рэймонда Чандлера, а также небольшая повесть признанного мэтра европейского детектива Жоржа Сименона.

В романе Р. Чандлера частный детектив Филип Марлоу, пытаясь выяснить судьбу затерявшегося в Калифорнии приезжего из Канзаса, невольно включается в расследование целого ряда преступлений.

Герою романа Ш. Армстронг хроникеру уголовного мира Сэму Линчу случайно становится известен замысел похищения гангстерами дочери богатого фабриканта печенья Сэлсбери. Линч пытается предупредить ее родных, но наталкивается на непреодолимое препятствие: он не в силах найти общий язык с отцом и женихом молодой женщины. Скованные стереотипами «высшего общества», они не верят журналисту. Отчаянная попытка Линча спасти девушку приводит его самого к смертельному столкновению с гангстерами.

Ранее не публиковавшаяся у нас повесть Ж. Сименона позволит почитателям знаменитого комиссара Мегрэ снова встретиться с любимым героем. Расследуя загадочное убийство провинциального коммивояжера, Мегрэ проявляет лучшие свои качества — проницательность и человечность. А за банальными, казалось бы, мотивами повседневных событий выявляются низменные человеческие страсти.

Часть средств от реализации книг этой серии переводится детским домам и больницам, центрам реабилитации воинов-афганцев и по другим адресам нуждающихся в помощи.

8 р. 50 к.